

Классическое наследие

Ирина Савельева
Андрей Полетаев

СЕРИЯ
СОЦИАЛЬНАЯ
ТЕОРИЯ
ВЫСШАЯ
ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

ИРИНА САВЕЛЬЕВА
АНДРЕЙ ПОЛЕТАЕВ

*Издательский дом
Государственного университета — Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2010

УДК 001.8
ББК 72.3
С12

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 08-03-00407а «Рождение классики», и Программы «Научный фонд Государственного университета — Высшей школы экономики», индивидуальный исследовательский проект 09-01-0058 «Роль научных авторитетов в образовательном и исследовательском процессе в социальных науках».

Составитель серии и научный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайнер серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Рецензенты:
доктор исторических наук
И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ;
доктор социологических наук, профессор
А.И. ЧЕРНЫХ

Савельева, И. М., Полетаев, А. В.

С12 Классическое наследие [Текст] / Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — 336 с. — (Социальная теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0724-7 (в пер.).

В монографии представлен науковедческий, социологический, библиометрический и семиотический анализ статуса классики в общественных науках XX века — экономике, социологии, психологии и истории. Синтез этих подходов позволяет авторам исследовать широкий круг проблем, связанных с изучением и использованием классического наследия. В книге подробно анализируются изменения состава классики; ее содержательные параметры; трансформация корпуса классики в связи с ростом научного знания и быстрым увеличением числа отдельных субдисциплин, направлений, исследовательских областей; роль и функции классики в высшем образовании и в исследовательском процессе.

Согласно авторской концепции, хотя «классика» теряет статус превосходства над современностью, взамен она приобретает статус «фундамента» настоящего, оказываясь, по сути, частью «современности» в широком смысле и оставаясь востребованной наряду с более поздними научными идеями, концепциями и теориями.

УДК 001.8
ББК 72.3

ISBN 978-5-7598-0724-7

© Савельева И.М., Полетаев А.В., 2010
© Оформление. Издательский дом
Государственного университета —
Высшей школы экономики, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	7
ПОНЯТИЕ КЛАССИКИ	9
ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ.....	29
ВСТУПЛЕНИЕ.....	31
КОРПУС КЛАССИКИ	38
I. Классика и история науки.....	38
II. Формирование списков	49
ХАРАКТЕРИСТИКИ КЛАССИКИ.....	64
I. Параметры.....	64
II. Функции	77
ИЗУЧЕНИЕ В «КЛАССАХ»	87
I. Знакомство с классиками	87
II. Чтение и научение	102
ЛЮДИ, ГОДЫ, КНИГИ	112
I. Синхронистический анализ	122
II. Диахронистический анализ.....	142
III. Функции ссылок	156
ЭПИЗОД ВТОРОЙ. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ	165
ВСТУПЛЕНИЕ.....	167
КЛАССИКИ В ИСТОРИОГРАФИИ: СВОИ И ЧУЖИЕ	171
I. История как «естественная» наука	172
II. История как «не естественная» наука	180
III. История как «противоестественная» наука.....	191
IV. Как это бывает «на самом деле», или «Дело Шартье» ...	198

СОДЕРЖАНИЕ

КЛАССИКИ РОМАНТИЗМА:	
«ИСТОРИЧЕСКИЙ» ПАРАДОКС	205
I. Дух романтизма	206
II. Роман с историей	213
III. Плоды романтизма	229
«НЕМЕЦКОЕ СЧАСТЬЕ»	
ИОГАННА ГУСТАВА ДРОЙЗЕНА	243
I. Три проекта	245
II. «Историка»	259
ЭПИЛОГ	275
МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ПРОБЛЕМА КЛАССИКИ ..	277
Литература	297

Об авторах

Савельева Ирина Максимовна, доктор исторических наук, ординарный профессор Государственного университета — Высшей школы экономики, директор Института гуманитарных историко-теоретических исследований Государственного университета — Высшей школы экономики.

Полетаев Андрей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института гуманитарных историко-теоретических исследований ГУ ВШЭ, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН.

ПРОЛОГ

Понятие классики

Новые книги воскрешают и подновляют старые идеи, старые книги предлагают новые идеи и вдохновляют на их создание.

Эдвард Бульвер-Литтон. Заметки о культуре мышления // Какстониана, 1864

Слово «классик», как известно, восходит к существовавшему в Древнем Риме делению граждан на шесть групп по имущественному признаку, в соответствии с которым формировались так называемые центуриатные комиции. Первые пять групп именовались «классами», а члены первой, наиболее состоятельной группы — «классиками» (*лат. classici*). Шестая группа (неимущие) назывались «пролетариями» (отсюда — «деклассированные граждане»). В переносном смысле (применительно к философам и писателям) эти градации использовали в I в. до н. э. Цицерон, во II в. н. э. (согласно Авлу Геллию) — римский грамматик и ритор Марк Корнелий Фронтон¹.

После длительного перерыва метафоры «классик», «классика», «классический» снова появляются лишь в конце XV в. в Италии (у Филиппо Бериальдо Старшего); во французском языке они впервые зафиксированы в 1548 г., в английском — в 1599 г.² Только в XVII в. эти метафоры получают относительно широкое распространение, и тогда же понятие «классика» начинает использоваться в том числе и для обозначения античных текстов. Одновременно возникает термин «класс» в значении учебной группы (т.е. исходно «учебный класс» — это группа, которая изучает «классику», а не наоборот, как обычно принято считать).

В современном употреблении понятие «классика» имеет два основных значения: объект (изучения и «потребления») и часть знания. Как объект классика существует в гуманитарных дисциплинах: прежде всего в филологии, лингвистике и искусствоведении, отчасти в философии и истории. Как часть социального запаса знания «классика» фигурирует в нескольких формах знания — естественных, социальных и гуманитарных науках, в философии и идеологии.

¹ Авл Геллий. Аттические ночи, XIX, 8, 15.

² Luck, 1958; Porter, 2005, p. 10–12.

а) *Классика как объект*

Возникновение понятия «классика» в эпоху Возрождения исходно оказалось связанным с «античностью» (древнегреческой и римской культурой), и эта связь была селективной. «Классику», т.е. образцовые тексты, искали среди произведений античных авторов, но далеко не все произведения считались образцовыми (относительно качества большинства из них между «гуманистами» шли ожесточенные дискуссии).

Связка «классика — античность» приобретает всеобъемлющий характер во второй половине XVIII — начале XIX в. В этот период интерес к греко-римской «античности» становится в некотором смысле массовым и выходит за рамки узкого круга любителей старины³. «Массовизация» интереса к античности отразилась прежде всего в изобразительном искусстве, архитектуре и литературе, благодаря чему этот стилиевой период в развитии европейской культуры позднее получил название «классицизм». (Во Франции первая волна увлечения и подражания «классическим» античным образцам возникла уже в XVII в., поэтому второй всплеск здесь, в отличие от других европейских стран, обычно именуется «неоклассицизмом».)

Одновременно с «массовизацией» интереса к античному искусству изучение греко-римской «античности» приобретает академические формы и становится основой всей гуманитаристики, а то и всего университетского, и отчасти школьного, образования.

Но уже в первой половине XIX в. связка «классика — античность» как синонимичных понятий начинает постепенно ослабевать. В XIX в. она еще сохранялась на уровне распространенных тогда понятий «классическое образование», «классический университет» и «классическая гимназия/лицей», подразумевавших обязательное изучение «классики», т.е. древнегреческого и латинского языка и литературы (а в России и некоторых других странах термин «классическая гимназия» был закреплен даже на институциональном уровне). Но к настоящему времени «классика» как синоним всей греко-римской античности в чистом виде сохранилась только в «классической филологии». Здесь все античные авторы продолжают именоваться «классиками», вся античная

³ Всеобщий интерес к античному искусству и к античности в целом в значительной мере был стимулирован Иоганном Иоахимом Винкельманом (1717–1768), и особенно его работой «История искусства древности (античности)» (*Geschichte der Kunst des Altertums*, 1764), переведенной на французский язык уже в 1766 г.

литература считается «классикой», ее изучение обозначается как «классические исследования» (classic studies), соответственно сохраняются «классические отделения» (кафедры) в университетах (а на профессиональном жаргоне специалисты по античной литературе также именуется «классиками» или «классицистами»).

Если оставить в стороне этот реликт, являющийся данью традиции, во всех остальных областях представления о классике активно развивались и модифицировались. Развитие понятий «классика» и «классический» как *объектов* в XVIII–XX вв. шло по нескольким направлениям. Уже в начале XIX в. происходит сужение концепции «классической античности» до двух более ограниченных и однородных периодов: V–IV вв. до н. э. в Греции и I в. до н. э. в Риме (иногда этот классический римский «золотой век» продлевается за счет «серебряного века» — I–II вв. н. э.). В соответствии с этой периодизацией в истории начинают использоваться понятия «классическая Греция», в философии — «классическая [греческая] философия», в филологии и лингвистике — «классический греческий» и «классическая латынь», соотносящиеся с указанными периодами.

Впоследствии в филологии и лингвистике наряду с сохраняющимся именованием «классикой» всех античных (греко-римских) текстов возникают более специальные значения «классического языка» и «классической литературы». По образцу «классического греческого» (аттический диалект V–IV вв. до н. э.) и «классической латыни» (I в. до н. э.) формируются понятия «классических» иврита (VII–VI вв. до н. э.), санскрита (IV в. до н. э.), китайского (V в. до н. э. — II в. н. э.), арабского (VII в.), японского (X–XII вв.) и т. д. Как можно заметить, начало периодов существования «классических» языков совпадает с датировкой первых дошедших до наших дней сколько-нибудь значительных корпусов письменных текстов, будь то Тора, трагедии Эсхила, Софокла и Еврипида, «пять классических работ», по преданию отредактированных Конфуцием, или Коран. Как правило, «классические языки», на которых были написаны «классические тексты», уже не существуют в исходном виде, но в большинстве случаев в современных языках можно обнаружить их более или менее заметные следы.

Если в филологии и лингвистике понятие «классика» расширялось путем включения все новых культур (языков и литератур), в искусствоведении оно модифицировалось за счет изменения хронологических рамок.

Прежде всего, речь идет о «классике» («классицизме») как определенном стиле в искусстве, в той или иной мере связанном с «классическими» античными образцами. Все началось с введения в ранг «классиков», сравнимых с античными авторами, французских писателей XVII в. По сути, это было сделано уже в поэме Шарля Перро «Век Людовика Великого» (1687), с которой начался так называемый «Спор о древних и новых», но собственно термин «классика» по отношению к французским писателям XVII в. впервые использовал Вольтер в работе «Век Людовика XIV» (1751). Спустя несколько лет это представление о «новых классиках» было закреплено в третьем томе «Энциклопедии» Дени Дидро и Жана д'Аламбера, где «классики» определялись как античные писатели, а также как «хорошие авторы века Людовика XIV и этого [XVIII] века»⁴.

Термин «классицизм», равно как и отождествление «классицизма» и «классики», распространяется лишь в первой половине XIX в. в рамках противопоставления «классика/классицизм — романтизм». Не последнюю роль в этом сыграли мадам де Сталь и Стендаль, которые пренебрежительно именовали старых французских писателей «классицистами», но в итоге лишь способствовали утверждению представлений о французской литературе XVII в. как «классической», а сами эти писатели образовали пантеон классиков. Тогда же, в первой половине XIX в., и в том же контексте противопоставления «классики» и «романтизма» начинают использоваться понятия «классическая живопись» и «классическая музыка».

Окончательно эти представления оформляются в конце XIX — начале XX в., когда «классический» стиль/период стал определяться как стиль, существовавший после барокко (включая рококо, маньеризм и т.д.) и перед романтизмом (здесь опять же есть проблемы с Францией, где не было такой жесткой последовательности в смене стилей). Эта периодизация возникла в первую очередь благодаря работам ученика Якоба Буркхардта Генриха Вёльфлина «Ренессанс и барокко» (*Renaissance und Barock*, 1888), «Классическое искусство» (*Die Klassische Kunst*, 1898) и «Принципы истории искусства» (*Kunstgeschichtliche Grundbegriffe*, 1915) и отчасти сохраняется в искусствоведении по сей день.

Наконец, с середины XX в. границы «классики» в искусстве существенно раздвигаются — особенно в живописи, музыке,

⁴ Цит. по: *Hartog*, 2009, p. 969.

балете, охватывая период XVII–XIX вв., а в музыке — начиная со Средневековья. В этих случаях «классическое» выступает, с одной стороны, как синоним «академического», с другой — противопоставляется «современному», или «модерному» (modern). При этом современные произведения также могут характеризоваться как классические, если они соответствуют стилю «классического» периода (современная классическая музыка, современный классический балет и т.д.).

Самым неопределенным в результате оказался термин «классическая литература». Он может относиться и к античной (греко-римской) литературе в целом, и к литературе периодов существования «классического языка» в разных культурах (в том числе в Древней Греции и Риме), и к «классической» («классицистской») литературе Нового времени, и, наконец, к сочинениям основоположников национальных литератур на современных европейских языках. Такая неопределенность или, точнее, множественность смыслов термина «классика» как обозначения объекта филологии отчасти обусловлена некоторыми историческими традициями, а отчасти — двойственным положением самой филологии, которая выступает и как исследование любых литературных текстов, и как разновидность искусствоведения, в которой объектом изучения является «художественная» литература.

б) Классика как знание

Наряду с модификацией смыслов термина «классика» как обозначения объекта, с середины XIX в. появляется его принципиально новое значение — классика как часть знания.

Одним из первых в этой связи, по-видимому, следует назвать Карла Маркса, который ввел понятие «классическая буржуазная политическая экономия» (в опубликованном в 1847 г. на французском языке сочинении «Нищета философии» и в ряде последующих работ). По Марксу, «классическая буржуазная политическая экономия» начиналась с Уильяма Петти (1623–1687) и заканчивалась Жан-Шарлем Сисмонди (1773–1842), т.е. охватывала экономические труды второй половины XVII — начала XIX в. «Классической буржуазной» политэкономии Маркс противопоставлял «вульгарную буржуазную» (которая возникла, по его мнению, после Рикардо и Сисмонди) и «научную», т.е. свою собственную.

Впоследствии предложенное Марксом понятие существенно модифицировалось — изменились название, период и состав авторов. В современной литературе используется термин «классическая экономическая теория» (classical economics), которая охватывает период с конца XVIII в., т.е. от Адама Смита (1723–1790), до второй трети XIX в., завершаясь работами Джона Стюарта Милля (1806–1873) и, по иронии судьбы, самого Маркса (1818–1883). Тем не менее последнего, с некоторыми оговорками, можно считать не только одним из представителей «экономической классики», но и автором соответствующего термина.

С конца XIX в. понятие «классика» начинает применяться для характеристики самых разных типов знания. Так, в 1888 г. была опубликована работа Фридриха Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». Определял Энгельс эту «классику» весьма расплывчато, как «всё философское движение со времени Канта» до «гегелевской философии»⁵, но при этом выразил идею «классичности» немецкой философии Нового времени, которая в Германии в это время носилась в воздухе. Примерно в те же годы Вильгельм Виндельбанд в «Учебнике истории философии» (1892) писал:

«Счастлирое соединение многообразных духовных движений произвело в конце XVIII — начале XIX в. в Германии расцвет философии, сравнимый в истории европейского мышления только с великим развитием греческой философии от Сократа до Аристотеля»⁶.

Конечно, Энгельс, говоря о «классической немецкой философии», руководствовался не столь высокими образами, а прежде всего политическими интересами, что наглядно отражается в последних строках его работы:

«[В Германии] вместе с классической философией совсем исчез старый дух ни перед чем не останавливающегося теоретического исследования... И только в среде рабочего класса продолжает жить, не зачахнув, немецкий интерес к теории. Здесь уже его ничем не вытравить... Немецкое рабочее движение является наследником немецкой классической философии»⁷.

⁵ Энгельс, 1970 [1888], с. 7.

⁶ Цит. по: Резвых, 2009, с. 420, сн. 1.

⁷ Энгельс, 1970 [1888], с. 55.

Тем не менее этот термин используется по сей день (также — в варианте «классический немецкий идеализм»), но при этом он не стал «каноническим» и общеупотребительным. Обычно считается, что это было обусловлено отсутствием концептуальной целостности (точнее, разнородностью) объединяемых этим термином работ и их авторов. Но есть и другие причины. Изначально предложенное Энгельсом понятие имело отчетливо национальный характер, и для его генерализации пришлось бы изобрести «классическую французскую философию», «классическую английскую философию» и т.д. Но философия хотя и имеет национальную специфику (школы, традиции и прочее), является всё же более интернациональной формой культуры, чем литература. Кроме того, несмотря на появление выдающихся философов Нового времени, статус «классиков» сохранили и античные философы, прежде всего Платон и Аристотель. В результате термины «классика» и «классический» применительно к философии Нового времени скорее используются для характеристики отдельных философов и их работ, чем некоей совокупности трудов, написанных в определенный исторический период.

В последней четверти XIX в. Чезаре Ломброзо (1835–1909) ввел понятие «классическая школа в криминологии» (в русской литературе она именуется «классическая школа уголовного права»). Этим наименованием он обозначил подход к проблемам происхождения преступности и борьбы с ней, предложенный во второй половине XVIII — начале XIX в. в работах итальянца Чезаре Беккариа (1738–1794), англичанина Джереми (Иеремии) Бентама (1748–1832) и немца Пауля Йоханна Ансельма фон Фейербаха (1775–1833). Если Ломброзо и его последователи выдвигали на первый план характеристики личности преступника, прежде всего наследственные наклонности, то представители «классической школы» при трактовке «преступлений и наказаний» (название трактата Беккариа «*Dei delitti e delle pene*», 1764) исходили из постулата о свободе воли и рациональном выборе каждого субъекта. При этом на самом деле правоведы «классической школы» никакой школы не образовывали, в отличие от «позитивной школы» самого Ломброзо (в современной литературе она также именуется «позитивистской» и «антропологической»), но термин прижился и используется в криминологии, а также в экономической теории рационального выбора, по сей день.

В первой трети XX в. появляется понятие «классический либерализм». Точное авторство этого термина нам установить не

удалось, но, по-видимому, он впервые был использован кем-то из представителей «нового», или «социального», либерализма — Луйо Брентано (1844–1931) в Германии или англичанами Джоном Хобсоном (Гобсоном) (1858–1940) или Леонардом Хобхаусом (1864–1929)⁸.

Под «классическим либерализмом» обычно понимается набор идей, пропагандирующих индивидуализм, развитие политических и экономических свобод и необходимость ограничения государственного вмешательства в жизнь общества. Такого рода идеи обычно обнаруживают в трудах Джона Локка (1632–1704), Дэвида Юма (1711–1776) и Адама Смита (1723–1790) в Англии, Шарль-Луи де Монтескьё (1694–1778), Вольтера (1694–1778) и Жан-Жака Руссо (1712–1778) во Франции, а также Бенджамин Франклина (1706–1790) и Томаса Джефферсона (1743–1826) в Америке. Первым сочинением, в котором были сформулированы либеральные принципы, обычно считается «Два трактата о правлении» Джона Локка (*Two Treatises of Government*, 1689), а завершение «классического периода», судя по набору имен, датируется концом XVIII в. (хотя сам термин «либерализм» возник только в начале XIX в.). Впрочем, иногда «классический» период продлевается и на значительную часть XIX в., вплоть до работ Джона С. Милля (1806–1873).

После Второй мировой войны появляется и понятие «классический республиканизм», связанное с идеей преимущества республиканской (демократической) формы правления. Автором термина был не политолог, а американский специалист по истории английской литературы Зера Финк, занимавшийся, в частности, творчеством Джона Мильтона (1608–1674) и опубликовавший в 1945 г. книгу «Классические республиканцы» (*The Classical Republicans: An Essay in the Recovery of a Pattern of Thought in Seventeenth Century England*, 1945). Впрочем, понятие «классический республиканизм» не получило столь же широко-

⁸ Вопреки утверждениям либертарианцев, ни Людвиг фон Мизес, ни Фридрих фон Хайек не являются авторами данного термина. У Мизеса он используется в английском переводе его книги «Либерализм», опубликованном в 1962 г. (гл. IV «Либерализм и политические партии, п. 1 «Доктринерство» либералов»), но в немецком издании 1927 г. он еще отсутствовал (ср.: URL: <http://mises.org/liberal/ch4sec1.asp> и http://docs.mises.de/Mises/Mises_Liberalismus.pdf). Не использовался этот термин и Фридрихом фон Хайеком в его книге «Дорога к рабству» (*The Road to Serfdom*, 1944).

го распространения, как «классический либерализм». С одной стороны, его приходится дополнять уточнением «классический республиканизм раннего Нового времени», чтобы не смешивать с классическим античным республиканизмом, с другой — идеи Мильтона поневоле соотносятся с практикой периода правления Кромвеля, которая вряд ли может служить образцом республиканского политического устройства.

Экспансия понятия «классика» в значении знания затронула и естественные науки. После появления работ Макса Планка по квантовой теории (1900–1901 гг.) и Альберта Эйнштейна по специальной (1905 г.) и общей (1915–1916 гг.) теории относительности в первой трети XX в. возникает понятие «классическая физика». При этом теория относительности может рассматриваться и как часть «неклассической», и как часть «классической» физики (если «классическая» физика противопоставляется квантовой). Одновременно в физике выделяются отдельные «классические» направления: «классическая механика», основанная Галилео Галилеем (1564–1642) и Исааком Ньютоном (1642–1727) и формализованная Жозефом Лагранжем (1736–1813) и Уильямом Гамильтоном (1805–1865); «классическая термодинамика», восходящая к трудам Эдма Мариотта (1620–1684) и Роберта Бойля (1627–1691) и разработанная Сади Карно (1796–1832), Джеймсом Джоулем (1818–1889), Рудольфом Клаузиусом (1822–1888) и Уильямом Томсоном (бароном Кельвином) (1824–1907)⁹; «классическая электродинамика», формализованная Джеймсом Максвеллом (1831–1879) и Хендриком Лоренцом (1853–1928).

Сходные попытки выделения «классики» предпринимались и в других естественных науках. Так, в биологии в 1930-е годы начало развиваться принципиально новое направление — молекулярная биология. Сам термин «молекулярная биология» был предложен в 1938 г. американцем Уорреном Уивером, но распространение он получил лишь в 1950-е годы. А в начале 1960-х годов в качестве противопоставления этому новому направлению появилось понятие «классическая биология»¹⁰. Ныне этот термин продолжает использоваться, но все же чаще немолекулярная биология именуется не «классической», а «общей» (*general*

⁹ В частности, Джоуль придумал сам термин «термодинамика», а Клаузиус ввел понятие «энтропия», ныне пользующееся популярностью и у гуманитариев.

¹⁰ См., например: *Astbury*, 1961; *Lewontin*, 1964.

biology)¹¹. Время от времени предпринимаются и попытки ввести понятие «классическая химия»¹², но они, насколько нам известно, пока тоже оказываются не очень успешными.

в) Смыслы новых значений

Все эти новые смыслы понятия «классика» (как в значении объекта, так и части знания), возникшие во второй половине XIX — первой половине XX в., имеют некоторые общие черты.

В этих новых концепциях «классика» утрачивает приписывавшийся ей статус превосходства над современностью. Поэтому часто цитируемое в социологической литературе определение Джеффри Александера:

«Классикой являются созданные ранее работы, которым придается привилегированный статус *vis-à-vis* современным исследованиям в той же области. Концепция привилегированного статуса означает, что современные представители той или иной дисциплины считают, что из такой более ранней работы они могут узнать о своей области не меньше, чем из работ своих современников»¹³,

выглядит абсолютно архаичным и в лучшем случае соответствует представлениям эпохи Ренессанса или раннего Нового времени. Ни «классическая школа в криминологии», ни «классический либерализм», ни «классическая термодинамика» не рассматриваются как «обладающие привилегированным статусом» по отношению к современным теориям преступности, либерализма или к квантовой физике, точно так же, как не обладает им «классический санскрит» по отношению к хинди или «классическая живопись» по отношению к современной. Если же это утверждение Александера относится исключительно к социологии, то можно предположить, что с этой дисциплиной что-то не в порядке...

На самом деле даже «классическая Греция» давно потеряла свой статус абсолютной «вершины» в развитии европейской цивилизации, и начало этому низведению положил еще Иоганн Дройзен. Создав в первой половине XIX в. концепцию «эллинизма» как

¹¹ Например, поисковая система Google обнаруживает в Интернете 862 тыс. страниц с термином «general biology» и менее 5 тыс. страниц с термином «classical biology» (дата обращения: 19.08.2009).

¹² См., например: Bradley, 1955; Sjöström, 2006.

¹³ Alexander, 1987, p. 11–12.

следующей за «классической Грецией» исторической эпохи, он подчеркивал при этом, что «эллинистическую» эпоху в истории античности (III–I вв. до н. э.) нельзя рассматривать как период упадка после «классического» периода (V–IV вв. до н. э.).

«Нас по всей справедливости изумляет художественное величие древней Греции; однако эстетическая и даже педагогическая точки зрения вытеснили археологию с ее исторической почвы: вместо того, чтобы представить себе классическую эпоху во всех действительных ее проявлениях, мы привыкли созерцать ее лишь при ярком свете идеальнейших состояний... В таком случае, конечно, и не стоит простираť исследование далее исхода “классического” периода; следующие затем непоэтические, трезвые, ученые времена едва достаиваются внимания...

Мы не намерены приукрасить эпоху эллинизма неподобающими ей свойствами... однако отсутствие симпатии, наброшенная пристрастными авторами гнусная тень чересчур уже омрачили память об этой эпохе, об этой наследнице великих достижений, носительнице еще более великих задач»¹⁴ (курсив наш. — И. С., А. П.).

Но хотя «классика» теряет статус превосходства над современностью, взамен она приобретает статус «начала», «основы», «фундамента» настоящего (современности). Более того, «классика», по сути, оказывается частью настоящего, или «современности» в широком смысле. Согласно актуальным представлениям, истоки современной европейской культуры лежат в «классической Греции», ее искусстве, философии и даже политическом устройстве; современная физика начинается с «классической механики»; современная экономическая наука — с «классической экономической теории» и т.д. Даже «классические языки» продолжают в той или иной мере присутствовать в языках современных, и значительная часть усилий лингвистов направлена на изучение преемственности и изменчивости живых языков по отношению к «классике».

По существу, возникает новая темпоральная картина развития культуры и форм знания — «классика», «классические периоды» становятся связующим звеном между прошлым и настоящим. «Абсолютным прошлым» в рамках этой системы является то, что было до «классики» (это «абсолютное прошлое» часто именуется «архаикой»). «Классика» же предстает «относительным прошлым», которое в значительной мере принадлежит настоящему

¹⁴ Дройзен. История эллинизма, 2002 [1883–1885/1833–1843], т. III, с. 259.

и является его «началом». В настоящем продолжают существовать классическая музыка и классический балет, а классический либерализм и классическая механика соответственно являются частью современной политической и физической теории.

Классикой оказывается та часть прошлых достижений культуры, которая сохраняет свою актуальность в настоящем и продолжает существовать и оставаться востребованной наряду с более поздними произведениями искусства, философскими и политическими идеями, научными концепциями и теориями.

Переосмысление классики как «актуального прошлого» (будь то объект или часть знания) обусловило значительную вариативность этого понятия.

Во-первых, возникла возможность изменения состава классики, ее содержательных и хронологических рамок. Один из наглядных примеров — «классическая экономическая теория», о которой уже говорилось выше. Другой не менее наглядный пример дает социология, где труды бывших классиков — Огюста Конта (1798–1857) во Франции, Герберта Спенсера (1820–1903) в Англии, Уильяма Самнера (1840–1910) в США и прочих представителей позитивизма — перешли в разряд «архаики», а на место классиков выдвинулись другие исследователи, которые принадлежали к следующему поколению ученых. Речь идет о социологах, родившихся между 1858 и 1864 гг., которые на протяжении XX в. (или хотя бы в отдельные его десятилетия) входили в число классиков: Эмиль Дюркгейм (1858–1917), Георг Зиммель (1858–1918), Джордж Мид (1863–1931), Макс Вебер (1864–1920), Чарлз Кули (1864–1929), Леонард Хобхаус (1864–1929), Роберт Парк (1864–1944).

В то же время корпус и хронологические границы классики могут оставаться относительно неизменными в течение многих десятилетий, как это видно на примере «классической школы криминологии», «классического либерализма» или «классической термодинамики».

Во-вторых, новое понимание классики открывает возможность для отказа от поисков концептуальной целостности и связанности классики. Надо заметить, что стилевая или концептуальная целостность «классики» в большинстве случаев изначально была проблематичной, велась ли речь о «классической Греции» или «классическом немецком идеализме», — объединение скорее шло по принципу единства «времени и места», чем по содержательным признакам. Если же некая концептуальная целостность

обнаруживается и сохраняется, то при этом могут необычайно раздвигаться временные и пространственные границы «классики», как, например, в случае с «классической механикой».

В последние десятилетия тенденция к отказу от целостности как основополагающей характеристики той или иной области «классики» еще больше усилилась, как применительно к классике-знанию, так и по отношению к классике-объекту, — достаточно вспомнить современные расширительные трактовки «классической музыки» или «классического балета»¹⁵. Еще более разнородным образованием предстает классика в тех областях гуманитарного и социального знания, где она выступает не в качестве объекта изучения (концептуализации), а в качестве части самого знания. Внешне ситуация выглядит таким образом, что понятием «классика» объединяется какой-то перечень относительно старых работ и их авторов, заложивших основы современной науки и при этом сохраняющих (хотя бы отчасти) свою актуальность. В таком расширительном смысле «классика» предстает как «сад краеугольных камней», «созерцание» (изучение) которых доставляет, с одной стороны, эстетическое наслаждение, с другой — способствует «просветлению духа» (читай — разума).

На наш взгляд, пестрота и несвязанность трудов и авторов, относимых к классике в каждой дисциплине, обусловлена во многом ростом научного знания и быстрым увеличением числа отдельных субдисциплин, направлений, исследовательских областей и т.д. В целом ряде областей знания эта ситуация получила формальное разрешение, когда наборы классических работ, авторов, теорий или текстов формируются не для какой-то области знания или научной дисциплины в целом, а для отдельных направлений. В качестве наиболее очевидных примеров можно привести «классические языки» и «классические литературы» в лингвистике, где «классики» формируется по языковому принципу, или отдельные направления в не-квантовой физике

¹⁵ Ср.: «Классический балет — балет, в котором движения основаны на традиционной технике, восходящей к французскому придворному балету XVII–XVIII вв., итальянским школам XIX в. и императорским академиям балета в Санкт-Петербурге и Москве... в которых форма или линии движений преобладают над драматическим или эмоциональным содержанием» (Wilson, 1957, p. 75; цит. по: Oxford English Dictionary Online).

(механике, термодинамике, электродинамике). По сути, к подобным попыткам выделения классики в более узких областях можно отнести «классическую школу криминологии» (как одну из частей юриспруденции) или «классический либерализм» (как одну из политических доктрин или идеологий). В качестве дополнительного варианта «сужения» области, в которой выделяется «классика», может использоваться и страновой принцип, например, в искусствоведении (хотя в других областях знания «страновое» деление обычно работает хуже — ср. обсуждавшийся выше пример «классической немецкой философии»).

Так или иначе, хотя формально лишь некоторые направления в отдельных областях знания имеют утвердившийся корпус собственной «классики», по существу, своя классика есть едва ли не в каждом направлении в рамках конкретных форм знания или научных дисциплин. Своя классика есть в психоанализе и бихевиоризме в психологии, в теории общего равновесия и в новом институционализме в экономике, в субъективном идеализме и философии культуры, и т.д. и т.п. В одной из последующих глав мы покажем, что классика может образовываться и на уровне еще более мелких научных направлений. В результате некий «общедисциплинарный» набор классики оказывается своего рода фикцией — во-первых, в отношении такого набора отсутствует консенсус; во-вторых, даже если его удастся каким-то образом сформировать, он обычно выглядит как совершенно случайный перечень имен и работ, не связанных между собой ни тематически, ни хронологически. Но в каждой отдельной научной специальности, идейном течении, философском направлении и т.д. существует своя классика — набор идей, выработанных в прошлом, сохраняющих свою актуальность в настоящем и выступающих в качестве основы современных представлений и исследований в конкретной области.

Таким образом, некоторая расплывчатость понятия «классика» в разных формах знания связана в первую очередь с недостаточным уровнем дезагрегации анализа, сохраняющимися попытками мыслить структуру знания в виде его символических форм или как минимум крупных научных дисциплин.

г) Вокруг классики

Существует еще целый ряд разночтений, связанных с тем, что представление о классике в целом или вообще не концептуали-

зируется, или концептуализируется на основе узкодисциплинарной точки зрения. В частности, практически не обсуждается различие между классикой как объектом изучения (в искусствоведении, филологии и лингвистике, а также в рамках изучения истории отдельных форм знания или отдельных научных дисциплин) и классикой как составной частью современного знания. Во многих случаях недооцениваются и существенные различия в формировании и функционировании «классики» в разных типах знания и даже шире — сферах культурной деятельности. Например, в последние десятилетия при обсуждении проблемы классики в социальных и гуманитарных науках некритически используются понятия «стиль» и «канон», которые если и можно соотносить с «классикой», то в совершенно других областях культуры.

Так, понятие «стиль» соотносится с понятием «классика» только в искусствоведении (включая литературоведение), где под «классическим» понимается именно определенный стиль (даже если речь идет о расширительных трактовках применительно к «классической музыке» или «классическому балету»). Конечно, представление о стиле существует и в социальных и гуманитарных науках¹⁶, и даже в математике¹⁷. В науке под стилем в узком смысле понимаются правила написания научных трудов (например, статья должна включать аннотацию, постановку проблемы, анализ предшествующих результатов, описание используемого эмпирического материала, полученные новые результаты, выводы, библиографию). Стилиевые требования к научной работе — от структуры текста до правил оформления сносок — в каждый исторический период являются достаточно жесткими, и их несоблюдение влечет за собой непризнание данной работы в качестве научной¹⁸.

Помимо этого, в науке существуют и стили мышления, и даже литературные стили (прежде всего в гуманитарных и общественнонаучных текстах). Но вряд ли правомерно связывать степень «классичности» того или иного ученого с особенностями его письма, как это пытался делать Хейден Уайт приме-

¹⁶ См., например: *Gay*, 1974.

¹⁷ *Барабашев*, 1999.

¹⁸ См., например: *Локшин*, 2008. Об эволюции стиля оформления сносок с эпохи Ренессанса до наших дней см.: *Connors*, 1998–1999.

нительно к истории и историософии, а Дональд МакКлоски — применительно к экономике¹⁹. В науке «классика» выделяется на основании идей, а отнюдь не стиля (хотя хороший литературный слог, конечно же, может способствовать признанию и утверждению выдвигаемых автором идей, и наоборот).

Нельзя не упомянуть и еще об одном терминологическом смещении, связанном с отождествлением (или, по крайней мере, ассоциированием) «классики» с «каноном». История употребления слова «канон» детально описана во многих работах²⁰, но мы все же кратко напомним ее, поскольку это важно для понимания современного смысла этого термина. Считается, что греческое слово «канон» (κανών) является производным от слова «тростник» (κάνη) и первоначально обозначало палку с делениями, т.е. линейку или «мерило», которое применялось сначала в ковроткачестве, а затем и в строительстве. В «классической Греции» (V–IV вв. до н. э.) слово «канон» начинает использоваться в переносном смысле в архитектуре, ваянии, а позднее и в музыке и литературе для обозначения «правил», «норм» и, наконец, «образцовых» или «идеальных» пропорций и соотношения частей (зданий, скульптур, музыкальных и литературных произведений). В эпоху эллинизма термин «канон» приобретает и другой смысл: в Александрийской библиотеке начинают составлять «каноны» произведений, т.е. списки и собрания лучших и аутентичных сочинений «канонических» писателей.

Оба смысла слова «канон» — как «правило», «норма», «образец» и как «правильный список» — были унаследованы христианством. Первоначально канон в смысле «правило» относился к Закону Моисея, затем появляется термин «каноническое право» (*Jus Canonicae*). В смысле «список» «канон» сначала обозначал списки епископов, с XII в. термин начинает использоваться применительно к списку святых («канонизация»), а затем — при обсуждении «библейского канона», т.е. списка «канонических» книг, официально включаемых в Библию той или иной христианской церковью²¹.

¹⁹ Уайт, 2002 [1973]; McCloskey, 1983.

²⁰ См., например: Beyer, 1964 [1933]; Kennedy, 2001; Ulrich, 2002.

²¹ Напомним, что хотя обсуждение «правильного» состава Св. Писания началось еще в первые века христианства, окончательно «библейский канон» утверждается довольно поздно: в Католической церкви — в 1546 г., в Англиканской — в 1563 г., в Православной — в 1672 г.

Существенно, что до XIX в. включительно слово «канон» и его производные употреблялись фактически только в церковной лексике, и лишь иногда — в качестве синонима «правила» или «таблицы» в секулярных текстах (в частности, в математике). Только в конце XIX — начале XX в. словари начинают фиксировать нерелигиозные смыслы слова «канон», в частности применительно к искусству. Таким образом, хотя в Древней Греции «канон» исходно был связан с искусством, затем, в течение почти двух тысячелетий христианской истории, он к этой области не прилагался (хотя сами нормы и правила художественного творчества, естественно, существовали). Поскольку абсолютно доминирующими, если не единственными, были церковные смыслы этого слова, применительно к искусству слово «канон» стали использовать как метафору, а не как понятие, причем именно тогда, когда начиналась борьба нового (модерного) искусства с «академическими» нормами.

Употребление термина «канон» в качестве своеобразной метафоры (как синонима навязанной или устаревшей догмы) пережило новый всплеск в США в 1980–1990-е годы. Политические дискуссии вокруг «Западного литературного канона» (в смысле списка книг, рекомендуемых для чтения в западной системе образования) были инспирированы сторонниками мультикультурализма и борцами за права женщин и этнических и сексуальных меньшинств, но затем в эти дискуссии включились и «традиционалисты», отстаивавшие ценности западной цивилизации, в частности, Харольд Блум, автор известной книги «Западный канон»²².

Примерно в таком же метафорическом и политизированном смысле слово «канон» начинает применяться в 1980-е годы в некоторых областях науки, в первую очередь в социологии, где «канон» отождествляется с «классикой», которую надо «сбросить с корабля современности». Для обозначения «классиков/канонических авторов» в современной культуре используется выражение «мёртвые белые мужчины» (Dead White Men или Dead White Males — DWM), причем особенно часто это выражение обнаруживается в социологии, где акроним DWM одновременно расшифровывается как Durkheim, Weber, Marx. Но наряду с основным — негативным — смыслом связки «классика — канон», в некоторых случаях ей придают вполне позитивные коннотации. Более того, некоторые авторы — например, немецкий египтолог Ян Ассман или американ-

²² Bloom, 1994.

ский социолог Джеффри Александер — вполне серьезно называют современную научную классику «каноном», намеренно подчеркивая при этом ее связь с религией:

«Если под каноном подразумевается авторитетное и неприкосновенное культурное наследие, которое может состоять либо из священных, то есть религиозных, либо из классических, то есть поэтических, философских и научных текстов, то мысль о функциональной эквивалентности классического и религиозного канона напрашивается сама собой.

Однако применение слова канон к классическим произведениям поэзии, искусства, философии и науки [несет в себе] еще и... античное понятие канона в смысле оценочного мерила, критерия как для самой деятельности, так и, прежде всего, для оценки результатов деятельности художника... Понятие классики... включает в себя оба представления: как о «наборе священных текстов», так и о ценностной ориентации, направляющей суждение и творчество, об «освящающем принципе»»²³.

Различные варианты увязки научной «классики» с «каноном», получившие распространение в последние десятилетия, и прежде всего в социологии, подробно проанализированы Питером Баером, и он же детально обосновал тезис о некорректности отождествления этих двух понятий применительно к науке²⁴. Со своей стороны отметим, что использование термина «канон» применительно к научной классике представляется нам некорректным даже на уровне метафоры, не говоря уже о понятии, имеющем устойчивый религиозный смысл. Научная классика, будь то второй закон Ньютона, первое начало термодинамики, «невидимая рука» Смита или принцип сравнительных преимуществ Рикардо, не несет в себе никаких элементов сакральности. Классика в науке не является ни предметом поклонения, ни идеальным образцом для подражания, ни «мерилом» всех последующих научных работ. Классика — это основы современного знания, условно говоря, фундамент, который, однако, при всей его важности, является лишь одной из частей здания.

* * *

Книга, предлагаемая читателю, — не первое наше обращение к этой теме. Совсем недавно под нашей редакцией вышла кол-

²³ Ассман, 2004 [1992], с. 127–128. См. также: *Alexander*, 2001, p. VIII–IX.

²⁴ *Baehr*, 2002 [1994], ch. VI, p. 151–182.

лективная монография «Классика и классики в социальном и гуманитарном знании»²⁵. Это широкое междисциплинарное исследование, целью которого был анализ статуса классиков и классических произведений в разных социальных и гуманитарных дисциплинах (две собственные статьи из данного сборника мы воспроизводим в этой книге). В настоящей работе мы существенно расширяем поле исследования, обращаясь к теоретическим проблемам классического наследия, которые представляются нам важными, интересными или спорными. Одни из них широко обсуждаются, и нам хотелось осмыслить результаты этих дискуссий и самим принять в них участие. Другие кажутся нам незаслуженно обойденными вниманием. Третьи — привлекают тем, что располагаются на перекрестках с темами, на первый взгляд, совсем не классическими. Естественно, мы ограничиваем набор дисциплин, сосредоточившись на экономике, социологии и психологии. Специальный раздел посвящен классике в исторической науке.

В рамках рассматриваемой нами темы необходимо проводить различие между понятиями «классика» и «классики» (в английском это одно и то же слово — *classics*). Первичным здесь является классика, т.е. работы и идеи, получившие статус классических. Обычно (хотя не всегда) авторы таких работ в свою очередь получают статус классиков, но при этом не все сочинения классиков считаются классическими. В то же время в некоторых случаях статус классической сначала получает работа, затем ее автор, а впоследствии понятие классики может распространиться на все труды данного автора.

При этом в науке определение «классик» может использоваться в качестве синонима выражений «выдающийся», «известный», «крупный» ученый, а также может ассоциироваться с понятиями «основоположник», «основатель» (теории, направления исследований, школы и т.д.).

Учитывая, что термин «классика» употребляется в самых разных значениях, включая обыденные, введем более жесткие критерии, позволяющие выделить «классику» в науке. «Классическими» мы считаем работы, которые *одновременно* удовлетворяют трем условиям: 1) считаются/называются классическими в научном сообществе; 2) изучаются в процессе обучения, т.е. «в классах»; 3) в явном виде используются в исследованиях современных авторов.

²⁵ Савельева, Полетаев, 2009.

Эти три характеристики не являются независимыми, более того, они довольно тесно связаны между собой — например, ключевым параметром, по которому «классики» выделяются из списка «выдающихся» ученых, оказывается актуальность их работ, т.е. возможность и необходимость использовать эти работы в текущем учебном процессе. Точно так же представления о «классиках», формируемые в процессе обучения, продолжают до некоторой степени оказывать влияние на обращение к ним в процессе исследовательской деятельности. Но тем не менее три выделенные нами характеристики не идентичны и их следует разделять.

Существуют и определенные различия между классикой в разных типах знания. Например, три предложенные нами критерия классики в естествознании обнаруживаются едва ли не более полно, чем в обществознании. Классические *работы* (идеи, теории, концепции) в явном виде встроены в современное естественнонаучное знание и активно используются как в учебном, так и в исследовательском процессе²⁶. Но в естественных науках нет (или почти нет) практики чтения «классических *текстов*».

В то же время необходимым условием развития социогуманитарного знания считается процесс непрерывного перечитывания, переосмысления и переоценки классических произведений. Кроме того, в гуманитарной науке классик — это и социальная функция ученого, а не имманентная оценка его трудов как таковых. Ведь нередко особенно продуктивным оказывается сомнение в тезисах, которые до поры представлялись неколебимыми, — таковы споры классиков между собой и позднейшие споры с классиками.

Ученый-гуманитарий сталкивается с классикой с самого начала своей профессиональной жизни — в процессе университетского образования. Чтение классических трудов для студента — занятие практически повседневное, во всяком случае, предполагается, что так должно быть. Затем к классике обращаются по разным поводам и в меру необходимости или любознательности. Однако для специалиста в области истории идей, а именно так мы себя идентифицируем, изучение классики, как правило, становится образом жизни в науке. Ведь сколько бы мы ни уточняли определение классики, понятно, что именно в этом корпусе сосредоточены великие озарения, теории и идеи.

²⁶ О классике в естествознании см., например: *Kerckhove*, 1992; *MacMullin*, 1994. О роли классики в естественно-научном образовании см.: *Cole S.*, 1983, p. 132–134.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Э П И З О Д П Е Р В Ы Й

Вступление

В данном разделе мы попытаемся проанализировать проблему классики в современных общественных науках на примере трех дисциплин: социологии, экономики и психологии.

Тема «классики» в социологии обсуждается в последние десятилетия очень активно¹, в то время как в экономической науке она фигурирует намного реже², а в психологии вообще почти не изучается³. Интенсивность обсуждения определяется, во-первых, содержанием самих дисциплин, имманентными им познавательными интересами, во-вторых — конкретными особенностями истории развития этих трех областей научного знания.

Для психологов, интересующихся развитием науки, в том числе и своей собственной дисциплины, основной интерес представляют, естественно, психологические аспекты темы, поэтому их занимают, во-первых, особенности психики «выдающихся» исследователей (не обязательно считающихся классиками), во-вторых — когнитивные проблемы, связанные с восприятием их работ. Экономистов тема классики интересует в первую очередь в связи с функционированием «рынка идей» и анализом степени его эффективности. Наконец, социологи проявляют повышенное внимание к классике, поскольку это — в значительной мере социальный феномен, связанный с социологией науки.

Важность проблемы «классиков и классики» для социологии объясняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, это сравнительно короткая история данной дисциплины. Как отмечает Питер Баер,

«Примечательной чертой “классических” социологических текстов является их молодость. Классики социологии, контрастируя с долголетием своих двойников в философии или политической тео-

¹ В качестве основных работ по проблеме классики (прежде всего в социологии) мы выделяем следующие: *Merton*, 2006 [1968]; *Stinchcombe*, 1982; *Alexander*, 1987; *Baehr*, 2002 [1994].

² К числу наиболее интересных работ, связанных с проблемой экономической классики, мы относим следующие: *Stigler*, 1969; *Boulding*, 1971; *Boettke*, 2000; *Blaug*, 2001; *Leijonhufvud*, 2006.

³ Одно из немногих исключений: *Wozniak*, 2004.

рии, в темпоральном смысле остаются всего лишь парвеню (как, в сущности, и сама дисциплина). Но при этом социологи обычно не именуют работы Маркса, Вебера, Дюркгейма, Зиммеля и других “современной” классикой; их считают просто “классикой” *per se*⁴.

Во-вторых, интерес к проблеме классики был стимулирован «антипарсоновским» бунтом. Считается, что Толкотт Парсонс в своей работе «Структура социального действия» (1937)⁵ задал список основоположников современной социологии, определив на несколько десятилетий набор классиков в американской, а отчасти и в европейской социологии. На самом деле это не вполне верно. С одной стороны, из четырех авторов, чьи идеи анализировал Парсонс (Эмиль Дюркгейм, Макс Вебер, Вильфредо Парето и Альфред Маршалл), в число бесспорных классиков социологии вошли только двое — Дюркгейм и Вебер. Маршалл, как известно, был чистым экономистом, а Парето, хотя писал работы и по социологии, и по экономике, получил гораздо большую известность в экономической науке — «оптимум по Парето» является одним из ключевых понятий теории общего равновесия, в то время как в социологии о Парето вспоминают в основном при обсуждении проблемы элит. С другой стороны, после Второй мировой войны в число классиков социологии, во многом благодаря влиянию франкфуртской школы, был включен Карл Маркс.

Но так или иначе, набор классиков, сформировавшийся в середине прошлого века (Маркс, Дюркгейм, Вебер), оказался во многом связан с именем Парсонса и подкреплялся популярностью его собственных теорий. Однако по мере разочарования социологического сообщества в структурно-функциональном анализе, с начала 1980-х годов стали появляться работы, в которых демонстрировался субъективизм парсоновского выбора классиков⁶ и делались попытки пересмотра его списка, в частности, за счет включения в него Георга Зиммеля, а также некоторых более поздних авторов — Джорджа Герберта Мида (1863–1931), Чарлза Кули (1864–1929), Альфреда Шюца (1899–1959) и др.⁷

⁴ Baehr, 2002, p. 111.

⁵ Отдельные главы из этой работы переведены на русский язык: Парсонс, 2000 [1937].

⁶ См., например: Camic, 1992.

⁷ В данном случае мы говорим только о почивших авторах, не затрагивая проблему формирования корпуса «современных» классиков, хотя

Наконец, активизация обсуждения классики в социологии в последние десятилетия была отчасти инспирирована атакой со стороны «политкорректоров» (гендеристов, мультикультуралистов и прочих постмодернистов), обнаруживающих в работах классиков сексизм, колониализм, империализм и т.д.⁸ Как пишет тот же Питер Баер,

«Согласно этим критикам, классические тексты воплощают всё зло западной интеллектуальной традиции: ее неоправданные научные претензии, ее исключаящую [женщин] маскулинность и отсутствие приверженности к угнетенным. Чрезмерное увлечение классическими работами тем самым означает поклонение текстам, давно выброшенным на свалку истории, представляющим собой допотопное, элитистское и “гегемонистское” принижение знания и “жизненного опыта” подчиненных групп, особенно меньшинств и женщин»⁹.

Заметим, что постоянные попытки ревизии социологической классики позволяют продемонстрировать различие между понятиями и функциями классики в общественном знании и филологии. Как отмечает Алан Хау,

«Социология — не первая дисциплина, которая почувствовала себя отягощенной своим классическим каноном. В английском литературоведении происходила длительная внутренняя борьба между критиками и защитниками литературной классики, как в Великобритании, так и в США. Но проблемы не идентичны в двух дисциплинах, отчасти потому, что для изучающего литературу объектом анализа является классический литературный текст, который составляет канон, в то время как для социолога канон является посредником, с помощью которого рассматривается объект — общество. В результате для критиков литературного канона теория стала средством

Окончание см. 7

понятно, что целый ряд социологов стали классиками при жизни — помимо самого Толкотта Парсонса (1902–1979) в числе очевидных примеров можно назвать Роберта Мёртона (1910–2003), Гарольда Гарфинкеля (р. 1917), Ирвинга Гофмана (1922–1982, Никласа Лумана (1927–1998), Юргена Хабермаса (р. 1929), Пьера Бурдьё (1930–2002), Энтони Гидденса (р. 1938) и др.

⁸ См., например: *Parker, 1997; Connell, 1997*. Заметим, что раньше Р. Коннелл был мужчиной, но затем сменил пол и имя (стал Раевин вместо Роберта) и в 1997 г. уже был женщиной.

⁹ *Baehr, 2002, p. 108*.

освобождения дисциплины от мертвой руки классических авторов, для критиков социологического канона теория и *есть* мертвая рука классических авторов»¹⁰.

В экономической науке ситуация складывалась иначе. Во-первых, как самостоятельная дисциплина экономика намного старше социологии — даже если не апеллировать к трудам Аристотеля, дискуссиям схоластов о проценте и справедливой цене и идеям меркантилистов XV–XVII вв., экономическая наука Нового времени ведет свою родословную по меньшей мере от Уильяма Петти (1623–1687), Пьера де Буагильбера (1646–1714) и Ричарда Кантильона (ок. 1680–1734)¹¹.

Во-вторых, в последние десятилетия из всех общественных и гуманитарных дисциплин экономическая наука оказалась в наименьшей степени чувствительна к идеям мультикультурализма, гендеризма, политкорректности и постмодернизма, что безусловно говорит в пользу ее зрелости и «научности».

В-третьих, отсутствие дискуссий о «классике» в экономике отчасти объясняется терминологическими причинами, обусловленными историей формирования понятий «классическая теория», «классика» и «неоклассика». Как отмечалось в предыдущей главе, еще в 1847 г. Карл Маркс впервые ввел понятие «классическая буржуазная политическая экономия», которую противопоставлял «вульгарной буржуазной политической экономии», т.е. обсуждение классики в экономической науке началось на 100 лет раньше, чем в социологии. Впоследствии Маркс использовал термин «классическая буржуазная политэкономия» еще в нескольких работах, по-разному определяя ее состав, но обычно считается, что к ее представителям он относил Уильяма Петти, Адама Смита и Давида Рикардо в Англии, Пьера де Буагильбера, Франсуа Кенэ, Анна Робера Жака Тюрго и Жан-Шарля Сисмонди во Франции.

Впоследствии набор персоналий подвергся существенной модификации, и ныне в список представителей классической экономической теории обычно включают Адама Смита, Давида Рикардо, Томаса Мальтуса и Джона Стюарта Милля¹². В этом

¹⁰ Now, 1998, p. 830.

¹¹ О ранних этапах развития экономической теории см.: Шумпетер, 2001 [1954 посм.], т. 1.

¹² Это имя традиционно пишется полностью или как «Джон Ст. Милль», чтобы не путать его с английским теологом Джоном Миллем (ок. 1645–1707), автором фундаментального трактата по текстологии Нового Завета (Mill J. Novum Testamentum Græcum., 1707).

случае классическая экономическая теория оказывается чисто английской, но часто к перечисленным классикам присоединяют также Жан-Батиста Сэ (Сэя) и самого Маркса¹³. Так или иначе, утвердилось относительно общепринятое представление о наборе представителей «классической экономической теории», которые тем самым автоматически попадают в разряд классиков. При этом, естественно, список не ограничивается упомянутыми авторами (достаточно упомянуть Леона Вальраса, Джона Мейнарда Кейнса¹⁴, Джона Хикса и многих и многих других), но, во избежание недоразумений, всех остальных стараются не именовать классиками, используя термины «выдающиеся», «великие», «крупнейшие» и т.д.

Путаница дополнительно усиливается и из-за неопределенности понятия «неоклассика»¹⁵. В 1890 г. Альфред Маршалл опубликовал учебник «Принципы экономической науки» (*Principles of Economics*), в котором он попытался синтезировать идеи Смита, Рикардо и Милля с работами маржиналистов (Карла Менгера и Уильяма Джевонса), а также малоизвестных в то время Антуана Курно и Иоганна фон Тюнена. Десятилетие спустя Торстен Веблен опубликовал критическую работу «Предубеждения экономической науки» (*The Preconceptions of Economic Science*, 1899–1900), в которой он назвал Маршалла «неоклассиком». В этом смысле (т.е. применительно только к Маршаллу) термин использовался в первые десятилетия XX в. целым рядом известных экономистов — Уэсли Митчеллом, Джоном Хобсоном и Эриком Роллом.

В начале 1930-х годов Джон Хикс (в статьях «*Marginal Productivity and the Principle of Variation*», 1932 и «*Leon Walras*», 1934), а позднее — Джордж Стиглер (в книге «*Production and Distribution Theories*», 1941) стали называть неоклассиками всех, кто занимался теорией предельной производительности, предельной полезности и относительными ценами (начиная с Менгера, Джевонса и Джона Бейтса Кларка¹⁶).

¹³ См., например: *Hollander*, 1987.

¹⁴ Это имя также традиционно пишется полностью или как «Джон М. Кейнс», чтобы не путать его с отцом, экономистом Джоном Невиллом Кейнсом (1852–1949), автором классической работы по методологии экономической науки (*Кейнс Дж. Н.*, 1899 [1891]).

¹⁵ См.: *Aspromourgos*, 1986; *Colander*, 2000.

¹⁶ Это имя опять-таки принято писать полностью, чтобы не путать Джона Бейтса Кларка с его сыном Джоном Морисом Кларком (1884–1963), который также был известным экономистом.

«Как было отмечено рядом авторов, в то время как использование термина “неоклассика” имеет некоторый смысл применительно к Маршаллу, который подчеркивал связь своего подхода с Классическим подходом, оно намного менее осмысленно для других экономистов, таких как Дживонс, который подчеркивал различие между своими взглядами и взглядами Классиков. Некоторые полагают, что термин “анти-Классический” был бы более предпочтительным»¹⁷.

Фактически в это же время Джон Мейнард Кейнс в «Общей теории занятости, процента и денег» (1936) назвал классиками всех предшествующих экономистов, начиная с Рикардо (включая маржиналистов), которые считали, что сбережения равны инвестициям, а неоклассиками — тех, кто полагает, что они не обязательно равны (т.е. Джона Хикса, Ральфа Хоутри и себя).

Наконец, в 1955 г. Пол Самуэльсон в 3-м издании своего учебника «Economics» предложил свой собственный «неоклассический синтез», объединяющий теорию Кейнса с маржинализмом. «Такое использование термина “неоклассический”, выражающее альтернативу кейнсианской модели, добавляет еще одну точку референции и создает дополнительную путаницу»¹⁸.

Но конечно, главная причина значительно меньшего, чем у социологов, интереса к обсуждению классики у экономистов — это особенности развития самой экономической науки и методики ее преподавания, о чем мы поговорим ниже.

В психологии проблема классики также почти не исследуется, но это объясняется иными причинами. Психология занимает промежуточное положение между естественными и общественными науками — в частности, значительная часть результатов в современной психологии получается на основе лабораторных экспериментов. Несмотря на свою относительную молодость, психология — наука очень многообразная, в ней соседствуют совершенно разные направления, которые, по существу, можно рассматривать как самостоятельные дисциплины.

Психологи, начиная с работы Френсиса Гальтона «Английские ученые: их природа и воспитание» (1874)¹⁹, активно изучают психологические характеристики ученых, прежде всего выдающихся; позволяющие объяснить причины их успехов²⁰. Ключе-

¹⁷ Colander, 2000, p. 131.

¹⁸ Ibid, p. 132.

¹⁹ Galton, 1874.

²⁰ Краткий обзор этих исследований см., например, в: Feist, 1993.

выми терминами в этом случае оказываются *eminent, prominent, significant, important, outstanding*, а понятие «классик» хотя и встречается, но практически не осмысливается. В основном термины «классик» и «классика» неререфлексивно используются в различного рода переизданиях, компендиумах, ридерах и т.д. (подробнее см. ниже).

Одна из немногих работ по проблеме классики в психологии была написана относительно недавно Робертом Возняком²¹, но и в ней тема собственно «классики» также не акцентируется, а трактуется как частный случай научной «значимости».

Несмотря на то что в данном разделе рассматривается ситуация только в социологии, экономике и психологии, концептуальное сходство проблем, обсуждаемых применительно к трем указанным областям, позволяет распространить некоторые выводы на все общественные науки с учетом вариаций в конкретных судьбах классики в каждой отдельной дисциплине.

²¹ *Wozniak, 2004.*

Корпус классики

Первый вариант составленного нами списка пришлось забраковать. Несомненно, Темза в своем верхнем течении недостаточно судоходна и по ней не сможет подняться судно, которое вместит все, что мы сочли необходимым взять с собой в путешествие. Мы разорвали список и озадаченно посмотрели друг на друга.

Джордж сказал:

– Так ничего не выйдет. Нужно думать не о том, что нам может пригодиться, а только о том, без чего мы не сможем обойтись.

Джером К. Джером. Трое в лодке (не считая собаки), 1889.

Отправной точкой комплектования состава «классики» и «классиков» выступают труды по истории науки (истории мысли), в которых определяются наиболее значимые работы и авторы, внесшие существенный вклад в развитие той или иной дисциплины. Прежде всего речь идет о многочисленных исследованиях, посвященных творчеству отдельных мыслителей. Затем «классическое наследие» приобретает упорядоченный вид в различного рода энциклопедиях, справочниках, словарях и т.д., где производится дальнейшая селекция «важных» работ, идей и персоналий и даются их краткие характеристики. В наиболее систематизированном виде эта информация представлена в монографиях и учебниках по истории мысли для студентов университетов, в которых излагается появление и развитие тех или иных концепций, отдельных научных направлений и особенно дисциплины в целом. На этом уровне формируется общий набор наиболее значимых работ, теорий и авторов, из которого на следующем этапе выделяется собственно «классика».

I. КЛАССИКА И ИСТОРИЯ НАУКИ

Очевидно, что состав корпуса классики будет в немалой мере зависеть от решения принципиального вопроса: как именно следует писать (излагать) историю науки. Истоки современной дискуссии по этой теме восходят к небольшой статье Роберта Мёртона (точнее, его комментарий к докладу Парсонса, прочи-

танному на ежегодном съезде Американской социологической ассоциации в 1947 г.), опубликованной в 1948 г., в которой он предложил различать (и разделять) два способа описания развития научной дисциплины: систематику и историю¹. По его мнению, для действующих ученых интерес представляет только систематика, а собственно история науки важна лишь для специалистов в этой области, но несущественна для всех остальных исследователей.

Эта идея по существу осталась незамеченной даже в социологическом сообществе, и популярность она получила только после выхода в свет известной работы Томаса Куна «Структура научных революций» (1962), в которой сформулировано аналогичное различие применительно к истории естественных наук. Кун обозначил это различие как «антиисторический» и «исторический» подходы к интерпретации развития науки. В естествознании данное различие окончательно укоренилась благодаря Имре Лакатосу (1971), который дифференцировал «внутреннюю» (рациональная реконструкция) и «внешнюю» историю науки. При этом Кун был сторонником второго («исторического») подхода, а Лакатос — первого (рациональной реконструкции), т.е., по сути, следовал Мёртону².

После выхода работы Куна проблема альтернативных способов описания развития науки начинает активно обсуждаться и обществоведами. В социологии дискуссия развернулась вслед за вторым изданием книги того же Мёртона «Социальная теория и социальная структура» (1968), в которой он напомнил о своей статье 1948 г. и опубликовал ее существенно расширенный и обновленный вариант³. Социологи и представители других общественных наук увидели в этой дилемме противостояние презентистского (эмпирицистского) и историцистского подходов. К сторонникам первого подхода к истории социологической мысли можно отнести Стивена Сидмана и Джеффри Александера, второго — Роберта Джоунса и Чарлза Камика⁴. Заметим попутно, что если применительно к естествознанию

¹ Merton, 1948.

² Кун, 1977 [1962/1970], с. 17 и след.; Лакатос, 1978 [1970].

³ Мёртон, 2006 [1968].

⁴ Seidman, 1983; 1985a; 1985b; Alexander, 1987; Jones, 1977; Camic, 1979, 1986. Краткие обзоры этой дискуссии см. в: Алиева, 1995; How, 1998.

существенный импульс развитию «историцистского» подхода придала книга Томаса Куна, то в общественных науках особую роль сыграли работы Квентина Скиннера⁵.

В экономике ту же дилемму впервые сформулировал Джордж Стиглер в 1969 г. (прямо отсылаясь к работе Куна), позднее она была обозначена Полом Самуэльсоном как противопоставление «вигской» и «антикварной» истории экономической мысли⁶. Два указанных подхода в экономике обозначаются также как ретроспективный и ретроактивный (хронологический) (Аксель Лейонхувуд), инструментальный и антикварный (Питер Бёттке), рациональная реконструкция vs историческая реконструкция или история экономического анализа vs история экономической мысли (Марк Блауг)⁷.

По сути, такое же различие проводит известный специалист по истории психологии Роберт Возняк, который трактует «презентистский» подход как «линейную модель развития идей, задаваемую последовательностью рождение — пересмотр — замена — устаревание», и отмечая, что вместе с тем

«многие общепринятые “истины” из истории психологии рассматриваются сегодня, по крайней мере историками, как гораздо более сложные, контекстуализированные и открытые для интерпретации, чем казалось когда-то»⁸.

Обсуждение данной проблемы во всех дисциплинах, продолжающееся уже много лет, идет по нескольким направлениям: являются ли эти два подхода конкурирующими или взаимодополняющими, какой из них следует использовать в учебном и исследовательском процессах и т.д. Соответственно выбранной позиции выделяются разные модели анализа и оценки роли классики в развитии науки.

⁵ Skinner Q., 1969.

⁶ Stigler G., 1969; Samuelson, 1987. Говоря о «вигской истории» Самуэльсон отсылается (*Op. cit.*, p. 53) к работам английского историка Томаса Бабингтона Маколея (1800–1859), известного как активного апологета вигов, но сам термин был введен в оборот английским историком Гербертом Баттерфилдом (1900–1979) в его известной критической работе «Вигская интерпретация истории» (*Butterfield*, 1931).

⁷ Leijonhufvud, 1986; 2006; Boettke, 2000; Blaug, 2001. См. также статью: Khalil, 1995, где выделяется целых пять типов истории экономической мысли.

⁸ Wozniak, 2004, p. 35.

Эта дискуссия имеет несколько аспектов — теоретический, институциональный, дискурсивный и образовательный. Теоретический аспект сфокусирован на проблеме кумулятивности научного знания в целом и общественно научного в частности (эту тему мы обсудим ниже).

Институциональный аспект был связан с борьбой за сферы влияния и самоутверждение отдельных групп ученых — соответственно «чистых теоретиков» и специалистов по истории мысли.

Дискурсивный аспект проявляется в исследованиях особенностей историописания в целом и истории науки в частности. Упомянутый Роберт Возняк задается вопросом: почему внимание привлекают прежде всего «значимые» события в истории науки?

«Почему “значимости” придается такое значение? Почему мы с таким упорством мыслим понятиями “классический вклад” и “основоположники”? Действительно ли дело в “значимости”, или это просто упражнение в вигской истории (или и то и другое)?»

Один из ответов состоит в том, что, возможно, использование значимых событий для построения исторического нарратива обусловлено психологически. Немыслимо представить себе написание истории психологии, полностью приземленной, сосредоточенной на заурядных исследованиях, рутинных публикациях, незначительных теоретических идеях и персоналиях, о которых никто не помнит. Хотя большая часть того, что происходит в развитии дисциплины, представляет собой именно такую нормальную науку и нет особых оснований сомневаться в том, что нормальная наука более важна для развития дисциплины, чем обычно представляют, история — это рассказ, а рутинную науку трудно превратить в захватывающее повествование»⁹.

Но едва ли не наиболее существенным оказался четвертый, прикладной аспект, связанный с проблемами образования. Как справедливо заметил Пол Самуэльсон, «студенты старших курсов должны спать по крайней мере четыре часа в день: это универсальная константа. Поэтому в образовательной программе... чем-то надо жертвовать»¹⁰. И этим *чем-то* в итоге оказалась история (науки, но не только).

⁹ Wozniak, 2004, p. 36.

¹⁰ Samuelson, 1987, p. 52.

Поэтому, хотя многие участники дискуссии не отрицают важность изучения собственно истории идей (мысли, науки и т.д.) или говорят о необходимости сбалансированного подхода к ее изложению, на практике большинство учебников или используемых в процессе обучения книг по истории каждой общественной дисциплины приближаются к первому (презентистскому) варианту.

Особенно наглядно презентистский (ретроспективный) подход проявляется в учебном изложении истории экономической науки — см., например, известные учебники Марка Блауга «Экономическая мысль в ретроспективе» (1962, 5-е изд. 1997) и Такаши Негиши «История экономической теории» (1989). В одном из наиболее популярных современных учебников — «История экономической теории и метода» Роберта Экелунда и Роберта Эберта (1975, 5-е изд. 2007) — делается попытка внести в изложение элементы «историцизма», но в целом учебник также близок к «презентистскому» подходу¹¹. А главный образец «историцистской» истории экономической мысли — работа Йозефа Шумпетера, которая, по иронии, называется «История экономического анализа» (1954 посм.)¹², хотя и включается в списки рекомендуемой студентам-экономистам литературы, но обычно лишь в качестве дополнительного материала.

Если на уровне учебных программ и пособий выбор в целом был сделан в пользу «презентистского» представления истории общественных дисциплин, то в научной литературе оба направления продолжают существовать и развиваться параллельно.

В принципе презентистская история науки является гораздо более селективной, чем историцистская. В презентистском изложении многие работы, теории и ученые прошлого вообще не упоминаются, поскольку считается, что они не значимы для современной науки. В отличие от этого «историцисты» уделяют внимание не только главным, но и второстепенным фигурам,

¹¹ Блауг, 1994 [1962, 4th ed. 1991]; Негиши, 1995 [1989]; Ekelund, Hébert, 2007 [1st ed. 1975].

¹² Шумпетер, 2001 [1954 посм.]. Как отмечает Марк Блауг, на самом деле работа Шумпетера — это не история экономического анализа (рациональная реконструкция), а «интеллектуальная история» (Geistesgeschichte), т.е. «историческая реконструкция» (Blaug, 2001, p. 150–151).

равно как и бывшим властителям дум и «заблуждениям умерших» (*wrong opinions of dead men*)¹³.

Но если говорить о *классике*, то между двумя способами написания истории науки нет больших расхождений с точки зрения набора работ и имен (оставляя в стороне естественные несовпадения во взглядах отдельных авторов). Разница заключается не столько в «списках», сколько в обосновании и объяснении их состава, равно как и в языке описания идей классиков. В рамках нашей темы можно выделить несколько существенных различий между двумя подходами — презентистским и историцистским, которые могут быть обозначены как «история идей» и «интеллектуальная история» (трудно удержаться, чтобы самим не поучаствовать в терминотворчестве).

1. В презентистской (инструментальной) истории объектом анализа в первую очередь являются сами идеи, содержащиеся в классических трудах, причем излагаются и оцениваются они прежде всего с позиций сегодняшней науки. В историцистской истории концепции, развитые в классических работах, анализируются в историческом контексте, который варьируется в широких пределах. Это может быть и интеллектуальный контекст, и социальный, и политический — от «духа времени» до идеологических установок.

2. Отсюда возникают различия в трактовке происхождения тех или иных классических теорий или идей. Если в презентистской истории просто фиксируется связь с теми или иными предшествующими концепциями, то в рамках историцистского подхода большое внимание уделяется факторам, повлиявшим на генезис теорий. Речь идет, в частности, о мотивах выбора тем или иным автором определенного набора своих «предшественников». Например, в социологии типичным примером могут служить работы Джеффри Александера и Чарлза Камика, в которых анализируются причины, обусловившие выбор своих

¹³ Авторство этого выражения, часто цитируемого в экономической литературе (см., например: *Boulding*, 1971, p. 229; *Blaug*, 1994 [1962, 4th ed. 1991], p. 1; *Moggridge*, 1992, p. XVI и др.), обычно приписывается Альфреду Пигу (1877–1959). В различных формулировках тезис о том, что экономисты не должны изучать «ошибочные взгляды мертвецов», можно обнаружить также в работах Жан-Батиста Сэ (1767–1832) и Фрэнка Найта (1885–1972). См.: URL: <http://eh.net/atp/answers/0797.php> (дата обращения: 30.11.2007).

интеллектуальных предшественников Толкоттом Парсонсом¹⁴. Наконец, наряду с интеллектуальными и институциональными факторами возникновение разных концепций иногда связывается с психологическими характеристиками их авторов¹⁵.

3. Существенные различия между подходами наблюдаются и в оценке роли и значения тех или иных работ, концепций и их авторов. В презентистской трактовке истории науки в первую очередь акцентируется вклад (impact) в современную науку. В историцистской историографии — на первый план выходят характеристики, связанные с научным приоритетом, основанием школы или созданием направления мысли. Ключевыми терминами в рамках этого подхода становятся «пионер» (pioneer) и «основоположник» (founder)¹⁶. Историцисты здесь в некотором смысле следуют традиционной для историографии в целом установке на изучение «деяний» (res gestae).

4. «Историцисты», как и любые историки, много внимания уделяют деталям — точности интерпретации отдельных положений и теорий в целом, установлению приоритета тех или иных авторов, проблеме заимствования и развития идей и другим традиционным темам истории науки. В презентистских интерпретациях, наоборот, часто обнаруживается много фактологической путаницы — в качестве классических фигурируют идеи, которые их мнимые авторы не высказывали, или принадлежащие не тем, кому их приписывают, и проч., поскольку рецепцией и развитием идей в этом случае в основном занимаются не специалисты по истории мысли. Но «историческая истина» в данном контексте оказывается не столь существенна для развития самой науки.

Характерный пример — идея «невидимой руки» (преследование частных интересов порождает выгоду для всего общества),

¹⁴ Alexander, 1987; Camic, 1992.

¹⁵ Подробнее об этом см.: Вахштайн, 2009, с. 70–75, где анализируются соответствующие примеры из области истории самой психологии. Но психологические объяснения активно используются и в истории других дисциплин — см., например, работу Уолтера Вайскопфа «Психология экономической науки» (Weisskopf, 1955). Особенно многочисленны работы такого рода в области истории философии; библиографию см., например: URL: <http://www.autodidactproject.org/bib/philbio.html> (дата обращения 30.11.2007).

¹⁶ О соотношении «основоположников» и «классиков» см.: Baehr, 2002 [1994].

которая обычно ассоциируется с именем Адама Смита. Специалисты по истории мысли доказывают, что эта идея высказывалась задолго до Смита сразу несколькими авторами, и прежде всего Бернардом де Мандевилем в поэме «Ропщущий улей, или Мошенники, ставшие честными» (*The Grumbling Hive, or Knaves Turn'd Honest, 1705*)¹⁷. В свою очередь презентисты, даже признавая приоритет Мандевилля, заявляют, что этот факт совершенно несущественен для (истории) развития экономической мысли, так как у Смита эта идея изложена более четко, а еще четче она обоснована у современных авторов. И, используя идею «невидимой руки», экономисты отталкиваются в первую очередь от более поздних работ, а не от поэмы Мандевилля. В качестве доказательства один из сторонников такого подхода, Артур Даймонд, приводит число ссылок на работы авторов, развивавших идею «невидимой руки» в разные годы (табл. 1).

Таблица 1

Число ссылок на работы, излагающие идею «невидимой руки» (ссылки в статьях, включенных в базу данных SSCI в 1972–1980 гг.)

Авторы	Годы жизни	Годы издания работ, излагающих идею «невидимой руки»	Число ссылок на данные работы в SSCI в 1972–1980 гг.
Mandeville, Bernard de	1670–1733	1705; 1714	36
Smith, Adam	1723–1790	1759; 1776	1307
Hayek, Friedrich A. von	1899–1992	1972	534
Friedman, Milton	1912–2006	1962; 1980	3025
Nozick, Robert	1938–2002	1974	372

Источник: *Diamond, 1985.*

¹⁷ Позднее эта поэма была переиздана Мандевилем в качестве основной части его работы «Басня о пчелах, или Частные пороки — общественные выгоды» (*Fable of the Bees: or, Private Vices, Publick Benefits, 1714*), включающей также прозаический комментарий к поэме и эссе «Исследование о происхождении моральной добродетели» (*An Enquiry into the Origin of Moral Virtue*).

5. Презентистское и историцистское направления отличаются и способами прочтения и изложения классических работ. Как отмечает Алан Хау,

«С вопросом о том, должна ли социология иметь классические тексты, тесно связана длительная дискуссия о том, как их следует читать. Здесь существуют два основных подхода, “презентистский” и “историцистский”. “Историцисты”, которые в значительной мере и инициировали эту полемику, иногда проявляют антипатию к идее классических текстов *per se*, но чаще они возражают против их “презентистского” прочтения. Их возражения концентрируются на наивном, по их мнению, предположении, что наши нынешние проблемы не отличаются от тех, которые заботили отцов-основателей. Для оправдания своего существования история социологии должна научиться понимать, что эти авторы хотели выразить в своих текстах в свое время. В этом плане на историцистов сильно повлияли работы Квентина Скиннера в области истории идей, который подчеркивает решающее значение исторического контекста в определении смысла текста»¹⁸.

В рамках презентистского подхода идеи «классиков» обычно излагаются на современном научном языке и с использованием современной терминологии, в свою очередь историцисты пытаются понять и объяснить смысл «классических» концепций в культурном контексте соответствующей эпохи, анализируя исторические значения и смыслы отдельных терминов и текстов в целом.

Презентистская интерпретация классических работ особенно распространилась в экономической науке, и решающую роль в этом сыграл выдающийся экономист Пол Самуэльсон (1915–2009). В 1941 г., т.е. в возрасте 25 лет, Самуэльсон защитил в Гарварде диссертацию «Основания экономического анализа», которая была издана в виде монографии в 1947 г. В качестве эпиграфа к этой работе Самуэльсон взял высказывание Джосии Уилларда Гиббса¹⁹ (1839–1903): «Математика — это язык». Как пишет сам Самуэльсон (который никогда не страдал от недостатка скромности) в предисловии к русскому переводу своей работы:

«Великое значение книги “Основания экономического анализа” состоит в том, что она дала толчок запоздалой математизации магистрального направления экономической науки»²⁰.

¹⁸ *How*, 1998, p. 829.

¹⁹ Первое имя Гиббса — Josiah — произносится как Джосия, в русских текстах встречаются также написания Джозайя, Джосайя, Джосая.

²⁰ *Самуэльсон*, 2002 [1947/1983], с. X.

Идею «перевода» классических сочинений прошлого на математизированный язык современной экономической науки Самуэльсон реализовал и в целом ряде своих статей, посвященных отдельным «классическим» работам (Франсуа Кенэ, Давида Рикардо, Иоганна фон Тюнена и представителей классической экономической теории в целом)²¹. В результате этот подход стал активно применяться как в научных исследованиях (см., например, математизированное изложение теории Рикардо в известной работе Пьеро Сраффы «Производство товаров посредством товаров», 1960)²², так и в учебниках по истории экономической мысли²³.

6. Последнее по счету, но не по важности, различие связано с трактовкой таких базовых для обществознания концептов, как «современность» и «историзм». Историцисты (в социологии — Роберт Джоунс, Джон Пил, Дэвид Паркер и др.)²⁴ полагают, что социальная реальность меняется относительно быстро. Отсюда следует, что «современность» охватывает лишь небольшую, самую близкую к нам часть минувшего, а всё, находящееся за пределами этого короткого периода, следует рассматривать как прошлое. «Историзм» трактуется ими прежде всего как идея *исторической изменчивости*. Это означает, что не только социальный и культурный контекст написания «классических» работ, но и анализируемую в них социальную реальность следует рассматривать исторически, т.е. как «иные» по сравнению с современностью.

«Каждый вновь появляющийся социальный контекст, во всей своей неповторимости, расширяет предметную сферу социологии и создает не только новый предмет исследования, но и новые возможности для теоретизирования. Поэтому в некотором важном смысле Маркс и Дарендорф, Спенсер и Парсонс, Вебер и Бендикс не являются ни соперниками, ни партнерами в создании теоретического знания. Очень часто теории социологов-классиков не являются ни истинными, ни ложными в свете проблем, побуждающих к теоретизированию нас, потому что они в значительной мере являются попытками решить проблемы другой реальности, найти ответы на другие вопросы, прийти к заключениям с другими целями»²⁵.

²¹ Библиографию этих работ см. в: Samuelson, 1987.

²² Сраффа, 1999 [1960].

²³ См., например: Негуши, 1995 [1989].

²⁴ Peel, 1971; Jones, 1977; Parker, 1997.

²⁵ Peel, 1971, p. 264; цит. по: Seidman, 1985a, p. 14.

Презентисты (в социологии — Алан Дэйв, Стивен Сидман, Дэвид Эшли, Дэвид Оренштайн и др.)²⁶, наоборот, считают, что социальная реальность в основных своих характеристиках меняется относительно медленно. «Современность» в этом случае охватывает значительно больший период прошлого, а «историзм» трактуется прежде всего как концепция *исторической преемственности*. В результате классические работы оказываются востребованными до сих пор прежде всего благодаря тому, что остаются актуальными анализируемые в них характеристики и проблемы общества.

«Когда Вебер говорит нам о бюрократическом кошмаре своего общества, он также говорит нам о нашем мире... *Созидательная сила их [классиков] мысли... выявляет историческую и социальную преемственность, что делает их опыт репрезентативным для нас... До тех пор пока они продолжают говорить о нашем опыте, о нашей жизни и нашем времени, они остаются живыми*»²⁷.

* * *

Подводя некоторые итоги данного раздела, заметим, что при обсуждении мы акцентировали в первую очередь *различия* двух подходов — презентистского и историцистского — к анализу классики. Но конечно, очень часто можно обнаружить совмещение этих подходов в рамках одного исследования или их взаимное влияние и взаимодополнение в разных работах. Как полагает Алан Хау, «презентистский» и «историцистский» полюса связаны на онтологическом уровне в самой идее классического текста»²⁸.

Два выдающихся экономиста XX в., лауреаты Премии памяти Альфреда Нобеля по экономике Пол Самуэльсон и Джордж Стиглер, которые выступали как ярые «презентисты» и сторонники «систематики», доказывая ненужность знания истории экономической мысли для развития современной теории, сами были крупнейшими знатоками истории науки, превосходно знакомыми с трудами классиков. Приведенная нами немного выше цитата Самуэльсона из предисловия к русскому изданию его «Оснований экономического анализа» продолжается следующими словами:

²⁶ Dawe, 1978; Seidman, 1985a; 1985b; Ashley, Orenstein, 1995.

²⁷ Dawe, 1978, p. 366; цит. по: Seidman, 1985b, p. 133.

²⁸ How, 1998, p. 830.

«В ее [книги] основе лежат достижения великих предшественников: Антуана Огюстена Курно (1838), Уильяма Стэнли Джевонса (1871), Леона Вальраса (1874–1877, 1889, 1896), Вильфредо Парето (1892, 1898, 1906–1907), Фрэнсиса Исидора Эджуорта (1881, 1925), Альфреда Маршалла (1879, 1890, 1920), Кнута Виксея (1900, 1934) и Гарольда Хотеллинга (1925, 1931, 1936)»²⁹.

В скобках, как легко догадаться, — годы выхода в свет главных работ перечисляемых авторов, которые Самуэльсон изучил самым тщательным образом.

Тот же Пьеро Сраффа, который в духе презентизма «перевел» теорию Рикардо на математизированный язык современной экономической науки, одновременно осуществил гигантскую «историцистскую» работу, подготовив и издав собрание трудов и переписки Давида Рикардо в 11 томах (1951–1973), что в немалой степени способствовало возрождению интереса к его работам и идеям.

Еще один характерный пример — история «классикализации» трудов Георга Зиммеля, который был весьма популярен среди социологов в 1920–1930-е годы, но затем в течение нескольких десятилетий не входил в состав «классиков». Начало процессу его «реклассикализации» положили исследования историцистского направления, в которых были выявлены некоторые интеллектуальные и институциональные причины исключения Зиммеля из числа классиков в середине прошлого века. Эти исследования привлекли интерес к Зиммелю и стимулировали появление работ презентистского толка, в которых его идеи начали соотноситься с современными социологическими теориями. В результате объединенных усилий «историцистов» и «презентистов» Зиммель к настоящему времени уже практически вошел в число «основных» классиков социологии³⁰.

II. ФОРМИРОВАНИЕ СПИСКОВ

Классическое наследие социальной науки, как и любое наследство, можно представить в виде списка. Но, в отличие от описи имущества, эти списки (имен и трудов) не могут быть ни

²⁹ Самуэльсон, 2002 [1983/1947], с. X.

³⁰ См.: Levine, Carter, Miller Gorman, 1976; Levine, 1991; Camic, 1992; Aronowitz, 1994; Рамиттедт, 1994; Филиппов, 2009.

полными, ни окончательными, ни согласованными. Они формируются на протяжении веков, механизмы отбора в классики достаточно сложны, состав классиков изменчив — существуют не только своего рода негласные рейтинги, но и «ротация». Наконец, списки классиков никто не утверждает и не визирует: по поводу одних имен наличествует широкий или даже всеобщий консенсус, по другим согласия нет.

Процесс формирования списков «классики» (именуемых «классическими» произведений, концепций, теорий и их авторов) происходит на нескольких уровнях. Прежде всего, в работах по истории мысли задается некий набор «главных» ученых, внесших наиболее существенный вклад в развитие данной дисциплины. Самым распространенным является эпитет «великий» (*англ.* *great*), и одно из первых исследований такого рода опубликовал Йозеф Шумпетер (*Ten Great Economists: From Marx to Keynes, 1952*)³¹. В последующие десятилетия исследования, рассматривающие историю мысли через призму списка «великих», получили большое распространение во всех анализируемых нами областях науки. Назовем лишь некоторые из тех, в которых слово «великий» прямо включено в название работы.

В экономике:

«*Great Economists in Their Times*» (*Mitchell B., 1966*);

«*The Great Economists: A History of Economic Thought*» (*Marshall H., 1967*);

«*1985 Calendar of Great Economists*» (*Stigler G., Friedland, 1985*);

«*Great Economists Before Keynes*» (*Blaug, 1986*);

«*Great Economists Since Keynes*» (*Blaug, 1985*).

В психологии:

«*The Great Psychologists: From Aristotle to Freud*» (*Watson R., 1963*);

«*Great Psychologists and Their Times: Scientific Insights into Psychology's History*» (*Simonton, 2002*)

«*Encyclopaedia of World Great Psychologists*» (*Watson F., 2005*).

В социологии:

«*Mappers of Society: The Lives, Times, and Legacies of Great Sociologists*» (*Fernandez, 2003*).

³¹ *Schumpeter, 1952*. В этой книге помимо десяти «великих» экономистов (Карл Маркс, Леон Вальрас, Карл Менгер, Альфред Маршалл, Вильфредо Парето, Эйген фон Бём-Баверк, Фрэнк Тоссиг (Тауссиг), Ирвинг Фишер, Уэсли Митчелл, Джон М. Кейнс) были выделены еще трое «выдающихся» (Георг Кнапп, Фридрих фон Визер и Владислав фон Борткевич).

Помимо эпитета «великий» применительно к известным ученым используются и другие определения: «выдающийся» (англ. *eminent*), «главный» (англ. *major*) и т.д.:

«Eminent Contributors to Psychology» (*Watson R.*, 1974–1976)³²;

«Economic Thought since Keynes: A History and Dictionary of Major Economists» (*Beaud, Dostaler*, 1995);

«Fifty Major Economists: A Reference Guide (Key Concepts)» (*Pressman*, 1999).

В принципе, существует еще один вариант отслеживания «выдающихся» ученых — речь идет об эпонимах. В науке эпоним (греч. ἐπώνυμος, букв. «давший имя») — название явления (например, болезни), понятия, структуры или метода по имени человека, впервые обнаружившего или описавшего их. Роберт Мёртон утверждал, что эпоним является показателем наивысшего признания в науке, наиболее труднодостижимым и, может быть, наиболее значимым типом институционального признания³³. Но, на наш взгляд, это не совсем так, по крайней мере в общественных науках.

Эпонимы широко используются в естественных науках (законы Ньютона, уравнения Максвелла и т.п.) и в еще большей степени — в медицине (отёк Квинке, болезнь Альцгеймера и т.д.) и в математике (аксиомы Евклида, теоремы Коши, множитель Лагранжа и прочая, и прочая, и прочая)³⁴. В общественных науках эпонимы распространены несколько меньше, чем в медицине, математике и естественных науках, но также существуют, и притом в немалых количествах³⁵. Среди отдельных социальных дисциплин лидирует по количеству эпонимов, естественно, психология, в силу ее давних связей с медициной и биологией³⁶. На втором месте, видимо, идет экономика, которая после Второй мировой войны, пытаясь следовать образцам естественных наук, стала сильно математизированной и формализованной

³² Этот двухтомник является библиографическим справочником, но в нем все равно задан некий набор «выдающихся» авторов, библиография работ которых включена в данное издание.

³³ *Merton*, 1973, p. 298.

³⁴ Например, среди математических статей, опубликованных в 1982 г., 33% содержали хотя бы один эпоним в названии статьи; а среди статей по психологии эпоним в заголовке содержали 4% статей (*Diodato*, 1984).

³⁵ См., например: *Trahair*, 1994.

³⁶ *Zusne*, 1987a.

дисциплиной³⁷. Эпонимы присутствуют и в других общественных науках — праве, политологии, социологии и даже в педагогике³⁸.

Исследования, посвященные роли эпонимов в процессе обучения и в исследовательской работе³⁹, демонстрируют, во-первых, что большинство эпонимов имеют технический характер. Самый характерный пример — социология, где почти все эпонимы относятся к конкретным техническим методам и приемам: шкала Богардуса, шкала Лайкерта (Ликерта), шкалограмма Гутмана, метод Терстоуна, индекс Лазарсфельда, индекс Алфорда и т.д.⁴⁰ Едва ли не единственный концептуальный эпоним в социологии — это «теорема Томаса»: «Если люди определяют ситуации как реальные, они реальны по своим последствиям»⁴¹. С некоторой условностью к содержательным социологическим эпонимам можно отнести еще «парадокс ЛаПьера», хотя он в большей мере связан с социальной психологией⁴².

Во-вторых, в науке часто действует «закон эпонимии Стиглера»: «Ни одно научное открытие никогда не называется именем того, кто действительно его сделал»⁴³. Как правило, эпонимия

³⁷ Segura, Braun, 2004.

³⁸ Fernández-Cano, Fernández-Guerrero, 2003.

³⁹ Анализ формирования и использования эпонимов в общественных науках в целом см.: Ravlić, 2006; в психологии — Roewecklein, 1972; 1995; 1996; 1997a; 1997b; Diiodato, 1984; в экономике — Cole J., 2006; Hands, 2006.

⁴⁰ См., например: Толстова, 1998.

⁴¹ Thomas W., Thomas D., 1928, p. 571–572. В момент написания этой книги Дороти Томас была ассистенткой Уильяма Томаса и помогала ему в сборе и обработке материала, а позднее стала его женой и известным специалистом в области демографии (т.е. изначально она — однофамилица). Об истории этого эпонима, придуманного Робертом Мёртоном в 1938 г., см.: Merton, 1995.

⁴² Парадокс ЛаПьера — феномен несовпадения между символическими социальными установками, которые фиксируются в вербальных ответах, и реальным поведением. В исследовании, проведенном Ричардом ЛаПьером в США в начале 1930-х годов (*LaPiere*, 1934), было выявлено, что в то время как в анкетировании владельцев отелей и ресторанов были выражены негативные межнациональные установки (конкретно — по отношению к китайцам), в реальных взаимоотношениях (при обслуживании в тех же отелях и ресторанах) эти установки почти не проявляются.

⁴³ «Закон» сформулирован статистиком Стивеном Стиглером, сыном упоминавшегося выше экономиста Джорджа Стиглера (*Stigler S.*, 1980).

осуществляется *ex post* исследователями, которые не всегда являются специалистами по истории мысли (оставляя в стороне редкие случаи автоэпонимии, как, например, сам «закон эпонимии Стиглера»).

В-третьих, значительная часть эпонимов имеет загадочный характер, не будучи связана непосредственно с какой-либо фамилией — например, *t*-статистика (она же распределение Стьюдента), *F*-тест, Тобит-модель и т.д.⁴⁴

Но главное, это то, что сами по себе эпонимы, даже самые распространенные, ничего не говорят нам ни об авторе соответствующего «закона», «теоремы», «правила» и т.д., ни о времени, когда он жил и работал, ни, наконец, о его работах, идеях и теориях в целом. Например, любой студент-экономист знает про «эффект Слуцкого», но, конечно, большинство не имеет ни малейшего представления о том, кто такой был Слуцкий, не говоря уже о знакомстве с его работой, посвященной этой проблеме. Конечно, существуют «теоретические» эпонимы, достаточно четко ассоциирующиеся с именами известных ученых: например, в экономике — «невидимая рука Смита» или «крест Хикса», но обычно от имен самых выдающихся ученых не образуют эпонимов, если не считать таковыми самые общие обозначения — марксистский, фрейдистский, веберовский, кейнсианский и т.д.

⁴⁴ *T*-статистика (*t*-критерий) — метод статистической проверки гипотез, основанный на сравнении с распределением Стьюдента. Данный тип статистического распределения был описан в опубликованной в 1908 г. работе Уильяма Госсета (William S. Gossett), который работал на пивной фабрике Гиннеса в Дублине и был вынужден публиковать научные работы под псевдонимом Student. Буква *t* была использована Госсетом в формуле, описывающей свойства данного распределения. Эпонимы «распределение Стьюдента» и «*t*-статистика» введены американским статистиком и эконометриком Рональдом Фишером (Ronald A. Fisher).

F-тест позволяет установить, являются ли варианты двух выборок значимо различными. Разработан американским статистиком Джорджем Снедекором (George W. Snedecor) в 1934 г., назвавшим его в честь своего коллеги Рональда Фишера, который наметил пути построения этого теста в 1920-е годы.

Тобит-модель (tobit-model) — эпоним построен по аналогии с существовавшими до этого статистическими моделями probit-model и logit-model, но с отсылкой к имени разработавшего эту модель в 1958 г. американского экономиста Джеймса Тобина (James Tobin), лауреата Премии памяти Альфреда Нобеля по экономике 1981 г. Эпоним введен американским эконометриком Артуром Голдбергером (Arthur S. Goldberger) в 1964 г.

Как справедливо заметил Хендрик ван Дален в статье, посвященной научным достижениям лауреатов Премии памяти Альфреда Нобеля по экономике,

«С одной стороны, некоторые группы экономистов весьма изобретательны в приписывании имен новым идеям или методам. Достаточно напомнить о непрерывной эпонимизации эконометрических статистических тестов. Однако хотя эти тесты, в принципе, усовершенствовали процесс проверки гипотез, вряд ли можно считать их большим прорывом в экономической науке. В то же время довольно много лауреатов в области экономики не имеют ни одного эпонима, несмотря на то что они обогатили литературу новыми словами и аббревиатурами, такими как: парадокс розничных [торговых] сетей (Зелтен), CAPM⁴⁵ — модель ценообразования долгосрочных активов (Шарп), ограниченная рациональность (Саймон), человеческий капитал (Шульц), различие между инструментами и целями экономической политики (Тинберген, Фриш) и метод одновременной оценки уравнений (Хаавельмо). Очевидно, что эпонимы не являются адекватным способом оценки научной значимости или качества»⁴⁶.

В отличие от эпонимов, списки «великих» мыслителей, формируемые специалистами по истории научных дисциплин, действительно выступают в качестве базы для формирования реестра «классики», набора, намного более ограниченного. Такое «сужение» рядов «великих» и выделение среди них собственно классиков осуществляется на нескольких уровнях.

Во-первых, селекция происходит на основе представлений ныне действующих исследователей, которые осуществляют своего рода *ранжирование* общего списка ученых, внесших вклад в развитие их дисциплины. В монографиях и учебниках по истории мысли такое ранжирование, как правило, отсутствует, по крайней мере в явном виде, но по существу оно, конечно же, присутствует в сознании современных специалистов.

Во-вторых, сужаются и *временные границы* соответствующих списков, когда речь заходит о классике. В работах по истории науки, как правило, указываются все предшественники и основоположники данной науки начиная с Аристотеля (он обычно фигурирует в качестве основоположника во всех трех рассматриваемых нами дисциплинах — экономике, психологии и социологии). Но на уровне «массового научного сознания» акту-

⁴⁵ Capital Asset Pricing Model.

⁴⁶ Van Dalen, 1999, p. 24.

альная история каждой науки начинается с работ, заложивших ее современные основы. Для экономистов это вторая половина XVIII в., для психологов и социологов — вторая половина XIX или даже начало XX в.

В качестве иллюстрации подобных трансформаций можно привести результаты опросов современных ученых на тему «какого автора Вы считаете самым великим/выдающимся в истории Вашей дисциплины». Такого рода опросы профессионалов почему то особенно популярны у психологов⁴⁷ (а не у социологов, как можно было бы предположить), и в табл. 2 мы приводим краткие результаты некоторых из этих опросов (10 наиболее часто упоминавшихся в ответах имен). Эти опросы проводились как среди специалистов по истории психологии, так и среди психологов, не занимающихся специально историей своей дисциплины (как правило, опрашивались деканы факультетов психологии). В большинстве случаев организаторы опросов просили назвать самых выдающихся психологов за всю историю дисциплины, и только в последнем опросе (2001 г.) спрашивали о наиболее выдающихся психологах XX в. В этой и последующих таблицах имена упорядочены по году рождения; полужирным шрифтом выделены ученые, умершие до момента составления списка.

Хотя опросы проводились в разные годы в течение нескольких десятилетий (с начала 1960-х до начала 2000-х годов), в качестве респондентов выступали разные группы экспертов (историки науки и просто специалисты-психологи) и задавались разные временные горизонты (вся история науки или только история XX в.), результаты всех опросов оказываются удивительно схожими. «Ядро» выдающихся психологов в течение последних 40 лет почти не меняется и состоит из «основоположников» современной психологии, к которым относят Вильгельма Вундта, Уильяма Джеймса, Ивана Павлова, Зигмунда Фрейда, Эдварда Торндайка и Джона Уотсона. К этому набору постепенно добавляются новые имена — Кларк Халл, Жан Пиаже, Карл Роджерс, Бёррес Скиннер, а в последнее время и Альберт Бандура. В отдельных опросах возникают и другие ученые — Эдвард Толман, Курт Левин, Эрик Эриксон, Леон Фестингер, Абрахам Маслоу и другие известные психологи, но это всё же фигуры второго ряда.

⁴⁷ Coan, Zagona, 1962; Annin, Boring, Watson R., 1968; Davis S., Thomas R., Weaver, 1982; Heyduk, Fenigstein, 1984; Korn, Davis R., Davis S., 1991; Haggbloom et al., 2002.

Таблица 2

Наиболее выдающиеся психологи (по результатам опросов американских психологов, 1962–2001 гг.)

Историки психологии, 1961 (Coan, Zagona, 1962)			Деканы факультетов психологии, 1966 (Davis et al., 1982)			Деканы факультетов психологии, 1981 (Davis et al., 1982)		
Имена	Годы жизни	R	Имена	Годы жизни	R	Имена	Годы жизни	R
Wundt, Wilhelm	1832–1920	3	Wundt, Wilhelm	1832–1920	3	Wundt, Wilhelm	1832–1920	7
James, William	1842–1910	7	James, William	1842–1910	2	James, William	1842–1910	5
Pavlov, Ivan P.	1849–1936	4	Pavlov, Ivan P.	1849–1936	5	Pavlov, Ivan P.	1849–1936	4
Freud, Sigmund	1856–1939	1	Freud, Sigmund	1856–1939	1	Freud, Sigmund	1856–1939	1
Thorndike, Edward L.	1874–1949	6	Binet, Alfred	1857–1911	10	Thorndike, Edward L.	1874–1949	9
Watson, John B.	1878–1958	5	Thorndike, Edward L.	1874–1949	7	Watson, John B.	1878–1958	5
Wertheimer, Max	1880–1943	8	Watson, John B.	1878–1958	4	Hull, Clark L.	1884–1952	7
Hull, Clark L.	1884–1952	2	Hull, Clark L.	1884–1952	6	Piaget, Jean	1896–1980	3
Tolman, Edward C.	1886–1959	9	Tolman, Edward C.	1886–1959	8	Rogers, Carl C.	1902–1987	10
Lewin, Kurt	1890–1947	10	Skinner, Burrhus F.	1904–1990	9	Skinner, Burrhus F.	1904–1990	2

Историки психологии, 1990 (Korn et al., 1991)			Деканы факультетов психологии, 1990 (Korn et al., 1991)			Члены Американской психологи- ческой ассоциации, 2001 (Haggbloom et al., 2002)		
Имена	Годы жизни	R	Имена	Годы жизни	R	Имена	Годы жизни	R
Fechner, Gustav	1801-1887	10	Wundt, Wilhelm	1832-1920	6	James, William	1842-1910	6
Wundt, Wilhelm	1832-1920	1	James, William	1842-1910	3	Pavlov, Ivan P.	1849-1936	6
James, William	1842-1910	2	Pavlov, Ivan P.	1849-1936	9	Freud, Sigmund	1856-1939	3
Pavlov, Ivan P.	1849-1936	5	Freud, Sigmund	1856-1939	2	Thorndike, Edward L.	1874-1949	9
Ebbinghaus, Hermann	1850-1909	6	Thorndike, Edward L.	1874-1949	10	Watson, John B.	1878-1958	4
Freud, Sigmund	1856-1939	3	Watson, John B.	1878-1958	8	Lewin, Kurt	1890-1947	8
Binet, Alfred	1857-1911	9	Hull, Clark L.	1884-1952	5	Piaget, Jean	1896-1980	2
Watson, John B.	1878-1958	4	Piaget, Jean	1896-1980	4	Rogers, Carl	1902-1987	9
Piaget, Jean	1896-1980	7	Rogers, Carl	1902-1987	7	Skinner, Burrhus F.	1904-1990	1
Skinner, Burrhus F.	1904-1990	8	Skinner, Burrhus F.	1904-1990	1	Bandura, Albert	1925-	5

R — ранг.

Источники: Coan, Zagona, 1962; Davis S., Thomas R., Weaver, 1982; Korn, Davis R., Davis S., 1991; Haggbloom et al., 2002.

Конечно, существуют некоторые различия в оценках специалистов по истории мысли и просто психологов — первые, в отличие от вторых, включают в реестр таких авторов, как Густав Фехнер, Герман Эббингауз, Альфред Бине, Макс Вертхаймер. При ограничении списка выдающихся ученых только XX столетием, из него выпадает Вундт⁴⁸. Но в целом мы видим феноменальный консенсус мнений, несмотря на чрезвычайно высокую степень диверсификации психологии по отдельным направлениям, течениям, специальностям, школам и т. д.

Применительно к социологии нам удалось обнаружить только два подобных опроса (см. табл. 3). Первый был организован в 1927 г. Лютером Бернардом, который провел анкетирование 258 членов Американской социологической ассоциации. Респонденты, среди прочего, должны были назвать наиболее влиятельных (*most influential*), по их мнению, социологов⁴⁹. Второй опрос был проведен Альбертом Халси в 2001 г. среди 255 профессоров социологии британских университетов. В этом случае респондентов просили назвать социологов XX в., которые внесли наибольший вклад в развитие этой дисциплины (*contributed most to the subject*).

Как свидетельствуют результаты этих двух опросов, в социологии за 70 лет список наиболее «выдающихся» ученых почти полностью обновился (правда, это отчасти может объясняться и различиями в оценках американских и британских социологов). Но, судя по косвенным данным, основные изменения произошли в середине прошлого века, а с конца 1960-х годов в число наиболее «выдающихся» социологов устойчиво входили Маркс, Дюркгейм, Вебер, Парсонс и Мёртон (Зиммель, как отмечалось выше, снова появился в этом списке относительно недавно).

⁴⁸ В этом опросе Вундт оказался лишь на 51-м месте, что, возможно, отражает не только представление о нем как об авторе XIX в. (хотя Вундт умер в 1920 г., спустя 10 лет после Джеймса), но и начавшуюся переоценку его роли как основоположника современной психологии.

⁴⁹ Анкета включала набор фиксированных вопросов, но сами анкеты заполнялись респондентами в свободной форме автобиографического очерка. Эти автобиографии, хранившиеся в архиве, были обработаны только в 1973 г. (см.: *Baker, Long, Quensel, 1973*).

Таблица 3

Наиболее выдающиеся социологи (по результатам опросов американских (1927 г.) и британских (2001 г.) социологов)

США, 1927 г. (1)				Великобритания, 2001 г. (2)			
Имена*	Годы жизни	Голо-са	R	Имена**	Годы жизни	Голо-са	R
Spencer, Herbert	1820-1903	23	5	Marx, Karl***	1818-1883	10	12
Sumner, William G.	1840-1910	23	5	Durkheim, Émile	1858-1917	43	2
Ward, Lester F.	1841-1913	45	3	Simmel, Georg	1858-1918	15	9
Tarde, Jean-Gabriel de	1843-1904	11	11	Weber, Max(imilian)	1864-1920	92	1
Small, Albion W.	1854-1926	16	8	Parsons, Talcott	1902-1979	37	3
Giddings, Franklin H.	1855-1931	51	2	Merton, Robert K.	1910-2003	30	4
Durkheim, Émile	1858-1917	7	12	Wright Mills, Charles	1916-1962	19	6
Simmel, Georg	1858-1918	12	10	Goffman, Erving	1922-1982	26	5
Thomas, William I.	1863-1947	16	8	Foucault, Michel	1926-1984	12	11
Cooley, Charles H.	1864-1929	53	1	Habermas, Jürgen	1929-	13	10
Hobhouse, Leonard T.	1864-1929	7	12	Bourdieu, Pierre	1930-2002	18	8
Park, Robert E.	1864-1944	7	12	Giddens, Anthony	1938-	19	6
Ross, Edward A.	1866-1951	32	4				
Ellwood, Charles A.	1873-1946	23	5				

R — ранг.

Источники: (1) Luther L. Bernard survey, 1927 (Baker, Long, Quensel, 1973; цит. по: Levine, Carter, Miller Gorman, 1976, p. 840-841). «Most influential sociologists», multiple choice.

(2) Albert H. Halsey survey, 2001 (*Donovan, Halsey, 2004, p. 172*). «Sociologists in the twentieth century who have contributed most to the subject», multiple choice.

* Исключая «учителей», т.е. социологов, у которых респонденты непосредственно учились.

** В результатах опроса фигурирует также Howard Becker, получивший 10 голосов и разделивший 12–13 места с Марксом. Мы исключили его из таблицы, так как не знаем, идет ли речь о Говарде П. Беккере (1899–1960) или Говарде С. Беккере (р. 1928). Возможно также, что разные респонденты, называя это имя, имели в виду разных Говардов Беккеров, и в итоге мог получиться некий суммарный рейтинг двух американских социологов-однофамильцев.

*** По поводу появления в списке Карла Маркса организаторы опроса с иронией замечают: «Нет, конечно, это — персона не из XX века, но тем не менее он получил 10 голосов наших ученых профессоров».

Наконец, что касается экономики, то нам удалось найти лишь один опрос такого типа, но, в отличие от социологии, его результаты являются нерепрезентативными и мы не будем приводить их, чтобы не сбивать с толку читателей — не-экономистов⁵⁰.

Следующая стадия связана с формированием списков собственно «классики» — работ, теорий и их авторов. На этом этапе происходит дальнейший отбор из списков «великих» и «выдающихся», хотя принципы такой селекции не всегда четко артикулируются. Речь идет об исследованиях, специально посвященных «классике» в той или иной дисциплине.

Как правило, в такого рода исследованиях к классике причисляются работы и авторы, относящиеся к определенному периоду развития науки — если не начальному, то по крайней мере достаточно отдаленному от настоящего времени. В экономике этот период обычно ограничен 1870 г., в психологии и социологии — Первой мировой войной.

В экономике:

«The Structure of Classical Economic Theory» (*Eagly, 1974*);

«Classical Economics» (*Hollander, 1987*);

⁵⁰ Результаты были получены на основе электронного голосования подписчиков журнала «Post-Autistic Economics Review», редакция которого находится в оппозиции к мейнстриму, не любит математику и свободную конкуренцию и поддерживает левые идеи. С результатами этого «левого» опроса можно познакомиться в Интернете (URL: <http://www.paecon.net/PAEReview/issue36/greatest20thcenturyeconomists.htm>).

«The Elgar Companion to Classical Economics» (*Kurz, Salvadori*, 1998);

«Classical Theory of Economic Growth» (*Eltis*, 2000).

В социологии:

«Classical Sociological Theory» (*Ritzer*, 1991);

«Classical Sociology» (*Turner B.*, 1999);

«Classical Sociological Theory» (*Adams, Sydie*, 2002);

«Explorations in Classical Sociological Theory: Seeing the Social World» (*Allan*, 2002).

В психологии:

«Classics in Psychology, 1855–1914: Historical Essays» (*Wozniak*, 1999).

Часто в подобных работах одновременно предпринимаются попытки определить выбор классики и по неким содержательным, концептуальным соображениям, на основе некоего единства теоретических подходов к проблеме. Впрочем, эти методологические установки соблюдаются далеко не всегда — в число классиков могут включаться и современники, и, по существу, слово «классика» иногда оказывается лишь синонимом «выдающегося», например:

«A History of Economic Theory: Classic Contributions, 1720–1980» (*Niehans*, 1990);

«50 Psychology Classics: Who We Are, How We Think, What We Do» (*Butler-Bowdon*, 2006).

Но, конечно, статус классики подразумевает, что соответствующие работы по-прежнему следует читать. Поэтому представление о научной классике (в первую очередь — о классических работах) формируется благодаря изданию соответствующих книжных серий («классики социологии», «классики экономической науки», «классики психологии» и т.д.), в которых переиздаются произведения, считающиеся «классическими».

В экономике такого рода серийные издания (точнее, переиздания) выпускаются многими издательствами:

«Reprints of Economic Classics» (*Augustus M. Kelley*);

«Classics in Economics» (*Richard D. Irwin*);

«Classics in Economics Series» (*Transaction Publishers*);

«Classics Series — Economics, Finance, and Business» (*The MIT Press*);

и даже «Underground Classics in Economics» (*Westview Press*).

Социологам, в свою очередь, хорошо известны такие серии «классических» подборок, как:

- «Classics in Sociology» (Ashgate);
- «Classics in Sociology» (Routledge);
- «Classical Social Theory Books» (Routledge);
- «Классика социологии» (Наука, СПб.).

Наконец, по психологии имеется 50-томное издание, выпущенное под редакцией Роберта Возняка:

- «Classics in Psychology, 1855–1914» (Thoemmes Press).

Помимо различных переизданий в книжных сериях, для удобства читателей (в первую очередь студентов) публикуются и различные ридеры, т.е. антологии и хрестоматии, содержащие небольшие по объему классические работы или отрывки из более крупных произведений. Такого рода хрестоматии начали составлять и использовать в учебном процессе достаточно давно: например, в психологии первый такой ридер, содержащий в названии слово «классика», был издан еще в 1912 г., и за ним последовали и другие подобные публикации:

- «The Classical Psychologists: Selections Illustrating Psychology from Anaxagoras to Wundt» (Rand, 1912);
- «Classics in Psychology» (Shipley, 1961) и др.

Особенно популярны такие хрестоматии у социологов, например:

- «Classics in Sociology: A Course of Selected Reading by Authorities» (MacRae, 1960);
- «Classical Sociological Theory» (Kauzlarich, 2002);
- «Sociological Classics» (Calhoun et al., 2005);
- «Classical Sociological Theory» (Kimmel, 2006).

Экономисты, в свою очередь, предпочитают публиковать более специализированные подборки классических работ по отдельным направлениям экономической науки, например:

- «Classics of Organization Theory» (Shafritz, Ott, 1987);
- «Classical Readings in Organizational Behavior» (Ott, 1995);
- «Environmental Economics and Policy: Selected Classical Readings» (Šauer, Livingston, 1996);
- «Classic Readings in Economics» (Colander, 2005).

Специфической чертой хрестоматий и антологий является, как правило, отсутствие жестких временных границ при составлении подборок классических трудов. В отличие от монографий и учебников, посвященных классике, в антологии классики почти всегда включаются работы как прошлых, так и современных авторов, т.е. все те, что, по мнению составителей, должен про-

честь студент в процессе обучения. Иногда это обстоятельство оговаривается в названии («классические и современные работы»):

«Classic and Contemporary Readings in Sociology» (*Marsh et al.*, 1998);

«Real Options and Investment Under Uncertainty: Classical Readings and Recent Contributions» (*Schwartz, Trigeorgis*, 2004) и т.д.

Наконец, достаточно типичен вариант составления антологий и хрестоматий только «современной классики», например:

«Contemporary Classics in the Social and Behavioral Sciences» (*Smelser*, 1987);

«Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики» (*Радаев*, 2004).

В последние годы появился еще один важный источник формирования представлений о классике и классических работах — специализированные интернет-сайты, например:

«Classics in the History of Psychology»;

«Classical Sociological Theory»;

«Sociology Classics»⁵¹ и т.д.

На этих сайтах размещаются в открытом доступе классические работы или отрывки из них, и эти электронные ресурсы также активно используются преподавателями и студентами в учебном процессе.

* * *

Конечно, состав корпуса классических произведений, теорий и авторов является объектом дискуссий, но в отношении его ядра обычно существует консенсус. Граница между «выдающимися» и «классиками» не всегда четкая, особенно на интернет-сайтах (хотя в некоторых дисциплинах пытаются выделить классику как некое концептуально связанное ядро — например, в экономике). Но классики отличаются от «великих» и «выдающихся» прежде всего тем, что классики — это те из «выдающихся», работы которых стоит (или следует) читать (изучать, знать). Поэтому представления о классике в основном формируются в процессе обучения, а затем закрепляются (или опровергаются) в текущем исследовательском процессе.

⁵¹ См.: URL: <http://psychclassics.yorku.ca/index.htm>; <http://ssr1.uchicago.edu/PRELIMS/theory.html>; <http://www.mavicanet.com/directory/eng/35032.html>.

Характеристики классики

Восхваление древних авторов вытекает не из уважения к умершим, а из соперничества и взаимной зависти живущих.

Томас Гоббс. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского, 1651.

Вопрос о *характеристиках* (параметрах) классики тесно связан с проблемой *функций* (роли) классики в современном знании. Как мы покажем ниже, классика выполняет определенные функции именно потому, что классические работы обладают некими особыми свойствами, и наоборот: работы, характеризующиеся такими свойствами, начинают выполнять специфические функции в образовании и науке в качестве «классики».

Какими параметрами должен обладать научный труд, чтобы стать «классическим», и каковы формы влияния «классиков и классики» на научное (а иногда и более широкое) сообщество — вопрос, который в прошлом веке ставился и решался как социологами науки, так и учеными, представляющими самые разные дисциплины и преподающими их. В итоге — характеристики и функции классики в социологии, экономике и психологии описаны достаточно подробно, хотя, на наш взгляд, и не вполне четко. Заметим, что, подобно «функциям истории», о которых нам много приходилось писать в других работах, «функции классики» как объект анализа обладают, видимо, особой притягательностью, способствующей четкой и выразительной форме рефлексии. Поэтому свою задачу в данном случае мы видим преимущественно в том, чтобы упорядочить и систематизировать уже высказывавшиеся в научной литературе точки зрения.

I. ПАРАМЕТРЫ

Статус «классик/классика» присваивается *ex post*. Попытки сформулировать *критерии* классики (т.е. задать параметры классики *ex ante*) предпринимались, но они были не слишком плодотворны. Вообще, это свойство всех научных трудов — они оцениваются после их появления на свет, хотя, наверное, мно-

гие авторы в процессе написания своих основных работ ставят перед собой задачу создать выдающееся исследование (добиться максимально высокого качества). «Классический» пример, известный любому историку, — слова Фукидида, написавшего: «Мой труд рассчитан... на то, чтобы быть достоянием навеки»¹. Возможно, он написал эти слова, уже закончив работу, но оценил ее сам. И не ошибся.

Полагаем, что многим ученым хотелось бы написать «классическую» работу, но такое желание само по себе ничего не гарантирует: никогда заранее не известно, какой вердикт вынесет научное сообщество. Тем более что, как мы покажем в следующих главах, механизм «возведения в классики» весьма сложен и к тому же, как правило, суждение выносится по прошествии значительного времени, иногда очень отдаленного.

В самом общем виде, как считает социолог Никос Музелис, «классические» труды должны «превосходить другие сочинения по уровню познавательного потенциала, остроте анализа, силе обобщения, пронизательности воображения и оригинальности»². Размышляя в ретроспективе о критериях наделения научных трудов статусом значимых, психолог Роберт Возняк говорит, что все очевидное многообразие причин, по которым работа определяется как «значительная», можно свести к двум основным категориям, обозначаемым им как «креативная новизна» и «социальное влияние»³. Заметим, что речь у Возняка идет не о «классических», а о «выдающихся» исследованиях, то есть о более широком круге научных работ. Очевидно, что незаурядное качество исследований и высокая степень влияния, которое они оказали (оказывают) на науку, — условие необходимое, но не достаточное для присвоения работе статуса «классической» или ее автору ранга «классика». Главное отличие классиков от выдающихся ученых состоит в том, что классические труды продолжают изучать и читать. Они надолго остаются образцами и источниками идей. Более того, хотя, наверное, это свойство нельзя приписать всем классическим работам, классический текст «содержит столь мощное объяснение положения дел, что последующие поколения могут опро-

¹ Фукидид. История, I, 22, 4.

² Mouzelis, 1997, p. 245–246; цит. по: Baehr, 2002 [1994], p. 118.

³ Wozniak, 2004, p. 37.

вергнуть его (если вообще смогут), только приложив огромные интеллектуальные усилия»⁴.

Далее мы рассмотрим обе названные характеристики — выдающееся качество научной работы и ее способность оставаться влиятельной (в «плане содержания» и в «плане выражения») — как основания образовательных, когнитивных и социальных функций классики в процессе научного познания.

а) *Качество*

Качество научной работы условно можно характеризовать по трем направлениям: научная новизна, научное содержание и совершенство формы.

Под научной новизной подразумевается первенство в разработке новой концепции, метода, подхода к проблеме, способа решения исследовательской задачи; создание направления, дисциплинарной области и т. д. Если работа содержит хотя бы одну из перечисленных характеристик, в соответствующей научной области она может быть признана значительной или выдающейся.

В трех выделенных нами для анализа дисциплинах ученые, размышляющие о содержании понятия «научная новизна», формулируют свои представления о ней сходным образом. Так, психолог Роберт Возняк развивает свое видение «креативной новизны» в целой серии риторических вопросов:

«Связываются ли [оцениваемые работы] с предложением новых концепций, терминологии, подходов, методов или возможностей их применения? Считается ли, что в них впервые были сделаны эмпирические открытия? Известны ли они тем, что предложили новые способы синтеза доступного материала, впервые объединив разрозненные идеи и наблюдения в одном месте, или тем, что определили или систематизировали новую область или дисциплину? Считают ли, что они предопределили более поздние направления развития, даже если в момент их появления заключаемый в них потенциал мог остаться незамеченным или не вполне понятным самим автором?»⁵.

Для того чтобы научная работа имела шанс не просто стать выдающейся, а войти в число классических, ее новизна должна

⁴ Thomas, 1992, p. 114, 115; цит. по: Baehr, 2002 [1994], p. 116–117.

⁵ Wozniak, 2004, p. 39.

оказаться перспективной для дисциплины, раньше или позднее стимулировать новые исследования в соответствующем направлении. Следовательно, такое сочинение должно предлагать передовые и мощные концептуальные методы анализа, позволяющие формулировать новые научные задачи или решать нерешенные доселе теоретические проблемы, что, в свою очередь, создает возможности для принципиально новых эмпирических исследований. Экономисты Ричард Гифт и Джозеф Крислов полагают, что для отнесения работы к разряду экономической классики она должна «развивать методологию дисциплины и использовать это продвижение для новых прозрений»⁶.

Научное содержание работы отчасти корреспондирует с его «новизной», но подразумевает присутствие и других свойств. Социолог Джефффри Александер называет три параметра, отличающие содержание исследования, претендующего на статус классического. По его мнению, такое исследование должно продемонстрировать следующие качества: в области интерпретации состояния умов — «выдающиеся способности автора к эмпатии, провидению и объяснению»; в области реконструкции эмпирического мира — исключительные способности «к отбору данных и реконструкции, то есть творческий и уникальный дар репрезентации»; в области вынесения моральных и идеологических оценок — убедительное рассуждение о смысле социальной жизни, предлагающее «сжатые и четкие формулы “идеологической реальности” в соответствующих риторических тропах»⁷.

Риторические достоинства научного текста несомненно повышают шансы на включение в корпус классики, но очевидно, что пропуском в этот корпус является все-таки выдающееся научное содержание работы, а не слог, которым она написана. Как известно, многие (если не большинство) классических работ отнюдь не блещут изяществом стиля, а наоборот, написаны очень тяжелым языком и трудны для восприятия (достаточно вспомнить некоторые тексты Карла Маркса или Макса Вебера!). Тем не менее форма — важный аспект, и в последние десятилетия прошлого века возникло целое научное направление, занятое анализом причин популярности «классических» работ и концепций, которое получило название филологического. Его

⁶ Gifft, Krislov, 1997, p. 29.

⁷ Alexander, 1987, p. 29–31.

сторонники связывают популярность и «классикализацию» в первую очередь с поэтикой соответствующих текстов и риторическими способностями их авторов⁸.

Однако даже при соответствии всем названным выше критериям (научная новизна, научное содержание, совершенство формы) лишь отдельные тексты попадают в компендиум классики, и срок пребывания в этом статусе очень сильно отличается для разных работ.

Если до сих пор мы говорили о содержании самих текстов, то дальше речь пойдет об условиях их признания, которые в некотором смысле лежат «вне текста», ибо предполагают взаимодействие работы, по качеству соответствующей указанным выше параметрам, с внешней средой. Это условия, делающие возможными такие, например, процедуры восприятия текста, как его апроприация, интерпретация, реинтерпретация и др. Заключенная в научном тексте возможность указанных практик и обеспечивает, по мнению многих исследователей феномена «классики», устойчивое и признанное влияние той или иной работы на развитие науки. Самые общие предпосылки, описывающие возможность эффективного взаимодействия работы со средой, — это «культурный резонанс» и «пластичность текста» (в терминологии Питера Баера). Оба определения представляются нам очень точными и удобными в использовании.

Первая характеристика — «культурный резонанс» — означает не просто созвучность работы «духу времени», а, как и следует из значения слова «резонанс», резкое усиление воздействия, возникающее в результате такого соответствия. Исследование, которое обладает качествами, способными вызвать интерес и «активировать читателя», должно в то же время оказаться в ситуации, благоприятной для такой реакции.

«Это, помимо всего прочего, означает, что работа, о которой идет речь, должна восприниматься как достаточно привлекательная и полезная, чтобы быть признанной жизненно важной для определенного культурного проекта, или как очевидно несовместимая с ним и поэтому провоцирующая дискуссию и заставляющая говорить о себе»⁹.

⁸ Типичные примеры такого подхода см.: *Yaym*, 2002 [1973] (историография и философия истории); *McCloskey*, 1983 (экономика); *Davis*, 1986 (социология).

⁹ *Baehr*, 2002, p. 123.

Здесь можно указать также на способность идей, сформулированных в классических текстах, если не создавать культурный контекст, то обеспечивать его устойчивость и в какой-то мере даже продлевать его существование (идеи рынка, классово-вой борьбы, социальной стратификации и т. д., которые легко заимствуются идеологическими системами и используются для создания и навязывания образов социальной реальности уже идеологическими средствами).

Понятно, что контекст, в котором оказывается та или иная выдающаяся работа, может оказаться для нее и неблагоприятным. Негативную роль внешней среды достаточно убедительно описывают так называемые «эффекты» Возняка (не эпоним!), рассуждавшего о том, при каких обстоятельствах яркие и значительные идеи (тексты) могут оказаться незамеченными или отвергнутыми. Всего, опираясь на примеры из истории психологии, он насчитал семь таких «эффектов». Первые четыре связаны с творчеством и поведением учеников и последователей, повлекшими за собой неприятие значительных научных результатов и ярко написанных работ. Оставляя пока эти «эффекты» в стороне (о них мы скажем в другом месте), перечислим те, которые могут быть отнесены к числу факторов, неблагоприятных для возникновения «культурного резонанса»¹⁰. При прочих равных условиях, скорее всего окажутся невостребованными:

- идеи, которые возникают в «противофазе» господствующей в науке тенденции (эффект маятника)¹¹;
- идеи, которые опередили свое время или, что случается гораздо чаще, для реализации которых еще не существует технологической базы (эффект несвоевременности);
- идеи, для применения которых не разработаны эмпирические методы (эффект метода).

¹⁰ Wozniak, 2004, p. 43–44.

¹¹ Роберт Возняк по этому поводу пишет: «Хотя очевидно, что понятием “революция” в психологии сильно злоупотребляют, можно заметить, что в ходе своей истории, равно как и в географическом пространстве, корпус психологической мысли колебался между крайностями, такими как: рационализм/эмпирицизм, элементаризм/холизм, сознательное/бессознательное, природа/воспитание, сознание/поведение, индивидуальное/социальное, когнитивное/аффективное, теория/факт. Наличие таких колебаний, видимо, приводит к тому, что идеи, относящиеся к одному полюсу, отвергаются, когда происходит сдвиг к другому полюсу» (Wozniak, 2004, p. 43–44).

Вторая характеристика классического произведения — «пластичность текста» (*textual suppleness*) — это способность на протяжении долгого времени оставаться востребованным, более того, перечитываться и прочитываться по-разному. Такое качество письма «зависит от ряда особенностей самой работы: чувства стиля, парадоксальности и неоднозначности... используемых риторических фигур, но главное — от уровня, масштаба и абсолютной величины достигнутого»¹². Удачное сочетание культурного резонанса и пластичности текста обеспечивает возможность широкого признания научной работы.

Благодаря присутствию указанных факторов, между текстом и его последующими читателями устанавливаются длительные отношения, позволяющие постоянно реинтерпретировать классическую работу; находить в ней не замеченные прежде ресурсы для подхода к новым исследовательским проблемам или для использования предложенных в ней объяснительных схем к новым дисциплинарным областям, порой даже не существовавшим при жизни автора; осваивать лучшие образцы научной аргументации и пр. Кроме того, текст, обладающий высоким научным потенциалом, всегда представляет собой самостоятельный объект для толкования. Неслучайно за каждым классиком стоит огромная герменевтическая традиция (марксиана, вебериана, шмидтиана и т.д.).

Отдельно обратим внимание еще на одну область, в которой особенно проявляется востребованность классики именно в связи с «пластичностью» классических текстов и их способностью вызывать «культурный резонанс». В разные периоды существует устойчивый набор таких классиков, идеи которых легко пересекают дисциплинарные пределы именно потому, что полнее других выражают состояние интеллектуального фронта своего времени. В XVIII–XIX вв. такой процесс апроприации облегчался недифференцированностью общественнознания и проницаемостью границ между научным сообществом и образованным обществом. В XX в., скорее, наоборот — «взрослением социальных наук», ростом их методологической автономии и стремлением к формализации. Эти процессы породили и порождают острое ощущение «теоретического голода» (постоянные разговоры о кризисе теории) и стимулируют интерес к

¹² Baehr, 2002 [1994], p. 125.

положению дел в сопредельных науках, а вместе с ним и непрерывные попытки заимствования концепций, разработанных в одних дисциплинах, для решения исследовательских задач других (см. ниже главу «Классики в историографии: свои и чужие»). Кроме того, появилось множество смежных социальных дисциплин (психолингвистика, экономическая социология, историческая антропология и многие другие), представители которых, восполняя свое образование, особенно ориентированы на освоение выдающихся исследований в «другой», чужой для себя дисциплине. В этой сфере, которая с 1960-х годов методологически активно рефлексивируется как «междисциплинарность», особенно важны такие характеристики классических текстов, как способность вызывать «культурный резонанс» и «пластичность», позволяющая создавать разнообразные реинтерпретации.

Прежде всего свойством «всеобщности» обладают универсалистские концепции и макротеории, которые нередко отличаются размытостью, «обобщенностью» (*vague theories*) и в силу этого могут быть «присвоены» разными дисциплинами. Конечно, такие теории чаще производятся в гуманитарных науках, но легко назвать имена классиков — экономистов, социологов или психологов, — идеи которых получили свое прочтение у представителей самых разных социальных и гуманитарных дисциплин, а иногда даже обретали популярность вне науки — у художников-концептуалистов, например. Заметим, что многие «универсальные классики» и сами не замыкались в рамках одной дисциплины, а мыслили о мире как о сложной системе, потому их часто и называют «мыслителями».

Впрочем, не только «большие теории», но, бывает, даже достаточно локальные, специфические идеи, «мысли» могут находить применение в разных науках или дисциплинарных областях, если они соответствуют «культурному контексту» или оспаривают его. Например, «рамки памяти» Мориса Хальбвакса были замечены и использованы историками спустя почти полвека после появления этой достаточно узкой социологической концепции, а именно тогда, когда в «культурном контексте» возникло «движение за память» и вслед за ним появилось направление «исторической памяти» в историографии.

Нам кажется, что в дополнение к рассмотренным характеристикам к анализу классики можно применить и концепцию

научных парадигм Томаса Куна, но не на уровне описания состояния научной дисциплины в целом, как это делал он сам, а для анализа отдельных (классических) произведений.

Напомним, что, согласно концепции Куна, в каждой научной дисциплине парадигма включает три основных элемента¹³:

1) разделяемые научным сообществом критерии и нормы (Кун называет их «ценностями»), по которым оцениваются результаты научной деятельности;

2) принятые и используемые модели, теории, концепции (в терминологии Куна — «законы природы» и «концептуальные модели»), описывающие и объясняющие функционирование объекта данной дисциплины;

3) существующие образцы решения научных проблем (эта составляющая в наибольшей степени интересовала Куна, и именно она является парадигмой в точном смысле слова — от греч. παράδειγμα, «пример, образец»).

Конкретный набор этих трех элементов в каждый период времени образует дисциплинарные парадигмы.

Такая парадигмальная модель позволяет нам выделить разные виды «классики», соответствующие разным типам парадигм — моделям, используемым в данном исследовательском направлении, и «образцам» (exemplar) решения научных проблем. Например, книгу самого Куна, несмотря на ее противоречивость и путанное изложение, т.е. несоответствие некоторым «ценностям», точнее — научным нормам (см. пункт 1)¹⁴, также можно считать классической, поскольку она предложила новую «модель» развития науки. Но при этом, на наш взгляд, работа не стала «образцом» решения проблем, о чем свидетельствует тот факт, что Куну пришлось написать по меньшей мере три разъясняющих дополнения к своей изданной в 1962 г. книге, которые он последовательно публиковал в 1970–1974 гг.

¹³ Кун, 1977 [1970/1962], с. 236–244.

¹⁴ Как писал сам Кун в дополнении ко 2-му изданию: «Я теперь думаю, что недостаток внимания к таким ценностям, как внутренняя и внешняя последовательность в рассмотрении источников кризиса и факторов в выборе теории, представлял собой слабость моего основного текста» (Кун, 1977 [1970/1962], с. 241). Заметим, что в оригинале эта фраза звучит почти так же коряво, как и в русском переводе (что, впрочем, можно отнести ко всему куновскому тексту).

б) Вклад/влияние

Разговор о второй характеристике «классики» — ее исключительном влиянии на развитие науки — начнем с трех важных предварительных замечаний.

Во-первых, когда мы говорим о значительности влияния, мы должны определить его меру и пределы, то есть уточнить, распространяется ли оно на область исследований, дисциплину в целом, социальные/гуманитарные науки или даже выходит за границы научного сообщества. Последнее — случай не столь уж редкий (Маркс, Фрейд, Вебер), но, видимо, к вопросу о *научной* классике прямого отношения это все-таки не имеет.

Во-вторых, когда речь идет о *качестве* классики, то мы всегда имеем в виду текст. Если же говорится о *влиянии* классики, то может подразумеваться как работа (текст), так и фигура автора (и связанные с ним идеи, концепции, модели, которые оторвались от текстов, в которых они были сформулированы).

В-третьих, влияние — феномен социальный, обусловленный существующими в том или ином научном сообществе механизмами признания, оценки, трансляции знания, институциональным устройством науки и т.д. Поэтому когда мы от параметров *качества* текстов переходим к характеристикам *влияния* классиков, мы безоговорочно вступаем в область социального.

Первый вопрос касается меры влияния. Бесспорно, классическим текстом следует признать такой, «роль которого в развитии дисциплины или традиции столь велика, что любая история [науки] должна обращаться к нему»¹⁵. Тем не менее мы часто используем термин «классическая работа» в сочетании с уточняющими характеристиками: «по данной теме», «в данной области», «в рамках данного направления», т.е. в гораздо более ограниченном смысле.

Существует и более радикальное мнение, согласно которому «настоящей классикой» становятся/являются только те труды, которые выходят за рамки конкретного направления научных исследований или даже дисциплины в целом. Так, Ричард Гифт и Джозеф Крислов в статье «Существует ли классика в экономике?» утверждают, что классическая работа должна удовлетворять следующим требованиям: «использоваться как источник по экономическим проблемам неэкономистами; использоваться

¹⁵ Thomas, 1992, p. 114; цит. по: Baehr, 2002 [1994], p. 116–117.

как источник для экономистов и специалистов из других дисциплин по широкому кругу вопросов методологии, философии и политики», а также оказывать «влияние на формирование программы исследований за пределами экономической теории». При этом воздействие такой работы должно быть «кросскультурным и долговременным (непреходящим), предполагающим перечитывание»¹⁶.

Второй выделенный нами аспект касается влияния *классика* как репрезентанта собственных идей (концепции, теории и т.д.). Некоторые исследователи именно такой модус склонны называть «подлинной классичностью», которая в том и заключается, что

«некоторому лицу и его произведениям сообщается как бы надындивидуальное значение, так что этот человек оказывается одновременно типом и репрезентантом чего-либо, но при этом ничуть не теряет своей личной значимости»¹⁷.

Как пишет Виктор Вахштайн,

«Утверждая, что имя классика в повседневном обиходе науки есть “знак”, мы указываем на связь этого имени с некоторым комплексом идей, включенных в корпус наличного знания социологического теоретизирования, а также с другими именами. Наличное знание (knowledge in hand) означает в данном случае знание непроблематичное, очевидное. Это “общие места” социологического рассуждения. Чем очевиднее и непроблематичнее такое знание — тем авторитетнее классик. Поэтому “исследователи”... редко читают и перечитывают авторитетного классика. Его концепты не требуют дополнительного переосмысления и новой операционализации, они уже составляют общее место рассуждения»¹⁸.

Здесь возникает очевидное противоречие с тем, что говорилось об имманентно присущем классическому тексту свойстве читаться и перечитываться. Но в принципе мы хорошо знаем о массе «правоверных» последователей из числа ученых, не очень читавших и давно не перечитывавших тех, кому они следуют.

Виктор Вахштайн упоминает в этой связи не читавших Парсонса советских социологов-парсонсианцев, для которых имя

¹⁶ Gifft, Krislov, 1991, p. 29–30.

¹⁷ Köhnke, 1996, S. 15; цит. по: Филиппов, 2009, с. 53, сн. 3.

¹⁸ Вахштайн, 2009, с. 76–77.

Парсонса «репрезентировало привычные понятия «социальной стратификации», «институтов», «систем» и «функций»; не читавших Маркса создателей «классоцентричных» объяснительных моделей и сторонников ценностно-рациональной мотивации экономического поведения, никогда не читавших Вебера, резюмируя, что «знание первоисточников не требуется для развития заложенных в них тезисов, если тезисы эти уже пущены в “обращение” и обладают высокой “ликвидностью” в регулярных научных коммуникациях»¹⁹.

Разрешение этого противоречия содержится, очевидно, в том, что классику можно перечитывать как источник новых идей, а можно и просто использовать в качестве «знака». Но все-таки ученому для того, чтобы обрести «символическое значение», надо сначала создать текст /тексты, обладающие основными признаками классичности. Питер Баер в связи с ситуацией разной востребованности классики вводит различие между классикой «инерционной» или «музейной», с одной стороны, и «жизненно необходимой» (*vital*) — с другой. В последнем случае речь идет о «текстах, которые постоянно читаются, порождают размышления и продолжают вдохновлять социальную науку». Однако он подчеркивает, что различие между первыми и вторыми должно восприниматься как континуум, а не как дихотомия. Судьба классических текстов «столь же непредсказуема, как внешняя среда и дискурсы, которые питают интерес к ним»²⁰.

Все мы знаем и о феномене «нового открытия» старых классических работ. Вольф Лепенис в этой связи использует метафору «склада», в котором, если порыться, всегда можно найти что-то полезное: «Такие хранилища могут размещаться как внутри исходной дисциплины, так и по соседству, и тогда мы говорим о междисциплинарном складе». В истории науки немало случаев, когда теории, сначала не замеченные или даже отвергнутые, не исчезли и не забылись, а, «проведя зиму на хранении, возвратились и влились в поток научной дискуссии»²¹.

Наконец, способность оказывать заметное влияние как характеристика классика или классического текста предполагает существование агентов, механизмов, институтов *социального*

¹⁹ Там же.

²⁰ Baehr, 2002 [1994], p. 115.

²¹ Lepenies, 1988 [1985], p. 4; цит. по: Baehr, 2002 [2004], p. 116.

признания. С целью определить содержание социального влияния классиков и классики Роберт Возняк формулирует целый ряд вопросов (на сей раз не риторических, а подразумевающих содержательные ответы).

«Считается ли, что работа вызвала реакцию или споры? Считается ли, что она предлагает особенно четкую или убедительную концепцию, которая “обращает” других в сторонники этой позиции? Признается ли факт заимствования ее концепций, терминологии или методов? Рассматривается ли она как установившая стандарт или разработавшая модель, которой последовали другие?»²².

Сама форма этих вопросов (считается ли, признается ли, рассматривается ли) показывает, что речь идет не столько о внутренних качествах работы, сколько о внешних оценках.

Даже хорошие работы не становятся классикой, если их по ряду причин таковыми не признают. Конечно, классиками не назначают, однако, как показано во многих исследованиях, большую роль в популяризации тех или иных теорий часто играют усилия «агентов» — бывших коллег и учеников, а также наследников почивших авторов²³. К этому же разряду относятся истории распространения «классических» работ в других странах, что также сильно зависит от деятельности разных энтузиастов — людей, учившихся за границей, переводчиков, издателей (или отсутствия таковых).

Важное значение наряду с указанными институциональными факторами имеет официальный или неформальный статус потенциального «классика», наличие школы, которой он руководит, ее влияния в научном сообществе, встроенности в «ядро» дисциплины или, наоборот, активности на «фронтире», провозглашенной ориентации на создание новых исследовательских программ или областей.

В принципе, исследования процессов распространения и рецепции различных текстов могут включать истории не только признания тех или иных произведений, авторов или теорий в качестве классических, но и истории непризнания или выпадения из списка классиков отдельных концепций или авторов. В этой связи мы снова вернемся к упомянутым «эффектам Возняка», на этот раз действующим на индивидуальном уровне и

²² Wozniak, 2004, p. 37.

²³ Levine, Carter, Miller Gorman, 1976, p. 814–822.

объясняющим, как и почему индивиды — ученики, продолжатели, интерпретаторы и критики — принимают или отвергают идеи, сформулированные предшественниками²⁴. При прочих равных условиях скорее всего окажутся не востребуемыми:

— идеи, неспособные захватить или мотивировать учеников/последователей, или идеи тех, у кого нет учеников/последователей (эффект бездетности);

— идеи, активно отклоняемые, систематически пересматриваемые или замалчиваемые наследниками, которые озабочены утверждением собственного приоритета (эффект Эдипа);

— идеи, которым в последующей литературе придали карикатурный облик, прибегнув к пропускам и упрощениям (эффект карикатуры);

— идеи, которые ассоциируются с проигранной дискуссией (эффект проигравшего).

II. ФУНКЦИИ

Специалистам по социологии науки хорошо известны некоторые обобщающие работы о роли и функциях классики в общественном знании. Эти обобщения, конечно, основаны на некоторых эмпирических наблюдениях (или на интроспекции), но в целом не подвергаются эмпирической проверке. Наиболее полные перечни такого рода были предложены Робертом Мёртоном, Артуром Стинчкомбом и Джеффри Александером²⁵, но отдельные функции (в том числе не учтенные упомянутыми авторами) выделяются и во многих других исследованиях²⁶.

Во всех упомянутых перечнях, на которые мы будем опираться, функции классики перечисляются и анализируются без дополнительных различий, но, по нашему мнению, плодотворно разделить их на три категории — образовательные, познавательные и институциональные. Здесь надо сделать оговорку, что по всем трем направлениям эти функции реализуются в пределах прежде всего экспертных сообществ, включая обучающихся, обучающихся и производящих новое научное знание.

²⁴ Wozniak, 2004, p. 42–43.

²⁵ Мёртон, 2006 [1968]; Stinchcombe, 1982; Alexander, 1987.

²⁶ См., например: Филиппов, 2009; Вахштайн, 2009.

Большинство авторов, анализирующих проблему классики, сходятся в оценке важности «классических» работ для процесса обучения. Необходимость изучать классику объясняется присущими ей характеристиками, рассмотренными выше. В первую очередь классические труды преподносятся студентам в качестве образцов (парадигм), во вторую — их штудируют из-за того влияния, которое они оказывают на современное состояние исследований (хотя это часто относится к формированию представлений об истории дисциплины).

Начнем с вопроса о том, эталоном чего служат классические работы в *процессе образования* (преподавания). Речь идет об исследованиях, признанных лучшими в той или иной дисциплине, будь то образцы научной глубины, дерзости, проницательности или аргументации. Понятно, что люди, вступающие в научную корпорацию, должны о них знать. Но ведь, в отличие от обучающихся искусствам, они не должны их копировать. Почему же предполагается, что надо потратить немалое время на их освоение?

Ответы в основном очевидны, как для тех, кто преподает в университетах, так и для тех, кто когда-либо получал полноценное университетское образование. Классические работы, являя собой образцы совершенства, показывают студентам, каким способно быть научное исследование на пределе возможного, предлагают примеры формулирования и/или решения сложных научных задач — иногда эти решения к тому же очень красивы. Кроме того, как замечает Артур Стинчкомб, классика, в отличие от стандартизированных решений, предлагаемых во вводных курсах, стимулирует студента к более сложным мыслительным операциям²⁷.

Как пишет экономист Кеннет Боулдинг в статье «Кому нужен Адам Смит после Самуэльсона?»,

«Мой опыт свидетельствует, что изучение, например, “Богатства народов” Адама Смита, “Принципов политической экономии и налогообложения” Рикардо и “Капитала” Маркса хотя бы в кратком курсе имеет важное и непреходящее значение как для преподавателя, так и, надеюсь, для студента... [который] благодаря этому получает определенное представление о вершинах человеческого разума. Большая часть литературы, рекомендуемой студентам для чтения, является...

²⁷ Stinchcombe, 1982, p. 2.

мягко выражаясь, созданием умов, не достигающих пика возможностей человеческого интеллекта. Поэтому студент, который знаком только с рядовой литературой и заурядным интеллектом, не будет обладать представлением о потенциале человеческого разума»²⁸.

Классические труды устанавливают некий общепринятый (известный всем) эталон научной работы, к которому нужно если не стремиться, то соотноситься с ним, и в этом, по мнению Роберта Мёртона, состоит еще и «воспитательный аспект» функции классики²⁹.

В процессе ознакомления с классической литературой у студента складывается представление о конфигурации дисциплины или направления, которые во многом определяются именами и работами классического корпуса. Знакомство с классикой, помимо общей ориентации в устройстве современной науки, позволяет понять, как возникает кумулятивный эффект научного знания. Ведь ничто не рождается на пустом месте, каждая актуальная сегодня идея имеет долгую историю.

Пожалуй, лучше всего тема образовательных функций классики прописана у экономиста Джорджа Стиглера, который начинает рассуждение с очень важного момента в овладении профессией — формирования навыка чтения и понимания специальной литературы. Научная грамотность, умение читать (и понимать) научные тексты, т.е. владеть языком науки, способами научной аргументации, моделями и аналитическими схемами, является необходимым качеством любого исследователя, и осваивать ее необходимо с самого начала обучения.

При этом Стиглер считает, что при обучении чтению научной работы слово «прошлое» вовсе не существенно:

«Между тем, как правильно читать Адама Смита и как правильно читать текущую научную периодику, нет разницы. Однако существует достаточно веских оснований для предположения, что легче обучиться чтению, если начинать с работ экономистов предшествующего времени»³⁰.

По его мнению, такие работы надо изучать не потому, что они из прошлого, а потому, что они проверены временем, тогда как

²⁸ Boulding, 1971, p. 235.

²⁹ Мёртон, 2006 [1968], с. 63.

³⁰ Stigler G., 1969, p. 221.

«большинство статей, а возможно и все статьи в последнем номере профессионального журнала не заслуживают внимательного чтения»³¹, они нужны только для ориентации в своей области исследований.

Помимо того что изучение произведений, относящихся к истории экономической мысли, формирует навык чтения профессиональных текстов, оно, по мнению Стиглера, рождает умение правильно соотносить «свои» и «чужие» достижения, знать цену научной дискуссии и вырабатывать трезвую стратегию поведения в научном мире.

«Молодой экономист, внимательно вникающий в полемику былых времен, безусловно извлечет один урок, но может извлечь и два. Очевидный урок состоит в том, что, изучив предшествующие дискуссии... невозможно не испытывать сомнений в верности или важности собственных идей. Куда более сложно усвоить урок, частично противоречащий первому и состоящий в том, что сдержанное, взвешенное и беспристрастное отношение к собственной теории сослужит плохую службу как этой теории, так и профессиональному статусу и материальному преуспеванию [ее автора]... Тем самым я поддерживаю епископа Стаббса, который сказал, что изучение истории иногда делает человека мудрее, но всегда делает его печальней»³².

Чтение классических трудов полезно также и потому, что демонстрирует студентам изменчивость научного контекста и неустойчивость научного мейнстрима. Понимая, как сменяли друг друга научные парадигмы, начинающий ученый не воспринимает существующий дисциплинарный контекст как данный раз и навсегда, что впоследствии «помогает ему преодолевать ограничения, накладываемые модой его собственного времени»³³.

Таким образом, знакомство студентов с классикой в процессе образования преследует прежде всего учебные цели: научить профессиональному мастерству на примере лучших образцов,

³¹ *Op. cit.*, p. 222.

³² *Ibid.*

Уильям Стаббс (William Stubbs, 1825–1901) — английский историк, профессор истории в Оксфордском университете (1866–1884), затем — епископ Честерский (1884–1888) и Оксфордский (1888–1901). Самая известная его работа — «The Constitutional History of England in its Origin and Development» (3 vols., 1873–1878).

³³ *Boulding*, 1971, p. 237.

показать горизонты той или иной дисциплины, ее устройство и практики, включая очень важный для науки процесс непрерывной научной дискуссии, в ходе которой и происходит постоянное приращение знания. Чтение классики в годы учения очень важно и с точки зрения формирования научной (дисциплинарной) идентификации, так как дает представление об истории корпорации, ее ключевых фигурах и «символах веры». Но об этой функции классики мы скажем дальше.

Роль классики в процессе *научного познания* — это совсем иная функция, чем образовательная, поскольку она связана уже непосредственно с научным творчеством и производством нового знания. Здесь мы не будем останавливаться на такой области, как история науки, где классические труды выступают в роли объекта исследования. Нас интересует вопрос о функциях классики в производстве современного, прежде всего теоретического, знания, т.е. влияние классических идей, концепций, текстов на когнитивный процесс.

Джеффри Александер говорит, что классика наделяется центральной ролью в том числе и по сугубо интеллектуальным причинам — «некоторым работам придается статус классических, потому что они вносят исключительный и долговременный вклад в науки об обществе»³⁴. В этой связи чаще всего исследователи называют несколько задач, которые выполняет классика в познавательном процессе, выступая как резервуар фундаментальных идей, компендиум основополагающих проблем науки или как источник гипотез и задач для рутинной (эмпирической) работы³⁵. Подчеркивается также заключенная в классических текстах способность вызывать «удовольствие при нахождении эстетически более привлекательного и более убедительного варианта своих собственных идей»; удовлетворение от независимого подтверждения этих идей великими умами; «эффект взаимодействия при разработке новых идей, когда обращаются к более старым работам в контексте современных знаний»³⁶.

Когнитивные функции классики, перечень которых мы обнаруживаем в известных социологических статьях, затрагивают самые разные аспекты: от чистого удовольствия до утилитар-

³⁴ Alexander, 1987, p. 28.

³⁵ Stinchcombe, 1982, p. 2.

³⁶ Мёртон, 2006 [1968], с. 63.

О ПОЛЬЗЕ ПЕРЕЧИТЫВАНИЯ
ОБЩЕСТВЕННОНАУЧНОЙ КЛАССИКИ

Роберт Мёртон (1968): «...То, что сообщает печатная страница, отчасти меняется в результате взаимодействия между покойным автором и живым читателем. Точно так же, как бывает разной “Песня песней”, когда ее читаешь в 17 лет и в 70, так и “Wirtschaft und Gesellschaft” Вебера, “Le suicide” Дюркгейма или “Soziologie” Зиммеля различны, когда их читают в разные времена. Ибо точно так же, как новые сведения имеют обратное воздействие, помогая распознать предвидение и предвосхищение в ранних работах, так и изменения в современной социологической науке, проблемах и круге интересов социологов позволяют найти *новые идеи* в работе, которую мы уже читали»³⁷.

Кеннет Боулдинг (1971): «Сочинения, подобные “Богатству народов”, безусловно принадлежат протяженному настоящему, которое не обнаруживает признаков приближающегося конца в том смысле, что после неоднократных перечитываний все еще можно обращаться к Адаму Смиту и находить у него не замеченные прежде прозрения, которые могут заметно повлиять на наши мысли»³⁸.

Толкотт Парсонс (1981): «... Вы никогда не исчерпаете их [классических текстов] значение и значимость для вашего творчества, прочитав их единожды. Возвращаясь к ним, вы всегда найдете что-то новое, чего не понимали прежде»³⁹.

Гэри Андерсон, Дэвид Леви и Роберт Толлизон (1989): «С одной стороны, правдоподобной характеристикой научной деятельности является то, что, вследствие стремления к минимизации транзакционных издержек, старое знание полностью включено в современное. Эта гипотеза, которую мы назовем моделью эффективного рынка научных исследований, говорит нам, что чтение старых текстов столь же малоперспективно для получения научных результатов, как рысканье по букинистическим лавкам в поисках раритетов, продающихся за бесценок. Вероятность найти заслуживающую внимания, но неизвестную теорему в “Богатстве народов” сравнима с возможностью обнаружить первое издание “Принципов” Мальтуса по цене 25 долл. Такое может случиться на протяжении одной жизни, но вряд ли более чем однажды...

³⁷ Мёртон, 2006 [1968], с. 62.

³⁸ Boulding, 1971, p. 231.

³⁹ Parsons, 1981, p. 189–190; цит. по: Parker, 1997, p. 126.

С другой стороны, на работы многих экономистов, живших до XX века, имеется впечатляющее количество ссылок. Означает ли это, что, например, у Давида Рикардо еще есть теоремы, которые до сих пор не были использованы? Это выглядит маловероятным. Однако в работах Давида Рикардо, Карла Маркса и Адама Смита могут быть поставлены *проблемы*, которые мы все еще пытаемся разрешить...»⁴⁰

Марк Блауг (1991): «В конце концов, как только у кого-то появляется новая идея, как только у кого-то возникает страстное желание основать новое направление или научную школу, что в первую очередь делает он или она? Конечно же, тщательно обследует чердак со старыми идеями, чтобы создать достойную родословную новому направлению. Все великие экономисты прошлого именно так и поступали: Смит, Рикардо, Маркс, Маршалл и Кейнс — все обращались к истории экономической мысли, чтобы показать, что у них были предшественники; даже Милтон Фридман, начав монетаристскую контрреволюцию против Кейнса, не смог воспротивиться искушению снова и снова цитировать Дэвида Юма»⁴¹.

Питер Бёттке (2000): «Зачем, в самом деле, читать классиков экономической теории? На то есть резоны, связанные с антикварным интересом: чтение работ великих политэкономов прошлого позволяет уловить отблеск мысли гения минувших веков. Однако чтение старых работ по экономике не похоже на просмотр немного фильма или старого репортажа о бейсбольном матче... Были в прошлом работы, из которых и ныне мы можем черпать важные идеи, полезные для решения сегодняшних неотложных проблем»⁴².

Ян Керр (2002): «Разрабатывать вышедшие из употребления [экономические] теории/идеи столь же прибыльно, как возвращаться к отвалам заброшенных золотых приисков, когда новые поколения овладевают технологией, позволяющей извлекать оставшееся золото, добыча которого прежде была экономически невыгодна»⁴³.

Роберт Возняк (2004): «... В принципе, в прошлом можно раскапывать идеи, которые могут быть использованы в будущем. Это особенно важно в тех случаях, когда появляются новые методы и техники исследования, позволяющие изучать феномены, постулированные в качестве гипотез в старых, спекулятивных, но интеллектуально плодотворных концепциях»⁴⁴.

⁴⁰ Anderson, Levy, Tollison, 1989, p. 174, 182.

⁴¹ Blaug, 1991, p. X.

⁴² Boettke, 2000.

⁴³ Kerr, 2002, p. 94.

⁴⁴ Wozniak, 2004, p. 45.

ного удовлетворения потребностей ученых-эмпириков в интересных теориях, которые можно применять к конкретным исследованиям.

Лучше всего, на наш взгляд, когнитивные функции классики описаны в подобранных нами высказываниях на тему «чтение и перечитывание классиков» (см. вставку 1).

Наконец, последняя по счету, но не по важности тема. Классики и признанные классическими произведения выполняют очень важные социальные функции в развитии *научного сообщества*. Подобно тому как знание прошлого играет огромную роль в развитии больших социальных общностей, классика как репрезентант прошлого выполняет те же функции для отдельных дисциплинарных сообществ. Это функции *(само)идентификации, задания образцов и легитимации*.

Так же как знание прошлого (истории) в целом является основой для самоидентификации индивида и общества, так и знание истории дисциплины, которой ты занимаешься, служит основой для *самоидентификации* в качестве экономиста, психолога, социолога и т. д. Следующее рассуждение Возняка практически неотлично от многочисленных пассажей, написанных историками и социологами по поводу идентификационной функции истории:

«Каждому необходимо чувство идентичности; и один из способов обладать им — это мыслить себя в потоке семейной истории или иметь представление о собственных корнях. В психологии задача заключается в том, чтобы найти собственного интеллектуального отца/мать, дедушку/бабушку и т.д.»⁴⁵

Вспомним в этой связи название уже не раз цитированной статьи Стинчкомба «Должны ли социологи забывать своих отцов и матерей?». Конечно, не должны.

Идентификационный аспект, связанный с отсылкой к классике, может быть и гораздо более «узким» и свидетельствовать о принадлежности к определенной школе, приверженности отдельной теории, следованию избранному научному стилю и т.д. Именно об этом обычно сообщают читателю подвалы ссылок на первой странице любой статьи, которые Стинчкомб удачно

⁴⁵ Wozniak 2004, p. 45.

окрестил «интеллектуальными метками» (*intellectual badges*)⁴⁶. Понятно, что идентификационная функция тесно связана с образовательной: ведь приобщение студента к классике в том числе является и частью процесса его включения в дисциплинарное сообщество, члены которого чтят и перечитывают одни и те же работы.

Вторую древнейшую функцию истории — практическую, т.е. накопление социального опыта — применительно к научной классике также можно трактовать как *поддержание или задание образцов*, выполняющие обучающие функции. На протяжении многих веков бытовало мнение, что «если совершать такие-то действия, то результат будет таким-то». В случае с классическими трудами можно говорить прежде всего о трансляции способов (методов) научной работы, научения тому, как создается научный дискурс, как решаются исследовательские задачи, как утверждаются новые идеи, концепции, теории. Пособие на тему «Как стать классиком» написать невозможно.

К задачам *легитимации* социального и культурного порядков, конечно, относится *потребность в самоутверждении*, которую издавна удовлетворяет обращение к прошлому. Великие *exempla* истории, ссылаясь на которые мы утверждаем собственные идеи, издревле культивировало каждое общество, включая и «республику ученых». Как пишет Возняк, легитимация через прошлое означает примерно следующее: «смотрите, эта идея не такая безумная, ее высказывали еще в 1860-м»⁴⁷. Это проверенный временем подход практически во всех науках.

Заметим, что функции легитимации и идентификации практически не связаны с текстами, а только с «метками» — идеями или даже просто с именами классиков, в то время как «задание образцов» предполагает изучение текстов.

Как мы показали, существует множество причин для обращения к классике. Классика востребована в ходе обучения, к ней постоянно обращаются в процессе научного познания для формулирования и решения новых исследовательских задач, она играет важную роль в формировании и функционировании научных сообществ. Надо подчеркнуть, что классическая работа

⁴⁶ *Stinchcombe* 1982, p. 2.

⁴⁷ *Wozniak*, 2004, p. 45.

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

или автор совсем не обязательно выполняют все перечисленные функции, но именно множественность ролей обеспечивает преемственность в передаче, производстве и признании научного знания и норм корпоративной этики, а тем самым и стабильность классики как символического наследия и социального института.

Изучение «в классах»

Мне не важно, кто пишет для страны законы или создает передовые научные труды, если я могу писать для нее учебники по экономике. Первое соприкосновение [со знаниями] обладает неоспоримым преимуществом, оставляя неизгладимый отпечаток на *tabula rasa* начинающего, находящегося в наиболее восприимчивом состоянии.

Пол Э. Самуэльсон, 1990

Термин «класс» в значении «учебная группа» начал использоваться во второй половине XVI в. и окончательно утвердился в первой половине XVII в. Исходно «классы» создавались на основе тематики изучаемых курсов¹, и не зависели от уровня подготовки слушателей; одним из вариантов формирования учебных классов было изучение тех или иных «классических» произведений.

В данной главе мы развиваем тему обучающей функции классики, подробно рассматривая ее роль в современном высшем образовании в области социальных наук. В общем виде здесь можно выделить две проблемы: формирование у учащихся представлений о классике и изучение/чтение классики. В первом случае речь идет в большей мере об именах (авторах), во втором — о работах (произведениях).

I. ЗНАКОМСТВО С КЛАССИКАМИ

а) Вводные курсы

Начнем с исследований, посвященных вводным курсам по экономике, психологии и социологии. Вводные курсы привлекают едва ли не наибольшее внимание специалистов в области высшего образования, что объясняется прежде всего их «удобными» характеристиками как объекта изучения — одно-

¹ «Класс... В школах (где это слово в основном используется) — ступень обучения или лекция, предназначенная для определенной группы учащихся» (*Blount Th. Glossographia. 1656; цит. по: Oxford English Dictionary Online*).

типностью, массовостью, высоким уровнем конкуренции на рынке учебной литературы и т.д. Определенную роль играет и специфика организации учебного процесса: большинство работ по этой теме выполнено американскими исследователями, а в США, как известно, вводные (общие) курсы имеют особое значение при подготовке бакалавров².

Понятно, что вводные курсы отличаются по степени сложности, и в колледжах свободных искусств обычно используются вводные учебники по социальным наукам более специализированные, чем в технических колледжах. В последних, наоборот, несколько большей сложностью отличаются вводные учебники по математике, физике, химии и т.д. На бакалаврских программах университетов различия в уровне специализации вводных курсов отчасти также определяются «специализацией» университета, но в еще большей степени они зависят от уровня университета в целом.

В исследованиях, посвященных анализу количественных характеристик вводных курсов по социальным дисциплинам, объектом рассмотрения обычно выступают два показателя: содержащиеся в учебниках ссылки на научную литературу и упоминаемые в учебниках имена ученых. Именно эти показатели будут использованы нами для оценки роли классики на уровне вводных курсов, и начнем мы с анализа ссылок.

В 1983 г. известный американский специалист по социологии науки и образования Стивен Коул опубликовал статью «Иерархия наук?», в которой, в частности, привел парадоксальные результаты проведенного им сопоставления ссылок во вводных учебниках по физике, химии и социологии³. В 2004 г. примерно

² Напомним, что в США, в отличие от России и некоторых европейских стран, нет разделения на факультеты на уровне бакалавриата — минимальное разделение по специальностям (профессиям) задается только структурой колледжей, которые делятся на технические и колледжи свободных искусств, но без разделения по факультетам внутри колледжей. В колледжах и университетах (т.е. высших учебных заведениях, в которых есть также магистерские и, как правило, докторские программы) на уровне бакалавриата разделение по специальностям существует лишь на уровне выпускной специализации (major). Поэтому вводные курсы по отдельным дисциплинам в значительной мере адресованы всем студентам, а не только тем, кто собирается специализироваться в данной области, т.е. они являются элементами некоего общего высшего образования.

³ Cole S., 1983.

такое же исследование выполнили Ричард Григгз, Деррик Проктор и Шейла Кук для вводных учебников по психологии, и оно дало результаты, сходные с анализом учебников по социологии⁴. В табл. 4 мы суммируем данные, полученные в этих двух работах, приведя их к сопоставимому виду (обращаем внимание, что в исследовании по психологии анализировались ссылки только на книги).

Таблица 4

Распределение ссылок во вводных учебниках по физике, химии, социологии и психологии по возрасту, %

	Физика (1970– 1976) ^{*1}	Химия (1977– 1979) ^{*2}	Социология (1978) ^{*3}	Психология (1999– 2000) ^{*4}
Среднее число ссылок в учебнике	74	100	800	240*
Распределение ссылок по возрасту, %	100	100	100	100
61 год и более	67	77	2	5
60–41 год	19	9	4	5
40–21 год	11	8	19	20
20 лет и менее	3	6	75	70

*1 5 учебников, изд.: 1 — в 1961 г., 4 — в 1970–1976 гг.

*2 2 учебника, изд. в 1977–1979 гг.

*3 2 учебника, изд. в 1978 г.

*4 15 учебников, изд. в 1999–2002 гг. Только ссылки на книги.

Рассчитано по: Cole S., 1983; Griggs, Proctor, Cook, 2004.

Первое заметное различие в системах ссылок во вводных учебниках по естественным и социальным наукам состоит в их количестве. Если в естественных науках в одном учебнике в среднем дается не более 100 ссылок, то в общественных науках — несколько сотен. В изученных Коулом учебниках по социологии в среднем было по 800 ссылок на учебник, в учебниках по психологии, рассматривавшихся Григгзом, Проктором и Куком, — в среднем по 240 ссылок только на книги. Более

⁴ Griggs, Proctor, Cook, 2004.

того, согласно другим оценкам, сделанным на основе анализа 24 вводных учебников по психологии, изданных в 1985–1989 гг., в среднем один учебник содержал 1566 ссылок⁵. По данным Николааса Бабчука и Брюса Кейта, в четырех рассмотренных ими вводных учебниках по социологии, изданных в 1987–1991 гг., в среднем в одном учебнике было 1570 ссылок (в диапазоне от 949 до 1845 ссылок)⁶.

Второе столь же яркое и, на первый взгляд, парадоксальное различие между учебниками по естественным и социальным наукам связано с распределением ссылок во времени, т. е. с возрастом работ, на которые ссылаются авторы учебников. В учебниках по естественным наукам от 2/3 до 3/4 всех ссылок приходится на работы, изданные более 60 лет назад (от времени публикации учебников), на работы последних 40 лет приходится менее 15% ссылок, в том числе на работы последних 20 лет — лишь около 5% всех ссылок.

Как подметил Коул, списки сносок в пяти проанализированных им учебниках физики в значительной мере совпадают, большинство имен появляются во всех пяти текстах и отсылают к немногим теориям и образцам, созданным учеными на протяжении нескольких сотен лет. То же самое относится и к двум просмотренным им учебникам химии⁷.

В общественных науках, наоборот, 70–75% ссылок дается на работы последних 20 лет, а на работы, вышедшие 40 и более лет назад, приходится не более 10% всех ссылок, в том числе на работы старше 60 лет — менее 5% ссылок. При этом большинство ссылок делается на эмпирические исследования по актуальным темам.

Очевидное и, на первый взгляд, неожиданное несходство в системах ссылок, конечно же, требует интерпретации. Анализируя выявленные им различия, Коул прибегает к понятиям «ядра» и «передовой линии» (core and frontier) научного знания. По его мнению, вводные курсы по физике и химии представляют в первую очередь так называемое «ядро» науки (core), и «при этом существует практически всеобщее согласие относительно того, что считать значимыми теориями и образцами»⁸. Если

⁵ Gorenflo, McConnell, 1991, p. 9.

⁶ Babchuk, Keith, 1995, p. 217.

⁷ Cole S., 1983, p. 133.

⁸ Op. cit., p. 133, 134.

авторы учебников по естественным наукам не особенно озабочены тем, чтобы ввести студентов в курс происходящего на исследовательских фронтах, то в социологии внимание учащихся привлекают в первую очередь к новейшим исследованиям.

Столь впечатляющие различия в «возрасте» ссылок, как справедливо отметил Коул, не могут объясняться «возрастом» самих дисциплин. Хотя, конечно, химия и физика намного старше социологии, «подавляющее большинство всех работ по химии и физике было создано в период после Второй мировой войны, в связи с очень быстрым экспоненциальным развитием этих наук в последние 30 лет»⁹. Более того, эта ситуация является устойчивой во времени — то же самое наблюдалось и в первые послевоенные десятилетия.

«Качественное сравнение современных учебников по физике и химии с теми, которые использовались 20 лет назад, обнаружило, что содержащийся в них материал по существу тот же самый. Чего нельзя сказать о социологии. Учебники по социологии, изданные в начале 1950-х годов, как и нынешние, в большой степени базировались на недавно опубликованной литературе, но в современных учебниках доля ссылок на работы, упоминаемые в учебниках 20-летней давности, очень невелика»¹⁰.

Чтобы оценить ситуацию в экономике, мы сами проанализировали три американских вводных курса, изданные в конце 1980-х годов¹¹. Не претендуя на репрезентативность результатов, заметим, что во всех трех содержится довольно много ссылок, и подавляющее большинство из них — на сравнительно недавние работы, т. е. по этому формальному параметру экономические учебники сближаются с учебниками по социологии и психологии. Но на самом деле практически все имеющиеся ссылки даются на источники конкретной информации — статистические справочники, юридические кейсы, описания конкретных случаев и способов государственного регулирования и т. д. Большинство ссылок относится к таблицам, графикам или примерам из практики, помещенным в текстовых вставках (boxes).

⁹ *Op. cit.*, p. 132–133.

¹⁰ *Op. cit.*, p. 134.

¹¹ *Dolan, Lindsey*, 1988; *Фишер, Дорнбуш, Шмалензи*, 1993 [1988]; *Макконнелл, Брю*, 1992 [1990].

Библиографические ссылки на собственно научные книги и статьи в этих учебниках практически отсутствуют, а сведения о предшествующих теоретических исследованиях даются обычно лишь в виде упоминания имен давних авторов и их классических работ (см. об этом ниже). Иными словами, фактически вводные курсы по экономике оказываются похожими на учебники по физике и химии.

Что касается учебников по психологии, то результаты, полученные Григгзом, Проктором и Кук, свидетельствуют о фантастическом крене в пользу ссылок на текущую литературу (70% ссылок на книги, изданные после 1980 г. и вплоть до настоящего времени, и только около 6% на книги, опубликованные до 1950)¹². На основании этого авторы делают пессимистический вывод относительно роли классики во вводных курсах:

«При таком акценте на современности не так уж удивительно, что лишь очень немногие книги выдающихся психологов прошлого упоминаются обычно во вводных курсах. Если эта тенденция сохранится, очень скоро в учебниках останется совсем мало классики, если вообще она останется»¹³.

Проблему отражения «ядра» и «фронтира» в учебниках мы подробнее обсудим чуть ниже (забегая вперед, скажем лишь, что выявленные Коулом различия во многом обусловлены тем, что в социальных дисциплинах в отличие от естественных обязательно читаются курсы по *истории науки*). Что же касается распределения ссылок во времени, то здесь ситуация далеко не столь однозначна, как это показывают агрегированные количественные оценки. Об этом свидетельствуют исследования, в которых выявлялись те труды, на которые *чаще всего* ссылаются во вводных курсах. Частота в данном случае определяется как доля анализируемых учебников, в которых дается ссылка на данную работу.

Так, в работе Дэниела Горенфло и Джеймса МакКоннелла 1991 г. анализировались ссылки на *статьи* в 24 вводных курсах по психологии, изданные в 1985–1989 гг.¹⁴ Медианная дата публикации для 79 статей, которые упоминались в 10 и более учеб-

¹² Griggs, Proctor, Cook, 2004, p. 115.

¹³ Ibid.

¹⁴ Gorenflo, McConnell, 1991.

никах, приходилась на 1968 г., с самой старой работой 1898 года. Пять статей, на которые давались ссылки более чем в 20 учебниках из 24, были опубликованы соответственно в 1956, 1959, 1960, 1962, 1967 гг., т.е. за 20–30 лет до выхода учебников. Как замечают авторы, «можно предположить, что обычно требуется около 20 лет, чтобы статья была признана “классической” большинством авторов вводных учебников по психологии»¹⁵.

Ричард Григгз и Шерри Джексон в работе 2007 г. попытались повторить анализ, проведенный Горенфло и МакКоннеллом пятнадцатью годами ранее¹⁶. Как и в предыдущем случае, анализировались ссылки на *статьи*, содержащиеся в 24 вводных учебниках по психологии, но изданных уже в 2004–2006 гг. В результате оказалось, что пять наиболее часто цитируемых статей (ссылки на которые давались в 20 и более учебниках из 24), были опубликованы в 1920, 1956, 1959, 1960, 1962 гг. Более того, из этих пяти статей четыре входили и в первую пятерку наиболее часто цитируемых статей в предшествующем исследовании Горенфло и МакКоннела. То есть получилось, что для попадания в число наиболее часто цитируемых в учебниках работ статья должна была быть напечатана уже не за 20, а более чем за 40 лет до публикации учебника.

Наконец, в работе Григгза, Проктора и Кук 2004 г., о которой шла речь выше и в которой был сделан печальный вывод о судьбах классики, анализировались ссылки на *книги* в 15 вводных учебниках по психологии, изданных в 1999–2002 гг.¹⁷ Было выявлено пять книг, ссылки на которые присутствовали в 14 учебниках из 15 анализированных. Одна из этих книг — стандартный справочник по диагностике психических расстройств (1-е изд. 1952), а остальные — «классические» монографии Бёрреса Скиннера (1-е изд. 1938), Эрика Эриксона (1-е изд. 1950), Абрахама Маслоу (1-е изд. 1954) и Леона Фестингера (1-е изд. 1957), т.е. книги, впервые изданные опять-таки более чем за 40 лет до публикации учебников.

Здесь мы впервые сталкиваемся с феноменом, который обнаруживается во множестве самых разных библиометрических исследований, идет ли речь о ссылках в учебной или в научной литературе, и к которому мы еще будем возвращаться далее.

¹⁵ *Op. cit.*, p. 10.

¹⁶ Griggs, Jackson, 2007.

¹⁷ Griggs, Proctor, Cook, 2004.

В общем массиве ссылок удельный вес старых («классических») работ в целом ничтожен. Но если посмотреть более внимательно на *наиболее часто* цитируемые работы, то среди них во многих случаях доминирует именно «классика», т.е. работы, опубликованные десятилетия назад, но не утратившие свою значимость до сегодняшнего дня.

В рассмотренных выше случаях эмпирические подтверждения этого феномена выглядят не слишком убедительно: тот факт, что некие старые работы упоминаются во всех учебниках, ничего не говорит о степени внимания, уделяемого и привлекаемого к этим работам. Но имеются и более веские показатели роли классики во вводных учебных курсах.

Одним из самых распространенных количественных показателей, используемых для анализа учебных текстов, является число упоминаний какого-либо автора. Такого рода оценки делаются не на основе списков цитируемой литературы, а на основе именных указателей (т.е. подсчитывается число страниц в учебнике, на которых встречается то или иное имя). И здесь выясняется, что если смотреть не на ссылки, а на чаще всего упоминаемые имена, то присутствие классиков во вводных учебниках оказывается вполне ощутимым.

Особенно многочисленны исследования такого рода, проведенные на материалах учебников по психологии¹⁸. Несколько подобных работ было сделано по вводным учебникам по социологии (правда, эти работы в основном относятся к периоду до середины 1970-х годов)¹⁹; кроме того, структура и содержание вводных учебников по социологии активно обсуждаются и на менее формализованном уровне²⁰. Что касается учебников по экономике, то нам известно только одно библиометрическое исследование именных указателей²¹. А структура и содержание вводных курсов по экономической теории практически являют-

¹⁸ Kaess, Bousfield, 1954; Roেকেlein, 1972; Higbee, 1975; Perlman, 1980; Knapp, 1985; Gorenflo, McConnell, 1991; Webb, 1991; Weiten, Wight, 1992; Roেকেlein, 1995; Griggs, Proctor, 2002; Haggbloom et al., 2002; Hoefler, Lyn, Knapp, 2003.

¹⁹ Hoas, Madigan, 1999.

²⁰ См., например, интересные и содержательные статьи: Babchuk, Keith, 1995; Hamilton, 2003; Platt, 2008.

²¹ Hart et al., 1927; Odum, 1951: 254–255; Bain, 1962; Richards, 1962; Oromaner, 1968; Swatos W., Swatos P., 1974; Levine, Carter, Miller Gorman, 1976; Harley, 2008.

ся инвариантными и в целом следуют стандарту, заданному в учебнике Пола Самуэльсона 1948 г.

Оставляя в стороне дисциплинарные различия, в целом можно констатировать, что все подсчеты, которые делались немного различающимися способами и на материале учебников, выпущенных в разные годы и даже в разных странах, дают сходные с точки зрения нашей темы результаты. Среди 10 наиболее часто упоминаемых в учебниках авторов (с учетом общего числа упоминаний, т.е. количества страниц, на которых фигурирует то или иное имя) не менее половины списка составляют классики, причем, как правило, уже умершие.

В табл. 5 мы приводим оценки такого типа по трем дисциплинам — экономике, психологии и социологии (полужирным шрифтом выделены ученые, умершие до момента выхода учебников). По психологии и социологии мы сопоставляем данные за 1950-е и 1990-е годы, по экономике мы даем результаты только за 1990-е годы, т. к. данные за 1950-е годы отсутствуют (как уже говорилось выше, первый современный вводный учебник по экономике был опубликован Полом Самуэльсоном в 1948 г.). Кроме того, приведенные в табл. 5 сведения по экономическим учебникам не полностью сопоставимы с данными по учебникам психологии и социологии. Экономисты работали с уже заданным списком 200 великих экономистов, составленным Марком Блаугом²², и выясняли, какие имена из этого набора чаще всего упоминаются во вводных учебниках. И хотя в списке Блауга примерно 1/3 составляли живые авторы, в этом случае возможны некоторые предзаданные смещения в сторону «классиков». Но в случае с психологией и социологией мы имеем дело с несмещенными результатами «честного соревнования» между «классиками» и «современниками».

Результаты, получаемые при анализе вводных учебников, в целом сходны с итогами экспертных оценок списка самых выдающихся ученых (см. выше гл. «Корпус классики»). Набор наиболее авторитетных авторов, конечно, меняется во времени, хотя и достаточно постепенно, но некое ядро остается неизменным в течение десятилетий. И в опросах, и в учебниках списки чаще всего упоминаемых имен включают как классиков (точнее, тех, кого в этот момент считают классиками), так и современных ученых, и эта вторая часть списка, естественно, более изменчива, чем первая.

²² Блауг, 2005 [1986]; 2005 [1998/1985].

Таблица 5

Ученые, наиболее часто упоминаемые во вводных учебниках по психологии, социологии и экономике

Психология (1) (9 учебников, 1948–1952)			Социология (2) (11 учебников, 1956–1962)			Экономика		
Имена	Годы жизни	R	Имена	Годы жизни	R	Имена	Годы жизни	R
James, William	1842–1910	5	Weber, Max(imilian)	1864–1920	7	Нет данных		
Pavlov, Ivan	1849–1936	6	Cooley, Charles H.	1864–1929	10			
Freud, Sigmund	1856–1939	3	Burgess, Ernest W.	1886–1966	8			
Woodworth, Robert S.	1869–1962	7	Linton, Ralph	1893–1953	3			
Thorndike, Edward L.	1874–1949	2	Warner, W. Lloyd	1898–1970	4			
Terman, Lewis	1877–1956	4	Parsons, Talcott	1902–1979	1			
Watson, John B.	1878–1958	1	Davis, Kingsley	1908–1997	4			
Lashley, Karl S.	1890–1958	8	Merton, Robert K.	1910–2003	2			
Young, Paul T.	1892–1978	9	Mills, C. Wright	1916–1962	9			
			Lipset, Seymour M.	1922–2006	6			

Психология (3) (10 учебников, 1999–2001)			Социология (4) (4 учебника, 1992–1999)			Экономика (5) (10 учебников, 1992–1996)		
Имена	Годы жизни	R	Имена	Годы жизни	R	Имена	Годы жизни	R
Darwin, Charles	1809–1882	5	Marx, Karl	1818–1883	1	Smith, Adam	1723–1790	2
James, William	1842–1910	4	Durkheim, Émile	1858–1917	3	Malthus, Thomas	1766–1834	6
Pavlov, Ivan	1849–1936	6	Weber, Max(imilian)	1864–1920	2	Ricardo, David	1772–1823	4
Freud, Sigmund	1856–1939	1	Parsons, Talcott	1902–1979	4	Marx, Karl	1818–1883	5
Piaget, Jean	1896–1980	2	Merton, Robert K.	1910–2003	7	Marshall, Alfred	1842–1924	7
Rogers, Carl	1902–1987	11	Mills, C. Wright	1916–1962	10	Keynes, John M.	1883–1946	1
Erikson, Eric	1902–1994	9	Goffman, Erving	1922–1982	6	Schumpeter, Joseph A.	1883–1950	7
Skinner, Burrhus F.	1904–1990	3	Foucault, Michel	1926–1984	10	*Coase, Ronald H.	1910–	11
Bandura, Albert	1925–	8	Berger, Peter L.	1929–	8	*Stigler, George J.	1911–1991	10
Seligman, Martin E. P.	1942–	6	Giddens, Anthony	1938–	9	*Friedman, Milton	1912–2006	3
Sternberg, Robert	1949–	10	Connell, Raewyn (Robert) W.	1944–	5	Okun, Arthur M.	1928–1980	9

R — ранг.

* Лауреаты Премии памяти Альфреда Нобеля по экономике.

(1) *Kaess, Bousfield*, 1954. Американские учебники. (2) *Bain*, 1962; *Richards*, 1962. Американские учебники.

(3) *Griggs, Proctor*, 2002. Американские учебники. (4) *Harley*, 2008. 1 американский, 1 английский и 2 австралийских учебника. Благодаря австралийским учебникам в список попала Раевин (быв. Роберт) Коннелл.

(5) *Hoas, Madigan*, 1999. Американские учебники.

Что касается состава классиков в его современном виде, то в разных дисциплинах он формировался в разное время. В психологии ядро основоположников (Уильям Джеймс, Иван Павлов, Зигмунд Фрейд), сложилось в 1950-е годы, а в социологии аналогичный триумвират (Карл Маркс, Эмиль Дюркгейм, Макс Вебер) утвердился не ранее 1960-х. К сожалению, мы не располагаем сведениями по экономике — ни результатами опросов, ни данными по учебникам за 1950–1960-е годы, поэтому мы не можем сказать, когда окончательно сформировался современный набор, включающий, с одной стороны, «классических» классиков (Адам Смит, Давид Рикардо, Карл Маркс), с другой — «неоклассических» классиков (Альфред Маршалл и Джон М. Кейнс).

б) Курсы по истории дисциплины

Изучение классики в процессе профессионального обучения не ограничивается вводными курсами, а продолжается и углубляется в ходе дальнейшего образования. Представления о классике в некоторой степени закрепляются при освоении специализированных курсов, в большинстве из которых так или иначе говорится об основоположниках той или иной субдисциплины (направления) и их идеях, будь то курсы по институциональной или денежной экономике, бихевиоризму или социальной психологии, теории социального действия или социологии науки. Внимание, уделяемое основоположникам/классикам в рамках специализированных учебных курсов, не следует преувеличивать, но тем не менее их вклад в большинстве случаев все же не остается незамеченным.

Но конечно, важнейшую роль в формировании представлений о классиках в социальных науках играет изучение истории дисциплины («истории мысли», «истории учений» и т.д.). Как правило, такие курсы читаются практически везде, где ведется подготовка специалистов в области общественных наук, и на уровне бакалавриата обычно требуется обязательная сдача экзамена по истории дисциплины специализации.

Зафиксированное Стивенем Коулом различие между вводными учебниками по естественным наукам и по социологии (верное также для психологии и отчасти для экономики), о чем мы говорили выше, во многом объясняется, на наш взгляд, именно наличием курсов по истории социальных наук, практически не существующих в обучении естественно-научным дисциплинам.

При этом в курсах по истории мысли, безусловно, дается совершенно иная временная перспектива, чем во вводных курсах общего характера.

В качестве примера воспользуемся результатами анализа учебников по истории психологии, проведенного Леонардом Зусне в 1987 г. Он изучил именные указатели в 24 американских и европейских учебниках по истории психологии, изданных во второй половине 1970-х — первой половине 1980-х годов, и составил список лиц, упоминавшихся в большинстве учебников. В табл. 6 мы приводим 55 имен, упоминавшихся не менее чем в 21 учебнике из 24.

Как можно видеть, этот список включает только одного автора, еще жившего в момент издания анализируемых учебников, — Бёрреса Скиннера (1904–1990), а все остальные творили много лет назад. Конечно, в списке тех, кто внес значительный вклад в развитие психологии, присутствуют не только чистые психологи, но также и некоторое количество философов и медиков (отсюда — довольно большое число лиц, родившихся до XIX в.). Но все равно распределение во времени достаточно выразительное, и радикально отличается от распределения в *общих вводных курсах по психологии*.

Справедливости ради надо отметить, что в большинстве стран курсы по истории дисциплины являются относительно обязательными (при условии специализации по данной дисциплине) лишь на уровне бакалавриата. В последние десятилетия в магистратуре и особенно в докторантуре²³ история дисциплины, как правило, уже не входит в число обязательных предметов.

Например, в США курсы по истории экономической мысли перестали быть обязательными для докторантов (т.е. студентов, готовящих Ph.D.) уже в 1970-е годы. Впервые это произошло в Университете Чикаго в 1972 г. (под влиянием известной статьи «Есть ли полезное прошлое у экономической науки?» профессора этого университета Джорджа Стиглера, опубликованной в 1969 г.)²⁴, а затем этому примеру последовали и другие американские и ряд европейских университетов²⁵. В этом отношении

²³ В российской терминологии — в аспирантуре.

²⁴ Stigler G., 1969.

²⁵ См. об этом: Mueller, 2006. Забавно, что именно в Университете Чикаго была впервые введена и до сих пор действует программа Great Books, в рамках которой студенты изучают классические работы из разных областей знания, и даже есть колледж, где полностью учат по этой программе.

Таблица 6

Ученые, наиболее часто упоминаемые в учебниках по истории психологии
(24 американских и европейских учебника, 1975–1985)

Имена	Годы жизни	N	Имена	Годы жизни	N	Имена	Годы жизни	N
Democritus	ca. 460– ca. 370 BC	21	Müller, Johannes P.	1801–1858	23	Freud, Sigmund	1856–1939	23
Plato	428/7– 348/7 BC	22	Fechner, Gustav Th.	1801–1887	24	Binet, Alfred	1857–1911	21
Aristotle	384–322 BC	23	Mill, John S.	1806–1873	24	Bekhterev, Vladimir M.	1857–1927	22
Descartes, René	1596–1650	23	Darwin, Charles R.	1809–1882	24	Dewey, John	1859–1952	22
Locke, John	1632–1704	24	Lotze, Rudolf H.	1817–1881	21	Cattell, James McKeen	1860–1944	21
Newton, Isaac	1643–1727	23	Bain, Alexander	1818–1903	22	Külpe, Oswald	1862–1915	22
Mill, John	1645–1707	23	Spencer, Herbert	1820–1903	23	Titchener, Edward B.	1867–1927	23
Leibniz, Gottfried W. von	1646–1716	23	Helmholtz, Hermann von	1821–1894	24	Adler, Alfred	1870–1937	21
Berkeley, George	1685–1753	23	Galton, Francis	1822–1911	23	Thorndike, Edward L.	1874–1949	24
Hartley, David	1705–1757	23	Charcot, Jean- Martin	1825–1893	22	Jung, Carl G.	1875–1961	22

Окончание табл. 6

Имена	Годы жизни	N	Имена	Годы жизни	N	Имена	Годы жизни	N
La Mettrie, Julien O. de	1709–1751	23	Wundt, Wilhelm M.	1832–1920	24	Watson, John B.	1878–1958	24
Hume, David	1711–1776	24	Mach, Ernst	1838–1916	23	Wertheimer, Max	1880–1943	21
Kant, Immanuel	1724–1804	24	Brentano, Franz	1838–1917	24	Hull, Clark L.	1884–1952	22
Gall, Franz J.	1758–1828	23	James, William	1842–1910	24	Koffka, Kurt	1886–1941	22
Bell, Charles	1774–1842	22	Hall, G. Stanley	1844–1924	23	Tolman, Edward C.	1886–1959	23
Herbart, Johann F.	1776–1841	23	Stumpf, Carl	1848–1936	22	Köhler, Wolfgang	1887–1967	24
Flourence, M. J. Pierre	1794–1867	23	Pavlov, Ivan P.	1849–1936	24	Lewin, Kurt	1890–1947	23
Weber, Ernst H.	1795–1878	24	Ebbinghaus, Hermann	1850–1909	23	Lashley, Karl S.	1890–1958	22
						Skinner, Burrhus F.	1904–1990	22

N — число учебников.

Источник: Zusne, 1987b.

Россия, где в настоящее время от аспирантов требуется обязательное прослушивание курса по истории науки и истории своей дисциплины и сдача кандидатского экзамена по этому курсу, является скорее исключением из общего правила.

Но так или иначе, во всех странах хотя бы в бакалавриате студенты знакомятся с историей своей дисциплины специализации, и эти курсы по истории мысли в существенной мере способствуют формированию представлений о классиках и классических работах.

II. ЧТЕНИЕ И НАУЧЕНИЕ

Знакомство с именами и основными идеями классиков по учебникам дополняется «чтением первоисточников», т.е. самих этих произведений. В большинстве образовательных программ по общественным и гуманитарным наукам в западных университетах в той или иной мере требуется изучение / чтение классических работ при прохождении как вводных, так и специализированных курсов, и особенно при изучении истории дисциплины.

Так, например, согласно опросу преподавателей психологии в американских колледжах свободных искусств (Liberal Arts Colleges), проведенному Кристофером Олденбургом в 2002 г., 94% преподавателей требовали от студентов чтения «первоисточников», т.е. научных статей и книг, в рамках хотя бы одного из читаемых ими курсов²⁶. В опросе участвовало 152 преподавателя, работавших на полной ставке, которые читали суммарно 576 курсов по психологии. В целом чтение первоисточников было включено в программу 408 курсов (71% от общего числа курсов). Во вводных курсах чтение первоисточников требовалось в 40 курсах из 87 (46%), в специализированных курсах — в 352 из 472 (75%), в курсах по истории мысли — в 16 из 17 (94%).

Число работ, в которых рассматривается состав литературы, рекомендуемой для чтения студентам (reading lists), варьируется по разным дисциплинам. По экономике нам известно только одно исследование такого рода²⁷, но зато канадский специалист Тадибойина Венкатесварлу, работающий в Университете Винд-

²⁶ Oldenburg, 2005.

²⁷ Fletcher, 1972.

зор (Онтарио), в течение последних 30 лет регулярно публикует в журнале «American Economist» «типичные» списки рекомендуемой литературы по разным экономическим курсам, которые он составляет на основе данных по ведущим американским и канадским университетам²⁸. Довольно много исследований посвящено анализу списков рекомендуемой литературы по психологии²⁹, а вот по социологии мы обнаружили лишь одну, причем довольно давнюю, работу такого рода³⁰.

Но так или иначе, все эти исследования демонстрируют, что в рекомендуемую литературу обязательно входят «классические» произведения. Особенно наглядно это проявляется в списках книг, но даже в списках рекомендуемых для изучения статей непременно присутствуют достаточно давние работы. Чтобы не утомлять читателей, приведем лишь один относительно недавний пример из области экономики³¹. В начале 2000-х годов в американских и канадских университетах в списки рекомендованной литературы по курсу «Теория экономического развития» (Economic development) включались среди прочих давние «классические» статьи лауреатов Премии памяти Альфреда Нобеля по экономике Артура Льюиса (статья 1954 г.), Роберта Солоу (статьи 1956 и 1957 гг.) и Амартии Сена (статья 1966 г.)³².

Большинство ведущих ученых, преподающих в университетах, сходятся в том, что студенты, в принципе, должны читать классические работы, и такого рода чтение весьма важно для профессионального образования (см. предыдущую главу).

²⁸ См. списки типичной рекомендуемой литературы, составленные Тадибойиной Венкатесварлу и публиковавшиеся в журнале «American Economist», по курсам: Urban economics (1976), Health economics (1977), Microeconomics (1978), Macroeconomics (1982), Economics of development (1982), Labor economics (1986), Public finance (1986), International economics (1987), Econometrics (1988), Mathematical economics (1988), History of economic thought (1989), Industrial organization (1993), Regional economics (1993), Law and economics (1997), Regulatory economics (1999), Economic development (2002).

²⁹ Sundberg, 1960; Shima, 1977; Solso, 1971; 1979; 1987; Norcross, Tomcho, 1994; Oldenburg, 2005.

³⁰ Keeley, 1964.

³¹ См.: Venkateswarlu, 2002.

³² Lewis, 1954; Solow, 1965; 1957; Sen, 1966.

Таблица 7

Авторы и книги, наиболее рекомендуемые для чтения бакалаврам, специализирующимся в психологии (США, 1992 г.)

Имена	Годы жизни	S	R	Книги	1-е изд.	S	R
Darwin, Charles	1809-1882	3.70	6	On the Origin of Species	1859	3.53	4
James, William	1842-1910	4.16	3	Principles of Psychology	1890	3.63	1
Freud, Sigmund	1856-1939	4.37	2	An Outline of Psychoanalysis	1940	3.46	6
				The Interpretation of Dreams	1900	3.21	15
				Psychopathology of Everyday Life	1901	3.16	18
				New Introductory Lectures in Psychoanalysis	1932	3.13	19
Piaget, Jean	1856-1939	4.03	4	-*			
Jung, Carl	1875-1961	3.02	18	Memories, Dreams and Reflections	1961	2.54	24
Watson, John	1878-1958	3.05	17	Behaviorism	1925	3.07	20
Boring, Edwin	1886-1968	3.36	12	History of Experimental Psychology	1950	3.52	5
Lewin, Kurt	1890-1947	3.46	10	-*			
Murray, Henry	1893-1988	2.99	19	Explorations in Personality	1938	2.95	22
Allport, Gordon	1897-1967	3.54	8	Personality	1937	3.31	10
Fromm, Erich	1900-1980	2.99	20	-*			
Rogers, Carl	1902-1987	3.79	5	Client-Centered Therapy	1951	3.25	14
				On Becoming a Person	1961	3.05	21

Имена	Годы жизни	S	R	Книги	1-е изд.	S	R
Ericson, Eric	1902–1994	3.50	9	Childhood and Society	1950	3.28	12
Skinner, Burrhus	1904–1990	4.49	1	Beyond Freedom and Dignity	1971	3.56	3
				Science and Human Behavior	1953	3.41	7
				The Behavior of Organisms	1938	3.17	16
				Walden Two	1948	3.17	16
Hilgard, Ernest	1904–2001	3.37	11	Theories of Learning	1948	3.30	11
				Psychology in America: A Historical Survey	1986	3.28	12
Maslow, Abraham	1908–1970	3.23	13	The Farther Reaches of Human Nature	1971	2.57	23
Anastasi, Anne	1908–2001	3.21	14	Psychological Testing	1954	3.40	8
Hall, Calvin	1909–1985	3.16	15	Theories of Personality	1957	3.61	2
Lindzey, Gardner	1920–2008						
Kuhn, Thomas	1922–1996	3.10	16	The Structure of Scientific Revolutions	1962	3.40	8
Bandura, Albert	1925–	3.55	7	–*			

S — оценка по 5-балльной шкале;

R — ранг.

* Из-за многоступенчатой и раздельной системы отбора наиболее рекомендуемых авторов и книг, некоторым авторам в итоге не было поставлено в соответствие ни одной конкретной книги.

Источник: Norcross, Tomcho, 1994.

Впрочем, в последние годы раздаются и голоса скептиков, призывающих отказаться от изучения классиков. Например, в социологии дискуссию на эту тему начал Дэвид Паркер в статье,

озаглавленной «Why Bother with Durkheim?» (что по смыслу, тональности и стилю статьи можно перевести как «Зачем заморачиваться с Дюркгеймом?»)³³. В статье автор заявлял, ссылаясь, в частности, на мнение своих студентов, что тексты классиков социологии (Маркса, Дюркгейма, Вебера) неактуальны, что их трудно понять, не зная исторического контекста, что они сложно написаны и т.д. Такой посыл активно поддерживают феминистки и борцы за права меньшинств, заявляющие, что классиков не следует читать, потому что они все — белые гетеросексуальные мужчины и империалисты³⁴.

Выбор классических работ, которые следует читать студентам, действительно представляет серьезную проблему с точки зрения методики преподавания. Об этом свидетельствуют, например, результаты исследования, выполненного в начале 1990-х годов Джоном Норкроссом и Томасом Томчо³⁵. Авторы провели в 1992 г. серию опросов членов Американской психологической ассоциации (American Psychological Association, APA), на основе которых был составлен список рекомендуемых авторов и трудов с точки зрения полезности их чтения для студентов бакалавриата, специализирующихся в области психологии («as to their value of being read by undergraduate psychology majors»)³⁶. Полученные результаты мы приводим в табл. 7 (полужирным шрифтом выделены авторы, умершие до момента проведения опроса).

С одной стороны, в списке ученых и книг, наиболее рекомендуемых для чтения будущим психологам, присутствуют два автора (соответственно две книги), не относящихся непосредственно к

³³ Parker, 1997.

³⁴ См., например: Connell, 1997; ответ см. в: Collins, 1997.

³⁵ Norcross, Tomcho, 1994.

³⁶ Сначала 186 участников юбилейного 100-го съезда APA (1992 г.) назвали наиболее рекомендуемые книги для чтения студентам бакалавриата, специализирующимся по психологии (major in psychology). Всего было названо 463 книги. Из этого списка было отобрано 32 наиболее часто упоминавшихся автора и 49 чаще всего упомянутых книг. Затем президенты всех 46 секций APA (список секций см.: URL: <http://www.apa.org/about/division.html>) (прошлые, нынешние и будущие, т.е. избранные в 1992 г., всего 87 человек) и 122 члена 2-й секции APA (Society for the Teaching of Psychology) проанжировали всех авторов и все книги по 5-балльной шкале (5 — максимальная оценка).

психологии: Чарлз Дарвин и Томас Кун. С другой стороны, списки авторов, рекомендуемых для чтения, далеко не полностью совпадают со списками самых выдающихся психологов. Например, в списке авторов, рекомендуемых для чтения студентам, отсутствуют такие признанные классики психологии, как Вильгельм Вундт, Иван Павлов, Эдвард Торндайк, Кларк Халл и др.³⁷

Наконец, как отмечается в исследовании, консенсус оказывается бóльшим в отношении авторов, чем конкретных работ. Иными словами, по мнению специалистов, далеко не каждого «классика» и тем более отнюдь не каждую из его работ следует читать всем студентам.

Сходные методические проблемы, связанные с чтением классики студентами, возникают и у экономистов, и у социологов. Посмотрим, например, какие классические работы включаются в список рекомендуемой литературы в курсах по истории экономической мысли (табл. 8).

Мы видим, что, как и в случае с психологией, далеко не все классики и отнюдь не в равной мере рекомендуются для чтения студентам. На содержательном уровне методические проблемы построения курса по истории экономической мысли и выбора работ для чтения обсуждались, в частности, в одной из статей Кеннета Боулдинга, который писал по этому поводу следующее:

«Одна из проблем курсов такого рода заключается в том, что книги, рекомендуемые для чтения, должны быть в значительной мере самодостаточны и понятны без подробной предыстории. К счастью, “Богатство народов” именно такая книга... Прочитав Адама Смита, можно легко переходить к Рикардо, которого на самом деле непросто постичь без Адама Смита, а прочитав Рикардо, можно приступить к Марксу; таким образом, эти три автора составляют великолепный самодостаточный блок для чтения.

К сожалению, не все великие книги столь же пригодны для этой цели. Например, в каком-то году в том же курсе мы читали “Общую теорию” Кейнса, и это оказалось просто катастрофой; ее совсем невозможно было понять без обширных знаний экономики XIX в., которых у студентов не было и которые мне трудно было преподавать»³⁸.

³⁷ Ср. с результатами проводившегося примерно в это же время опроса психологов (Korn, Davis R., Davis S., 1991), которые мы приводили в главе «Корпус классики» (табл. 2).

³⁸ Boulding, 1971, p. 235–236.

Таблица 8

Классические работы, рекомендуемые для чтения в курсах по истории экономической мысли (университеты США и Канады, 3–4-й год бакалавриата, major in economics, 1989 г.)

Автор и название	1-е изд.	Число уни- верситетов		
		US 40	CA 17	Tot. 57
<i>Smith, Adam. The Wealth of Nations</i>	1776	15	9	25
<i>Ricardo, David. The Principles of Political Economy and Taxation</i>	1817	17	6	23
<i>Malthus, Thomas R. The Principles of Political Economy</i>	1820	5	4	9
<i>Mill, John S. Principles of Political Economy</i>	1848	8	3	11
<i>Marx, Karl. The Capital. Vol. 1</i>	1867	11	2	13
<i>Jevons, William S. The Theory of Political Economy</i>	1871	9	3	12
<i>Walras, Leon. Elements of Pure Economics</i>	1874	6	2	8
<i>Marshall, Alfred. Principles of Economics</i>	1890	10	3	13
<i>Clark, John B. The Distribution of Wealth</i>	1899	3	2	5
<i>Veblen, Thorstein. The Theory of Leisure Class</i>	1899	4	–	4
<i>Knight, Frank H. Risk, Uncertainty and Profit</i>	1921	3	–	3
<i>Robbins, Lionel. The Nature and Significance of Economic Science</i>	1932	3	–	3
<i>Keynes, John M. The General Theory of Employment, Interest and Money</i>	1936	10	5	15
<i>Hicks, John R. Value and Capital</i>	1939	2	1	3

US — американские университеты; CA — канадские университеты; Tot. — общее число университетов.

Составлено по: *Venkateswarlu, 1989.*

Это мнение подтверждается приведенными выше данными о наиболее рекомендуемых книгах классиков: Смит и Рикардо используются в качестве первоисточников для чтения гораздо чаще, чем Кейнс³⁹.

³⁹ Другие преподаватели истории экономической мысли также поддерживают выбор в качестве книги для чтения в первую очередь «Богатства народов» Смита. См.: *Gift, Krislov, 1991.*

Интересный подход к решению методических проблем, связанных с чтением классиков, предлагается в статье социолога Томаса Сегади, который советует при изучении классики начинать не с чтения «большого тома, а с подборки текстов, которые легко понимать и которые отчетливо связаны с повседневной жизнью студентов»⁴⁰. В качестве отличной стартовой работы Сегади называет эссе Георга Зиммеля «Мода» (1904), в процессе чтения которого студенты могут не только углубить свои представления о социальном смысле моды, но и постичь объяснительный потенциал социологического анализа, а также оценить высочайшее качество исследования Зиммеля. Изучая этот текст,

«студенты обнаружат, что классика содержит в себе много спорного и не свободна от очевидных изъянов, но тем не менее сравнение этих работ с современными очень часто бывает не в пользу последних. Классиков обычно потому и называют классиками, что они задают вечные вопросы»⁴¹.

Другой социолог, Карл Бэкмен, обсуждая методiku демонстрации связи классики с современной наукой, замечает, что преподавание курса классической теории (Маркс, Дюркгейм, Вебер на фоне их предшественников и современников) в бакалавриате имеет несколько задач. Первая — познакомить студентов с великими системами мысли (образцы совершенства). Вторая — продемонстрировать силу интеллекта, с которой в этих концепциях схвачены узловые проблемы истории (пики возможностей научной мысли). Третья — показать, что значение этих мыслителей в том, что их идеи и сегодня используются социологами и другими обществоведами (влияние)⁴².

* * *

В целом, можно сказать, что представление о классиках (как о самом понятии, так и о классических авторах и работах) форми-

⁴⁰ Segady, 1990, p. 215–216.

⁴¹ Ibid.

⁴² Однако, по мнению Бэкмена, решение этой последней задачи требует не только конкретных примеров, но и вовлечения студентов в поиски доказательств такой востребованности и нужности классиков. В частности, он предлагает своим ученикам задания, предполагающие подсчеты числа ссылок на указанных авторов по Social Sciences Citation Index (Backman, 1992, p. 104).

руется в период обучения в университете, причем даже с некоторым перебором (т.е. понятие классики чрезмерно акцентируется), о чем свидетельствуют, в частности, результаты многолетнего проекта, проводившегося под руководством американской исследовательницы Пилинг Ванг в конце 1990-х — начале 2000-х годов⁴³.

В ходе проекта, в котором в качестве испытуемых участвовали преподаватели и студенты отделения экономики сельского хозяйства одного из американских университетов, на основе углубленных интервью анализировались принципы работы с информацией (в том числе с научной литературой) на разных уровнях проводившихся преподавателями и студентами исследований (применительно к преподавателям речь шла о подготавливаемых ими статьях, книгах и заявках на гранты, применительно к студентам — о магистерских и докторских диссертациях).

На финальной стадии проекта (после завершения своих исследований) участники эксперимента должны были объяснить интервьюеру, по каким причинам они сослались на сочинения, включенные ими в список использованной литературы, и одним из вариантов ответа было определение цитируемой работы как «классической». Выяснилось, что термины «классик» и «классический» применительно к цитируемой литературе гораздо чаще используют студенты и аспиранты, пишущие квалификационные работы, в том числе по отношению к трудам своих преподавателей или к работам, рекомендованным преподавателями. Они же часто называют *все* произведения какого-либо классика классическими. Как отмечают авторы исследования,

«Выбор и цитирование классиков в студенческих и аспирантских работах определяется влиянием наставников и становится все более избирательным по мере профессионального роста»⁴⁴.

В целом можно говорить о существовании самоподдерживающегося механизма воспроизводства представлений о научной классике, реализующегося во взаимном влиянии науки и образования. Усвоенные в процессе обучения представления о классике сохраняются специалистами во взрослом возрас-

⁴³ См.: Wang, Soergel, 1998; Wang, White, 1999; Wang, Bownas, 2005.

⁴⁴ Wang, Bownas, 2005, p. 9.

те и снова транслируются ими новым поколениям студентов. Но одновременно этот процесс воспроизводства подвергается действию внешних импульсов, вырабатываемых в исследовательской среде, благодаря чему состав наиболее авторитетных авторов и работ не застывает, а постепенно обновляется (хотя ядро списков «классики» может оставаться неизменным в течение десятилетий).

Люди, годы, книги

Классическая статья — та, которую часто цитируют, но редко читают, в противоположность не классической статье, которую никогда не цитируют и никогда не читают.

Бен Олдройд (австралийский биолог), 2001

Следуя предложенному нами определению научной классики, попытаемся теперь выяснить, какова ее роль в текущей научной работе. Если не считать фрагментарных высказываний отдельных ученых по этому поводу, основным источником информации здесь являются содержащиеся в научных трудах ссылки на исследования предшественников.

Первая статья, основанная на подсчетах числа ссылок (на различные естественно-научные журналы), была опубликована еще в 1927 г.¹ Однако перевод такого рода исследований на регулярную основу стал возможен лишь во второй половине XX в., прежде всего благодаря титаническим усилиям Юджина Гарфилда, основавшего в 1960 г. Институт научной информации (Institute for Scientific Information — ISI) в Филадельфии, в котором под его руководством в течение нескольких десятилетий создавались автоматизированные базы данных ссылок в научных журналах. Первоначально в ISI была создана и поддерживалась база данных по ссылкам в естественно-научных журналах (Science Citation Index, SCI), в начале 1980-х годов были созданы и начали развиваться базы данных ссылок в общественнонаучных (Social Science Citation Index, SSCI) и гуманитарных (Arts and Humanities Citation Index, A&HCI) периодических изданиях².

¹ Gross P., Gross E., 1927. В статье анализировалось распределение ссылок в «The Journal of the American Chemical Society» в 1926 г. по цитируемым журналам и по времени публикации цитируемых статей (за период 1871–1925 гг.).

² Во избежание недоразумений поясним, что сочетание «citation index» в данном случае обозначает базу данных, а не показатель (как, например, «индекс цен»), и должно переводиться как «индекс ссылок» (а отнюдь не «индекс цитирования»), причем в значении «каталог ссылок» или «указатель ссылок» (ср. «индекс запрещенных книг»).

В настоящее время эти базы данных (под общим названием Web of Science, WoS) принадлежат компании Thomson Reuters Corporation, а ISI теперь является одним из исследовательских подразделений этой компании³. По состоянию на февраль 2009 г. Science Citation Index Expanded охватывал около 6600 научных журналов (начиная с 1900 г.); Social Sciences Citation Index — около 1900 журналов (начиная с 1956 г.); Arts & Humanities Citation Index — около 1100 журналов (начиная с 1975 г.). При этом состав баз данных постепенно меняется во времени, в основном за счет включения новых журналов, но также за счет исключения из базы некоторых изданий, переставших выходить или изменивших свой статус.

В последние годы наряду с WoS стали создаваться и другие электронные базы данных, включающие общественные и гуманитарные науки — Scopus (издательства Elsevier); Google Scholar, CSA Illumina⁴, а также базы публикаций по отдельным общественным наукам (например, по экономике — EconLit, RePEc; по психологии — PsycINFO)⁵. Конечно, WoS в целом еще сохраняет доминирующие позиции на этом рынке, но по некоторым параметрам Scopus, например, уже оказывается предпочтительнее для библиометрического анализа социальных и гуманитарных наук, чем базы Thomson SSCI и A&HCI⁶.

Хотя автоматизированные базы данных ссылок, содержащихся в журнальных статьях, имеют определенные недостатки, о которых мы скажем чуть ниже, тем не менее с их помощью можно попытаться выявить роль классических, более старых работ в современных исследованиях (в данной главе под «ролью» мы подразумева-

³ Кроме того, компания Thomson Reuters (конкретнее, ее подразделение Thomson Scientific Unit) поддерживает ряд дополнительных аналитических и информационных систем (Journal Citation Reports, Essential Science Indicators, Scientific WebPlus, ISI HighlyCited.com, Science Watch и др.), в большей или меньшей степени связанных с WoS. Вместе с WoS эти аналитические и информационные ресурсы объединяются под названием ISI Web of Knowledge.

⁴ Принадлежит компании ProQuest, с 2007 г. входящей в Cambridge Information Group (CIG).

⁵ Обзор существовавших на середину 2000-х годов автоматизированных баз данных и возможностей их использования для библиометрического анализа см. в: *Neuhaus, Daniel, 2008.*

⁶ См.: *Norris, Oppenheim, 2006.*

ем показатели числа ссылок)⁷. С технической точки зрения эта тема является частью более общей проблемы распределения ссылок во времени. Одно из первых таких исследований было выполнено в 1960 г. Робертом Бёртоном и Ричардом Кеблером⁸, которые показали, что распределение ссылок по времени публикации цитируемых работ смещено в сторону настоящего (проще говоря, ученые ссылаются в основном на последние работы в своей области). В этой и многочисленных последующих статьях было продемонстрировано, что распределение ссылок во времени обычно меняется по экспоненциальному закону, т. е. число получающих ссылки работ быстро убывает по мере удаления в прошлое (или соответственно возрастает по мере приближения к настоящему)⁹.

Таким образом, эмпирические результаты формально свидетельствуют в пользу существования кумулятивной модели развития научного знания. Данная модель подразумевает, что новое знание вбирает в себя предыдущее и заменяет его и что научные работы и содержащиеся в них результаты постепенно устаревают и выходят из научного обихода, перестают использоваться. Это явление Роберт Мёртон обозначил как «забвение через включение» (*obliteration by incorporation*)¹⁰.

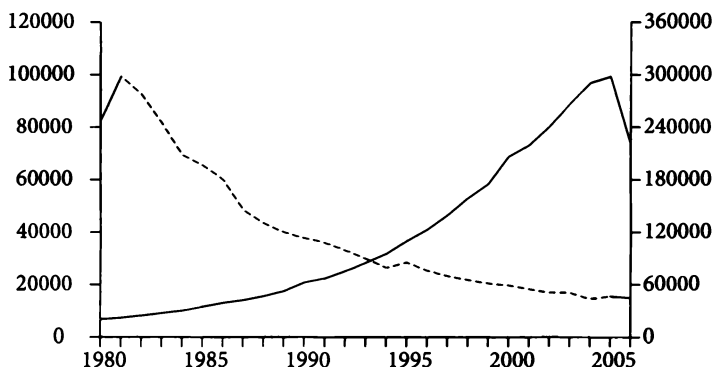
⁷ Следует подчеркнуть, что на самом деле в базах данных содержится информация не о ссылках, а об используемой литературе (библиографиях), т. е. любая работа, на которую ссылается автор, учитывается только один раз, независимо от числа ссылок на нее в тексте статьи. Кроме того, по чисто стилистическим причинам мы вынуждены будем пользоваться выражениями типа «уровень цитирования», «наиболее цитируемый автор» и т. д., но при этом речь не идет о цитировании в строгом смысле, т. е. использовании отрывков текста из каких-либо работ, а лишь о частоте упоминания работ и авторов в списках литературы.

⁸ *Burton, Kebler*, 1960.

⁹ Скорость убывания числа ссылок во времени (при «движении в прошлое») обычно измеряется или «периодом полураспада (полужизни)» (термин введен в работе: *Burton, Kebler*, 1960), или «индексом Прайса» (введен в работе: *Price*, 1970, рус. пер.: *Прайс*, 1971). «Период полураспада (полужизни)» (*half-life*) равен медианному возрасту ссылок, т. е. длине периода (в годах), на который приходится половина всех ссылок. «Индекс Прайса» — доля ссылок на работы последних пяти лет в общем числе ссылок.

¹⁰ *Merton*, 1965, p. 218–219; *Мёртон*, 2006 [1968], с. 50–51. См. также: *Garfield*, 1975. Термин «забвение через включение» может использоваться и в более узком смысле, в отношении настолько известных теорий и концепций, что, при их упоминании в тексте, на сами работы и их авторов уже не ссылаются (например, «теория относительности», «харизматический лидер» и т. д.).

Распределение числа ссылок во времени может быть продемонстрировано двумя способами — диахронистически и синхронистически: как убывание, по мере продвижения в будущее, числа ссылок на публикации данного года; и как убывание, по мере удаления в прошлое, числа ссылок, сделанных в данном году. На рис. 1 мы приводим такой «двусторонний» график диахронистического и синхронистического распределения, построенный нами на основе данных о числе работ, получивших ссылки, в изданиях, входящих в SSCI¹¹.

---- Число работ 1979 г., получивших ссылки в 1980–2006 гг. (левая шкала)
 — Число работ 1980–2006 гг., получивших ссылки в 2007 г. (правая шкала)

Рис. 1. Диахронистическое и синхронистическое распределение во времени числа работ, получивших ссылки в SSCI (по состоянию на 13.12.2008)

Согласно кумулятивной модели роста научного знания и подтверждающим ее количественным оценкам временной структуры ссылок, в статьях, опубликованных в данном году, фактически не должно быть ссылок на работы, изданные 100 или, тем более, 200 лет назад¹². Но очень скоро исследователям стало

¹¹ Насколько нам известно, впервые такой «двусторонний» график был построен для публикаций по естественным наукам в работе: Nakamoto, 1988.

¹² Например, при среднем «периоде полураспада», равном 6 годам (средний показатель для SSCI), вероятность появления в данном году ссылки на работу, опубликованную 100 лет назад, равна примерно 0,00001 или 0,001% (по формуле $P = (1/(2^{100/6})) \times 100$).

очевидно, что подобные агрегированные показатели распределения ссылок во времени измеряют «среднюю температуру по больнице».

На самом деле значительная часть работ, выпущенных в некоем году, вообще никогда не получает ссылок. Особенно велика доля таких работ в гуманитарных дисциплинах (до 80–90% всех публикаций), но даже в некоторых общественнонаучных дисциплинах доля работ, не получающих ни одной ссылки, может достигать 50 и более процентов¹³. Вторая часть публикаций получает всего несколько ссылок, часто за счет последующего самоцитирования их авторов. Далее, имеется некое ядро работ, ссылки на которые действительно распределяются по экспоненциальному закону: основная часть ссылок на эти работы делается в первые несколько лет после их выхода, после чего число ссылок на них начинает быстро уменьшаться и постепенно сходит на нет.

Наконец, существует небольшое количество работ, число ссылок на которые остается относительно высоким в течение многих лет и даже десятилетий, и если и начинает уменьшаться, то гораздо позже и обычно более плавно, чем ссылки на «средние» работы, образующие «ядро» научных публикаций. На эмпирическом уровне существование этой последней, наиболее интересной для нас группы работ, впервые было зафиксировано теми же Бёртоном и Кеблером в 1960 г., затем — Дерекком де Солла Прайсом в 1965 г.¹⁴ Во второй половине 1970-х годов появились первые статьи, специально посвященные этой теме применительно к естественным наукам¹⁵, а затем последовали

¹³ *Pendlebury, 1991; Schwartz, 1997.* Согласно последним агрегированным оценкам (*Larivière et al., 2008*), в 2001 г. доля статей, не получивших ни одной ссылки в течение последующих пяти лет, составляла в естественно-научных и инженерных дисциплинах (исключая медицину) 22–23%, в социальных науках – 28–29%, в гуманитарных дисциплинах — 81–82% (мы используем данные приведенного в этой работе графика, поэтому цифры приблизительные).

¹⁴ *Burton, Kebler, 1960; Price, 1965* (рус. пер. *Прайс, 1966*). Дерек Джон де Солла Прайс (1922–1983), являющийся одним из основоположников и классиков наукометрии, добавил «де Солла» к своей фамилии «Прайс» в 1950-е годы в знак уважения к своей матери, певице Фанни де Солла. В библиографических ссылках его фамилия обычно указывается просто как Прайс, а первая часть фамилии (де Солла) ошибочно приписывается к имени.

¹⁵ *Garfield, 1976; Cawkell, 1976; Oppenheim, Renn, 1978.*

аналогичные исследования и по общественным и гуманитарным дисциплинам (подробнее об этих работах см. ниже). В итоге выяснилось, что процесс устаревания и забвения научной литературы отнюдь не однозначен и не прост, особенно в социальных и гуманитарных науках¹⁶.

Общую тему данной главы — уровень цитирования классики в научной литературе — мы рассмотрим далее на материалах ряда исследований, посвященных определению работ, получающих наибольшее число ссылок, и их авторов в трех дисциплинах — экономике, психологии и социологии. К сожалению, число таких исследований крайне невелико, и в основном они были выполнены в конце 1970-х — начале 1980-х годов. Большинство современных работ, в которых делается попытка выявить наиболее цитируемых авторов или наиболее цитируемые публикации, ориентировано только на ныне живущих и действующих ученых¹⁷ и не могут быть использованы в нашем анализе.

Дело в том, что после первого, «исследовательского» периода 1970-х — начала 1980-х годов в последние десятилетия целью многих библиометрических подсчетов стало различного рода ранжирование и рейтингование — ученых (включая создание списков вероятных претендентов на Нобелевские премии)¹⁸, научных журналов, факультетов, университетов и даже стран, т.е. приобрело сугубо прагматические функции. Более того, отчасти такие списки стали формой удовлетворения тщеславия, равно как и борьбы интересов, в том числе вполне меркантильных — идет ли речь о борьбе журналов за подписку или о борьбе факультетов и университетов за студентов или за исследовательские гранты.

В результате многие такие списки стали походять на рейтинги популярности эстрадных певцов, измеряемые числом проданных аудиозаписей, или списки наиболее «кассовых» филь-

¹⁶ См. обзорные статьи по этой проблеме: *Line*, 1970; *Line, Sandison*, 1974; *Leavy*, 1983; *Line*, 1993; *Rothenberg*, 1993.

¹⁷ По экономике см., например: *Coupe*, 2003 (см. также: URL: <http://student.ulb.ac.be/~tcoupe/ranking.html>); *Kim, Morse, Zingales*, 2006. См. также постоянно обновляемый список наиболее цитируемых экономистов в базе данных RePEc: URL: <http://ideas.repec.org/top/top.person.all.html>.

¹⁸ Первые подсчеты такого рода по экономике были сделаны в конце 1980-х годов (*Medoff*, 1989; *Garfield*, 1990), теперь «прогнозирующие» списки наиболее цитируемых авторов по всем «нобелевским» дисциплинам ежегодно публикует компания Thomson Scientific (см.: URL: <http://www.in-cites.com/nobel/>; <http://scientific.thomsonreuters.com/nobel/>).

мов, составляемые по данным о числе зрителей и собранных в прокате денег. Понятно, что подобного рода сведения имеют мало отношения к оценке качества произведений или их вклада в мировую культуру.

Далее мы попытаемся выяснить на основе имеющихся исследований, как соотносятся между собой «классика» (авторы и работы) и количество ссылок. Иногда (с легкой руки Юджина Гарфилда, который ввел понятие Citation Classics) утверждается, что все работы и авторы с большим числом ссылок являются «классикой». Конечно, это не так, и взаимно-однозначного соответствия здесь не существует, даже при условии корректно выполненного исследования (а многие библиометрические работы этому условию, увы, не вполне соответствуют, так как используемый инструментарий и методика иногда не адекватны заявленным целям и формулируемым результатам). И тем не менее показатели числа ссылок позволяют, с одной стороны, выявить присутствие «классики» в современных исследованиях, с другой — помогают эту «классику» идентифицировать.

Прежде чем перейти к содержательному анализу, остановимся кратко на проблеме надежности результатов, получаемых при использовании существующих баз данных. Как показано во многих работах, содержащиеся в этих базах сведения о ссылках в общественных и особенно в гуманитарных периодических изданиях, к сожалению, не вполне репрезентативны (в отличие от естественно-научных журналов) и плохо отражают структуру ссылок в общественных и гуманитарных науках в целом¹⁹.

Прежде всего, применительно к социальным и гуманитарным наукам недостаточно репрезентативным является набор входящих в эти базы данных журналов. В частности, эти «международные» базы данных являются преимущественно англоязычными и в них плохо учитывается научная литература на других языках; более того, они существенно смещены в сторону американских периодических изданий. Процедура включения и исключения журналов из баз данных по социальным и гуманитарным наукам является непрозрачной — неизвестен ни состав

¹⁹ Об этих и других недостатках существующих баз данных в приложении к социальным и гуманитарным наукам см., например: Line, 1979; 1981; Smith, 1981; Nederhof et al., 1989; Nederhof, 2006; Hicks, 1999; 2005; Najman, Hewitt, 2003; Archambault, Vignola Gagné, 2004; Archambault et al., 2006; Knievel, Kelsey, 2005; Bornmann, Daniel, 2008.

экспертов, ни используемые ими критерии отбора (в частности, далеко не все социальные и гуманитарные журналы, входящие в WoS, являются реферируемыми). Но главное, применительно к журналам до сих пор не определено само понятие репрезентативности: например, база данных Scopus по целому ряду социальных дисциплин ныне уже охватывает больше журналов, чем WoS, но означает ли это, что данные Scopus'a более репрезентативны, учитывая, что речь все равно идет о некоей выборке из всего набора издающихся в мире журналов?

Впрочем, эти обстоятельства не столь существенны для нашего исследования — следует лишь иметь в виду, что подавляющее большинство обсуждаемых далее результатов отражает ситуацию, складывающуюся в социальных науках главным образом в англоязычных странах и в первую очередь в США (хотя и здесь, как мы покажем далее, имеются различия между США и, например, Великобританией и Австралией).

Гораздо более значимым для нас недостатком существующих баз данных является отсутствие в них информации о ссылках, содержащихся в монографической литературе, роль которой в социальных науках понемногу снижается, но все еще остается весьма существенной. Как было показано Морисом Лайном еще 30 лет назад²⁰, в социальных науках структура ссылок в журнальных статьях и в книгах очень сильно различается (см. табл. 9).

Мы видим, что из рассматриваемых нами дисциплин наиболее «статейной» является психология, наиболее «книжной» — социология (в экономике роль статей за последние десятилетия сильно выросла, и по этому параметру она теперь, видимо, уже приближается к психологии). Но при этом во всех областях социальных наук в журнальных статьях намного выше, чем в книгах, доля ссылок на статьи. Поскольку «цикл жизни» статей намного короче, чем у книг, это ведет к различиям во временной структуре ссылок — в статьях выше удельный вес ссылок на более новые работы. Кроме того, есть и другие причины, как технические, так и содержательные, ориентации авторов книг на относительно более давнюю литературу.

Различия в структуре ссылок по типам (на статьи или на книги) и по времени (на более и менее давние издания) приводят к тому, что в статьях и книгах формируются разные наборы наиболее цитируемых работ и авторов. В качестве примера приведем результа-

²⁰ Line, 1979; 1981.

ты, полученные Блейзом Кронином, Гербертом Снайдером и Хелен Аткинс на основе анализа ссылок в опубликованных в 1985–1993 гг. статьях в 24 американских и английских социологических журналах и в выборке из книг по социологии, включавшей 90 монографий (табл. 10). В этой и последующих таблицах полужирным шрифтом выделены авторы, умершие до момента проведения исследования, штриховкой выделены совпадающие имена.

Таблица 9

Структура ссылок в американских и британских журналах (1970 г.) и книгах (1971 г.) по социальным дисциплинам, %*

Объекты ссылок	Источники ссылок							
	Все дисциплины**		Психология		Экономика		Социология	
	Статьи в журналах	Книги	Статьи в журналах	Книги	Статьи в журналах	Книги	Статьи в журналах	Книги
Структура цитируемой литературы по типам								
Все работы	100	100	100	100	100	100	100	100
Статьи в журналах	47	25	64	58	45	30	35	20
Книги***	39	51	29	38	37	40	45	65
Прочие	14	24	7	4	18	30	20	15
Доля цитируемой литературы в возрасте более 7 лет								
Все работы	47	62	47	55	40	50	56	62
Статьи в журналах	44	54	-	-	-	-	-	-
Книги***	56	64	-	-	-	-	-	-
Прочие	32	66	-	-	-	-	-	-

* Таблица частично составлена нами по приведенным в статье графикам, поэтому оценки могут иметь погрешность в пределах 1–2 проц. пунктов.

** Всего в исследовании анализировались публикации по 11 социальным дисциплинам (антропология, криминология, экономика, образование, охрана окружающей среды, география, менеджмент, политические науки, психология, социальная политика, социология).

*** Включая главы в коллективных монографиях.

Рассчитано по: Line, 1979; 1981.

Таблица 10

Авторы, получившие наибольшее число ссылок
в социологических журналах и книгах (1985–1993 гг.)

Имена	Годы жизни	Cit.	R	Имена	Годы жизни	Cit.	R
Durkheim, Émile	1858–1917	203	5	Marx, Karl	1818–1883	48	7
Weber, Max(imilian)	1864–1920	207	3	Freud, Sigmund	1856–1939	58	4
Parsons, Talcott	1902–1979	206	4	Durkheim, Émile	1858–1917	90	1
Merton, Robert K.	1910–2003	163	11	Weber, Max(imilian)	1864–1920	81	2
Blau, Peter M.	1918–2002	247	1	Parsons, Talcott	1902–1979	56	6
Duncan, Otis D.	1921–2004	211	2	Janowitz, Morris	1919–1988	81	2
Goffman, Erving	1922–1982	164	10	Goffman, Erving	1922–1982	40	9
Coleman, James S.	1926–1995	201	6	Lipset, Seymour M.	1922–2006	46	8
Becker, Gary S.	1930–	173	7	Berger, Peter L.	1929–	36	11
Glenn, Norval D.	1933–	167	8	Habermas, Jürgen	1929–	40	9
Giddens, Anthony	1938–	167	8	Burgoyne, Jacqueline L.	1944–1988	57	5

Cit. — число ссылок; R — ранг.

Источник: Cronin et al., 1997.

Как можно видеть, два набора наиболее цитируемых социологами авторов существенно различаются: только четверо — Дюркгейм, Вебер, Парсонс и Гофман — попали в верхнюю десятку в обоих случаях²¹. Более того, если расширить границы списков (в исследовании полные списки включали по 26 имен), то в этом случае степень совпадения оказывается еще ниже — к указанной четверке добавляются Карл Маркс, Роберт Мёртон, Сеймур

²¹ В обоих случаях в список попало по одному не-социологу — в социологических статьях в эти годы часто ссылались на экономиста Гэри Беккера, а в книгах — на Фрейда.

Липсет, Чарлз Тилли и Энтони Гидденс, т.е. общими оказываются 9 имен из 26, или 1/3 всего списка.

Эти результаты ставят под сомнение многие выводы, получаемые на основе анализа ссылок, содержащихся только в статьях, но применительно к целям нашего исследования использование баз данных журнальных статей оказывается возможным. Согласно приведенным оценкам, если речь идет о наиболее известных и авторитетных авторах, в том числе о «классиках» (прошлых или ныне здравствующих), то они, как правило, оказываются в числе наиболее цитируемых как в журнальных статьях, так и в книгах. Поэтому, хотя в ходе последующего обсуждения показателей числа ссылок следует постоянно держать в уме возможность некоторого смещения результатов, в целом, на наш взгляд, они позволяют составить представление о роли классики в современных научных исследованиях.

I. СИНХРОНИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

а) Наиболее цитируемые авторы

Хотя исходным пунктом формирования «классики» являются работы, а не авторы, мы все же начнем со списков авторов, чьи работы в совокупности получают наибольшее число ссылок. Это позволит нам ввести читателей в круг имен наиболее известных и активно цитируемых ученых в трех рассматриваемых нами дисциплинах — экономике, психологии и социологии.

Как уже отмечалось, число серьезных эмпирических исследований по этой теме сравнительно невелико, и большинство из них выполнено довольно давно²². Тем не менее в совокупности они, на наш взгляд, позволяют составить представление о некоторых общих принципах функционирования классики в современной науке.

Поскольку темой нашего исследования является не анализ перечней наиболее цитируемых авторов и работ, а роль классики, попытаемся прежде всего ответить на главный вопрос: как соотносятся между собой списки классиков (т.е. тех, кого считают классиками или, по крайней мере, выдающимися учеными) и списки

²² Общественные науки в целом: *Garfield*, 1978a; *Line*, 1981; экономика: *Quandt*, 1976; *Stigler*, *Friedland*, 1979; *Fleming*, 1994; *Biddle*, 1996; психология: *Mayers*, 1970; *Endler*, *Rushton*, *Roediger*, 1978; социология: *Oromaner*, 1970; 1980; *Cronin*, *Snyder*, *Atkins*, 1997; *Donovan*, *Halsey*, 2004.

наиболее цитируемых авторов²³. В качестве примера обратимся к данным по психологии, где мы можем прямо сопоставить разные наборы имен, составленные примерно в одно время (табл. 11).

Как показывают приведенные данные, степень соответствия между набором «выдающихся» и наиболее цитируемых ученых весьма высока. Конечно, здесь нет взаимно-однозначного соответствия: на некоторых классиков уже практически не ссылаются, и в то же время есть авторы, исследования которых в какой-то период получают много ссылок, но при этом они не считаются классиками или даже выдающимися учеными. Еще одно обстоятельство, на которое следует обратить внимание: списки наиболее цитируемых авторов смещены в сторону современников, в то время как в любой дисциплине список классиков «всех времен» смещен в сторону уже умерших ученых. Но так или иначе, присутствие классиков в списках наиболее цитируемых авторов оказывается вполне ощутимым.

Следующий аспект функционирования классики в современной науке связан с различиями в «радиусе действия» классических работ и их создателей. Как отмечалось в главе «Понятие классики», классика существует на разных уровнях — социальных наук в целом, отдельных дисциплин и даже направлений научных исследований. К этой теме мы еще вернемся ниже, пока же отметим, что эти различия также улавливаются с помощью показателей числа ссылок.

В частности, библиометрические исследования, определяющие наиболее цитируемых авторов в отдельных социальных науках, делятся на два типа. В одних случаях списки наиболее цитируемых авторов, относящихся к данной дисциплине, составляются на основе анализа публикаций во всех журналах по социальным наукам (прежде всего по базе данных SSCI), в других — на основе анализа ссылок в ограниченном наборе журналов, относящихся именно к данной дисциплине. Таким образом, в работах первого типа выделяются ученые, работы которых получают признание

²³ Из приводимых далее списков мы по возможности исключали авторов и работы, посвященные исключительно методикам сбора, обработки и анализа данных (в частности, работы по психометрике, эконометрике и социометрике, по методике лабораторных испытаний в психологии и т.д.). На такого рода публикации, естественно, часто ссылаются, но их авторы, при всей значимости их трудов, не входят в круг «классиков» и даже научных авторитетов. О соотношении числа ссылок на разные типы работ (методические, эмпирические и теоретические) в социологии см.: *Peritz*, 1983, в естественных науках — *Méndez, Gómez*, 1989.

Таблица 11

Наиболее выдающиеся (1981 г.) и наиболее цитируемые

Наиболее выдающиеся психологи (опрос 1981 г.)*							
Всех времен				Современные			
Имена	Годы жизни	Score	R	Имена	Годы жизни	Score	R
Wundt, Wilhelm	1832-1920	173	7	Rogers, Carl R.	1902-1987	295	2
James, William	1842-1910	202	5	Erikson, Erik H.	1902-1994	72	9
Pavlov, Ivan P.	1849-1936	210	4	Hebb, Donald O.	1904-1985	155	4
Freud, Sigmund	1856-1939	469	1	Skinner, Burrhus F.	1904-1990	622	1
Thorndike, Edward L.	1874-1949	157	9	Hilgard, Ernest R.	1904-2001	84	6
Watson, John B.	1878-1958	202	5	Harlow, Harry F.	1905-1981	77	8
Hull, Clark L.	1884-1952	173	7	Miller, Neal E.	1909-2002	233	3
Piaget, Jean	1896-1980	254	3	Cronbach, Lee J.**	1916-2001	78	7
Rogers, Carl C.	1902-1987	92	10	Festinger, Leon	1919-1989	68	10
Skinner, Burrhus F.	1904-1990	355	2	Bandura, Albert	1925-	154	5

в том числе и за пределами «своей» дисциплины, во втором случае — узкодисциплинарные «авторитеты». В качестве примера приведем сопоставление двух таких наборов, относящихся к экономике и сформированных примерно в одно время (табл. 12).

Как мы видим, списки наиболее цитируемых авторов, составленные на основе ссылок в дисциплинарных журналах и по SSCI в целом в известной мере совпадают, но при этом между ними есть и заметные отличия. Самый характерный пример — это Карл Маркс, на которого уже давно почти не ссылаются в собственно экономических журналах (не считая входивших в SSCI советских изданий), но в целом по SSCI он по сей день получает очень много ссылок.

(1969–1977 гг.) психологи

Наиболее цитируемые психологи (1969–1977 гг.)							
SSCI, 1975				SSCI, 1969–1977			
Имена	Годы жизни	Cit.	R	Имена	Годы жизни	Cit.	R
Freud, Sigmund	1856–1939	1426	1	Freud, Sigmund	1856–1939	12319	1
Piaget, Jean	1896–1980	1071	2	Piaget, Jean	1896–1980	7572	2
Rogers, Carl R.	1902–1987	387	9	Skinner, Burrhus F.	1904–1990	3672	6
Erikson, Erik H.	1902–1994	494	7	Cattell, Raymond B.	1905–1998	4282	5
Skinner, Burrhus F.	1904–1990	501	6	Osgood, Charles E.	1916–1991	3412	7
Cattell, Raymond B.	1905–1998	428	8	Campbell, Donald T.	1916–1996	3337	8
Rotter, Julian B.	1916–	386	10	Eysenck, Hans J.***	1916–1997	5370	3
Campbell, Donald T.	1916–1996	515	5	Festinger, Leon	1919–1989	2888	9
Eysenck, Hans J.***	1916–1997	537	4	Miller, George A.	1920–	2843	10
Bandura, Albert	1925–	650	3	Bandura, Albert	1925–	5050	4

Score — число голосов; Cit. — число ссылок; R — ранг.

* Опрос деканов факультетов психологии американских университетов, N = 72.

** В списке наиболее цитируемых психологов в 1975 г. занимал 12 место, в 1969–1977 гг. — 11 место.

*** В списке наиболее выдающихся современных психологов в 1981 г. занимал 11 место.

Источники: Davis et al., 1982; Endler, 1978; Garfield, 1978a.

Следующая характеристика классики, которая также улавливается с помощью показателей числа ссылок, — изменение если не набора, то «научных рейтингов», точнее, степени актуальности разных классиков. В качестве примера приведем

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

результаты нескольких исследований, выполненных на материалах ведущих американских и британских социологических журналов (табл. 13).

Таблица 12

Наиболее цитируемые экономисты
в базе данных SSCI (1969–1977 гг.) и в ведущих
экономических журналах (1970 г.)

SSCI, 1969–1977**				8 экономических журналов, 1970			
Имена	Годы жизни	Cit.	R	Имена	Годы жизни	Cit.	R
Marx, Karl	1818–1883	6807	1	*Friedman, Milton	1912–2006	68	1
*Myrdal, Gunnar	1898–1987	1885	6	*Samuelson, Paul A.	1915–2009	51	4
Galbraith, John K.	1908–2006	1612	8	Chenery, Hollis B.	1918–1994	36	10
*Friedman, Milton	1912–2006	3879	2	*Tobin, James	1918–2002	48	5
*Samuelson, Paul A.	1915–2009	3431	3	*Modigliani, Franco	1918–2003	38	7
*Tobin, James	1918–2002	1569	9	*Arrow, Kenneth J.	1921–	68	1
*Arrow, Kenneth J.	1921–	3013	4	Johnson, Harry G.	1923–1977	37	9
Baumol, William J.	1922–	1744	7	*Solow, Robert M.	1924–	53	3
Johnson, Harry G.	1923–1977	1923	5	Griliches, H. Zvi	1930–1999	41	6
				Jorgenson, Dale W.	1933–	38	7

* Лауреаты Премии памяти Альфреда Нобеля по экономике.

** Имена отобраны нами из общего списка 100 наиболее цитируемых авторов в SSCI; в него попали только девять ученых, которых можно отнести к экономистам.

Источники: *Garfield, 1978a; Quandt, 1976.*

Понятно, что наборы наиболее цитируемых авторов меняются во времени, и одновременно меняется состав представленных в этих наборах классиков (будь то умерших или живых). Представленные в табл. 13 данные наглядно демонстрируют, насколько сильно видоизменился на протяжении второй половины XX в. состав наиболее цитируемых авторов в социологии. То же самое, естественно, происходит во всех дисциплинах. Например, в экономике в конце XIX — начале XX в. в число наиболее цитируемых ученых входили Смит, Рикардо и Милль, в середине XX в. им на смену пришли Маршалл, Фишер, Пигу и Кейнс, а в начале 1970-х годов их, в свою очередь, потеснили Фридмен, Самуэльсон и Эрроу²⁴. Вместо более «старых» классиков исследователи начинают активнее обращаться к текстам более «новых», и это вполне естественно. Если бы этого не происходило, то наука не развивалась бы, и ситуация была бы сходной с интеллектуальной стагнацией, возникавшей в некоторые периоды истории, когда все сводилось к комментированию трудов давно умерших авторов, будь то Отцы Церкви или «классики марксизма-ленинизма».

При этом наблюдаемое во всех дисциплинах постепенное исчезновение более «старых» классиков из списка 10 или даже 100 наиболее цитируемых ученых отнюдь не всегда означает их полного исчезновения из числа «актуальных» авторов (хотя такое тоже происходит). Но усредненные подсчеты наибольшего числа ссылок эти процессы выявить не могут — здесь требуются более тонкие библиометрические методы (см. об этом ниже), поскольку классические работы, равно как и выдающиеся авторы, — явление штучное.

Библиометрические исследования показывают также, что, несмотря на «интернационализацию» науки, существуют значительные страновые различия между наборами наиболее цитируемых (т.е. популярных, но, отчасти, и наиболее авторитетных) ученых. Классики — явление не только интернациональное, но и национальное, и это следует учитывать при обсуждении их роли в современной науке.

Межстрановые различия были особенно велики до середины XX в.²⁵ После Второй мировой войны наметилась тенденция

²⁴ См.: Stigler, Friedland, 1979; Quandt, 1976.

²⁵ Национальную специфику наглядно демонстрирует работа Гранта Флеминга, в которой сопоставляются австралийский и американский наборы наиболее цитируемых экономистов в 1920–1940-е годы. См.: Fleming, 1994.

Таблица 13

Наиболее цитируемые авторы в ведущих американских и британских социологических журналах, 1955–2000 гг.

Американские журналы				Британские журналы			
Имена	Годы жизни	Cit.	R	Имена	Годы жизни	Cit.	R
1955 (ASR, AJS)				1955			
Sorokin, Pitirim A.	1889–1968	6	6	Нет данных			
Warner, W. Lloyd	1898–1970	10	2				
Havighurst, Robert J.	1900–1991	6	6				
Lazarsfeld, Paul F.	1901–1976	8	4				
Parsons, Talcott	1902–1979	10	2				
Davis, Kingsley	1908–1997	12	1				
Riesman, David	1909–2002	6	6				
Merton, Robert K.	1910–2003	8	4				
Hatt, Paul K.	1914–1953	6	6				
Meeker, Mary N.	1919–2003	6	6				
Lipset, Seymour M.	1922–2006	6	6				

Продолжение табл. 13

Американские журналы				Британские журналы			
Имена	Годы жизни	Cit.	R	Имена	Годы жизни	Cit.	R
1958–1962 (ASR)				1958–1962 (BJS)			
Durkheim, Émile	1858–1917	n/a	1	Radcliffe-Brown, Alfred R.	1881–1955	n/a	2
Weber, Max(imilian)	1864–1920	n/a	7	Malinowski, Bronislaw	1884–1942	n/a	8
Sorokin, Pitirim A.	1889–1968	n/a	4	Mead, Margaret	1901–1978	n/a	7
Lazarsfeld, Paul F.	1901–1976	n/a	5	Evans-Pritchard, Edward E.	1902–1973	n/a	9
Parsons, Talcott	1902–1979	n/a	2	Parsons, Talcott	1902–1979	n/a	6
Merton, Robert K.	1910–2003	n/a	6	Nadel, Siegfried F.	1903–1956	n/a	5
Shils, Edward	1911–1995	n/a	3	Fortes, Meyer	1906–1983	n/a	10
Cohen, Albert K.	1918–	n/a	8	Firth, Raymond	1910–2002	n/a	1
Bell, Wendell	1924–	n/a	9	Young, Michael	1915–2002	n/a	4
Harrison, Paul M.	1929?–	n/a	10	Willmott, Peter	1923–2000	n/a	3

Американские журналы				Британские журналы			
Имена	Годы жизни	Cit.	R	Имена	Годы жизни	Cit.	R
1970 (ASR, AJS)				1970 (BJS, SR, S)			
Durkheim, Émile	1858-1917	11	9	Durkheim, Émile	1858-1917	18	3
Weber, Max(imilian)	1864-1920	17	5	Weber, Max(imilian)	1864-1920	17	4
Parsons, Talcott	1902-1979	22	3	Parsons, Talcott	1902-1979	39	1
Sewell, William H.	1909-2001	11	9	Aron, Raymond	1905-1983	9	9
Merton, Robert K.	1910-2003	17	5	Merton, Robert K.	1910-2003	22	2
Blau, Peter M.	1918-2002	23	2	Mills, C. Wright	1916-1962	11	7
Duncan, Otis D.	1921-2004	24	1	Goode, William J.	1917-2003	9	9
Lipset, Seymour M.	1922-2006	16	7	Gouldner, Alvin W.	1920-1980	15	6
Lenski, Gerhard	1924-	11	9	Lockwood, David	1929-	16	5
Coleman, James S.	1926-1995	19	4	MacIntyre, Alasdair	1929-	11	7
Stinchcombe, Arthur	1933-	12	8				
				1980 (BJS, SR, S)			
				Marx, Karl	1818-1883	20	1
				Weber, Max(imilian)	1864-1920	16	2
				Parsons, Talcott	1902-1979	13	4
				Mills, C. Wright	1916-1962	10.5	6
				Parkin, Frank	1931-	12	5
				Goldthorpe, John H.	1935-	10	8
				Giddens, Anthony	1938-	14	3
				Hindess, Barry	1939-	9	9
				Lukes, Steven M.	1941-	10.5	6
				Douglas, Jack D.	????	9	9
Нет данных							

Американские журналы				Британские журналы			
Имена	Годы жизни	Cit.	R	Имена	Годы жизни	Cit.	R
				1990 (BJS, SR, S)			
Нет данных				Weber, Max(imilian)	1864–1920	16	2
				Parsons, Talcott	1902–1979	11	8
				Douglas, Mary	1921–2007	12	6
				Goffman, Erving	1922–1982	15	4
				Goldthorpe, John H.	1935–	15.5	3
				Pahl, Ray	1935–	12	6
				Giddens, Anthony	1938–	17	1
				Turner, Bryan S.	1945–	10	9
				Saunders, Peter	1948–	10	9
				Marshall, Gordon	????	14	5
				2000 (BJS, SR, S)			
Нет данных				Bauman, Zigmunt	1925–	21	4
				Foucault, Michel	1926–1984	15	6
				Habermas, Jürgen	1929–	14	7
				Bourdieu, Pierre	1930–2002	27	2
				Hall, Stuart	1932–	13	9
				Goldthorpe, John H.	1935–	14	7
				Giddens, Anthony	1938–	37	1
				Castells, Manuel	1942–	25	3
				Beck, Ulrich	1944–	17.5	5
				Latour, Bruno	1947–	12.5	10

Cit. — число ссылок; R — ранг. Американские журналы: ASR — American Sociological Review, AJS — American Journal of Sociology. Британские журналы: BJS — British Journal of Sociology, SR — Sociological Review, S — Sociology.

Источники: Oromaner, 1970; 1980; Donovan, Halsey, 2004.

к усилению интернационализации и унификации социальных наук²⁶. Однако степень интернационализации науки не следует преувеличивать. Достаточно сказать, что, согласно данным, приведенным в табл. 13, в 2000 г. среди 10 авторов, получивших наибольшее число ссылок в британских социологических журналах, было четыре англичанина (Бауман, Холл, Голдторп и Гидденс), три француза (Фуко, Бурдьё и Латур), два немца (Хабермас и Бек) и только один автор, живущий в Америке (Кастельс), притом что в современных американских социологических журналах подавляющее большинство наиболее цитируемых авторов — американцы.

Наконец, показатели числа ссылок во многом характеризуют положение дел в той или иной области науки в данной стране. Например, они отчетливо показывают, что в Великобритании около 1960 г. социологии как самостоятельной науки фактически еще не существовало (см. табл. 13) — из 10 авторов, на которых чаще всего ссылались в 1958–1962 гг. в главном английском социологическом журнале «British Journal of Sociology», семь — антропологи, а не социологи.

Анализ списков наиболее цитируемых авторов позволяет сделать некоторые осторожные выводы об изменении набора классиков и степени их влияния на современные исследования. В экономике и психологии уже в начале 1970-х годов в число наиболее цитируемых не входили умершие к тому времени авторы (не считая соответственно Маркса и Фрейда, на которых ссылались в основном за пределами профессиональной экономической и психологической литературы). То есть признанные умершие классики (например, Вундт, Джеймс, Павлов, Торндайк в психологии, Маршалл и Кейнс в экономике, не говоря уже о Смита и Рикардо) уже не относились к самым цитируемым авторам. Иная ситуация складывалась в социологии, где устойчивый набор классиков сформировался лишь в 1960-е годы и включал как тогдашних современников (Парсонс, Мёртон и Гофман), так и Маркса, Дюркгейма и Вебера. Все перечисленные ученые входили в число наиболее цитируемых авторов по меньшей мере до начала 1990-х годов, и лишь в последние годы они начали выбывать из верхней части списка.

В то же время в списки наиболее цитируемых авторов (при корректной методике подсчетов) в основном попадают действительно выдающиеся современные ученые, некоторые из кото-

²⁶ Применительно к социологии см. об этом: *Oromaner*, 1970.

рых получают статус классика еще при жизни и затем сохраняют его после смерти (например, Жан Пиаже и Бёррес Скиннер в психологии, Милтон Фридмен в экономике, Толкотт Парсонс и Ирвинг Гофман в социологии).

Рейтинг классиков

Проанализированные выше работы отталкиваются от подсчета числа ссылок и позволяют понять, входят ли классики в число наиболее цитируемых авторов. Наряду с этим существуют немногочисленные исследования «в обратную сторону», в которых делается попытка определить, насколько интенсивно цитируются авторы, считающиеся классиками.

Одно из таких исследований было выполнено Кику Адатто и Стивенем Коулом в 1981 г. Они взяли список классиков социологии, состоявший из трех умерших и четырех живых социологов-теоретиков, и оценили количество ссылок на них, сделанных в 1974 г. в профессиональной литературе (по четырем ведущим социологическим журналам) и в SSCI в целом. Эти данные мы приводим в табл. 14 (здесь авторы проранжированы не по дате рождения, а по числу ссылок).

В этом «соревновании» умерших и живых Маркс, Дюркгейм и Вебер уступили по числу ссылок в четырех социологических журналах Парсонсу, Мёртону и Блау. Но в SSCI в целом Маркс заметно превосходил по числу ссылок всех остальных из названных авторов, а Вебер получил примерно столько же ссылок, как Мёртон. В данном случае, впрочем, важны не «призовые» места, а порядок величин, свидетельствующий о том, что давно умершие авторы по степени «популярности» вполне могут соперничать с действующими и наиболее активными современниками.

Другое интересное исследование провели экономисты Гэри Андерсон, Дэвид Леви и Роберт Толлизон в 1989 г.²⁷ В своей работе они выявляли число ссылок только на уже умерших выдающихся экономистов, т.е. попытались построить «рейтинг актуальности» классиков. С этой целью ими был взят составленный Джорджем Стиглером и Клэр Фридлэнд список из 262 выдающихся экономистов (начиная с 1600 г.), умерших до 1985 г.²⁸ На основе базы

²⁷ Anderson, Levy, Tollison, 1989.

²⁸ Stigler, Friedland, 1985.

данных SSCI авторы статьи оценили количество ссылок на каждого из экономистов в статьях, опубликованных в 1983 г.

Таблица 14

Рейтинг классиков в социологии, 1974 г.

4 социологических журнала*				SSCI			
Имена	Годы жизни	Cit.	R	Имена	Годы жизни	Cit.	R
Merton, Robert K.	1910–2003	48	1	Marx, Karl	1818–1883	625	1
Parsons, Talcott	1902–1979	45	2	Parsons, Talcott	1902–1979	542	2
Blau, Peter M.	1918–2002	38	3	Goffman, Erving	1922–1982	414	3
Durkheim, Émile	1858–1917	29	4	Blau, Peter M.	1918–2002	345	4
Goffman, Erving	1922–1982	25	5	Weber, Max(imilian)	1864–1920	328	5
Weber, Max(imilian)	1864–1920	19	6	Merton, Robert K.	1910–2003	321	6
Marx, Karl	1818–1883	12	7	Durkheim, Émile	1858–1917	253	7

Cit. — число ссылок; R — ранг.

* «American Journal of Sociology»; «American Sociological Review»; «Social Forces»; «Social Problems».

Источник: Adatto, Cole S., 1981, p. 138.

В табл. 15 мы приводим результаты этой работы, полученные на основе анализа входящих в SSCI экономических журналов и всех журналов SSCI. В табл. 15 мы убрали из списка тех авторов, которые не были экономистами в строгом смысле (Ленин, Энгельс и Вебер). Для чистоты эксперимента (чтобы полностью избежать влияния современников) мы также исключили всех, кто умер после 1960 г., т.е. менее чем за 25 лет до расчета показателей цитирования. В данном случае мы также ранжируем списки не по дате рождения, а по количеству сносок, что позволяет нагляднее увидеть относительную «актуальность» разных классиков в 1983 г.

Таблица 15

Наиболее цитируемые умершие классики в экономике, 1983 г.

Экономические журналы в SSCI				Все журналы SSCI			
Имена	Годы жизни	Cit.	R	Имена	Годы жизни	Cit.	R
Keynes, John M.	1883–1946	284	1	Marx, Karl	1818–1883	1380	1
Marx, Karl	1818–1883	230	2	Keynes, John M.	1883–1946	330	2
Schumpeter, Joseph A.	1883–1950	n/a	3	Mill, John S.	1806–1873	n/a	3
Marshall, Alfred	1842–1924	n/a	4	Schumpeter, Joseph A.	1883–1950	n/a	4
Smith, Adam	1723–1790	n/a	5	Smith, Adam	1723–1790	n/a	5
Ricardo, David	1772–1823	n/a	6	Neumann, John von	1903–1957	n/a	6
Pigou, Arthur C.	1877–1959	52	7	Hume, David	1711–1776	n/a	7
Fisher, Irving	1867–1947	n/a	8	Ricardo, David	1772–1823	n/a	8
Wicksell, J. G. Knut	1851–1926	n/a	9	Bentham, Jeremy	1749–1832	94	9
Neumann, John von	1903–1957	n/a	10	Veblen, Thorstein B.	1857–1929	n/a	10
Mill, John S.	1806–1873	n/a	11	Pigou, Arthur C.	1877–1959	n/a	11
Veblen, Thorstein B.	1857–1929	n/a	12	Fisher, Irving	1867–1947	66	12
Jevons, William S.	1835–1882	29	13	Jevons, William S.	1835–1882	n/a	13

Cit. — число ссылок; R — ранг.

Источник: Anderson, Levy, Tollison, 1989.

К сожалению, в статье не приведено абсолютное число ссылок (за исключением нескольких разрозненных цифр, упоминаемых в тексте), тем не менее даже по этим данным видно, что между учеными, считающимися «великими» или «выдающимися» в анналах дисциплины, существуют огромные различия с точки

зрения их актуальности для современной науки. В частности, как отмечалось в статье, в 1983 г. из 262 «выдающихся» экономистов прошлого вообще не цитировались 53, из них 36 — жившие до XX в. Но и среди тех, на кого ссылались в 1983 г., также существовали колоссальные различия — например, в экономических журналах Кейнс получил в 10 раз больше ссылок, чем занявший 13-е место Джевонс. По SSCI в целом Кейнс занял 2-е место (после «мультидисциплинарного» Маркса), получив в пять раз больше ссылок, чем занявший 12-е место Фишер.

Заметим, что расхождения между результатами, получаемыми на основе анализа профессиональной литературы (в данном случае — экономических журналов) и на основе SSCI в целом, достаточно существенны, но все же не радикальны. Списки совпадают по 11 именам из 13 (они выделены штриховкой). Места Маршалла и Викселля в «профессиональном» списке заняли в «общем» списке Юм и Бентам, на которых среди обществоведов, конечно же, ссылаются не только и даже не столько экономисты, сколько социологи, психологи, политологи и т.д. (не говоря уже о не учитываемых в SSCI историках и философах).

Не вдаваясь в более детальное обсуждение этих результатов, которые, естественно, уже немного устарели, отметим лишь, что в данном случае показатели числа ссылок позволяют довольно точно определить, кто из «выдающихся» является «классиком», т.е. продолжает играть достаточно заметную роль в текущем исследовательском процессе.

б) Наиболее цитируемые работы

До сих пор мы говорили о присутствии «классиков» среди наиболее цитируемых ученых. Но понятно, что «классиками» становятся создатели «классических работ» (хотя, как мы уже писали в главе «Понятие классики», после превращения автора в «классика» «классическими» могут быть признаны и некоторые его сочинения, не имевшие вначале такого статуса). К сожалению, как и в случае с подсчетами ссылок на авторов, число исследований по данной теме также крайне невелико²⁹.

Поскольку списки самых цитируемых авторов составляются в основном по базам данных журнальных статей, а, как от-

²⁹ Общественные науки в целом: *Garfield*, 1978b; 1978c; экономика: *Diamond*, 1989; психология: *Garfield*, 1989; социология: *Jacobs*, 2005; 2007.

мечалось выше, в статьях намного больше, чем в книгах, доля ссылок на статьи, то списки наиболее цитируемых авторов, составленные на основе анализа ссылок в статьях, вообще говоря, исходно смещены в сторону авторов статей в ущерб авторам книг. Однако по крайней мере до 1990-х годов наиболее цитируемыми в статьях (в том числе и среди «классиков») были авторы книг. Как показывает сопоставление двух списков — наиболее цитируемых авторов *всех работ* (данные SSCI, 1969–1979) и наиболее цитируемых авторов *книг* (данные по 140 журналам по социальным наукам, 1970), в начале 1970-х годов эти списки в значительной мере совпадали, несмотря на различия в использовавшихся выборках³⁰.

О неодинаковой роли разных видов публикаций в формировании перечней наиболее цитируемых ученых свидетельствуют и результаты трех исследований, выполненных Юджином Гарфилдом по базе SSCI за 1969–1977 гг., в которых были последовательно представлены списки наиболее цитируемых авторов, книг и статей³¹. Судя по этим данным, в первой половине 1970-х годов статьи играли в формировании общего уровня цитируемости авторов существенно менее значимую роль, чем книги. Большинство ученых, фигурировавших в списке самых цитируемых авторов, одновременно присутствовали и как авторы наиболее цитируемых книг, и лишь немногие оказались среди авторов наиболее цитируемых статей.

Так, в экономике из девяти наиболее цитируемых экономистов пять оказались в списке самых цитируемых книг (Маркс, Мюрдаль, Гэлбрейт, Самуэльсон, Эрроу) и лишь один — в списке наиболее цитируемых статей (Самуэльсон).

В социологии из 12 самых цитируемых авторов не попали в список наиболее цитируемых книг только двое (Дюркгейм и Этциони) и, наоборот, лишь двое из 13 попали в аналогичный список статей (Холлингшед и Данкен).

В психологии из 10 наиболее цитируемых авторов лишь трое не вошли в список наиболее цитируемых книг (Каттелл, Кэмпбелл, Айзенк), зато у трех авторов (Скиннер, Брунер, Бандура) было по две работы в списке наиболее цитируемых книг, а у одного (Вольпе) — три книги. И лишь пять из 10 наиболее ци-

³⁰ Ср.: Garfield, 1978a; Line, 1981, p. 76.

³¹ Garfield, 1978a; 1978b; 1978c.

тируемых авторов попали со своими работами в список наиболее цитируемых статей (Осгуд, Кэмпбелл, Фестингер, Миллер, Бандура), причем у Кэмпбелла в список наиболее цитируемых попали целых две статьи.

Существует несколько исследований, в которых сопоставляется уровень цитирования статей и книг в социальных науках³², и все они показывают, что в среднем книги цитируются намного чаще, чем статьи (по крайней мере, если речь идет о лучших работах).

Например, по оценкам Дэвида Ботта и Лоувелла Харгенса³³, сравнивавших число ссылок в журналах SSCI за 1974–1985 гг. на социологические статьи и книги, опубликованные в 1974 г., среднее число ссылок на одну статью за период 1974–1985 гг. составило 11,1 ссылки, а среднее число ссылок на одну книгу — 41,4 ссылки, т.е. на книгу ссылаются в среднем почти в четыре раза больше, чем на статью (напомним, что речь идет о ссылках только в статьях, в которых удельный вес ссылок на книги существенно меньше, чем в книгах). Больше 150 ссылок получили восемь из 113 книг и только две из 354 статей.

В работе Элизабет Клеменс и др. (1995 г.)³⁴ сравнивалось число ссылок в SSCI в 1989–1993 гг. на «элитные» публикации по социологии, вышедшие в 1987–1988 гг., — 90 статей в журналах «American Sociological Review» и «American Journal of Sociology», и на 80 книг, номинированных в 1989 г. на премию Американской социологической ассоциации «Distinguished Scholarly Publication». Среднее число ссылок на статью было равно 11,4, на книгу — 33,2, т.е. отношение составило 3:1 в пользу книг. Количество ссылок на 20 наиболее цитируемых статей варьировалось в диапазоне 16–55 ссылок, количество ссылок на 20 наиболее цитируемых книг варьировалось в диапазоне 34–512 ссылок.

Сходные оценки были получены в 1996 г. Евой Линдхольм-Романчук и Джулианом Уорнером³⁵, которые анализировали публикации по экономике, социологии и философии. В этом ис-

³² Обзор основных из этих работ см. в: *Hicks*, 2005, p. 480–484.

³³ *Bott, Hargens*, 1991.

³⁴ *Clemens et al.*, 1995. В этой интересной работе различия в уровне цитируемости книг и статей анализируются в более широком содержательном контексте.

³⁵ *Lindholm-Romantschuk, Warner*, 1996.

следовании сравнивались показатели уровня цитируемости известных монографий по социальным и гуманитарным наукам, изданных в 1973–1990 гг., и статей, написанных теми же авторами примерно на те же темы. Соотношение числа ссылок на книги и статьи тех же авторов составило для работ по философии 7,7:1, по социологии — 2,6:1, по экономике — 2,4:1.

Понятно, что в современной литературе по общественным наукам статьи играют более важную роль, чем, например, 50, а тем более 100 лет назад. Но в долговременной перспективе наиболее цитируемыми учеными все равно оказываются авторы книг, что обусловлено различиями в «циклах жизни» разных типов публикаций (см. об этом ниже).

Возвращаясь к вопросу об уровне цитируемости классических книг и статей, заметим, что присутствие «старых» работ в списках наиболее цитируемых публикаций не менее ощутимо, чем присутствие «старых» авторов среди наиболее цитируемых ученых. Согласно оценкам, сделанным Юджином Гарфилдом, в каждой дисциплине в число публикаций, получивших наибольшее число ссылок в SSCI в 1969–1977 гг., входили работы, впервые изданные много лет назад³⁶.

Так, в первой половине 1970-х годов в списке самых цитируемых экономических работ были книги Карла Маркса (1867), Пола Самуэльсона (1947) и Кеннета Эрроу (1951), статьи Гарольда Хотеллинга (1929), Рональда Коуза (1937) и Пола Самуэльсона (1954). Сохраняли свою популярность труды Зигмунда Фрейда и книги психологов Эдварда Торндайка (1944), Эрика Эриксона (1950), Теодора Адорно и др. (1950) и Абрахама Маслоу (1954), статьи Леона Фестингера (1954) и Джорджа Миллера (1957). Социологи продолжали активно ссылаться на посмертно изданные книги Макса Вебера (1922) и Джорджа Мида (1934), равно как и на монографии Роберта Мёртона (1949) и Толкотта Парсонса (1951) и статьи Роберта Мёртона (1938), Чарлза Миллза (1940) и Лео Сроула (1956).

Основной вывод, который позволяют сделать имеющиеся оценки, состоит в том, что более старые «классические» книги и статьи занимают весьма существенное место среди самых цитируемых работ. В результате распределение во времени наиболее

³⁶ *Garfield, 1978b; 1978c.*

цитируемых работ существенно отличается от средних показателей временного распределения ссылок на все работы.

Работы в узкой области. До сих пор речь шла о выявлении «классических» работ в рамках дисциплин в целом, т.е. экономики, психологии и социологии. Однако в условиях быстрого роста социальных дисциплин, сопровождающегося все большей специализацией отдельных областей, есть смысл говорить не только о классиках и классических работах в какой-либо дисциплине в целом, но и в отдельных более узких и специализированных областях той или иной науки³⁷.

И действительно, довольно много библиометрических исследований посвящено выявлению наиболее цитируемых работ в какой-либо одной относительно узкой субдисциплинарной области³⁸. Эти исследования, не претендуя на глобальность, как правило, позволяют точнее определить работы, значимые для той или иной конкретной области науки, в том числе играющие роль «классических» или, по крайней мере, «основополагающих» для данного направления.

Потенциал таких исследований для анализа классики можно продемонстрировать на примере работы Пола Даунинга и Элизабет Стаффорд 1981 г.³⁹, в которой были определены наиболее часто цитировавшиеся в 1978–1979 гг. работы в области теории общественного выбора (табл. 16) — одного из направлений экономического анализа, связанного, с одной стороны, с политологией и социологией, с другой — с математической теорией игр.

Экономисты сразу увидят, что в этот список в основном попали действительно «классические» работы (Нёймана и Мор-

³⁷ Эта тема обсуждается, в частности, в работе Wang, Bownas, 2005.

³⁸ Например, в психофизиологии (Bertilson, 1978), психологии личности и социальной психологии (Bertilson, Knutson, 1980), теории социального выбора (Downing, Stafford, 1981), истории техники (McCain, 1987), в исследованиях малого бизнеса (Ratnatunga, Romano, 1997), истории Латинской Америки (McGreevey, 1998), экспериментальных исследованиях человеческого поведения (Critchfield et al., 2000), в анализе информационных управляющих систем (Walstrom, Leonard, 2000), экономики окружающей среды и природопользования (Costanza et al., 2004; Ma, Stern, 2006), специального образования (детей с отклонениями в здоровье и психике) (McLeskey, 2004; McLeskey, Landers, 2006) и т.д.

³⁹ Downing, Stafford, 1981.

генштерна, Нэша, Эрроу, Даунза, Бьюкенена и Таллока, Олсона, Сена, Роулза), которые не утратили своей актуальности и по сей день. И если не считать статьи Нэша, «классика» представлена в первую очередь книгами.

Таблица 16

Наиболее цитируемые работы по теории общественного выбора, SSCI, 1978–1979 гг.

Работы	Год	Cit.	R
<i>Neumann, John von; Morgenstern, Oskar. Theory of Games and Economic Behavior</i>	1944	11	13
* <i>Nash, John F. The Bargaining Problem // Econometrica</i>	1950	9	14
* <i>Arrow, Kenneth J. Social Choice and Individual Values</i>	1951	50	1
<i>Luce, R. Duncan; Raiffa, Howard. Games and Decisions: Introduction and Critical Survey</i>	1957	16	6
<i>Downs, Anthony. An Economic Theory of Democracy</i>	1957	25	3
<i>Black, Duncan. The Theory of Committees and Elections</i>	1958	25	3
* <i>Buchanan, James M.; Tullock, Gordon. The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy</i>	1962	14	10
<i>Olson, Mancur. The Logic of Collective Action</i>	1965	9	14
<i>Farquharson, Robin. Theory of Voting</i>	1969	17	5
* <i>Sen, Amartya K. Collective Choice and Social Welfare</i>	1970	34	2
<i>Rawls, John. A Theory of Justice</i>	1971	15	8
<i>Clarke, Edward H. Multipart Pricing of Public Goods // Public Choice</i>	1971	9	14
<i>Fishburn, Peter C. The Theory of Social Choice</i>	1973	14	10
<i>Gibbard, Allan. Manipulation of Voting Schemes: A General Result // Econometrica</i>	1973	16	6
<i>Riker, William H.; Ordeshook, Peter C. An Introduction to Positive Political Theory</i>	1973	13	12
<i>Satterthwaite, Mark A. Strategy-Proofness and Arrow's Conditions: Existence and Correspondence Theorems for Voting Procedures and Social Welfare Functions // Journal of Economic Theory</i>	1975	15	8

Cit. — число ссылок; R — ранг.

* Лауреаты Премии памяти Альфреда Нобеля по экономике.

Источник: *Downing, Stafford*, 1981.

II. ДИАХРОНИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В предыдущем параграфе мы оперировали результатами синхронистического анализа, т.е. подсчетами числа ссылок, которые получали разные авторы, книги и статьи в публикациях, вышедших в определенный период времени. Эти результаты показывают, что наряду с работами недавних лет в списки наиболее цитируемых попадают и достаточно давние работы, равно как и давно умершие авторы.

Обратимся теперь к результатам диахронистических исследований, в которых прослеживается изменение числа ссылок на данную работу или автора во времени. Первые диахронистические исследования ссылок появились в 1960-е годы, и в этих исследованиях на материалах статей в физических журналах рассматривались лишь агрегированные показатели⁴⁰. В 1974 г. Морис Лайн впервые показал, что существуют различия в изменении во времени числа ссылок для разных групп статей (на примере статей в одном из физических журналов)⁴¹. Первое диахронистическое исследование применительно к социальным наукам (на материале статей из трех социологических журналов) было выполнено Марком Ороманером в 1973 г., а в 1977 г. он вслед за Лайном продемонстрировал различия в характере изменения числа ссылок во времени по группам социологических статей с разными показателями цитируемости⁴². В статье Блумы Периц 1983 г. были приведены расчеты, показывающие различия в уровне и динамике цитирования разных тематических групп социологических статей — теоретических, эмпирических и методологических⁴³. Наконец, в упоминавшейся выше работе Евы Линдхольм-Романчук и Джулиана Уорнера, опубликованной в 1996 г., был проведен диахронистический анализ ссылок на книги по экономике, социологии и философии, и также было выявлено наличие существенных различий в изменении во времени числа ссылок на разные группы книг (высоко и низко цитируемых)⁴⁴.

⁴⁰ Обзор этих первых работ см. в: *Line, Sandison*, 1974, p. 308–310.

⁴¹ *Line*, 1974a.

⁴² *Oromaner*, 1973; 1977.

⁴³ *Peritz*, 1983.

⁴⁴ *Lindholm-Romantschuk, Warner*, 1996.

Эти исследования продемонстрировали, что в общем массиве публикаций (как в естественных, так и в общественных науках) существуют работы, изменение числа ссылок на которые не подчиняется усредненному закону экспоненциального убывания во времени и может оставаться очень большим в течение многих лет. Благодаря этим оценкам стало ясно, что оперирование усредненными показателями «цикла жизни» всех публикаций мало что говорит о механизмах развития научного знания.

Исходя из целей нашей работы, наибольший интерес представляют (увы, немногочисленные) долгосрочные диахронистические исследования числа ссылок на отдельных авторов, книги и статьи. Они дают возможность не только выявлять «научных долгожителей» на уровне отдельных работ и авторов (в принципе, такую возможность дает и синхронистический анализ), но и проследить «научные судьбы» отдельных ученых и их произведений, а затем и выявлять факторы, влиявшие на изменения степени их признания и популярности в научном сообществе⁴⁵.

Прежде чем перейти к рассмотрению имеющихся результатов, необходимо сделать одно методическое замечание. При диахронистическом анализе изменения во времени числа ссылок на какого-либо автора или отдельную работу необходимо учитывать тот факт, что общее число ссылок в научной литературе постоянно растет. Увеличивается число научных журналов, растет среднее число статей в одном журнале и, наконец — среднее число ссылок в одной статье. Поэтому рост абсолютного числа ссылок на работы какого-либо автора не отражает изменения уровня значимости его работ для научного сообщества. Абсолютные показатели должны неким образом соотноситься с общим числом анализируемых статей или ссылок, т. е. их следует нормировать (способы такого нормирования могут варьироваться).

⁴⁵ Экономика: *Biddle*, 1996; *Wight*, 2002; *Wang, Bownas*, 2005; психология: *Rushton*, 2001; *McPherson et al.*, 1984; *Dymond*, 2006; социология: *Jacobs*, 2005a; 2005b.

Кроме того, в социологии есть исследования, посвященные диахронистическому анализу изменения уровня популярности отдельных авторов (например, Георга Зиммеля — см.: *Levine, Carter, Miller Gorman*, 1976) и работ (например, «Правила социологического метода» Эмиля Дюркгейма — см.: *Platt*, 1995), основанные на анализе учебной литературы, причем эти исследования появились раньше работ, основанных на анализе числа ссылок.

а) Авторы

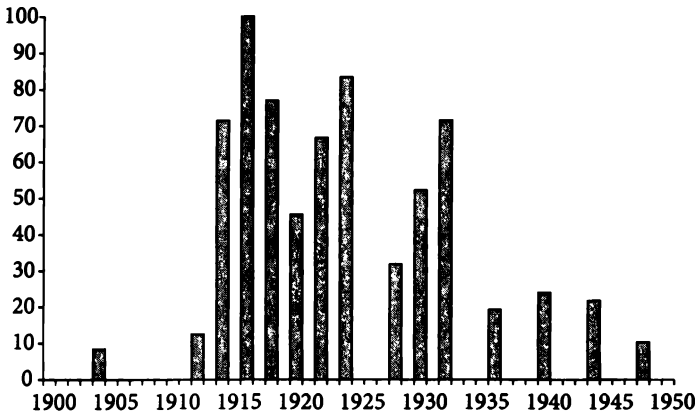
Как показывают результаты синхронистических исследований, в каждый момент времени значительную, если не основную, часть списков наиболее цитируемых авторов занимают действующие исследователи. Но для подавляющего большинства из них период известности и популярности оказывается не очень продолжительным.

В качестве примера можно привести оценки, сделанные в 1996 г. Джеффом Биддлом⁴⁶, проанализировавшим динамику числа ссылок, которые делались в 1904–1948 гг. в экономических журналах на работы весьма известного в свое время экономиста Уэсли Митчелла (1874–1948), одного из основателей американского Национального бюро экономических исследований и автора ряда важных исследований конъюнктуры и деловых циклов. Как показывают результаты, полученные Биддлом (см. рис. 2), работы Митчелла были необычайно популярны примерно в течение 20 лет — с 1914 по 1932 г., и на протяжении этого периода он постоянно входил в пятерку наиболее цитируемых экономистов (а в 1916 г. он вообще получил наибольшее число ссылок в ведущих экономических журналах). Но уже с середины 1930-х годов его популярность среди тогдашних экономистов существенно уменьшилась. Такая динамика ссылок, по-видимому, типична для известных авторов, которые *не становятся* классиками.

Иное дело — работы классиков, число ссылок на которые остается высоким и может даже увеличиваться через много лет после их написания. В качестве примера можно привести оценки количества ссылок на произведения Адама Смита (1723–1790), сделанные в 1971–1997 гг. в статьях, учтенных в базе данных SSCI (эти расчеты были выполнены Джонатаном Уайтом)⁴⁷. В зависимости от способа нормирования относительное число ссылок на Адама Смита не уменьшается или даже увеличивается (рис. 3). Конечно, как показал Уайт, внимание современных ученых привлекает в первую очередь «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776), но не остаются без внимания и другие работы Смита, прежде всего его «Теория нравственных чувств» (1759).

⁴⁶ Biddle, 1996.

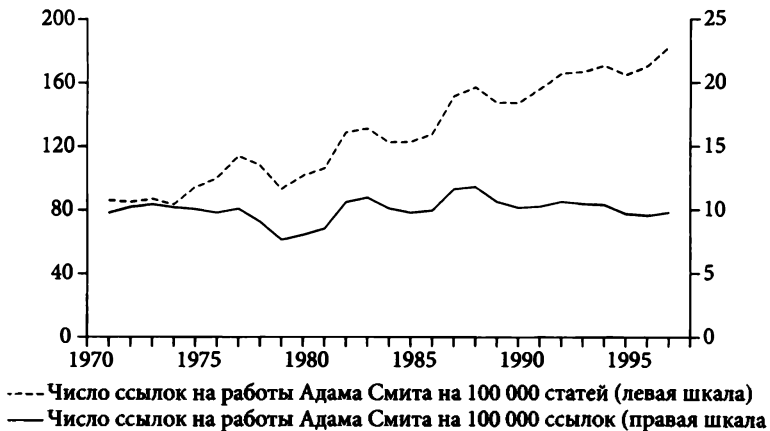
⁴⁷ Wight, 2002.

Примечание. Анализ проводился только за отдельные годы, которым соответствуют столбцы на рисунке.

Расчитано по: Biddle, 1996.

Рис. 2. Относительное число ссылок на работы Уэсли Митчелла, 1904–1948 гг. (в % к максимальному числу ссылок на одного автора в ведущих экономических журналах)

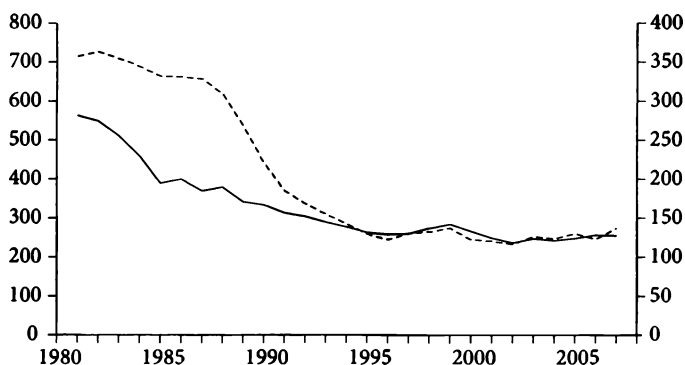

Расчитано по: Wight, 2002.

Рис. 3. Относительное число ссылок на работы Адама Смита (1971–1997 гг., 3-летние скользящие средние)

Конечно, статус классика отнюдь не означает абсолютно неизменной популярности его сочинений. Число ссылок на работы классиков тоже меняется во времени, причем по разным причинам, от научных до политических и идеологических. Мы провели расчеты динамики числа ссылок на двух «классиков», живших в разное время, но одновременно входивших в число наиболее цитируемых авторов в SSCI в 1970-е годы — Карла Маркса (1818–1883) и Толкотта Парсонса (1902–1979). Наши расчеты выполнены по базе статей SSCI на периоде 1980–2008 гг. (в период проведения расчетов поисковая система Web of Science была ограничена этим периодом).

Судя по нашим оценкам, относительное число ссылок на работы обоих авторов достигло максимума именно в начале 1980-х годов, через пару лет после смерти Парсонса и столетней годовщины смерти Маркса. После этого число ссылок на обоих авторов стало быстро снижаться вплоть до середины 1990-х годов (рис. 4). В расчете на 100 тыс. статей в базе SSCI относительное число ссылок на Маркса сократилось с максимального значения 741 в 1983 г. до минимума 240 в 1996 г. (–67%). Относительное число ссылок на Парсонса понизилось с максимума 295 в 1982 г. до минимума 125 в 1996 г. (–58%).

-- Относительное число ссылок на работы Карла Маркса (левая шкала)
 — Относительное число ссылок на работы Толкотта Парсонса (правая шкала)

Рис. 4. Относительное число ссылок на работы Карла Маркса и Толкотта Парсонса (на 100 тыс. статей в базе SSCI, 1981–2007 гг., 3-летние скользящие средние)

Понятно, что резкое сокращение числа ссылок на Маркса и на Парсонса произошло по разным причинам. В случае с Парсонсом это связано с естественным процессом некоторого падения популярности системно-функционального подхода, который занимал доминирующие позиции в социологической теории в 1960–1970-е годы, т.е. происходило нормальное обновление «научной моды». Что касается Маркса, то столь значительное сокращение числа ссылок на его работы объяснялось, с одной стороны, «научно-идеологическими» причинами (снижением популярности в западных странах марксизма как теории развития общества и как идеологии), с другой — политическими и даже техническими факторами.

Дело в том, что в базу данных SSCI входило и некоторое число журналов по общественным наукам, издававшихся в СССР и других социалистических странах. Хотя этих журналов было не так много, но благодаря тому, что ссылки на Маркса, Энгельса и Ленина содержались едва ли не в каждой публиковавшейся в этих журналах статье, «классики марксизма-ленинизма» постоянно входили в круг самых цитируемых авторов в SSCI в целом, что служило источником головной боли для всех западных библиометриков. Распад и крушение социалистической системы привели к резкому уменьшению числа ссылок на трех указанных мыслителей (в том числе и на Маркса) в журналах, издававшихся в СССР и восточноевропейских социалистических странах (а некоторые журналы были вообще исключены из базы SSCI), что и обусловило снижение общего числа ссылок на Маркса после 1987 г.

Но во всей этой истории с Парсонсом и Марксом интересно, с нашей точки зрения, совсем другое, а именно то, что с середины 1990-х годов относительное число ссылок на работы этих авторов держится на стабильно высоком уровне и даже начало немного расти в последние годы. Как мы видим, широко распространенные слухи о смерти марксизма и структурного функционализма сильно преувеличены. И Маркс, и Парсонс остаются актуальными классиками, труды которых по-прежнему очень важны для современных исследователей. В 2008 г. в базе данных SSCI были зарегистрированы 612 ссылок на работы Маркса и 219 ссылок на работы Парсонса. Как говорится, дай бог каждому из ныне здравствующих ученых иметь такие показатели цитирования!

б) Работы

Очень интересные результаты дают и исследования, посвященные диахронистическому анализу изменения во времени числа ссылок на конкретные работы — книги или статьи. Таких исследований тоже очень мало. Нам известны две работы, посвященные динамике ссылок на книгу Бёрреса Скиннера «Вербальное поведение» (1957)⁴⁸, статья с оценками динамики ссылок на книгу Дерекса де Солла Прайса «Маленькая наука, большая наука» (1963)⁴⁹, статья, содержащая анализ динамики ссылок на несколько работ по математической экономике⁵⁰, и одно исследование, в котором прослеживается долговременная динамика числа ссылок в SSCI на статьи, опубликованные в «American Sociological Review»⁵¹.

В качестве примера приведем динамику числа ссылок на классическую книгу одного из основоположников библиометрии Дерекса де Солла Прайса «Маленькая наука, большая наука» (1963)⁵² (см. рис. 5). Как видно из приведенных данных, пик популярности этой работы пришелся на вторую половину 1980-х — первую половину 1990-х годов, а в начале 2000-х, т.е. спустя почти 40 лет после выхода, эта работа все еще получала более 30 ссылок в год.

В принципе, «циклы жизни» книг и статей довольно существенно различаются — обычно книги продолжают использоваться (и цитироваться) гораздо дольше, чем статьи. Впрочем, и здесь бывают исключения — достаточно вспомнить такие статьи, как «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркса или «Протестантская этика и дух капитализма» Вебера. Но даже если оставить в стороне исключительные примеры, на некоторые статьи могут продолжаться интенсивно ссылаться в течение многих десятилетий.

В работах Джерри Джейкобса, который в 2004–2006 гг. был главным редактором журнала «American Sociological Review» (ASR), приводятся данные о распределении во времени ссылок

⁴⁸ McPherson et al., 1984; Dymond et al., 2006.

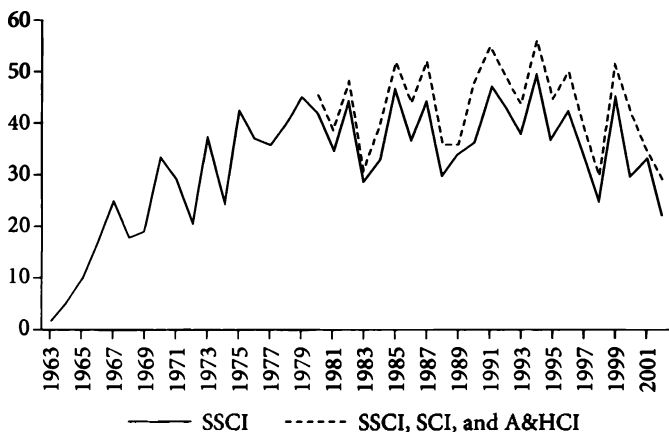
⁴⁹ Furner, 2003.

⁵⁰ Wang, Bownas, 2005.

⁵¹ Jacobs, 2005a; 2005b.

⁵² Прайс, 1966 [1963].

на наиболее часто цитируемые в SSCI статьи из числа опубликованных в ASR. Среди статей с кумулятивным числом ссылок за 1956–2004 гг. более 500, три статьи были напечатаны в 1938–1950 гг., семь — в 1956–1965 гг., три — в 1966–1975 гг., три — в 1976–1985 гг. и две — в 1986–1995 гг. Но кумулятивные показатели за длительные промежутки времени, которыми обычно оперируют большинство исследователей, мало о чем говорят, поскольку более ранние статьи, при прочих равных условиях, получают преимущество перед более поздними.

Источник: Furner, 2003, p. 191.

Рис. 5. Число ссылок на книгу Дерека де Солла Прайса «Маленькая наука, большая наука» (1963) в базе данных WoS, 1963–2002 гг.

Гораздо интереснее выглядят данные об изменении числа ссылок на эти статьи во времени (табл. 17). Поскольку база SSCI имеется только с 1956 г., динамика ссылок на статьи, вышедшие до 1956 г., дается по календарным 10-летним периодам, а на остальные статьи — по десятилетиям с момента их публикации.

В табл. 17 приведены показатели абсолютного числа ссылок, т.е. здесь, к сожалению, не делаются поправки на увеличение числа журналов, статей и ссылок в них. Тем не менее даже по этим нескорректированным данным видно, что судьбы статей, получающих суммарно множество ссылок, могут складываться очень по-разному. Число ссылок на известные статьи обычно

Таблица 17

Динамика числа ссылок в SSCI на наиболее цитируемые статьи из журнала «American Sociological Review»

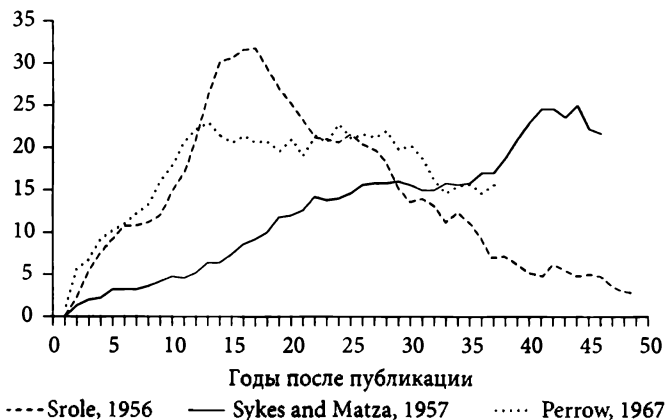
Статьи	Год	Число ссылок по периодам			
		1956–1965	1966–1975	1976–1985	1986–1995
По календарным десятилетиям					
<i>Merton, Robert K.</i> Social Structure and Anomie	1938	11	60	130	137
<i>Wright Mills, Charles.</i> Situated Actions and Vocabularies of Motive	1940	7	47	136	167
<i>Robinson, William S.</i> Ecological Correlations and the Behavior of Individuals	1950	69	208	291	301
По десятилетиям после выхода					
		Первое десятилетие	Второе десятилетие	Третье десятилетие	Четвертое десятилетие
<i>Srole, Leo.</i> Social Integration and Certain Corollaries: An Exploration Study	1956	83	278	206	93
<i>Sykes, Gresham; Matza, David.</i> Techniques of Neutralization: A Theory of Delinquency	1957	27	124	255	283
<i>Seeman, Melvin.</i> On the Meaning of Alienation	1959	103	303	178	123
<i>Gouldner, Alvin W.</i> The Norm of Reciprocity: A Preliminary Statement	1960	85	309	280	376
<i>Emerson, Richard M.</i> Power-Dependence Relations	1962	44	203	285	208
<i>Macaulay, Stewart.</i> Non-Contractual Relations in Business	1963	4	70	170	360
<i>Ryder, Norman B.</i> Cohorts and Social-Change	1965	80	145	154	134
<i>Perrow, Charles.</i> A Framework for Comparative Analysis of Organizations	1967	121	237	244	176*
<i>Scott, Marvin; Lyman, Stanford.</i> Accounts	1968	73	220	286	300*

* Экстраполяция на основе данных по части периода.

Источник: Jacobs, 2005b.

довольно долго увеличивается (в отличие от обычных статей, число ссылок на которые уже через 5–6 лет начинает быстро сокращаться). Рано или поздно число ссылок на известные статьи тоже начинает сокращаться, но максимум ссылок может достигаться и через 20, и через 30 лет после публикации (пиковые показатели выделены в табл. 17 полужирным шрифтом). А для некоторых статей этот максимум не достигается и спустя несколько десятилетий, т.е. число ссылок продолжает увеличиваться или остается на неизменно высоком уровне.

Для наглядности приведем еще и графическую иллюстрацию изменения числа ссылок во времени по трем известным статьям из указанных в табл. 17 (статьи Лео Сроула 1956 г., Грешэма Сайкса и Дэвида Матца 1957 г. и Чарлза Перроу 1967 г.) (см. рис. 6).

Источник: *Jacobs, 2005b*.

Рис. 6. Число ссылок на статьи Лео Сроула (1956), Грешэма Сайкса и Дэвида Матца (1957) и Чарлза Перроу (1967) в базе данных SSCI по годам после публикации

Число ссылок на успешную статью может стремительно увеличиваться в течение 10–15 лет, а потом начать столь же быстро снижаться (статья Сроула) или еще лет 15–20 оставаться на достигнутом максимальном уровне и лишь затем начать сокращаться (статья Перроу). Но число ссылок может и постепенно увеличиваться в течение многих десятилетий (статья Сайкса

и Матца на рис. 6, а также упомянутые в табл. 17 довоенные статьи Мёртона и Райт Миллза). Как мы видим, научные судьбы наиболее успешных («классических») работ и их авторов, в отличие от средних или плохих, складываются по-разному.

В экономике «циклы жизни» статей, по-видимому, короче, чем в социологии. В работе Майкла Бордо и Дэниела Ландау были выявлены 25 статей, опубликованных в 1945–1968 гг. в восьми ведущих экономических журналах и получивших максимальное число ссылок в этих же журналах в том же периоде. Для каждой из статей авторы рассчитали распределение числа ссылок во времени после выхода. В табл. 18 мы приводим результаты этого распределения для 9 наиболее ранних статей (вышедших в 1940-е годы).

Как мы видим, спустя 15 и более лет после выхода из девяти статей относительно высокие показатели цитирования сохранили лишь три работы, опубликованные в 1945–1946 гг., — Ллойда Метцлера, Фрица Махлупа и Евсея Домара. Пик числа ссылок обычно достигается в первые пять лет после выхода статьи (пиковые показатели выделены в табл. 18 полужирным шрифтом). Но иногда пик цитируемости достигается спустя 5–9 лет (статья Евсея Домара 1946 г.) или даже спустя 10–14 лет (статья Ллойда Метцлера 1945 г.).

Более того, известно довольно много случаев еще более позднего признания какой-либо работы. «Классический» пример тому из области экономики — статья Рональда Коуза 1937 г. «Природа фирмы» (опубликованная в журнале «Economica»), на которую никто не обращал внимания в течение нескольких десятилетий, а в 1991 г. за нее, собственно говоря, Коуз и получил Нобелевскую премию (а также за другую достаточно давнюю статью «Проблема социальных издержек», опубликованную в 1960 г. в «Journal of Law and Economics»).

Аналогичные примеры «отложенного признания» встречаются и в других дисциплинах. Например, в психологии более 25 лет никто не замечал ныне известную практически каждому специалисту в этой дисциплине статью Ридли Струпа «Исследования помех при серийных вербальных взаимодействиях» (1935 г.)⁵³.

⁵³ Об этом и некоторых других примерах «отложенного признания» известных статей см.: *Hargens*, 2000, p. 855.

Таблица 18

Изменение во времени числа ссылок на наиболее цитируемые статьи в восьми ведущих экономических журналах, 1945–1968 гг.

Статьи	Год	Число ссылок по годам со времени публикации				
		0–4	5–9	10–14	15–19	20–24*
<i>Metzler, Lloyd A. Stability of Multiple Markets: The Hicks Conditions // Econometrica</i>	1945	0	3	9	4	4
<i>Machlup, Fritz. Marginal Analysis and Empirical Research // American Economic Review</i>	1946	10	3	0	1	3
<i>Domar, Evsey D. Capital Expansion, Rate of Growth, and Employment // Econometrica</i>	1946	5	9	4	5	0
<i>Domar, Evsey D. Expansion and Employment // American Economic Review</i>	1947	10	10	2	1	–
<i>Friedman, Milton. A Monetary and Fiscal Framework for Economic Stability // American Economic Review</i>	1948	17	11	5	1	–
<i>Friedman, Milton and Savage, Leonard. Utility Analysis of Choices Involving Risk // Journal of Political Economy</i>	1948	9	6	5	0	–
<i>Patinkin, Don. Relative Prices, Say's Law, and the Demand for Money // Econometrica</i>	1948	14	3	1	1	–
<i>Patinkin, Don. Price Flexibility and Full Employment // American Economic Review</i>	1948	11	4	2	1	–
<i>Patinkin, Don. The Indeterminacy of Absolute Prices in Classical Economic Theory // Econometrica</i>	1949	13	6	5	0	–

* Экстраполяции на основе имеющихся данных за 3–4 года.

Источник: Bordo, Landau, 1979, p. 250.

Попытаемся подвести некоторые промежуточные итоги. Применительно к современной науке показатели числа ссылок, при всех их недостатках, в целом являются очень мощным, хотя и довольно трудоемким инструментом анализа. В существующих базах данных автоматизированы только самые простейшие операции, а все более сложные исследования приходится делать фактически вручную, как в докомпьютерную эру (не говоря уже о бесчисленных ошибках и погрешностях содержащейся в этих базах информации, но это уже во многом вина авторов статей и сотрудников журналов, а не составителей баз данных).

Во многом из-за трудоемкости расчетов число библиометрических исследований, проливающих свет на рассматриваемую нами тему использования научной классики в текущих исследованиях, относительно невелико. Тем не менее результаты этих исследований позволяют сделать несколько достаточно обоснованных выводов.

1. Многие работы и авторы, считающиеся классическими в тот или иной период времени, оказываются в числе наиболее цитируемых, т.е. «на равных» конкурируют по своей значимости с современными исследователями.

2. Количество ссылок, которые получают разные «классики», очень существенно различается (так же как и число ссылок, получаемых действующими исследователями). Тем не менее ничтожное число или тем более полное отсутствие ссылок на работы какого-либо ученого, наделенного статусом классика, может считаться показателем того, что он не является классиком в полном смысле этого слова, т.е. фактически его работы и высказанные в них идеи уже не участвуют в текущем научном процессе.

3. Высокий уровень цитирования современных авторов или работ, конечно, не дает оснований для зачисления их в разряд «классиков». Не случайно во всех определениях классики используется слово «прошлое». Граница между прошлым и настоящим, как мы знаем, условна, но все же время в данном случае время «имеет значение». Между публикацией работы и активным использованием ее, зафиксированным в большом числе ссылок, должна существовать временная дистанция в несколько десятилетий, чтобы эту работу можно было хотя бы условно отнести к числу «классических». Ну, а для полной уверенности

желательно увидеть уровень цитируемости данной работы лет через сто после ее публикации...

4. Высокий уровень цитирования «классики» (работ и их авторов) в каждый данный момент времени сопровождается постоянными изменениями набора таких работ, обновлением состава наиболее актуальных и востребованных классиков. Именно в этом в том числе проявляется разумное сочетание традиции и новизны в научном процессе.

5. Изменения в составе наиболее востребованных классических работ и авторов, фиксируемые при синхронистическом анализе, отражают процессы, выявляемые в диахронистических исследованиях «циклов жизни» отдельных исследователей и их произведений. На наш взгляд, такие исследования представляют бесспорный интерес не только для истории науки, но и для понимания процессов, происходящих в науке современной.

Конечно, библиометрические исследования, даже самые качественные, не могут ответить на все вопросы, возникающие в рамках нашей темы. Тем не менее они все же позволяют подойти к ответу на самый, наверное, интересный вопрос: как и почему формируется классика? Или, проще говоря, что нужно для того, чтобы стать классиком? Понятно, что эти вопросы требуют прежде всего содержательного исследования сути классических работ, концепций и теорий, однако количественные методы по крайней мере позволяют дать ответ на вопрос, чего «недостаточно» для того, чтобы стать классиком.

В частности, библиометрические исследования отчетливо демонстрируют, что в социальных науках для превращения в «классика» недостаточно написать одну или даже две очень хорошие статьи, получающие много ссылок даже в течение нескольких десятилетий. Необходимым условием для «возведения в классики», по крайней мере до относительно недавнего времени, было все же написание книги, а желательно и нескольких.

Для статуса классика, подкрепляемого высоким уровнем цитирования, т. е. участием в текущем научном процессе, мало быть «первопроходцем» или «основоположником», первым высказавшим какую-либо, пусть даже очень важную, идею⁵⁴. Как

⁵⁴ Применительно к экономическим «классикам» эта тема обсуждается в статье Артура Даймонда «Имеет ли сегодня значение Мандевилль?» (*Diamond, 1985*), о которой мы упоминали в главе «Корпус классики» (табл. 1).

правило, классиками становятся авторы неких целостных концепций, обоснованных ими в целом ряде работ⁵⁵.

III. ФУНКЦИИ ССЫЛОК

В данной главе мы не обсуждаем вопрос о том, являются ли ссылки показателем *использования* цитируемых работ (авторов), хотя ответ на этот вопрос не очевиден. Как было наглядно показано Робертом Бродусом в 1983 г. на основе анализа ошибок в ссылках, по крайней мере *некоторые* авторы *иногда* не читают и даже не открывают работы, на которые они ссылаются⁵⁶. А спустя 20 лет Михаил Симкин и Вуани Ройчоудхари, используя ту же технику (анализ ошибок в ссылках), в вызвавшей большой резонанс в научном сообществе статье с выразительным названием «Читай, прежде чем ссылаться!»⁵⁷ и в ряде последующих публикаций попытались доказать, что авторы не читают *большинство* работ, на которые они ссылаются. Тем не менее мы исходим из того, что в принципе ссылка все же может рассматриваться как показатель использования соответствующей работы (в самом широком смысле).

В связи с эти возникает два вопроса: 1) каковы функции ссылок в научной литературе в целом и 2) каковы функции ссылок на классиков.

а) Модели ссылок

Попытка ответить на первый вопрос предпринималась в большом числе исследований — недавний хороший обзор этих работ сделан швейцарцами Лутцем Борнманном и Ганс-Дитером Данилом в 2008 г.⁵⁸ Читателей, интересующихся этой темой, мы отсылаем к указанной статье, а здесь ограничимся самым кратким обобщением сформулированных позиций.

Существуют две основные теоретические концепции функций ссылок, или причин, по которым авторы ссылаются на

⁵⁵ См., в частности, анализ характеристик «удобной классики» в: Вахштайн, 2009, с. 77–78.

⁵⁶ См., например: Broadus, 1983.

⁵⁷ Simkin, Roychowdhury, 2003.

⁵⁸ Bornmann, Daniel, 2008.

предшествующие работы. Первая концепция, обычно именуемая как «нормативная», восходит к идеям Роберта Мёртона и впервые была представлена в работах Нормана Каплана и Уоррена Хэгстрёма⁵⁹. Согласно этой концепции, ссылки являются одной из важнейших частей системы вознаграждения в науке, поэтому, следуя «золотому правилу нравственности» (поступай с другими так же, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой), члены научного сообщества «вознаграждают» авторов значимых, с точки зрения вклада в науку, исследований, ссылаясь на соответствующие работы.

Вторая концепция функций ссылок часто именуется «конструктивистской» (так как ее обычно выражают представители так называемого «конструктивистского» подхода в социологии науки — Найджел Джилберт (Гилберт), Брюно Латур, Карен Кнорр-Цетина, Рэндалл Коллинз и др.). В соответствии с этой концепцией, ссылки в основном выполняют риторические, прежде всего убеждающие (*persuasive*), функции. Поэтому, в частности, как считает Брюно Латур, в науке сохраняется средневековая традиция ссылок на авторитеты (на «классиков»)⁶⁰.

Эмпирические исследования, как это обычно бывает в таких случаях, четко и недвусмысленно опровергают как первую, так и вторую теоретическую модели (подтверждения выглядят менее убедительно). Несостоятельность «конструктивистской» модели сносок убедительно доказывается, например, в эмпирических работах Стефана Балди (1998) и Говарда Уайта (2004)⁶¹. «Нормативная» модель столь же наглядно опровергается в целом ряде исследований, выполненных Майклом и Барбарой МакРобертс в 1986–1997 гг.⁶²

Замечательный эксперимент, ставящий под вопрос в первую очередь «нормативную», но отчасти и «конструктивистскую» модель, был проведен английским исследователем Блэйзом Кронином в 1981 г.⁶³ Кронин взял у одного психолога, согласившегося участвовать в эксперименте, еще не опубликованную им статью, убрал в ней имя автора и все сноски и разослал эту

⁵⁹ *Kaplan*, 1965; *Hagström*, 1965.

⁶⁰ *Latour*, 1987.

⁶¹ *Baldi*, 1998; *White*, 2004.

⁶² Чтобы не загромождать библиографию, мы дадим ссылку только на последнюю их работу по этой теме: *MacRoberts R.*, *MacRoberts B.*, 1997.

⁶³ *Cronin*, 1981.

статью 19 другим психологам, специализирующимся в той же области, с просьбой отметить те места, где, по их мнению, требуется поставить ссылку. Результаты продемонстрировали, что у всех ученых (включая самого автора статьи) были совершенно разные представления о том, сколько ссылок и в каких местах следует делать. Как показывают другие эмпирические исследования, еще меньше согласия между учеными в том, *какие именно* авторы и работы должны быть указаны в ссылках.

Поскольку дальнейшая дискуссия в пределах указанной теоретической дихотомии явно становится бессмысленной, современные исследователи все чаще склоняются к тому, что у исследователей есть и «нормативные», и «конструктивистские» мотивы «ссылочного поведения» (citation behavior), и они могут сочетаться в самых разных пропорциях.

«Очевидно, что авторы ссылаются на работы, которые “относятся” к их теме, обеспечивают исходную основу для их исследования и обозначают интеллектуальную преемственность, — все это мы можем назвать *нормативным* стилем цитирования. Так же очевидно, что авторы предпочитают ссылаться на работы, подтверждающие их мысли и предпочтительно написанные известными специалистами, — это *убеждающая* стратегия. Однако в пределах этих общих стратегий или стилей цитирования, специфические причины для ссылок на конкретные работы в конкретное время могут сильно варьироваться»⁶⁴.

В связи с этим Генри Смолл даже предпринял попытку объединить обе концепции в рамках одной теоретической модели «ссылочного поведения» (хотя нам эта модель не кажется убедительной), поскольку, по его мнению,

«...В нормативном и конструктивистском подходах можно обнаружить общую основу. Если норма цитирования подразумевает символическую оплату интеллектуальных долгов, то тем самым цитируемому тексту приписывается смысл, более того, его смысл конструируется. Если тексты функционируют как концептуальные символы для цитирующих их авторов, то тем самым им присуждается высокая или низкая символическая оценка»⁶⁵.

Оставляя в стороне теоретические модели, обратимся к конкретным исследованиям функций/мотивов ссылок, ориентированным на их классификацию и типологию.

⁶⁴ Case, Higgins, 2000, p. 636.

⁶⁵ Small, 2004, p. 76.

Первые классификации функций/мотивов ссылок предложили в 1965 г., независимо друг от друга, Юджин Гарфилд и Бен-Ами Липец⁶⁶. Эти первые схемы имели умозрительный характер, но в дальнейшем классификации разрабатывались *ad hoc* при проведении эмпирических исследований.

Эти эмпирические исследования, направленные на выявление типов ссылок, осуществлялись в двух формах — контент-анализа текстов⁶⁷ и опросов ученых⁶⁸. В первом случае исследователи анализируют контекст ссылок в некоем наборе работ и пытаются их классифицировать по разным типам, во втором — опрашивают самих авторов научных работ. Опросы проводятся в двух вариантах — или рассылается содержащий заранее заданную классификацию вопросник, или проводятся личные интервью с получением ответов в свободной форме. При этом во всех случаях, что очевидно, исследователи навязывают свою систему классификации (даже в случае свободного интервью полученные ответы затем группируются авторами опроса по неким рубрикам, которые они выделяют при обработке результатов).

Результаты эмпирических исследований и соответствующие типологии функций/мотивов ссылок довольно разнообразны (достаточно сказать, что число используемых в них рубрик варьируется от 3 до 30 у разных исследователей). Но, несмотря на внешнее разнообразие, большинство типологий включает несколько базовых функций/мотивов цитирования: обозначение области исследований; обозначение традиции исследований/дань предшественникам; подтверждение результатов (включая ссылки на авторитеты); реже — негативные или противоречащие ссылки⁶⁹.

б) Ссылки на классиков

Попытаемся теперь выделить в общей массе публикаций по функциям/мотивам сносок те исследования, которые имеют от-

⁶⁶ Garfield, 1965; Lipetz, 1965.

⁶⁷ Первые работы были выполнены в середине 1970-х годов: Moravcsik, Murugesan, 1975; Chubin, Moitra, 1975.

⁶⁸ Первые работы были выполнены во второй половине 1980-х годов: Brooks, 1985; 1986; Vinkler, 1987.

⁶⁹ См.: Bornmann, Daniel, 2008, p. 66–67.

ношение к проблеме классики в общественных науках. Число таких исследований весьма невелико — большинство работ, о которых шла речь выше, выполнялись, во-первых, по естественным наукам, во-вторых, никак не затрагивали тему «классики».

Во второй половине 1990-х годов впервые был проведен ряд обследований мотивации ссылок в общественных науках, в которых в качестве одного из вариантов объяснения мотива использовался термин «классика»⁷⁰. Согласно полученным в ходе этих опросов данным, доля ссылок, объясняемых тем, что это классическая работа, составляла около 10%. Но на самом деле такая интерпретация («я сослался на эту работу, потому что она классическая в данной области») ничего не говорит о мотивах ссылок на классику.

Более того, целый ряд других вариантов объяснения авторами причин, по которым делались ссылки, полностью применим ко многим классическим работам («первая работа», «основополагающая», «открывшая новое/ данное направление», «базовая теоретическая концепция» и т.д.). Поэтому в указанных исследованиях при обработке результатов авторы объединяли все ответы такого рода вместе с «классикой» в одну группу «классических/ основополагающих работ», на которую приходилось до 20% ссылок.

Вторая группа исследований, имеющая отношение к нашей теме, — анализ причин ссылок на старые работы. Первая такая работа была выполнена по естественным наукам еще в конце 1970-х годов⁷¹, а по общественным наукам такие исследования появились опять-таки лишь во второй половине 1990-х.

В первом из них (по психологии) авторы на основе анализа результатов проведенного ими опроса пришли к следующему выводу:

«Исследование... показывает, что смысл высоких показателей цитирования может быть весьма различным для старых и новых работ. Когда много ссылок получают старые работы, это может означать просто признание их роли, хотя с методологической и теоретической точки зрения они могут быть устаревшими и не соответствовать современным стандартам высокого качества. Получающие

⁷⁰ *Shadish et al.*, 1995 — психология; *White, Wang*, 1997 — экономика сельского хозяйства; *Case, Higgins*, 2000 — социальная коммуникация.

⁷¹ *Oppenheim, Renn*, 1978.

много ссылок новые работы являются, наоборот, образцами высокого качества, которые становятся объектами как одобрения, так и обсуждения в кругу коллег»⁷².

В свою очередь в статье Лоувелла Харгенса 2000 г. был проведен сравнительный анализ частоты цитирования первых работ, открывших новое исследовательское направление в трех естественнонаучных (химия, астрономия, физика) и трех общественно-научных (экономика, психология, социология) дисциплинах⁷³. Прежде всего выяснилось, что в социальных науках исследователи гораздо чаще ссылаются на первую, «основополагающую» работу в данной исследовательской области (табл. 19). В экономике ссылки на первую работу были обнаружены в 40% статей, написанных в анализируемой исследовательской области, в психологии — в 70%, в социологии — в 71%, в то время как в теоретической физике — в 30%, в химии и астрономии — менее чем в 5%.

Проведенный Харгенсом контент-анализ ссылок на первые работы в каждом из исследовательских направлений выявил, что общественные и естественные науки различаются не только удельным весом ссылок на «основоположников», но и характером этих ссылок. В социальных науках большая часть ссылок на основоположников имеет общий или «ритуальный» характер:

«В трех социальных исследовательских областях... авторы ссылались на первые работы в основном как на тотемические репрезентации инициированных ими направлений, а не в связи с полученными в них результатами»⁷⁴.

Доля «ритуальных» ссылок в общем числе ссылок на «основоположников» составила 64% в экономике, 61% в психологии и 53% в социологии. В химии и астрономии, где почти не было ссылок на первые статьи по соответствующим направлениям, «ритуальные» ссылки фактически отсутствовали, а в теоретической физике их было лишь 26% от общего числа ссылок на первую работу в рассматриваемой области.

Наконец, третий тип исследований посвящен анализу ссылок на произведения отдельных авторов, которые считаются клас-

⁷² Shadish et al., 1995, p. 488.

⁷³ Hargens, 2000.

⁷⁴ Op. cit., p. 859.

сиками. Два таких исследования были проведены Стивеном Коулом в 1975 и 1981 гг.⁷⁵: в первом анализировались ссылки на работы Роберта Мёртона (который стал считаться классиком еще при жизни), во втором — ссылки на работы Макса Вебера.

В первой работе Коул рассмотрел 123 статьи по проблемам девиантного поведения, содержавшие ссылки на работы Мёртона, и пришел к выводу, что почти половина этих ссылок имела, по его выражению, «церемониальный» характер: «На самом деле используется имя теоретика, выступающего в качестве авторитета, а не содержательная теория»⁷⁶.

Таблица 19

Частота цитирования первых работ
в отдельных исследовательских областях

Дисциплина	Исследовательская область	Год первой публикации	Число публикаций по теме	% статей, цитирующих первую публикацию	Из них: % ссылок общего характера
Химия	Хиральные разделения	1971	393	2	0
Астрономия	Космические мазеры	1965	384	5	0
Теоретическая ядерная физика	Световой фронт	1949	176	30	26
Экономика	Рациональные ожидания	1961	391	40	64
Психология	Эффект Струпа	1935	315	70	61
Социология	Популяционная экология организаций	1977	140	71	53

Источник: Hargens, 2000, p. 850, 854, 859.

Примерно такие же результаты были получены Адатто и Коулом на основе контент-анализа ссылок на работы Вебера в

⁷⁵ Cole S., 1975; Adatto, Cole S., 1981.

⁷⁶ Cole S., 1975, p. 208.

статьях, опубликованных в четырех ведущих социологических журналах в 1964–1974 гг. (см. табл. 20).

Таблица 20

Ссылки на работы Макса Вебера по типам, статьи 1964–1975 гг. в социологических журналах

Типы ссылок	Число статей	% статей
Центральные	57	36
Разъяснение веберовской концепции	13	8
Теоретическое развитие веберовской концепции	10	7
Формулировка исследовательской проблемы	7	4
Явная критика веберовской концепции	4	3
Эмпирическое приложение веберовской концепции	16	10
Эмпирическая проверка гипотез, выдвигавшихся Вебером	7	4
Периферийные	99	64
Часть относящейся к теме литературы	34	22
Легитимация идей автора	34	22
Использование содержащихся в работах Вебера эмпирических наблюдений или фактических сведений для иллюстрации	31	20
Всего	156	100

Источник: Adatto, Cole S., 1981, p. 142.

В 36% статей ссылки на Вебера имели сущностный, «центральный» характер: в этих статьях речь шла о разъяснении, развитии, эмпирическом приложении или критике веберовских теорий, использовании их для формулировки исследовательской проблемы или их эмпирической проверки. Заметим, что это очень высокий показатель для работ, написанных почти 50-ю годами ранее.

В 64% статей ссылки на Вебера имели «периферийный» характер и использовались как часть общего списка литературы по теме или для легитимации идей автора статьи (ссылки такого рода Адатто и Коул именуют «церемониальными»), а треть «периферийных» ссылок относилась не к теоретическим, а к

эмпирическим результатам или наблюдениям, заключенным в работах Вебера и использовавшихся авторами статей в качестве иллюстраций. В первую очередь речь шла о содержащихся в работах Вебера исторических и этнографических сведениях, т.е. Вебер выступал в этих случаях в основном как историк, а не как социальный теоретик.

Но, как справедливо указывают Адатто и Коул, «церемониальные» ссылки и опора на авторитеты прошлого также играют в науке (и в первую очередь в общественных науках) очень важную роль, обеспечивая консенсус взглядов и интеграцию дисциплины:

«Церемониальные ссылки являются конвенциональным средством идентификации принадлежности к конкретной области [науки] и одновременно, будучи помещенными в начале статьи, они сигнализируют об определенной ориентации и направленности исследования. Отличительной чертой церемониальных ссылок является то, что в этом случае скорее ссылаются на самих авторитетов, чем на содержательные результаты их работ. В науке существует общее доверие к авторитетам, они служат опорой при выработке исследовательских стандартов и обеспечивают поддержание консенсуса внутри исследовательских областей, а такого рода консенсус является хотя и не достаточным, но необходимым условием роста научного знания»⁷⁷.

⁷⁷ Adatto, Cole S., 1981, p. 149.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ

Э П И З О Д В Т О Р О Й

Вступление

Историческая наука отличается от других наук особым, *Историческим* отношением к имеющемуся наследию. Она непрерывно обращается не только к произведениям великих, но, по существу, ко всем историкам-предшественникам. Изучения и упоминания, с точки зрения историка, достойны практически все исследователи, затронувшие ту или иную тему. В рамках исторической науки существует особый раздел — историография, детально изучающая процесс приращения исторического знания.

Однако даже не столько историографии мы обязаны постоянному возвращению к предшественникам (в конце концов, при всем разнообразии этой дисциплины, она освещает далеко не все сюжеты и направления), сколько обычным историкам-эмпирикам. Ведь сколь бы конкретной ни была тема исторического исследования, по канону профессии она предваряется критикой источников и «историографией вопроса». И от автора требуется показать максимум осведомленности, то есть упомянуть всех, кто до него занимался этой темой, да еще и отметить, какие ее аспекты исследовались в разных работах и какие выводы и результаты они содержат. Историк (может быть, в отличие от других обществоведов, для которых важно кумулятивное знание) должен начать с той черты, у которой остановились его предшественники.

Тем не менее, несмотря на постоянное внимание к трудам предшественников, у историков сегодня не так легко обнаружить фигуры «классиков». Если исходить из тавтологии «классики — это те, кого называют классиками», то классиками, конечно, остаются античные историки. Однако по сути их работы давно перешли в разряд «источников», тем самым по отношению к ним значение понятия «классика» оказывается сугубо *историческим*. Если же говорить о *социологическом* подходе к классике, то ситуация с историками в явном виде не вполне напоминает ту, что сложилась в общественных науках (классика как актуальная основа современного знания).

При огромном числе исследований, посвященных творчеству известных историков, само слово «классик» применительно к

эпохе современности (модерности), когда, собственно, и сложилась историческая наука, используется достаточно редко. Вклад тех или иных историков чаще всего определяется словами «великий», «выдающийся», «основоположник». Именно историки, наделенные такими эпитетами, более других привлекают внимание историографов. Но их крайне редко называют классиками, и по существу они ими не являются. Профессора их почитают и включают в списки рекомендуемой студентам литературы, но реально они «не участвуют в дискуссии». Для «практического» историка на самом деле важны работы, отражающие современное состояние исследований в его области.

В данном разделе мы рассматриваем проблему статуса классики и классиков в исторической науке. Насколько мы можем судить, внимательно изучив литературу, эта тема не занимала ни историков, ни других ученых, обращавшихся к проблемам классики в социальных и гуманитарных науках в целом, и не так просто ответить на вопрос: как «выглядит» классика историков в современной исторической науке и шире — в современной гуманитаристике.

Очень приблизительный, но впечатляющий ответ на этот вопрос можно получить, посмотрев на «Список Гарфилда»¹ (составлен на основе Arts & Humanities Citation Index, A&HCI), который включает 250 представителей гуманитарных наук, на работы которых чаще всего ссылались авторы статей в гуманитарных журналах за 1976–1983 гг. Мы приводим извлеченные из него имена историков (табл. 21), сразу обращая внимание читателя на «узость круга»: если брать только «чистых» историков (всего 9 из 250 гуманитариев!), то даже и круга не образуется — скорее одинокие фигуры, с трудом различимые на групповом «гуманитарном портрете».

Конечно, эти данные отражают ситуацию 30-летней давности, но она вряд ли изменилась к настоящему времени. Среди попавших в список авторов шесть античных писателей, но мы уже отметили, что для историков их сочинения являются источниками, а для филологов и философов — объектом классических исследований. Кроме того, под рубрикой «условные историки» мы разместили тех ученых, принадлежность которых к истори-

¹ *Garfield*, 1986. Анализ первого варианта этого списка с данными за 1978–1979 гг. (*Garfield*, 1981 [1979]) см. в: *Megill*, 1987.

Таблица 21

Историки, получившие наибольшее число ссылок в гуманитарных журналах (A&HCI), 1976–1983 гг.

«Чистые» историки	Годы жизни	Cit.	«Условные» историки	Годы жизни	Cit.	Античные историки	Годы жизни	Cit.
Braudel, Fernand	1902–1985	559	Voltaire	1694–1778	689	Herodotus	с. 484– с. 425 BC	670
Hill, J. E. Christopher	1912–2003	668	Huizinga, Johan	1872–1945	535	Xenophon	с. 430– 354 BC	578
Aries, Philippe	1914–1984	457	Lovejoy, Arthur O.	1873–1962	464	Livy (Titus Livius)	59 BC– 17 AD	482
Hofstadter, Richard	1916–1970	456	Panofsky, Erwin	1892–1968	1113	Josephus (Titus Flavius Josephus)	с. 37– с. 100 AD	552
Hobsbawm, Eric J. E.	1917–	588	Yates, Frances A.	1899–1981	628	Plutarch	с. 46– 120 AD	1558
Stone, Lawrence	1919–1999	743	Eliade, Mircea	1907–1986	1405	Tacitus (Publius Cornelius Tacitus)	с. 56– с. 117 AD	729
Duby, Georges M. C.	1919–1996	494	Gombrich, Ernst H. J.	1909–2001	871			
Thompson, Edward P.	1924–1993	786	Kuhn, Thomas S.	1922–1996	1275			
Le Roy Ladurie, Emmanuel	1929–	497	Foucault, Michel	1926–1984	1783			

Cit. — число ссылок.

Источник: Garfield, 1986.

кам достаточно спорна. Например, для нас Томас Кун, безусловно, историк науки, но многие определяют его как философа или науковеда. А Мишель Фуко, наоборот, по нашему мнению, вовсе не историк, хотя он и автор известных исторических работ, инициировавших новые направления именно в историографии. То же можно сказать и об историках искусства Эрвине Панофски и Эрнсте Гомбрихе — искусствоведы числят их по своему цеху. В результате «чистых историков» остается всего девять из 250 представителей гуманитарных наук.

Относительная не востребованность историков, даже выдающихся, в современном гуманитарном знании — лишь один из аспектов интересующей нас темы. Другой, и более важный в данном случае, аспект — статус классики собственно в исторической науке. Особенно показательна ситуация с авторами последнего столетия. Не то чтобы «классические образцы» XX века не существовали вовсе, напротив, историки, лучше других хранящие весь запас своего дисциплинарного знания, знают эти образцы (Йохан Хейзинга, Марк Блок, Фернан Бродель, Жак Ле Гофф). Но в современных исторических работах функции классиков обычно выполняют представители других социальных наук — социологии, культурной антропологии, социальной психологии и т.д. (для интерпретации прошлого в качестве «классиков» привлекаются Макс Вебер, Эмиль Дюркгейм, Марсель Мосс, Михаил Бахтин, Карл Полаanyi, Клод Леви-Стросс, Даглас Норт, Клиффорд Гирц, Пьер Бурдьё, Иммануэль Уоллерстайн и многие другие).

Можно предположить, что предопределяет и объясняет такую ситуацию именно специфика современной исторической науки. Какие метаморфозы претерпевают эпохальные исторические школы и великие историки прошлого, обладавшие характеристиками «классичности»? Когда в исторической науке классики (основатели школ и направлений, создатели «образцов») утрачивают актуальность и переходят, по существу, в ведение историографов? В какой степени феномен «исторической классики» можно объяснить основополагающими принципами нашей дисциплины: историзмом и представлением о прошлом, как о *Другом*? (Эти принципы предписывают историку позиционировать и анализировать каждое явление в контексте определенного времени, тем самым вырабатывая чувство дистанции, возможно, и по отношению к «великим».) Свидетельствует ли такая ситуация с классикой о быстром или, наоборот, замедленном развитии исторической науки в прошлом веке?

Классики в историографии: свои и чужие

Существует устойчивое мнение, что гуманитарии являются наименее развитой частью научного сообщества. В действительности это — ошибочное суждение.

Евгений Семёнов. О пользе самостоятельности, 1995

Анализ статуса классики в истории, как, впрочем, и в социальных науках, выводит нас на более общие проблемы. Это — модели развития науки и структура научного знания, включая различия между естественными, общественными и гуманитарными науками. По существу, со времен Вильгельма Дильтея, Генриха Риккерта и Вильгельма Виндельбанда, которые обосновали противопоставление наук *объясняющих* и наук *понимающих*, на территории историков тоже продолжается старая дискуссия о характере наук о человеке (они же — науки о духе, о культуре и т.д.).

В 1967 г. американский специалист по социологии науки Норман Сторер на основе анализа формальных характеристик статей в научных журналах ввел разделение наук на «твердые» и «мягкие», а также использовал понятие «не-наука» (*hard science, soft science, and non-science*)¹. (В качестве критериев он использовал два, прямо скажем, одиозных показателя — долю журнальных статей, в которых есть таблицы, и долю статей, в которых в ссылках указывается только инициал первого имени, а не имя полностью.) Спустя несколько лет эта классификация была популяризована Дерекком де Солла Прайсом в получившей широкую известность статье 1970 г.² (к ней мы еще вернемся). Вспомнив в этой связи известную шутку Льва Ландау о делении наук на естественные, не естественные и противоестественные, мы попробуем на примере статуса классики в историографии доказать достаточно провокационную гипотезу, состоящую из трех тезисов, в которых история последовательно выступает как естественная, не естественная и противоестественная наука.

¹ Storer, 1967.

² Price, 1970.

1. Эмпирическая история больше других социальных наук похожа на «естественную науку» — во всяком случае, она намного более «точная», чем большинство социальных и гуманитарных дисциплин. Кроме того, историки, как правило, строят свои теоретические объяснения на базе тех новых источников, которые сами же и обрабатывают. Тем самым фактор новизны или, наоборот, устаревания оказывается, возможно, более важным, чем в других науках о человеке.

2. Теоретическая история, как и другие социальные («не естественные») науки, признает классическими работы, предлагающие сильные объяснительные модели, и опирается на них. Но собственно исторических теорий в XX в. произведено было совсем немного, а созданные в XIX в. в основном безнадежно устарели. Проблема в том, чтобы определить, какие работы и по каким основаниям могут претендовать сегодня на статус актуальной классики.

3. Теоретическая история находится в весьма специфических отношениях с другими социальными и гуманитарными науками. Специализируясь на прошлом, историческое знание представляет собой не одну науку, а систему наук, точнее, даже множество систем, каждая из которых соответствует какому-либо типу общества из существовавших в прошлом. Поэтому историки постоянно обращаются к теоретическому аппарату разных социальных дисциплин, что влечет за собой и позитивные и негативные последствия для развития самой исторической науки и ее классического наследия («противоестественная» наука).

Далее мы попытаемся развить и обосновать эти предположения о разных статусах классики в исторической дисциплине («естественной», «не естественной» и «противоестественной»), в том числе подвергнув эмпирической проверке как идиографическую, так и теоретическую составляющие.

I. ИСТОРИЯ КАК «ЕСТЕСТВЕННАЯ» НАУКА

Очевидно, что общественные и гуманитарные науки, включая историю, представляют собой *качественно* иной тип знания, чем науки о природе. Тем не менее между всеми науками имеется некое родовое сходство, отражающееся, в том числе, и в некоторых *количественных* показателях, характеризующих процесс развития и формирования научного знания. По ряду

таких параметров история, как ни странно, оказывается гораздо ближе к естествознанию, чем многие общественные дисциплины, не говоря уже о гуманитарных.

В упомянутой выше статье Дерекса де Солла Прайса в качестве критерия для дифференциации наук использовалась доля ссылок на издания последних пяти лет в общем объеме цитирования (он сам назвал этот показатель «индекс Прайса»)³. Исходя из наблюдаемых в XX в. средних темпов прироста общего числа научных публикаций (5–10% в год по разным областям), «нормальная» доля ссылок на работы последних пяти лет должна составлять 20–40%. Проведенный Прайсом анализ временной структуры ссылок в 154 журналах по разным дисциплинам показал, что в половине из них «индекс Прайса» укладывается в данный интервал. В то же время примерно в ¼ журналов этот индекс превышает «нормальный» уровень (т.е. составляет более 40%), и еще в ¼ журналов оказывается ниже «нормального» уровня (т.е. составляет менее 20%). В группу с высоким «индексом Прайса» в основном попали периодические издания по естественным наукам и некоторые журналы по социологии и экономике, в группу с низким «индексом Прайса» — в первую очередь гуманитарные журналы.

По мнению Прайса, журналы с высокой долей ссылок на статьи последних пяти лет представляют «твердую науку», где знание быстро прогрессирует и существуют активно продвигающиеся вперед «исследовательские фронты». Журналы с «индексом Прайса» в «нормальном» диапазоне 20–40% репрезентируют «мягкую» науку. Наконец, журналы с низким значением этого показателя представляют «не-науку», а точнее — научные направления, в которых мал прирост нового знания. По существу, речь идет, таким образом, о делении научных дисциплин на «передовые», «нормальные» и «отсталые».

Надо сказать, что «индекс Прайса» очень понравился «физикам», которых по-прежнему нервирует то обстоятельство, что существует нечто, именуемой наукой, но совершенно не похожее на «науку» в их понимании. В свою очередь среди «лириков» эта статья вызвала переполох и спровоцировала обострение неизжитого по сей день «комплекса неполноценности» по отношению к «естественным наукам» (достаточно сказать, что

³ Price, 1970.

статья Прайса менее чем через год после ее выхода была переведена на русский язык и напечатана, хотя и без таблицы с эмпирическими результатами, в журнале «Вопросы философии»)⁴.

За этой публикацией последовало множество библиометрических работ с подсчетами доли ссылок на исследования последних лет в социальных и гуманитарных науках, и результаты этих исследований в целом подтвердили наблюдения Прайса. В частности, для исторических журналов показатели временной структуры ссылок (доля ссылок на работы последних пяти или 10-ти лет) очень сильно варьируются, но в целом оказываются ниже, чем в естественных науках (в среднем не уступая, впрочем, общественным наукам)⁵.

Разница в количественных характеристиках (в частности, временной структуре ссылок в публикациях), конечно, может объясняться качественными различиями между естественными и общественными/гуманитарными науками⁶. Однако, как показали более корректные исследования, в случае с историей такие результаты обусловлены чисто техническими причинами, в том числе, некомпетентностью многих «библиометриков», имеющих, как правило, естественно-научное или библиотечное образование.

Посмотрим более детально на типичное распределение ссылок по времени в исторических работах, используя результаты, содержащиеся в статье «Библиометрическое исследование истории Испании раннего Нового времени, основанное на анализе библиографий в национальных научных журналах и материалах конференций», в которой проанализирована временная структура ссылок в статьях из 14 журналов и 14 сборников материалов конференций, опубликованных в 2000–2001 гг. (см. рис. 7).

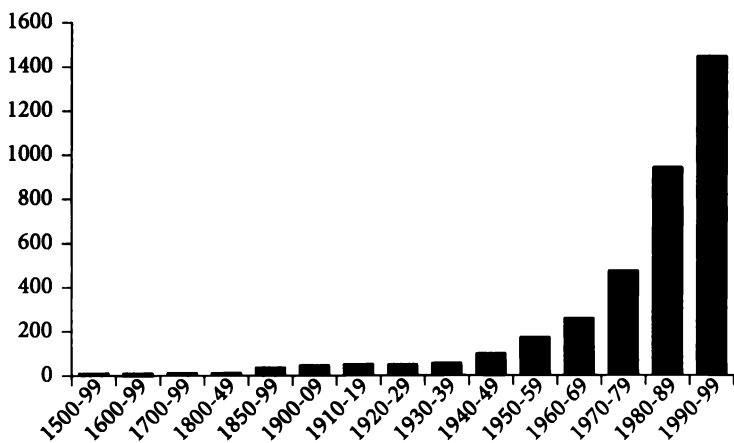
В целом график распределения ссылок по времени публикации похож на аналогичные графики для естественных наук, но

⁴ Прайс, 1971 [1970].

⁵ См., например: Jones et al., 1972 (7 журналов, 1968–1969 гг., доля ссылок на работы последних 10-ти лет = 14–23%); Fernández-Izquierdo et al., 2007 (15 журналов и 14 сборников с материалами конференций, 2000–2001 гг., средняя доля ссылок на работы последних 10-ти лет = 34%); Buchanan, Héribel, 1994 (1 журнал, 1970–1992 гг., средняя доля ссылок на работы последних 5-ти лет = 37%); Lowe, 2003 (1 журнал, 1950, 1970, 1990, 2002 гг., средняя доля ссылок на работы последних 5-ти лет = 35%).

⁶ См.: Hargens, 2000, p. 846–847.

его отличает наличие длинного «хвоста» слева (ссылки на давнюю литературу). Таким образом, первое отличие, которое надо объяснить, — использование историками литературы за очень длительный период времени.

Рассчитано по: Fernández-Izquierdo et al., 2007.

Рис. 7. Распределение ссылок в работах по истории Испании раннего Нового времени, 2000–2001 г. (по времени публикации упоминаемых работ, среднегодовые показатели по периодам)

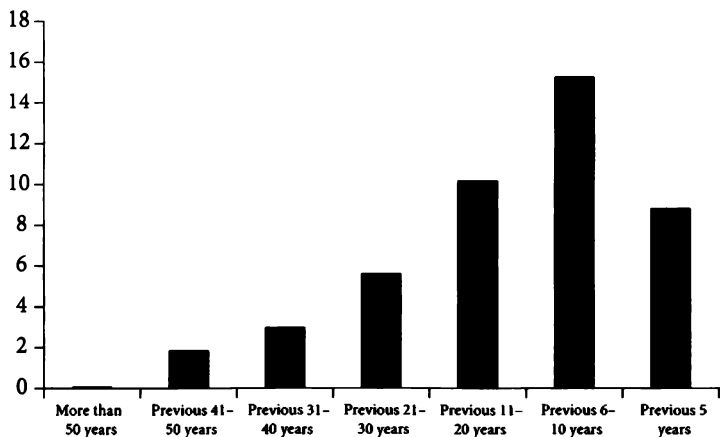
Главный ответ лежит на поверхности. Легко догадаться, что в исторических работах большую долю составляют ссылки на источники. По разным оценкам, доля ссылок на первичные источники в исторических работах в среднем составляет 40–50%, но иногда достигает даже 65%⁷. При исключении из расчетов первичных источников временная структура ссылок существенно меняется, и доля ссылок на работы последних 5-ти или 10-ти лет заметно возрастает. О том, что «индекс Прайса» нельзя использовать в тех областях знания, в которых тексты (в том числе печатные публикации) являются источником данных или выступают в качестве объекта анализа, писал сам Прайс: «Следует, однако, помнить, что для целого ряда наук имеются особые

⁷ Jones et al., 1972 (40%); McCain, 1987 (46%); Dalton, Charnigo, 2004 (53–65%); Mendez, Chapman, 2006 (40%); Fernández-Izquierdo et al., 2007 (47%). Сходная ситуация существует и в литературоведении — там тоже примерно 40% ссылок составляют первичные источники (Budd, 1986).

причины для ссылки на старую литературу, которая является, собственно, областью их исследований»⁸.

Следует учесть еще одно обстоятельство, объясняющее различия во временной структуре ссылок между естественными науками и историей. Большинство исследований по библиометрии естественных наук проводится на материалах отдельных (прежде всего новых) узких специальностей или исследовательских областей (например, молекулярная биология, физика высоких энергий, биохимия и пр.), в которых вообще нет публикаций более чем 40–50-летней давности. Понятно, что «возраст» исторической науки несопоставим со столь молодыми областями исследований.

Далее мы приводим график с распределением ссылок на вторичную литературу (только монографии) по истории Латинской Америки (рис. 8). Как видим, левый «хвост» практически ликвидируется, т.е. никакого смещения в прошлое за счет более активного цитирования старых авторов нет. Однако здесь выявляется спад в числе ссылок, приходящихся на работы самых последних лет, т.е. в этом распределении возникает проблема правого «хвоста».

Рассчитано по: Mendez, Chapman, 2006.

Рис. 8. Распределение ссылок на монографии в журнале «Hispanic American Historical Review», 1985, 1995 и 2005 гг. (по времени публикации упоминаемых работ, среднегодовые показатели по периодам)

⁸ Прайс, 1971 [1970], с. 154.

«Недоиспользование» публикаций самых последних лет также объясняется во многих работах, анализирующих информационные структуры естественных и не естественных наук⁹. Цикл публикаций исторических работ длиннее, чем в естественных науках, т.е. самые новые результаты (работы, формально вышедшие до публикации, но фактически — после написания) просто не могут быть учтены. Основываясь на углубленных исследованиях типов коммуникации в естествознании и обществоведении, исследователи пришли к выводу, что в социальных науках системы коммуникации предполагают большие затраты времени. При этом цикл публикаций в социально-гуманитарных научных журналах длиннее не потому, что гуманитарии работают медленнее, а потому, что там длительнее процедура внутреннего рецензирования, и в целом на публикацию принятых статей требуется больше времени. Кроме того, в общественных науках гораздо выше доля отклоняемых статей — после чего авторы начинают предлагать их в другие журналы.

Историкам намного сложнее отслеживать новейшую литературу — как было выявлено, социальные и гуманитарные науки, по сравнению с естественными, менее эффективно распространяют новое знание. Структура журналов по общественным дисциплинам является более дисперсной. Если по многим областям естественно-научного знания существуют предельно специализированные журналы, то в гуманитаристике достаточно велико количество изданий, куда могут предложить свои статьи самые разные специалисты, а узкоспециализированных журналов как раз мало, что обостряет проблему выбора материалов для публикации и соответственно затрудняет процесс принятия статей. Обществоведы и гуманитарии публикуются в большем количестве журналов и тематически гораздо менее концентрированы. Соответственно, для поиска и освоения новейшего материала нужно проглядывать гораздо больше периодических изданий.

Наконец, существенную долю ссылок в исторических работах (по разным оценкам — 50–70%) составляют индивидуальные и коллективные монографии. Выявление нужных монографий и, конечно же, их чтение — намного более трудоемкий процесс, чем знакомство с журнальными статьями (особенно учитывая

⁹ Обзор см.: *Hargens*, 2000, p. 861.

появление различных журнальных баз данных). Поэтому ясно, что монографии самого последнего времени особенно плохо учитываются в исторических работах.

Суммируя можно сказать, что на самом деле в истории, так же как в естественных науках, основная доля ссылок приходится на относительно недавние работы (правда, с некоторым временным лагом, в силу рассмотренных выше причин). Отсюда можно сделать вывод, что в истории, как и в естествознании, бесспорную важность имеет последовательное накопление научных результатов во времени. Это обусловлено тем, что в исторической науке очень высоки роль и статус эмпирических исследований (это не работа вспомогательного персонала или агентств по сбору и анализу данных, а «нормальная наука»). Масса эмпирических исследований производится ради получения/накопления новых сведений (свидетельств). Самые очевидные случаи: археологические открытия, где каждый новый черепок, не говоря уже о новом поселении, пусть и невеликое, но открытие, или бесчисленные источниковедческие штудии, вводящие в оборот новые документы.

Правда, из-за недостатка ресурсов история как кумулятивное знание складывается не путем инкорпорации предшествующего знания в последующее, а путем наслаивания. Именно поэтому исторические дисциплины (в отличие от экономических, социологических, политологических и др.) вообще не следовало бы осваивать по учебникам, и в западных университетах такой практики в целом нет. К сожалению, в российских университетах даже на исторических факультетах в распоряжении студентов есть учебники по всем базовым и многим специальным курсам, их издание поощряется, и до сих пор к экзаменам большинство наших студентов готовится по учебникам.

Высокий удельный вес ссылок на работы последних лет и обратная зависимость числа ссылок от времени публикации работ часто интерпретируются как свидетельство отсутствия «классики» в естественных науках. Как было показано выше, временная структура распределения ссылок в исторических работах в целом мало отличается от естествознания. Отсюда можно сделать вывод, что в истории, как и в естествознании, нет классических работ. Однако в обоих случаях это не так.

В ряде библиометрических исследований было показано, что в естественных науках число ссылок на подавляющее большин-

ство статей, опубликованных в том или ином году, действительно быстро убывает во времени, но на некоторые «классические» работы (в том числе написанные в конце XIX — начале XX в.) в течение многих лет продолжают ссылаться с практически неизменной или очень медленно убывающей частотой¹⁰.

«В 1974 г. в ссылках на литературу более ранних лет, например 1966 г., будет относительно небольшое число статей, “выдержавших проверку временем”, остальные окажутся забытыми. Сегодняшние ссылки на литературу по актуальной теме будут включать работы, “выдержавшие проверку временем”, и новые работы, некоторые из которых в дальнейшем выживут, а другие — “умрут”»¹¹.

Переходя к результатам эмпирических исследований в этой области, прежде всего напомним, что поиски «классики» бессмысленно вести на уровне дисциплин в целом (будь то физика или история), поскольку любая научная дисциплина не является однородным объектом. В современных науковедческих исследованиях в рамках дисциплин (наук) обычно выделяются более узкие «специальности» или «направления»; кроме того, наряду со специальностями в каждой дисциплине существуют и более мелкие структуры — «исследовательские области»¹². В каждом научном направлении и даже исследовательской области могут быть свои собственные классические труды.

Библиометрические результаты показывают, что «классические» работы, сохраняющие «непреходящее» значение для современных исследований, можно обнаружить в любой специальности или исследовательской области, хотя доля ссылок на эти работы в общем числе ссылок, конечно, невелика. Более того, как правило, «классические» работы, за редкими исключениями, по показателям числа ссылок на них уступают многим работам последнего времени. Однако «текущие лидеры» — работы с наибольшим числом ссылок — обычно очень быстро уходят в небытие и на смену им приходят новые, а на «классические» работы продолжают ссылаться с неизменной частотой.

¹⁰ Burton, Kebler, 1960; Прайс, 1966 [1965]; Cawkell, 1976; Garfield, 1976; Oppenheim, Renn, 1978.

¹¹ Cawkell, 1976, p. 53.

¹² Small, Griffith, 1974; Griffith et al., 1974; Whitley, 1974; Gieryn, 1978; Small, Crane, 1979 (сокр. пер.: Смолл, Крейн, 1981 [1979]); Hargens, 2000, p. 848–849, fn. 4.

Иногда в число «классических» попадают «основополагающие» труды, которые положили начало исследованиям в данной специальности или исследовательской области, но это характерно в первую очередь для общественных наук¹³ — в естествознании «классическими» чаще становятся некоторые последующие исследования¹⁴.

Как было показано в предыдущей главе, библиометрический анализ, с одной стороны, подтверждает наличие «классики» в науке, с другой — позволяет выявить «актуальную классику» — относительно давние работы, которые продолжают активно использоваться в текущих исследованиях. К сожалению, нам известно лишь одно исследование такого рода, относящееся к истории, причем речь идет о такой специфической области, как история техники¹⁵. Тем не менее совокупность имеющихся данных позволяет утверждать, что история по ряду формальных параметров, характеризующих процесс развития науки и накопления знаний, больше похожа на естественные, чем на общественные науки. В частности, в исторической науке, как и в естествознании, в целом сравнительно немного «классических» работ, в течение долгого времени сохраняющих «непреходящее» значение и продолжающих «участвовать» в современном исследовательском процессе.

II. ИСТОРИЯ КАК «НЕ ЕСТЕСТВЕННАЯ» НАУКА

Дальнейшее рассуждение концентрируется вокруг двух основных вопросов: какова роль классики в теоретической историографии и каков механизм воздействия работ классиков на современные исторические исследования.

Конечно, история принадлежит гуманитаристике и разделяет с дисциплинами этого блока многие принципы производства научного знания и формирования его социального запаса. Так же, как и в других гуманитарных науках, в истории отсутствуют унифицированные смыслы отдельных понятий, терминов или высказываний. «Сложное переплетение прозрений и догадок — часто разделяемых очень немногими — в лучшем случае формирует об-

¹³ Hargens, 2000, p. 854.

¹⁴ См. распределение ссылок по строкам в диаграммах, приведенных в: Прайс, 1966 [1965], с. 357; Hargens, 2000, p. 853.

¹⁵ MacCain, 1987.

разцы смыслов, убедительно систематизированные суждения о данных, которые... хорошо, если хотя бы в основных положениях соответствуют друг другу»¹⁶. В естественных науках достаточно опознать то или иное понятие, суждение или заключение (первая теорема Коши), а в «не естественных» — нужно знать, о каком смысле идет речь («долгое Средневековье» по Ле Гоффу, «человек играющий» по Хёйзинге, «места памяти» по Нора)¹⁷.

Кроме того, многие признанные классическими теоретические работы (Алексиса де Токвиля, Йохана Хёйзинги, Фернана Броделя, Яна Ассмана) представляют собой неопределенные туманные теории (*vague theories*), пригодные, в силу этого недостатка (или достоинства), к неограниченному употреблению. Сказанное, конечно, в полной мере относится не только к историкам, но и к широчайшему кругу социальных и гуманитарных классиков из сопредельных областей (понятно, например, каков диапазон использования идей и прозрений 250 «классиков» из упомянутого во Вступлении к этому разделу списка Гарфилда, среди которых: Макс Вебер, Клод Леви-Стросс, Клиффорд Гирц, Юрген Хабермас, Вальтер Беньямин, Михаил Бахтин и др., не говоря уже об античных авторах).

Напомним и то, что уже отмечалось в предшествующих главах: гуманитарные компендиумы знания редко — в отличие от естественно-научных — упорядочены согласно временной последовательности. В естественно-научных дисциплинах даже незначительные новые результаты предполагают более полное познание объекта изучения и в этом смысле превосходят предшествующее знание об объекте. В гуманитарных науках новейшие труды ни в коем случае автоматически не превосходят предыдущие¹⁸, хотя любая научная работа может определять задачи и перспективу для последующих исследований.

а) Научные направления

Разговор о статусе классики в истории мы считаем правильным начать с проблемы дисциплинарной специализации. Применительно к современной исторической науке бессмыс-

¹⁶ Weintraub, 1980, p. 30–31; цит. по: Thompson J., 2002, p. 126.

¹⁷ Ле Гофф, 2001 [1983]; Хёйзинга, 1992 [1938]; Nora, 1984–1987.

¹⁸ Weintraub, 1980, p. 27; цит. по: Thompson J., 2002, p. 125.

ленно говорить о роли классики в целом, точно так же как непродуктивно рассуждать в таком ключе о физике, биологии, психологии или языкознании. Современное научное знание высоко диверсифицировано: у специалиста по молекулярной биологии — одни классические работы, у генетика — другие. Естественно предположить, что и у историков, специализирующихся в разных субдисциплинах, будут *разные* «классические» исследования», созданные основоположниками различных направлений или наиболее яркими их представителями.

Важность этого момента очевидна для историка, но не всегда — для не-специалиста, который по-прежнему мыслит историю как единую науку. Между тем в последние десятилетия прошлого века на наших глазах произошла лавинообразная фрагментация историографии. Появились десятки субдисциплинарных направлений, основанных на предметном принципе. Если когда-то Люсьен Февр сетовал: «Подумать только — у нас нет истории Любви! Нет истории Смерти. Нет ни истории Жалости, ни истории Жестокости. Нет истории Радости»¹⁹, то по прошествии чуть более 50 лет наряду с привычными всеобщей, страновой, экономической, социальной, политической, культурной, военной, аграрной историей и историей международных отношений, мы имеем историю повседневности в разных вариантах, вплоть до истории еды и истории запахов, рабочую историю, историю города, демографическую историю и отдельно историю детства и историю старости, историю женщин и гендерную историю, экои историю, психоисторию, историю ментальности и многое другое.

Впрочем, разнообразием предметных интересов история вряд ли выделяется в ряду других социальных наук. Однако в отличие от них история к тому же специализируется по периодам, и для специалистов по новейшей истории классическими являются одни работы, а для медиевистов — другие. Наконец, историки часто очень тесно привязаны к страновой традиции (причем это относится и к стране изучения, и к стране проживания). Национальные историографические границы, конечно, условны и прозрачны, тем не менее они существуют и довольно прочно инкорпорированы в систему исторического образования и институциональные структуры. Хотя основателями

¹⁹ Февр, 1991 [1941], с. 123.

социальной истории по праву считаются Марк Блок и Люсьен Февр, для английских историков бóльшим «классиком» в этой области, возможно, будет Джордж Маколей Тревельян. Мы с еще бóльшими основаниями можем говорить о классических работах по национальным (страновым, государственным) историям. «Государственная» концепция Карамзина — «классическая» только для тех, кто писал историю России, а концепция социальной истории Германии, представленная работами Ханс-Ульриха Велера или Юргена Кокки, вряд ли инспирировала аналогичные исторические штудии по другим странам. (При этом «хорошо информированный историк» знает всех перечисленных авторов.)

Осмысленно даже говорить о классических работах применительно к конкретным предметным областям в страновом ракурсе: экоистория средневековой Франции, история промышленной революции в Англии, аграрная история России и т.д.

Последний аспект, о котором необходимо упомянуть в связи с проблемой дифференциации классики внутри исторической дисциплины, — это деление на идейно-политические направления. Набор наименований для обозначения (самоназвания) историографии по политическому критерию почти дословно отражает спектр политических течений и партий: либеральная (республиканская, демократическая) со всеми градациями (умеренно либеральная, леволиберальная, праволиберальная, неолиберальная и т.д.). Те же нехитрые приемы словообразования используются применительно к консервативным и социалистическим направлениям. С середины XIX в. и вплоть до 1970-х годов идеологическая ориентация историков очень часто определяла выбор классических работ. У либералов были свои классики, у консерваторов — свои, у марксистов — свои. (В частности, Карл Маркс практически игнорировал самую передовую для его времени немецкую историческую школу, возглавляемую Леопольдом фон Ранке, и предпочитал опираться на труды французских историков — создателей теории классовой борьбы.)

В качестве известного примера можно привести противостояние исторических школ (консервативной, республиканской и социалистической) в изучении Французской революции, которое началось в 1820-е годы и продолжалось по меньшей мере до конца XX в. Кто станет отрицать, что Алексис де Токвиль, Ипполит Тэн, Франсуа Минье, Луи-Адольф Тьер, Альфонс Олар, Альбер Матъез, Жорж Лефевр создали классические труды по

истории Французской революции? Но эти труды заложили и развивали разные и непримиримые историографические традиции, в русле которых работали их последователи.

Противоречивость трактовок важнейших исторических событий и процессов привела к тому, что для «объективной» оценки прошлого историки уже в XIX в. стали практиковать стереоскопический подход к историческим сочинениям, представлявшим разные идейно-политические направления. (Подобно тому, как для оценки политической конъюнктуры мы используем данные, почерпнутые из средств информации разной политической ориентации.) Еще лорд Актон замечательно сказал, что никто не осознает до конца величия революции, не прочитав Мишле, или ее ужаса, не прочитав Тэна²⁰ (два несомненных классика, о которых у нас еще будет повод поговорить).

Конечно, в последние десятилетия принадлежность к той или иной идейной платформе уже не играет столь заметной роли в выборе научных кумиров. И все-таки историческое знание в странах, занимавших на протяжении последних двух веков лидирующие позиции в историографии, сложно репрезентировать, игнорируя идейно-политические границы.

Обозначив внутри исторического знания столько водоразделов, влияющих на отбор ключевых сочинений и авторов, мы выборочно приведем лишь несколько примеров работ, ставших основополагающими в современных субдисциплинарных направлениях.

В современной макросоциальной истории, представляющей теоретические конструкции прошлого громадных территориальных пространств, или массовых социальных движений и насилия в истории, или социальных процессов исторической трансформации и кризисов, к «классическому» блоку с полным правом можно отнести исследования Фернана Броделя, Питера Стирнза, Чарлза Тилли, Эрика Хобсбаума²¹. Эти работы до сих пор на слуху (на виду), и без их упоминания исследование аналогичных сюжетов будет выглядеть некорректно.

Точно так же обращение к микроанализу в социальной истории, связанное с возникшими в 1970-е годы сомнениями по по-

²⁰ Цит. по: *Gooch*, 1928 [1913], p. 238.

²¹ См.: *Stearns*, 1967; *Tilly Ch.*, 1984; *Tilly Ch.*, *Tilly L.*, *Tilly R.*, 1975; *Хобсбаум*, 1999 [1972, 1975, 1987]; *Hobsbawm*, 1994; *Бродель*, 1986–1992 [1979].

воду известных макроисторических моделей, тоже четко маркировано работами основоположников — Джованни Леви, Карло Гинзбурга, Ханса Медика²².

Появление культурологической интерпретации повседневного поведения в 1970–1980-е годы было отмечено поистине культовыми историческими книгами — «Монтайю, окситанская деревня (1294–1324)» Эммануэля Ле Руа Ладюри, «Сыр и черви. Картина жизни одного мельника, жившего в XVI в.» Карло Гинзбурга и «Возвращение Мартена Герра» Натали Земон Дэвис²³, которые стали эталоном исследования повседневной жизни в контексте культуры прошлого. Вслед за ними многочисленные адепты этого направления пытаются «прочитать» ритуалы карнавалов и праздников, торжественных церемоний и посиделок с той же пользой, что и дневник, политический трактат, письмо или свод законов.

Начало исследованиям плебейской культуры, создаваемой и распространяющейся в народе, положили работы Питера Бёрка о народной культуре Европы начала Нового времени и Эдварда Томпсона о формировании рабочей культуры в Англии²⁴. До появления этих работ такие исследования велись преимущественно в рамках фольклористики и тесно увязывались с формированием национального сознания (и там были свои классики еще из XIX в.). Бёрк и Томпсон показали, как можно представить эту проблему в ракурсе новой социальной истории и исторической антропологии. Множество последующих исследований по народной культуре отсылают читателя к этим работам.

В этом же ряду «классических» работ мы поместили бы известную книгу французского историка Филиппа Арьеса «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке»²⁵, в которой впервые в полемической форме поставлен вопрос об историчности детства. Согласно Арьесу, средневековое общество не признавало детство как особую стадию человеческого развития, наделенную собственными характеристиками и потребностями, и

²² *Levi*, 1985; *Гинзбург*, 2000 [1976]; *Medick*, 1996.

²³ *Ле Руа Ладюри*, 2001 [1975]; *Гинзбург*, 2000 [1976]; *Дэвис*, 1990 [1983]. Все эти книги неоднократно переиздавались, переводились на разные языки и достигали немислимых для научных изданий тиражей.

²⁴ *Burke*, 1978; *Thompson E.*, 1980.

²⁵ *Арьес*, 1999 [1960].

фактически лишало детей социального статуса. Дети участвовали в той же самой работе, что и взрослые, носили одежду тех же фасонов и довольствовались теми же развлечениями. Только в XVII в., по его мнению, появляется концепция детей как существ не просто меньших, чем взрослые, но и существенно отличных от них. Надо заметить, что тезис, выдвинутый Арьсом, впоследствии неоднократно оспаривался. Но, независимо от доказательной силы, он оказался плодотворным в том смысле, что спровоцировал целую волну исследований по истории детства, и на каких бы позициях ни стояли представители этого направления, они начинают «от Арьеса».

У истоков психоистории стоит книга американского психоаналитика Эрика Эриксона «Молодой Лютер: психоаналитическое историческое исследование»²⁶. Бесспорно выдающийся талант автора обеспечил его опыту успех — реакция на книгу была столь бурной, что даже тогдашний президент Ассоциации американских историков, вполне «традиционный» ученый Уильям Лангер, удивил своих коллег, определив первоочередную задачу историков как более внимательное отношение к возможностям психологии²⁷. И хотя направление не оправдало столь больших надежд, психоисторики связывают рождение своего направления с книгой Эриксона.

Одна из последних инициаций в классики произошла совсем недавно в области «исторической памяти». Мы имеем в виду известные исследования Пьера Нора (вышедшее под его редакцией многотомное издание «Места памяти») и книгу Яна Ассмана «Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности»²⁸. Вся современная «индустрия производства исторической памяти» перерабатывает в меру сил и потребностей эти фундаментальные работы.

Эти примеры ни в коей мере не исчерпывают данной темы. Исследования (не всегда, но часто это работы основоположников), которые собственно «создают» направление, определяя предметные и временные рамки, круг источников и способы их обработки, методологический инструментарий, есть не только

²⁶ Эриксон, 1995 [1958].

²⁷ Langer, 1958.

²⁸ Nora, 1984–1987; Ассман, 2004 [1992].

в выбранных нами, но и во многих других новых направлениях историографии.

Так сложилось, что историки, ставшие основоположниками разных исторических субдисциплин, воспринимали себя и в качестве «хранителей» основ исторической науки. Питер Бёрк, Карло Гинзбург, Роберт Дарнтон, Натали Земон Дэвис, Жак Ле Гофф, Юрген Кокка, Жак Ревель, Лоуренс Стоун, Чарлз Тилли, Роберт Фогель, Франсуа Фюре, Эрик Хобсбоум и др., в годы, когда историография оказалась перед лицом «постмодернистской угрозы», выступили с работами, в которых вновь пытались объяснить специфику предмета исторической науки, особенности исторического сознания и познания, а также четче обозначить нормы и конвенции, которыми руководствуются профессиональные историки. Эти сочинения, продиктованные во многом пониманием профессионального долга, немало способствовали развитию рефлексий по поводу исторического знания и, безусловно, укрепили авторитет и влияние историков-теоретиков в нашей науке.

б) Научные школы

Проблему историографической классики плодотворно также рассматривать в контексте научных школ. Сотни историков-эмпириков могут вести исследования в духе той или иной школы, не ссылаясь на работы ее основателей, но они знают, к какой школе принадлежат.

Научная школа, как и специализированное направление, может задавать тематику исследований, правда, обычно намного более широкую. Главная же ее характеристика — манифестация исследовательского подхода и задание модуса исследования. Можно говорить о «духе школы» примерно в том же смысле, в каком мы говорим о «духе времени».

Научные школы в историографии возникают в период формирования исторической науки и по сей день определяют институциональное лицо дисциплины. Надо сказать, что общепризнанных среди них было немного. Для XIX в. это — гейдельбергская школа Фридриха Шлоссера и историческая (берлинская) школа Леопольда фон Ранке со множеством его учеников (самые известные из них — Георг Вайц, Вильгельм Гизебрехт, Генрих фон Зибель). Школа Ранке возникла в Германии в 1830–1840-е годы и

впоследствии заняла ведущее положение в европейской историографии, надолго став эталоном культуры исторического исследования (свидетельство, между прочим, того, что историческая наука возникла именно в Германии, что неудивительно, так как немецкие историки XIX в. уже работали в университетах). Как удачно суммировал английский историк Джордж Гуч, заслуги Ранке состояли в том, что он отделил изучение прошлого от страстей настоящего; был не первым, кто использовал архивы, но первым, кто использовал их хорошо; развил критический метод применительно к анализу государственных источников. «И все это сделало немецкую историческую школу лучшей в Европе»²⁹.

В XX в. происходит смена лидера, и в историографии доминирует французская школа «Анналов», которая сформировалась в конце 1920-х годов. Создание новой школы было вполне сознательной попыткой группы французских историков занять господствующие позиции в европейской историографии в связи с ослаблением немецкой исторической школы после Первой мировой войны³⁰. Попытка эта оказалась безусловно успешной. Основатели школы «Анналов» Марк Блок и Люсьен Февр работали в Страсбургском университете, где одновременно с ними преподавали ведущие ученые того времени: знаток Древнего Рима Андре Пиганьоль, медиевист Шарль-Эдмон Перрен, виднейший представитель социалистической историографии Жорж Лефевр, основоположник французской истории религии Габриэль Ле Бра, географ Анри Болиг, филолог Эрнест Хепфнер, врач и психолог Шарль Блондель, социолог и социальный психолог Морис Хальбвакс. Такая концентрация интеллекта вкупе с лидерскими качествами французских историков способствовали созданию уникального междисциплинарного сообщества и радикальному обновлению исторической науки.

Программу этой школы предельно кратко можно определить двумя понятиями — «синтез» и «макро»; ее теоретические кон-

²⁹ Gooch, 1928 [1913], p. 102.

³⁰ Известный журнал «Анналы экономической и социальной истории», созданный в 1929 г., задумывался Марком Блоком еще в начале 1920-х годов как издание, которое заменит пустоту, возникшую в связи с приостановкой немецкого журнала «*Vierteljahrschrift für Sozial und Wirtschaftsgeschichte*», игравшего ведущую роль в исторической науке с момента его учреждения в 1904 г.

структы — феодальное общество, большая длительность, исторические пространства, кризисы, структуры и конъюнктуры, ментальность. Отличительной чертой школы «Анналов» на всех этапах ее существования была ориентация на теоретические достижения социальных наук, а также внедрение в историографию методов, очень далеких от традиционной критики источников, а одно время — максимально приближенных к методам точных наук (квантитативные техники и серийный метод, методы дендрохронологии и иконографический анализ, аэрофотосъемка и анализ пыльцы, климатологические процедуры).

Конечно, в историческом сообществе были и есть школы меньшего масштаба, представляющие национальные историографии. Такова, например, американская школа «новой истории», включающая виднейших американских историков начала XX в. (Чарльза Бирда, Вернона Паррингтона и Карла Беккера). К этому же разряду относятся школы, появившиеся в Германии во второй половине прошлого века: очередная гейдельбергская (на этот раз она называлась «гейдельбергская школа Вернера Конце») и социально-критическая школа Билефельдского университета (Юрген Кокка, Вольфганг Моммзен, Ханс-Ульрих Велер), восстановившая престиж немецкой историографии, потерявшей лидирующие позиции в период фашизма. Можно назвать и британскую школу новой локальной истории, представители которой (Уильям Хоскинс, Герберт Финберг), отвергнув традиционный принцип предзаданной локализации объекта в историческом пространстве, сделали задачей исследования определение территориальных границ того или иного социального явления. По существу, они предложили метод создания тотальной истории, прямо противоположный тому, что инициировал классик школы «Анналов» Фернан Бродель в книге «Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» (*histoire totale* в варианте Броделя).

Существуют и неявные национальные школы без манифестов, деклараций, сообществ и журналов — например, национальная школа политической истории России, все проблемное поле которой со времен Николая Михайловича Карамзина формировалось вокруг особой роли русского государства и идеи государственности.

С национального можно спуститься на уровень локальных школ, связанных с работой тех или иных университетских кафедр

или исторических обществ (например, в России — историко-экономическая школа Ивана Дмитриевича Ковальченко, томская школа, основанная Александром Ивановичем Даниловым и продолженная Борисом Георгиевичем Могильницким). Однако в силу локального влияния нет смысла рассматривать их в исследовании по классике (хотя для представителей этих школ основатели являются классиками, что хорошо прослеживается не только на содержательном уровне, но и по обзорам и ссылкам).

Школы в исторической науке, по крайней мере до сих пор, предполагали единство места (возможно, развитие коммуникационных и информационных средств что-то изменит в механизме формирования научных школ). В определенном смысле для школ характерно и единство времени — они недолговечны. Обычно научные школы формируются вокруг одной-двух личностей, дело которых продолжают непосредственные ученики. Если даже название сохраняется дольше, то это вовсе не означает сохранения духа и буквы. Одна из самых долголетних школ — «Анналы», как показано в ряде исследований (одно из последних удачных — работа Карлоса Агирре Рохаса), за годы, прошедшие со времени возникновения, на самом деле четырежды радикально меняла тематику, подходы, а на базе одноименного журнала не только последовательно, но и одновременно объединялись самые разные интеллектуальные проекты³¹.

Тем не менее идентификация с той или иной влиятельной школой может быть очень устойчивой и выходить за реальные временные границы ее существования. Так, «школа Ранке», давно перестав быть школой в собственном смысле слова, до сих пор маркирует стиль исторического исследования. Установленные немцами критерии научности, связанные с отношением к источнику, требованиями к научному аппарату исследования, стали признаком профессиональной культуры любого ученого-историка.

Точно так же, благодаря долголетию созданного Блоком и Февром журнала³², это название закрепилось за новаторским,

³¹ Агирре Рохас, 2006, с. 6–7.

³² С 1929 по 1941 г. журнал выходил в Страсбуре под названием «Анналы экономической и социальной истории» («Annales d'histoire économique et sociale»). В годы фашистской оккупации регулярное издание журнала было прервано. С 1944 г. он стал выходить в Париже под названием «Анналы социальной истории» («Annales d'histoire sociale»), с 1946 г. —

поисковым направлением французской исторической науки. «Звучит удобно, а потому продолжает существовать» несмотря на то, что, начиная с Люсьена Февра (дискуссия с Марком Блоком, начатая в 1941 г.) и кончая Бернаром Лепти, те, кого относили к этой школе (в том числе Фернан Бродель, Марк Ферро, Жак Ле Гофф), множество раз говорили о своем неприятии термина «школа», который предполагает внутреннее единство учения.

III. ИСТОРИЯ КАК «ПРОТИВОЕСТЕСТВЕННАЯ» НАУКА

В социальных науках классика часто представляет собой «всемирное достояние», она принадлежит всем, кто работает в области социальной мысли, хотя прежде всего — своей дисциплине. В обществознании сложилась даже практика своеобразной моды на теории и имена, которая тоже нередко ведет к классикализации того или иного автора. Существует междисциплинарное сообщество *cognoscenti*, которые в каждый период разделяют приверженность одному и тому же набору властителей «научных дум».

Как справедливо отметил Питер Бёрк:

«Мы живем в век расплывчатых линий и открытых интеллектуальных границ, век одновременно волнующий и приводящий в замешательство. Ссылки на Михаила Бахтина, Пьера Бурдьё, Фернана Броделя, Норберта Элиаса, Мишеля Фуко, Клиффорда Гирца можно найти в работах археологов, географов и литературных критиков, так же как и в работах социологов и историков»³³.

Вряд ли можно оспорить, что перечисленные Бёрком ученые сегодня могут числиться по разряду классиков. Показательно, что историк Бёрк назвал только одного коллегу по цеху — историка Броделя. Как мы уже упоминали, ссылаясь на «Список Гарфилда»³⁴, среди чаще всего цитируемых (в том числе и самими историками) гуманитариев историки составляют малую толику, большинство же — исследователи, представляющие другие социальные и гуманитарные науки.

«Анналы: Экономика. Общества. Цивилизации» (*Annales: Économies. Sociétés. Civilisations*), с 1989 г. — «Анналы: история, социальные науки» («*Annales: histoire, sciences sociales*»).

³³ *Burke*, 1993, p. 21.

³⁴ *Garfield*, 1986.

Для каждого периода развития социально-гуманитарного знания существует некий набор авторов, из работ которых ученые-гуманитарии черпают идеи, методы, цитаты, в крайнем случае — просто ссылаются на имена. Это — свидетельство и проявление междисциплинарного характера современных наук о человеке. Однако в историографии к концу прошлого века сложилась ситуация доминирования, условно говоря, «чужих» классиков, что и позволяет определить историю в этом смысле как науку «противоестественную». Если роль больших философских теорий (жизненных циклов, прогресса и регресса, Эроса и Танатоса) в исторических построениях, к счастью, явно уменьшилась, то значение концепций и моделей из практически всех социальных и гуманитарных наук в небывалой степени возросло, сведя почти на нет роль собственно исторических теорий.

В последние десятилетия междисциплинарное взаимодействие в теоретических сочинениях по истории почти всегда происходит в форме соединения теории из неисторической дисциплины и исторических методов исследования. Историки практически не производят «исторических» теорий. Примеры важных исключений, появившихся, впрочем, уже довольно давно: «Два тела короля» Эрнста Канторовича (1957), книга, положившая начало «церемониалистскому» направлению в историографии; теория трех уровней социального времени и социальных изменений Фернана Броделя (1958); упомянутая теория отсутствующего детства Филиппа Арьеса (1960); из относительно недавних «долгое Средневековье» Жака Ле Гоффа (1983). В основном же историки, создавая концептуальные работы, решали проблему методологического обновления, обращаясь к теориям разных социальных и гуманитарных наук и соответственно к «чужим» классикам и классическим трудам.

Эта практика получила название «стратегия присвоения», и в основе ее имплицитно заложена идея, что история, которую можно рассматривать как социальную науку, анализирующую прошлые, уже несуществующие общества, естественным образом должна опираться на теоретический аппарат социальных наук, занимающихся современностью. Начиная с 1960-х годов обновление историографии происходит в высоком темпе и повсеместно в ней складывается следующая модель взаимодействия: социальная дисциплина — соответствующая исто-

рическая субдисциплина — выбор макро- (позднее и микро-) теории — ее применение к историческому материалу.

Эта модель перевернула те отношения истории с социальными науками, которые существовали в позитивистской парадигме. В исходной схеме, предложенной основоположником позитивизма Огюстом Контом в работе «Курс позитивной философии» (1830–1842), к общественным наукам относились две обобщенные дисциплины: объясняющая («теоретическая») наука об обществе — социология и описательная («фактографическая») наука об обществе — история. При этом Конт обозначал социологию как «историю, в которой нет имен индивидов и даже имен народов», считая, что эта новая наука должна начаться с открытия фактов о жизни человека (решение этой задачи он отводил историкам), а затем переходить к поиску причинных связей между этими фактами. Социолог тем самым как бы поднимал историю до ранга науки, осмысливая научно те факты, о которых историк мыслит только эмпирически.

У Блока и Февра в середине прошлого века идея междисциплинарного синтеза, напротив, предполагала создание «империалистической истории», которая захватит (или охватит) все другие дисциплины. Этот замысел, однако, не реализовался, социальные науки стали развиваться и формализоваться намного быстрее, чем история. В результате во второй половине прошлого века социальные науки превращаются в «поставщиков» теоретических концепций для истории. В 1974 г. Эммануэль Ле Руа Ладжори писал:

«Представителей более сложных дисциплин мы пропускаем вперед, в разведку, часто с угрозой для жизни, через минные поля, лежащие на общем пути. Что же касается нас, историков, то мы широко пользуемся богатствами, накопленными отраслями знания, обладающими количественными характеристиками, а именно: демографией, экономикой, даже эконометрикой. Мы без стыда заимствуем — хотя и возвращаем сторицей... из кладовой этнологии»³⁵.

Надо сказать, что «стратегия присвоения» обнаружила совершенно иные возможности для анализа исторического материала и оказалась чрезвычайно плодотворной для развития исторического знания. В итоге достаточно тесного союза истории с социальными дисциплинами, который реализовали ведущие

³⁵ Ле Руа Ладжори, 1993 [1974], с. 157–158.

западные историки, в 1960-е годы экономическая и социальная истории завоевывали передовые позиции в историографии, опираясь на экономические и социологические макротеории (экономических циклов, экономического роста, социальной стратификации, модернизации, символической власти, конфликта), миросистемный и структурный анализ. В исторической науке появляются такие классики, как экономисты Йозеф Шумпетер, Саймон Кузнец, Уолт Ростоу; социологи Макс Вебер, Толкотт Парсонс, Шмуэль Айзенштадт, Иммануэль Уоллерстайн, да и по-новому прочитанный Карл Маркс.

Вслед за становлением экономической, социальной и демографической истории, ориентированных в то время на возможности применения математических и статистических методов, начинается использование историками достижений других социальных и гуманитарных наук. Одной из самых востребованных историками областей знания становится культурная антропология, на ее теориях и во многом методах строится историческая антропология, история ментальности, история повседневности и даже «новая» политическая история. Ведущие антропологи (Марсель Мосс, Клиффорд Гирц, Клод Леви-Стросс, Арнольд ван Геннеп, Эдмунд Лич, Маршал Салинз и др.) выполняют функции классиков в исторических исследованиях. В немалой степени популярность антропологов среди историков можно объяснить тем, что антропологи, как и историки, повествуют о Других. К тому же ведущие современные антропологи, говоря словами Лоуренса Стоуна, «писали и пишут, словно ангелы»³⁶, то есть их труды служат образцом научного исследования. (Известен и обратный пример: антрополог Леви-Стросс перед тем, как начать писать очередную работу, читал блестящую социологическую статью Карла Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта».)

Осмысливая использование историками концепций других наук о человеке и обществе, Андре Бюргьер привел несколько характерных вариантов обращения к классикам, реализованных в известных работах по исторической антропологии (см. вставку 2). Бюргьер обращается к новаторским работам ведущих историков, работающих в области исторической антропологии, и буквально в трех абзацах, выделяя типы «междисци-

³⁶ Stone, 1987, p. 9.

ВАРИАНТЫ «СТРАТЕГИИ ПРИСВОЕНИЯ»

«В зависимости от темперамента историка можно выделить несколько стилей заимствования, несколько типов междисциплинарных обращений к этнологии, например, модель Дюби, который стремится акклиматизировать экзотический концепт, заимствованный у этнологии, что придает историческому анализу необычный колорит. Само заимствование необходимо при этом лишь для решения одной проблемы или создания одной книги... В "Обществе Макконэ в XI–XII вв." используются структуры родства Леви-Стросса, согласно которым появление родовых связей и родового сознания можно считать основой складывающейся системы господства. В исследовании "Воины и крестьяне" Дюби заимствует у Мосса понятие дара и показной щедрости. В книге "Тройственное устройство общества, или Мир воображаемого в эпоху феодализма" он, как об этом говорит уже заголовок, применил к своему историческому материалу сетку анализа трехчастного деления Дюмезиля.

Модель Ле Руа Ладюри, в том виде, в каком она представлена в "Монтайю", книге-эмблеме, покорившей широкую публику, наоборот, носит эклектический и энциклопедический характер. Книга не только предлагает перечень тем, которые будет включать в себя историческая антропология, но и без всякого предубеждения черпает необходимый материал из классической и новейшей литературы по этнологии. Документальный материал монографии — исторический, тема уже менее исторична (анализ проводится не на региональном уровне, а на материале жизни деревни). Сетка анализа — полностью этнологическая: Рэдклифф-Браун, а также Ван Геннеп, Лич, Эванс-Притчард. Для интерпретации привлекаются такие авторитеты, как Мосс, Поланьи, Чаянов, Бурдьё, Леви-Стросс.

Недавно в результате развития микроистории появилась третья модель заимствований, которую я назвал бы имитационной, поскольку она заимствует у этнологии как концепты, так и способ изложения. Ограничимся лишь одним наиболее удачным примером модели третьего типа взаимоотношений между историей и этнологией — оригинальным экзотичным описанием одного происшествия в Париже XVIII в. в работе "Великая резня кошек" Роберта Дарнтонa, где до полного подражания имитируется техника анализа Клиффорда Гирца в его "Петушином бою в Байи"³⁷.

³⁷ Бюргер, 2000, с. 8–9.

плинарных обращений к этнологии», перечисляет 12 ученых (мы выделили их имена), в основном антропологов (но не только), чьи теории легли в основание знаменитых ныне исторических исследований: «Общество Макконэ в XI–XII вв.», «Воины и крестьяне» и «Тройственное устройство общества, или Мир воображаемого в эпоху феодализма» Жоржа Дюби; «Монтайю: окситанская деревня (1294–1324)» Эммануэля Ле Руа Ладюри; «Великая резня кошек» Роберта Дарнтон.

В последние десятилетия в историографии резко усилилась одна из функций классики, которую Артур Стинчкомб именуется «разменной монетой», — когда интеллектуальные опознавательные знаки присутствуют в виде сносок на первых страницах. Возрос престиж исторических работ, апеллирующих к той или иной социальной теории. Если до второй половины XX в. историки четко делились на теоретизирующее меньшинство и эмпирическое большинство (и принадлежать к большинству вовсе не было зазорным), то сейчас чуть ли не каждый автор исторической работы навешивает для начала какую-нибудь теорию, маркированную именем классика (или даже просто задает список имен), а уже затем описывает что-нибудь вроде истории гимнастики.

«Лексика исторических исследований кишит знаками показного коленопреклонения перед загадочными письменами полубогов. Ныне эти ученые цитируются в предисловиях ко многим книгам или статьям, как будто само упоминание их священных имен придаст ореол и смысл тому, что авторы подобных работ довольно помпезно предпочитают сейчас называть своим “дискурсом”. Среди западных историков ссылки на авторитеты сегодня почти в такой же моде, как в свое время в России при Сталине. Например, автор статьи, опубликованной недавно в одном из британских исторических журналов, умудрился враз упомянуть следующие имена: Соссюр, Барт, Лиотар, Деррида, Альтюссер и Лакан из Франции; Ницше и Хайдеггер из Германии; Стэнли Фиш, Хейден Уайт и ЛаКапра из Америки»³⁸.

Подобной «легкости мыслей» способствует институциональный механизм «стратегии присвоения» в историографии, который чаще всего выглядит следующим образом: один-два историка действительно осваивают какую-то теорию и начинают использовать ее в своих работах, а все остальные отталкиваются

³⁸ Стоун, 1994, с. 168.

уже от этого вторичного изложения. Поэтому формально множество авторов исторических трудов в наши дни отсылается к тем или иным не-историческим исследованиям, что и ведет к их классикализации, однако далеко не все историки используют «чужие» теории по существу, не говоря уже об их творческом развитии.

Повышение популярности теоретического знания и степени знакомства историков с современными социальными концепциями (сколь бы поверхностным иногда оно ни было) объясняется целым комплексом очевидных предпосылок. Сами социальные и гуманитарные науки должны были не только утвердиться, но и достаточно развиться, чтобы из них можно было с большей пристрастностью и разбором выбирать теории, обещающие новые перспективы в изучении прошлого. Кроме того, разработанные в обществоведении теории и их авторы должны были стать хорошо известными.

Процесс обращения историков к признанным социальным теориям не всегда легко объяснить, если обращать внимание только на познавательные задачи, отрефлексированные научным сообществом. Здесь действует и такой фактор, как научная мода, в данном случае — мода на ту или иную школу, концепцию, автора. На волне моды могут возникать как устойчивые направления, так и фантомы. Так, знакомство историков с классиками постмодернистской социальной философии, которое по времени почти совпало с социологизацией истории, дало скорее внешние, чем реальные результаты (отсутствие четкости мысли и изложения, использование модных словечек — текст, контекст, интертекст, гипертекст, дискурс, различение, тело и т.д.).

Бывает, что в центре внимания историков оказываются «классики», утратившие актуальность в контексте своей дисциплины. Там могут царить уже совсем другие кумиры, историки же часто и охотно оперируют устаревшими теориями. Не говоря уже о непреходящей популярности Карла Маркса, современные исторические работы насыщены отсылками к классическим сочинениям Зигмунда Фрейда, Эмиля Дюркгейма, Макса Вебера, Люсьена Леви-Брюля, ранним работам Норберта Элиаса и т. д. Причины для подобного временного лага разные: информационный отрыв; трудности, естественным образом связанные с ориентацией в «чужой» дисциплине и возможностями оценки потенциала новых теорий; профессиональная неготовность к усвоению сложных современных концепций и др.

IV. КАК ЭТО БЫВАЕТ «НА САМОМ ДЕЛЕ»,
ИЛИ «ДЕЛО ШАРТЬЕ»

Рассуждение о том, что в теоретических работах по истории обнаруживается присутствие классиков, предполагает не только предъявление этих классиков (набор имен и исследований), но и обоснование роли, а точнее, выявление функций, в которых выступает классика. В качестве примера функций классики в исторических трудах, претендующих на статус теоретических, мы решили предложить анализ известного исследования Роже Шартье «Культурные истоки Французской революции»³⁹. Предмет этой работы — Революция 1789 г. — хорошо известен историкам независимо от их конкретной специализации, и он без преувеличения давно обрел статус *классического* в процессе исторического образования.

Искомое слово «классический» мы находим на первой странице первой главы книги Шартье применительно к работе Даниэля Морнэ «Интеллектуальные истоки Французской революции» (1933). Анализируя связь между распространением просветительских идей на протяжении всего XVIII в. и свершившейся в конце этого столетия революцией, Морнэ сформулировал главный тезис своего исследования: «Французскую революцию во многом предопределили идеи»⁴⁰. Из этой концепции, по словам Шартье, полвека исходили все исследователи, занимавшиеся историей мысли и социологией культуры XVIII в., то есть она безусловно приобрела статус классической⁴¹.

Вопрос, который Шартье предвидит: «Если уже есть одна всеми признанная работа, зачем браться за другую»? Естественно, у него имеется ответ на этот вопрос, и не один. Главное основание для пересмотра концепции Морнэ в том, что за 50 лет, прошедших со времени написания «Интеллектуальных истоков...», историческая наука изменилась, историки стали очень осторожны в установлении причинно-следственных связей, и в целом их стали занимать вопросы, которые были вне поля зрения Морнэ.

Шартье волнует проблема ретроспективного «предвидения», когда событие уже совершилось и мы выстраиваем цепь собы-

³⁹ Шартье, 2001 [1990].

⁴⁰ Morner, 1967 [1933], p. 3; цит. по: Шартье, 2001 [1990], с. 11.

⁴¹ Шартье, 2001 [1990], с. 12.

тий, ведущих к нему, не замечая помех и вытягивая из потока происшествий все пригодное. «Не путает ли *классическая* (снова ключевое для нас слово. — И. С., А. П.) традиция причины и следствия, когда утверждает, что Просвещение породило Революцию? Не вероятнее ли другое: что Революция придумала Просвещение, желая доказать свое законное происхождение и отыскивая свои корни в основополагающих текстах философов, для чего примирила их авторов, несмотря на бросающиеся в глаза различия?»⁴² (здесь Шартье ссылается на целый ряд недавних на момент написания книги работ).

Вслед за Морнэ на страницах книги появляются два других классика: Мишель Фуко и Фридрих Ницше. Точнее — Фуко, который опирался на Ницше с его понятием «действительная история» (*wirkliche Historie*), отвергающим представление о линейности исторического развития, согласно которому в основе истории лежит преемственность, а события взаимосвязаны и порождают друг друга. Фуко предложил, обосновал, а затем и применил в своих работах по истории (клиники, безумия, насилия и дисциплинирования) метод «генеалогического» или «археологического» анализа, отказавшись от *классических* понятий: «целостность», «преемственность», «причинность»⁴³, т.е. от идеи поиска истоков.

Удастся ли избежать ретроспективной иллюзии, если на место «интеллектуальных» истоков поставить «культурные»? Шартье уверен, что такая замена как минимум облегчит понимание сути дела. Во-первых, потому, что культурные институты являются не просто фоном, оттеняющим идеи. Это средства общения, способы распространения информации, процессы воспитания, имеющие собственную динамику, выводящую далеко за пределы идеологии, основополагающей для анализа Морнэ. Кроме того, подход с позиций социологии культуры

«открывает доступ к обширному спектру явлений, которые следует принимать в расчет: сюда относятся не только четкие, выношенные идеи, но также случайные и произвольные мысли, не только добровольная и обдуманная принадлежность к какой-нибудь партии, но также невольная вынужденная причастность к тем или иным деяниям»⁴⁴.

⁴² Указ. соч., с. 13–14.

⁴³ Foucault, 1971.

⁴⁴ Шартье, 2001 [1990], с. 14.

Да и вообще, следует ли в процессе исследования делать вид, будто мы не знаем, что произошло в конце XVIII в. и рассуждать так, словно революции вовсе не было? Отказавшись от гипотезы, позволяющей упорядочить факты, не подвергаемся ли мы опасности хаоса? Предваряя исследование (хотя введения на самом деле обычно пишутся а posteriori), Шартье говорит, что, с учетом всех этих обстоятельств, он и соглашается с гипотезой Морнэ, и намеревается ее опровергнуть.

Совершая поворот от истории идей к социологии культуры (важно, что к социологии, а не истории), Шартье обращается к другим классикам: Ипполиту Тэну, Алексису де Токвилю, Юргену Хабермасу и Норберту Элиасу. Первые два — Токвиль и Тэн с их хрестоматийными работами о Великой французской революции, соответственно «Старый порядок и Революция» (1856) и «Происхождение современной Франции» (1876–1893) — были классиками и для Морнэ.

Однако Шартье прочитывает обе работы иначе, чем Морнэ. У Тэна он считает наиболее парадоксальным и оригинальным обойденный вниманием Морнэ тезис о том, что происхождение революционного духа восходит к французскому классицизму, к идее о торжестве *классического* рассуждающего разума. «Тем самым Тэн предложил рассматривать культурный процесс, в том числе и революцию, в более широких временных рамках, нежели те», в которых их рассматривали сами революционеры, а вслед за ними историки, как до, так и после Морнэ. Обосновывая свой выбор «истоков», Тэн писал:

«Во имя разума, представителем и толкователем которого является только государство, будут отринуты и созданы заново, в согласии с разумом и одним только разумом, все обычаи, праздники, церемонии, одежда, летоисчисление, календарь, меры длины и веса, названия времен года, месяцев, недель, дней, населенных пунктов и памятников, имена и фамилии, формулы вежливости, манера изъясняться... так чтобы француз, как некогда пуританин или квакер, полностью переродившись, выражал всем своим видом и всеми своими повадками торжество всемогущего принципа, который делает его новым человеком, и несокрушимой логики, которая лежит в основе его поступков. В этом и будут заключаться итог и полная победа классического разума»⁴⁵.

⁴⁵ Тэн, 1907 [1876–1893], т. 1; цит. по: Шартье, 2001 [1990], с. 17–18.

Противоречие между абстрактным миром идей и миром реальных вещей за 20 лет до Тэна обнаружил Токвиль и использовал его для объяснения как причин революции, так и ее в конечном счете несоответствия идеалам Просвещения и проектам самих революционеров. Только он выбрал другую оппозицию: «литературная политика» и «деловая практика». Центральным для Токвиля было противоречие между управлением страной, которое осуществляется через королевских служащих, и «политикой, носившей литературный и отвлеченный характер». Политики, лишённые возможности участвовать в государственных делах, были вынуждены заняться литературой — «политическая жизнь оказалась вытесненной в литературу». В результате политизация литературы означала в то же время литературизацию политики, стремление свести всю сложность окружающей действительности к нескольким «простым и ясным правилам, рожденным разумом и естественным законом»⁴⁶.

Вторая глава книги Шартье посвящена появлению общественно-политической (общественно-буржуазной) сферы социальной жизни, образующей пространство дискуссий, не испытывающих давления со стороны государства, пространство, где частные люди публично пользуются собственным разумом. Шартье начинает ее словами: «Чтобы подойти к тому, из чего складывалось в XVIII в. понятие общественного мнения, мы обратимся к классической (курсив наш. — И. С., А. П.) книге Хабермаса “Strukturwandel der Öffentlichkeit” (“Изменения в структуре общественности”)⁴⁷. Чтение очередной классической книги приводит Шартье к проблеме частного и публичного: эти понятия впервые были соотнесены еще одним не забытым им классиком — Иммануилом Кантом — в статье «Ответ на вопрос: что такое просвещение?» (1784).

В целом классики в постановочной части работы Шартье, цель которого — пересмотреть одну классическую книгу о происхождении Французской революции, представлены многообразно и обильно. Среди них и философы, и историки, и социологи. Однако если прочесть основную часть исследования, то мы увидим, что на самом деле Шартье, не очень опираясь на всех указанных классиков, полемизирует в основном с одним

⁴⁶ Токвиль, 1997 [1856]; цит. по: Шартье, 2001 [1990], с. 20–21.

⁴⁷ Шартье, 2001 [1990], с. 30 (см.: Habermas, 1962).

своим современником — историком Робертом Дарнтоном, который опубликовал целую серию статей о роли чтения в предреволюционную эпоху, считая, что если французы читали книги философов (а они их читали), значит они и верили в их идеи. Шартье же справедливо полагает, что читать — не обязательно значит верить, а тем более действовать в соответствии с прочитанным. Книги тех, кого впоследствии называли просветителями, читали все, как до, так и во время и после революции (даже заключенные в Консьержери и роялисты в эмиграции), но не все участвовали в революции и принимали ее.

Заключение книги Шартье симметрично Введению. Мы видим тот же набор имен, маркирующих ключевые идеи о происхождении Французской революции.

Так нужны ли были классики? Ответ, безусловно, будет утвердительный, как минимум в том смысле, что они нужны были автору. Хотя в основной части книги Шартье уходит от классических работ и вроде бы в них не нуждается, классические теории, рассмотренные в первых главах книги, выполняют в его исследовании самые разные функции. Шартье выстраивает концепцию, альтернативную *классической* интерпретации Морнэ, при этом относясь к предшественнику с подобающим пиететом. Хотя вначале Шартье, кажется, собирался развенчать иллюзию ретроспективного предвидения (тогда-то ему и понадобилось понятие *wirkliche Historie* Ницше и ссылка на Фуко), в итоге он тоже пишет об *истоках* Французской революции, только о более опосредованных и неоднозначных, о связях между идеями и революцией через сложные механизмы рецепции в пространстве культуры. Он даже выносит слово «истоки» в заглавие своей книги⁴⁸. Можно сказать, что классическая работа Морнэ выполняет для Шартье функцию источника гипотезы (в данном случае полуальтернативной, что вообще с классическими трудами случается довольно редко).

Обращаясь далее к классическим историям Французской революции Токвиля и Тэна, Шартье черпает в них идеи, не существенные для его предшественника, но ключевые для его собственной интерпретации, т.е. использует указанные работы как

⁴⁸ Интересно, что Шартье не только сохраняет идею истоков *революции*, он тщательно прослеживает и обосновывает истоки *собственных идей*, отсылаясь к великим предшественникам, которых прямо называет классиками.

резервуар уникальных и одновременно фундаментальных идей. В той же функции выступают далее работы Хабермаса и Канта, а параллельно и они, и Тэн с Токвилем используются для легитимации авторского подхода к проблеме истоков революции. Ведь Шартье не просто предлагает новую теорию, он замахнулся на опровержение всеми признанного классика с полувековым стажем — Морнэ, и ему нужны авторитеты. А вот отсылка к «психической экономике» Элиаса или цитата из Эриха Ауэрбаха, «как бы воспроизводящая ход мысли Тэна», скорее выполняют функцию «интеллектуальных опознавательных знаков» — во всяком случае, мы нигде не обнаружили, как еще «работают» концепции этих классиков.

* * *

Задача данной главы состояла в том, чтобы выявить классику в современной исторической науке и в какой-то степени систематизировать формы ее присутствия. Разные модусы существования актуальной классики в историографии, как нам кажется, во многом обусловлены разнообразием функций, которые выполняют классические произведения в трудах историков⁴⁹. Кратким анализом функций классики мы и завершим свое исследование.

Прежде всего, классические сочинения могут являть собой «образцы совершенства», в которых важны не столько сами теории, методы или аналитические процедуры, сколько эстетика интеллектуального продукта. Существует ряд оснований для признания работы совершенной: литературный дар автора, способность увлечь блистательными прорывами в исследовании, элегантность теоретических построений. Выбор образцов — дело сугубо индивидуальное, однако у историков, безусловно, присутствует широкое согласие по поводу таких работ, хотя они вполне могут быть устаревшими с научной точки зрения.

Классические работы могут служить и образцами выхода за рамки привычного, будь то тематика, гипотеза, формулировка проблемы или ее решение, — назовем хотя бы «Осень Средневековья» Йохана Хейзинги или «Американцев» Дэниела Бурстина.

⁴⁹ В социологии проблеме функций классики посвящен целый ряд работ, предлагающих разные классификации (*Мёртон*, 2006 [1968]; *Stinchcombe*, 1982; *Alexander*, 1987), хотя по сути они довольно близки.

Важнейший эвристический ресурс классики заключен в работах, предлагающих фундаментальные идеи и решения. Число исторических работ такого рода невелико, но благодаря пресловутой «стратегии присвоения» эту функцию для современных историков выполняет несчетное количество классиков XX в. из других социальных и гуманитарных дисциплин. Важной особенностью фундаментальных работ является возможность использовать сформулированные в них теории как источник гипотез для проведения эмпирических исследований и разработки более узких историографических концепций. Укажем хотя бы на Броделя: на базе его уникального подхода к предмету исследования через структурирование времени впоследствии возникло несколько направлений — модель стационарных периодов (Эммануэль Ле Руа Ладюри), концепция долговременных циклов (Иммануэль Уоллерстайн) и версии равномерных изменений (Франсуа Фюре и Дени Рише)⁵⁰.

И наконец, классики служат ритуальными фигурами самоидентификации для корпорации. Артур Стинчкомб поясняет суть этой функции предельно кратко: «Мы все читали этих классиков или по меньшей мере отвечали на вопросы о них на экзаменах, и это объединяет нас в интеллектуальное сообщество»⁵¹. Такой список у историков будет включать только «своих»; он окажется самым длинным и начнется, конечно же, с Геродота.

⁵⁰ Подробнее см.: *Савельева, Полетаев*, 2003–2006, т. 1, гл. 10.

⁵¹ *Stinchcombe*, 1982, p. 9.

Классики романтизма: «исторический» парадокс

Никто не читает Ньютона или Лавуазье; для славы Ньютона или Лавуазье достаточно, что их научные открытия послужили точкою отправления для огромной массы других работ... И публика прекрасно это понимает: никому не пришло бы на ум изучать естественную историю по Бюффону, каковы бы ни были достоинства этого стилиста. Но та же публика охотно изучает историю по Огюстену Тьерри, Маколею, Карлейлю и Мишле... хотя очевидно, что они не стоят уже на уровне добытых наукой знаний.

Шарль-Виктор Ланглуа и Шарль Сеньобос.
Введение в изучение истории, 1898.

Наследие романтизма в целом — исключительно благодатный предмет для изучения феномена классики. Классики-романтики по сей день присутствуют в разных областях гуманитарного знания; их труды изучают, реинтерпретируют, цитируют, включают в учебные курсы. Более того, концентрация романтиков в корпусе классики очень высока. В философии это — Фридрих Шеллинг, братья Август и Фридрих Шлегели, Фридрих Шлейермахер; в политической науке — Эдмунд Бёрк, Рене де Шатобриан, Жозеф де Местр; в литературе — Новалис, Людвиг Тик, Генрих Гейне, Эрнст Теодор Амадей Гофман, Виктор Гюго, Вальтер Скотт, Перси Шелли, Уильям Вордсворт, Джордж Гордон Байрон, Адам Мицкевич, Александр Пушкин, Михаил Лермонтов...

Но нас в данной работе интересует судьба историков-романтиков. В Европе XIX в. в течение всего двух десятилетий (1820–1830-е годы) заявила о себе плеяда выдающихся историков, среди которых представителям романтизма принадлежало центральное место. Их влияние на историческое сознание современников было безмерным, слава их дошла до наших дней — достаточно назвать такие имена, как Амабль Гийом Проспер де Барант, Жюль Мишле, Огюстен Тьерри, Томас Карлейль. Однако судьба историков-романтиков в свете занимающей нас проблемы классики оказалась весьма причудливой. Если они и побы-

вали в статусе классиков, то только при жизни, хотя еще долго оставались любимцами образованной публики. Уже давно сочинения этих авторов воспринимаются как архаика, их не читают и не перечитывают. Сегодня их исследуют и изучают только в рамках историографии. Почему так произошло?

Задача данной статьи состоит в поисках ответа на этот вопрос. Забегая вперед, заметим, что романтическая историография представляет собой очень интересный, в силу своего былого влияния и блеска, казус формирования модели исторического знания. В данном случае речь идет об историческом знании, возникшем в недрах гуманитаристики и принципиально отличном от следующей за ним позитивистской модели научной истории, ориентированной на образцы естественной науки.

I. ДУХ РОМАНТИЗМА

Нарисованная историками-романтиками «картина прошлого» представляла собой проекцию романтического мировоззрения, созданного усилиями классиков романтизма в разных областях гуманитаристики. Несмотря на отчетливо выраженное профессиональное лицо, романтическая историография была слабо дифференцирована от философии и идеологии и во многом опиралась на художественные принципы, разработанные в романтической эстетике и реализованные в романтическом искусстве. Представители романтической школы в историографии находились под воздействием идей таких классиков как Фридрих Шеллинг в философии, Рене де Шатобриан в политической мысли, Фридрих Шлегель в эстетике, Вальтер Скотт в художественной прозе. Синтез, о котором идет речь, сложился вовсе не стихийно, он представлял собой искомое состояние романтического идеала новой универсальной культуры, в котором искусство, философия, наука, идеология и религия сливались воедино.

Романтики выражали в своих произведениях «дух эпохи», а эпоха их была очень бурной. Их «веком» был довольно короткий, но необычайно динамичный период 1789–1848 гг. с мощными потрясениями европейского порядка, революциями и реставрациями, войнами, национально-освободительными движениями и недолгими паузами политического затишья. Если на этапе становления романтизм вдохновлялся пафосом революции, то на следующем этапе — бурно реагировал на ее последствия.

В конце XVIII в Германии и в начале XIX в. во Франции и ряде других стран романтизм становится названием художественного направления, противопоставившего себя классицизму. Как обозначение определенного литературного стиля в целом его концептуализировал и популяризовал Август Вильгельм Шлегель в лекциях, которые он читал в конце XVIII — начале XIX в. в Йене, Берлине и Вене («Лекции об изящной литературе и искусстве», 1801–1804). В течение двух первых десятилетий XIX в. идеи Шлегеля распространяются во Франции, Италии и Англии, в частности благодаря популяризаторской деятельности Анны-Луизы Жермены де Сталь. Закреплению же самого понятия способствовала работа Генриха Гейне «Романтическая школа» (1836).

Термин «романтизм» обрел в это время и более широкое философское истолкование, и познавательное значение, обозначив отдельные направления в философии, теологии, искусстве и эстетике. Особенно ярко проявившись в этих областях, романтизм не миновал также историю, право и даже политэкономиию.

Западная Европа в это время уже была (или еще оставалась?) достаточно целостным культурным ареалом, и взаимодействие национальных романтических школ оказалось весьма прихотливым. В пространственных координатах мы бы выделили в качестве основополагающих немецкий, французский и английский варианты романтизма. Задавая тон в европейском искусстве и общественной мысли, эти национальные версии неодинаково проявлялись в разных областях знания.

Национальные варианты романтизма отличаются важными содержательными характеристиками: немецкий романтизм определяется безусловным приоритетом йенской школы, а на английской и французской почве возникает консервативный вариант романтизма, инспирированный сочинениями Эдмунда Бёрка, Жозефа де Местра и Рене де Шатобриана. Две версии романтизма возникли практически одновременно: программные идеи йенского кружка романтиков были сформулированы в конце 1790-х годов в журнале «Атеней», издававшемся братьями Шлегелями; работа Бёрка появилась в 1790 г., сочинения де Местра и Шатобриана — в 1797 г.

Йенский романтизм является непосредственным продолжением и развитием идей предшествующей эпохи «Бури и натиска»

(Иоганн Вольфганг Гёте, Фридрих Шиллер, Генрих Гейне). В то время как сами «бурные гении», в лице Гёте и особенно Шиллера, вступают на путь классицизма и философского идеализма, йенские романтики, образовавшие кружок в 1798–1801 гг. (Иоганн Готлиб Фихте, Август Вильгельм Шлегель, Фридрих Шлегель, Фридрих Шлейермахер, Новалис, Людвиг Тик, Фридрих Шеллинг) остаются проповедниками непосредственного чувства жизни, и их произведения пронизаны возвышенным чувством бесконечных возможностей. Одна из важных особенностей романтизма йенского периода, придавшая специфический облик (имеется в виду и форма, и содержание) в том числе и историческим работам, написанным в «романтическом» ключе, — страстная всеохватывающая жажда совершенства и связанное с этим активное творческое начало. Философия романтизма — порождение исторически динамичного времени — трактует индивида как творца, а действительность — как вечное творение. Романтики йенской школы были проникнуты убеждением, что все на свете можно переделать. Главный интерес романтиков относился к невоплощенному; мир, природа, человек рассматривались в духе натурфилософии Шеллинга как вечное творчество. И в мире природы, и в мире мыслей они видели творимую жизнь, вечное обновление.

Надежды на совершенное общество имели универсальный характер, но существенно, что желаемое обновление должно было иметь духовную, а не практическую доминанту. И если взгляд йенских романтиков устремлялся в прошлое или в будущее, то одной из целей такого «всматривания» было преобразование настоящего.

В политических произведениях Бёрка и французов-эмигрантов властно заявила о себе другая — консервативная — версия романтизма. В консервативной интерпретации исторический оптимизм и деятельное начало меняются на «мировую скорбь»; республиканизм и приверженность идеям Французской революции — на антиреволюционные настроения и т.д. Чуть позднее дрейф к консервативному варианту, «омрачение» романтизма, по удачному определению Наума Берковского, начинается и в Германии. Эта тенденция характерна как для гейдельбергской школы, так называемого второго поколения немецких романтиков, объединявшихся в 1805–1809 гг. в литературных кружках Гейдельберга (Людвиг Ахим фон Арним, Констан Брентано,

братья Якоб и Вильгельм Гримм, Йозеф фон Эйхендорф), так и для йенских романтиков, политическим стимулом для изменения исходных позиций которых стало угасание энтузиазма, вызванного Французской революцией, и выдвижение на первый план задач национального освобождения в связи с нашествием наполеоновских войск.

Основная идейно-политическая предпосылка позднего романтизма — разочарование в «воплощенной идее» революции и шире — в результатах социального, промышленного, политического и научного прогресса, не только принесшего жестокие бедствия, но и, как казалось художникам и интеллектуалам, создавшего почву для бездуховности личности. Поэтому для романтиков столь важным оказался принцип «одухотворения», выразившийся в стремлении наделять душой все, включая и неорганическую природу (в противоположность этому, представители культуры следующего века станут эксплуатировать идею всеобщей бездуховности).

В результате быстрой смены воодушевления исторической действительностью разочарованием в ней в романтизме необычайную остроту и напряженность приобретает разлад между идеалом и реальностью, что составляет сущность так называемого романтического двоемирия. Одна из самых интересных особенностей романтизма — это статус, который это мировоззрение придавало реальности. Реальность, с точки зрения романтика, означает не внешний облик и «ход вещей», не «признанную Видимость», бросающиеся в глаза каждому, а истину, глубоко сокрытую под внешней оболочкой. В настоящем романтики полагали реальным то, что соответствует идеалу, и точно так же относились к представлению о прошлом. С точки зрения романтика, прекрасное прошлое, которое создает художник или историк, более истинно и более реально, нежели то, которое можно помыслить рационально.

В романтизме идея развития становится центральным философским понятием и интеллектуальным стержнем и искусства, и общественной мысли, и историографии. Начиная с конца XVIII в. этот подход условно уже можно обозначить как историзм (сам термин был впервые введен Фридрихом Шлегелем в 1797 г.). Историзм (нем. Historismus) — это принцип мышления, в основе которого лежит представление о постепенном «органическом» развитии любого явления и о каждом этапе в истории

как определенном и необходимом звене в историческом процессе. Согласно формулировке одного из ведущих специалистов по этой проблеме Фридриха Мейнеке, «ядром историзма является замена генерализирующего способа рассмотрения исторических и человеческих сил рассмотрением индивидуализирующим»¹.

Реакция на «неисторическое мышление» периода Французской революции (когда, в частности, были уничтожены многие архивы)² и ее «историческую» политическую практику (когда социальная реальность изменялась непрерывно) дала импульс к более глубокому пониманию историчности, истоков происходящего. Принцип историзма подразумевает, что не только прошлое, но и институты и культура современности могут быть поняты только исторически. Для того, кто не имеет представления об их развитии в предшествующие века, их природа остается непостижимой. И наоборот, историческая проекция какого-либо явления сама по себе уже служила доказательством той или иной интерпретации. «Автор какой-нибудь физической системы несомненно аплодировал бы себе, если бы в его пользу говорили все данные природы. Я же могу привести в подтверждение своих размышлений все данные истории», — писал Жозеф де Местр³.

Романтики — историки по призванию. Узаконив историзм, они создали историю языка, права, культуры, искусства, литературы, сотворили образы эпох. В период романтизма играли большую роль филология и право, тесно переплетенные между собой. Именно в так называемых немецких «исторических школах» филологии и права с наибольшей последовательностью была разработана романтическая идея историзма. [Для того чтобы отличать немецкие «исторические школы» от собственно исторических школ — гейдельбергской и берлинской (школа Леопольда фон Ранке), представители которых занимались историей, но как раз не были романтиками, мы будем использовать кавычки.] В Германии именно «исторические школы», то есть не-исторические в точном смысле слова, объединяли самых известных представителей романтизма.

¹ Мейнеке, 2004 [1936], с. 6.

² Кстати, не кто иной, как маркиз де Кондорсе, назвал архивы аристократов «местами тщеславия» и предложил Конвенту уничтожить их (Matsuda, 1996, p. 76).

³ Местр, 1997 [1797], с. 100.

Как отмечал Карл Манхейм, благодаря творчеству «исторических школ» историчность оказалась связанной с национальным духом:

«...К представлению о мире как о некоем единстве, которое может быть постигнуто лишь в соотнесении с познающим субъектом... присоединяется... мысль, что это единство преобразуется в своем историческом становлении. В эпоху Просвещения субъект — носитель единого сознания — выступал как некое совершенно абстрактное, надвременное, надсоциальное единство, как „сознание вообще“. Теперь народный дух становится представителем уже исторически дифференцирующихся единств сознания»⁴.

Немецкая «историческая школа права» также пыталась конструировать прошлое на основе принципа исторической преемственности. Учения государствоведов Фридриха Савиньи, Карла Эйхгорна и др. соединили историзм с естественно-правовым пониманием истории и оказали сильное влияние на историографию первой половины XIX в. своими четкими формулировками концепции органической связи и преемственности в развитии народа и государства, идеи нации как «коллективной индивидуальности», идеи народного духа как главной творческой силы в истории.

В рамках романтизма возникло, а затем прочно утвердилось в научной историографии направление историко-филологического анализа и сформировался особый тип историка-филолога. Историзм как метод познания утвердился в мифологической школе, представленной йенскими (Шеллинг, братья Шлегели) и гейдельбергскими (фон Арним, Brentano, братья Гримм) романтиками. Создателями этой школы были заложены основы сравнительно-исторического изучения мифологии, фольклора и литературы, выявлена основополагающая роль мифологии в возникновении и развитии форм литературного творчества. Братья Гримм стали также основоположниками германистики как науки о развитии немецкого языка и литературы. При этом Якоб Гримм был учеником правоведа Фридриха Савиньи, который рассматривал становление права исторически, по аналогии с развитием языка.

Романтики в очередной раз зарядили европейскую культуру пафосом сохранения и реставрации. Они культивировали древние руины, в том числе и искусственно созданные, ста-

⁴ Манхейм, 1994 [1929], с. 64.

ринные книги, памятники. Они стали инициаторами изучения и возрождения фольклора и других форм народного творчества. (Хотя увлечение фольклором и национальными хрониками было связано не только с любовью к старине, но и с ориентацией на демократическую традицию, и с ростом национального самосознания, тоже во многом инспирированными романтиками.)

Последователи историзма утверждали, что для того, чтобы «один век мог понять другой», необходимо признать, что по прошествии времени фундаментально изменились и условия жизни, и сознание субъектов истории, и, возможно, даже сама человеческая природа. Необходимо усилие воображения для того, чтобы отодвинуть ценности сегодняшнего дня и увидеть предшествующий век изнутри. Но историзм заключал в себе больше, чем просто призыв изучать былое в его самобытности. Конкретизируя идею историзма, романтики ввели в познание прошлого два принципа — *развитие* и *органицизм*. Эти два понятия, соединенные со своеобразным представлением об исторической общности, являются главными для выяснения понятийно-философских основ романтизма.

Обращая внимание на исторические корни и преемственность, романтики акцентировали *развитие*, становление. Иными словами, их занимало, как из прошлого выросло настоящее. Идея развития распространялась и на классическую античность, и на восточные культуры, и даже на «ненавистный» XVIII век. Следование этому принципу, в частности, предполагало, что идея развития не допускает аналогий (поэтому «история не учит»). Ситуация XIX века только внешне может напоминать, например, ситуацию века XV. Никаких поучений из подобного сходства извлечь нельзя, а можно только понять явление в развитии⁵.

В то же время идея исторического становления лежит в основе понятия эпохи, в рамках которой все общественные явления тесно связаны одно с другим и могут быть поняты только во взаимной обусловленности (*органицизм*). При этом у романтиков принцип органицизма, в отличие от последующей позитивистской традиции, прилагается только к сфере идеального

⁵ Например, де Барант выступал против «наклеивания этикеток» на разные века, поскольку историк должен показывать динамику, а не статику (цит. по: *Рейзов*, 1956, с. 145).

«и относится не к конкретным формам природных явлений, а к мыслительным построениям. Группа явлений рассматривается как концепция некоего целостного единства *бытия и смысла*. Последовательные изменения состояния, наблюдаемые в данном единстве, рассматриваются по отношению к смыслу, который приписывается всему целому»⁶.

Именно романтики заявили, что нельзя изучать философию без политики, право без истории, историю без литературы и т.д. И их сочинения — лучшее свидетельство применения этого принципа на практике. Выражением органицизма у романтиков является и идея народного духа и его органического проявления. «Национальность», «народный дух» приходят на смену «человечеству», «всеобщему разуму» и другим общим идеям XVIII в. Вне рамок историографии — в «историко-филологической школе» — присутствовал «народный» или «национальный» историзм.

Романтики понимали свою миссию как осмысление огромного европейского опыта. Утвержденные романтиками принципы познания социального мира и человека определили характерный для этой эпохи облик знания о прошлом — истории. Достаточно лишь перечислить такие базовые понятия, характеризующие романтическое мировоззрение, как становление, творение, разнообразие, органицизм, экзотизм. Важнейший аспект романтического наследия в западной культуре — убеждение, что история чрезвычайно важна и является как способом самопознания человека и общества, так и методом познания, который применим поистине к любому объекту: природе и культуре, языку и праву, государству и личности. Романтизм, направление, буквально покорившее Европу в первой половине XIX в., стал питательной средой для бурного развития историографии.

II. РОМАН С ИСТОРИЕЙ

Первая половина XIX в., на которую приходится пик популярности исторической литературы в обществе, определялась господством романтической историографии. Именно историков-романтиков (Огюстена Тьерри, Жюль Мишле, Амабля Гийома Проспера де Баранта, Томаса Карлейля) на протяжении всего

⁶ Хёйзинга, 1997 [1929], с. 228.

этого периода читала, слушала и любила публика. Значимы и самые имена этих историков: порой кажется, что количество известных представителей романтического направления XIX в. сильно превышает число сопоставимых по известности историков других школ, пожалуй, не только XIX, но и XX столетия.

Центром романтической историографии была Франция (в какой-то степени за ней последовала Англия), причем в этой историографии были ассимилированы философские и эстетические принципы романтизма как периода «подъема», так и периода «распада». В немецкой исторической литературе принципы романтизма нашли наиболее яркое выражение в произведениях «нарративной романтической» школы» (Йоханн Йозеф фон Гёррес, Генрих Луден, Генрих Лео, Карл Адольф Менцель), но эти историки не получили сопоставимого признания у европейской публики.

Один из основоположников французской романтической школы Огюстен Тьерри в 1834 г. в предисловии к сборнику своих статей, написанных в начале 1820-х годов, заметил:

«Я испытал счастье увидеть то, о чем я больше всего мечтал: исторические труды завоевали себе наибольшую популярность в общественном мнении; ими занялись самые первоклассные писатели. Существовало мнение, тогда казавшееся вполне обоснованным, что именно история наложит свой отпечаток на XIX век, что она даст ему имя, как философия дала свое имя XVIII веку»⁷.

И действительно, XIX век впоследствии стали называть в том числе и «веком истории» — эта метафора во многом обязана своим появлением именно романтической историографии.

Историки-романтики в огромной степени испытали влияние политической доктрины консервативного, охранительного романтизма, разработанной в трудах традиционалистов, чьи произведения представляли собой философско-исторические осмысление Французской революции. Особенно велико было значение трудов Шатобриана. Его «Опыт о революциях» (1797) и «Гений христианства» (1802) стали вехами в формировании романтической историографии. Как сказал в своей элогии, посвященной Шатобриану, Тьерри: «Все, кто разными тропами шли сквозь наше столетие, встретили его на своем пути как ис-

⁷ *Thierry*, 1836 [1834], p. XX-XXI.

точник собственных исследований и вдохновения»⁸. Для исторической мысли значение «Гения христианства» помимо всего прочего состояло в том, что это сочинение стало и открытием Средневековья, и его выдающейся апологией. Именно Шатобриан, в книге которого на самом деле мало исторического, создал культ воображения и эмоционального воздействия и подвигнул на изучение Средних веков целую плеяду великих историков.

Однако романтизм в историографии — явление намного более разнообразное и динамичное, чем политический традиционализм. Получив импульс от так называемых консервативных романтиков, которые любили очень конкретное прошлое европейских народов — монархию и традиционное общество, романтическая историография в целом больше соответствовала духу первого этапа йенской школы. В результате философия истории в работах романтиков предстает как одновременно ностальгическая, реставрационная и конструктивная.

Романтическая историография отказалась от универсалистского подхода в области исторического знания, характерного для просветителей. Романтизм не претендовал на всеобщность; романтики мыслили в национальных, этнических пределах, и определение специфики национального духа и национально-го прошлого входило в круг их главных познавательных задач. В интерпретации истории они порвали с идеей всеобщего характера исторического процесса, естественного права и другими универсалистскими принципами. Романтическое направление утвердило представление о том, что история раскрывается не в единых законах и не в деятельности отдельных лиц, а в *творчестве* целых народов и наций, что каждому народу свойственно свое неповторимое развитие.

Так на протяжении очень короткого периода на смену униформизму и стандартизации пришел принцип разнообразия. Идею диверсификации, например, Артур Лавджой вообще считает единственным

«общим фактором множества тех разнообразных течений, совокупность которых историки и критики обозначили как “романтизм”: безмерное умножение жанров и стилей; признание эстетической легитимности *genre mixte* (смешанных жанров); *goût de la nuance* (вкус к нюансам); натурализация “гротескного” в искусстве; внимание к

⁸ Цит. по: *Gooch*, 1928 [1913], p. 162.

оттенкам; стремление воссоздать с помощью воображения специфику внутреннего мира людей прошлых эпох, стран, культур; *étalage du moi* (выставление себя напоказ); отказ от буквальной точности в описании пейзажа; отвращение к простоте; недоверие к универсальным формулам в политике; эстетическая антипатия к стандартизации; отождествление Абсолюта с «определенным видом конкретной реальности» в метафизике; чувство великолепия несовершенного; культивирование индивидуальных, национальных, расовых особенностей»⁹.

Принцип диверсификации оказался ключевым для развития исторических исследований эпохи романтизма. Он определил два главных направления «прорыва» в историческом знании: развитие идеи многовариантности культур и «уравнение в правах» исторических эпох.

а) Другое прошлое

Прошлое стало считаться заслуживающим внимания и изучения в эпоху Возрождения. Но историческая интерпретация прошлого — стремление проникнуть в его атмосферу и воссоздать ее как иную, не похожую на нынешнюю — во многом обязана своим происхождением романтикам. До XIX в. историки, условно говоря, изучали «что было» («на самом деле» или «не на самом деле»). Их занимала последовательность событий. В рамках романтического подхода историков начинает интересоваться не «что было», а «как это было». Романтики сознательно пытались создать именно Другое прошлое — возражать против этого тезиса, ссылаясь, например, на то, что они не понимали, что «другой» была ментальность индивидов прошлого, значит переходить на позиции исторического анахронизма. Конечно, говоря о Другом прошлом у историков-романтиков, мы имеем в виду не концепцию¹⁰, а способы конструирования прошлой

⁹ Лавджой, 2001 [1936], с. 301.

¹⁰ Понятие Другого означает осознание действующим субъектом другого субъекта как не-себя. Понятие Другой использовал еще Платон в диалоге «Тимей», а его возрождением в Новое время мы обязаны Иоганну Готлибу Фихте («Основы естественного права», 1796), который, как известно, входил в группу йенских романтиков. В конце XIX в. это понятие концептуализировал Вильгельм Дильтей, а в XX в. оно стало одним из базовых в социологии, психологии и культурной антропологии. В исторической науке этот термин постепенно укореняется лишь во второй половине XX в.

социальной реальности, специфические для романтической историографии.

Прежде всего, такие родовые черты романтизма, как идеализм, духовность, вера, мистицизм, не могли не произвести переворота в трактовке исторической личности. В романтической историографии проявляется способность к индивидуализации, к восприятию душевного состояния конкретного лица. Историческая биография в романтическом направлении обрела новую установку: рассматривать чувства и поступки индивида в свете его миссии или идеи, которую он воплощает, — статус личности обретает свое значение лишь в связи со всеобщим. И хотя романтики выступили против того, чтобы ограничивать историю лишь биографией королей, они время от времени признавали, что все же история королей имеет большее значение, чем история плотников (де Барант), так как связана с более широким кругом явлений.

Однако все-таки не личность, а коллективный исторический герой стал важнейшей новацией в романтическом образе прошлого. Пониманием прошлого как истории совокупности людей (народов, классов, сословий) романтики радикально отличались от предшествующей традиции, воспроизводившей действия известных персонажей — «исторических» личностей. Национальные истории, которые начали создаваться как раз в то время и именно романтиками, писались как истории народа. С одной стороны, это было связано с осознанием роли масс, прежде всего в недавних и продолжающих разворачиваться на глазах революциях и войнах, и экстраполяцией этой роли на предшествующие периоды. С другой стороны, для появления коллективного героя существовала и более общая причина: процессы демократизации европейского общества.

В романтической историографии одновременно с интенцией создать «групповой портрет» нации, на котором прописаны фигуры известных и «типичных» людей, присутствует и противоположная тенденция. Нации генерализуются и начинают рассматриваться как действующие субъекты. Социальным образованиям приписывается воля, характер, дух, ментальность — характеристики, которые познаются тем же способом, что и качества отдельного человека.

Такая метаморфоза, к примеру, случилась с Францией у Жюль Мишле. Уже во «Введении во всеобщую историю» (1831) Франция предстает как главный герой всемирной исторической

драмы борьбы за свободу. Впоследствии в 17-томной «Истории Франции» (1833–1867) Франция окончательно антропоморфизуется и становится персоной истории, и общность начинает описываться как личность. При этом это касается не только риторики, но и анализа. При этом надо отметить, что Мишле чувствовал дистанцию между «народом» и «людьми», и, например, в «Истории французской революции» (1847–1853), тонко анализируя отношения между вождями и массами, он обращал внимание на то, что произошло превращение «народа» в субъекта и судьбу, в то время как народ часто отсутствует в театре событий, и лишь вожди говорят от его имени¹¹.

Генерализация и антропоморфизация больших социальных общностей, казалось бы, противоречащая сути романтического подхода, была вызвана стремлением постичь устройство общества и предложить объясняющие модели истории. Романтики полагали, что никто не властен над историей и события идут по заранее определенному руслу. Возникшие еще в эпоху Ренессанса для объяснения хода истории понятия: рок, фортуна, Провидение — были как будто созданы для объяснения прошлого, и, конечно, они вошли в лексикон романтиков.

Рецензируя драму Александра Дюма «Генрих III и его двор», де Барант рекомендовал авторам исторических драм показывать, как люди,

«движущиеся по сцене света, сами того не ведая, выполняют общий замысел. Добродетели одних, пороки других, осторожность, так же как и несдержанность, стремление к будущему, как и сопротивление, опирающееся на прошлое, — все должно идти к одной цели, но по разным путям. Так можно было бы распутать разные силы того рока, который, не властвуя над жизнью и волей индивидов, управляет жизнью народов и движением человеческого ума»¹².

Усилиями историков-романтиков за сравнительно короткий период были созданы истории наций и истории классов и разработаны модели конструирования прошлого с помощью простых формул расовой и классовой борьбы.

Одна из первых статей Тьерри, посвященная истории Франции, называлась «О враждебности рас, которая разделяет французскую нацию» (1820). Идея расовой вражды, заимствованная

¹¹ Michelet, 1889 [1847–1853], t. 1, p. 300–301.

¹² Barant, 1830; цит. по: Реузов, 1956, с. 136–137.

им у Анри де Сен-Симона¹³, получила дальнейшее развитие в одной из основных работ Тьерри «Завоевание Англии норманнами» (1825), которая построена вокруг выявления основного, по мнению Тьерри, конфликта в английской истории: между победителями-норманнами и побежденными-англосаксами. Английскую революцию XVII в. он рассматривал как завершение этого конфликта, «реванш» побежденных. Расовый конфликт, в свою очередь, выполнял роль гипотезы, объясняющей происхождение классов, которые формируются из потомков завоевателей и завоеванных. Высшие классы — потомки победителей, потомки побежденных — горожане и сервы.

Важным фактором в появлении нового субъекта истории были и моральные соображения того времени, сентиментальные и демократические одновременно, состоявшие в убеждении, что историк должен руководствоваться сочувствием к народу.

Программа создания «истории низов» была, в частности, концептуализирована Огюстеном Тьерри еще в первом из его «Писем об истории Франции»:

«История Франции, как ее до сих пор излагали, не является подлинной историей страны, ни национальной, ни народной историей... Лучшая часть наших анналов, самая трудная, самая поучительная, должна быть еще написана; нам еще не хватает истории граждан, истории подданных, истории народа. Историческую авансцену занимает только кучка привилегированных лиц, только о ней нам рассказывают, а между тем... прогресс народных масс в сторону свободы и благосостояния кажется нам гораздо более важным, чем действия завоевателей, и их несчастья куда более трогательными, чем бедствия королей, лишившихся короны... Я глубоко убежден, что у нас до сих пор нет истории Франции...»¹⁴

Французские историки-романтики в самом историческом нарративе давали разнообразные социальные портреты, т.е. описывали множество разных групп: крестьян, торговцев, пиратов, рыцарей, монахов, горожан, солдат и т.д. Таков, например, народ в изображении Тьерри:

«Одни пели под звук кельтских арф, ожидая возвращения Артура; другие плыли по бурному морю с тою же беспечностью, с какой

¹³ Напомним, что Тьерри был секретарем Сен-Симона в 1814–1817 гг., а затем эту должность занял Огюст Конт.

¹⁴ *Thierry*, 1836 [1820], p. 275–276.

лебеди плещутся на озере; третьи в опьянении победы собирали груды добычи, отнятой у побежденных, измеряя веревкою землю, чтобы разделить ее между собою, считая и пересчитывая семьи поголовно, как скот; наконец те, которых одно поражение сразу лишило всего, ради чего стоит жить, покорно смотрели, как чужеземец садится хозяином у их собственного очага, или, в неистовстве отчаяния, бежали в леса и жили там, как живут волки, разбойничая, убивая, но оставаясь свободными»¹⁵.

Не можем удержаться от сравнения этого пассажа почти двухвековой давности с постмодернистской картинкой французского писателя Раймона Кено:

«[Историческая] обстановка была, прямо сказать, черт знает какая. Там и сям виднелись остатки исторического прошлого, все вперемешку. На берегах ближайшей речушки разбили вдребезги лагерь двое гуннов; неподалеку от них какой-то галл, вернее всего эдуэц, бесстрашно вымачивал ноги в холодной проточной воде. На горизонте смутно маячили силуэты старообразных римлян, старозаветных сарацинов, старорежимных аланов и старых франков. Было и несколько нормандцев — те попивали кальвадос... Гунны готовили гуляш под соусом “тартарары”; галл за отсутствием галлок считал ворон; римляне ваяли греческие статуи; сарацины разучивали сарабанду; франки искали отложения солей; аланы уподоблялись осетинам. Нормандцы попивали кальвадос»¹⁶.

У Кено впечатление исторической картины создает эффект одновременного присутствия персонажей разных эпох — «смешение времен», а у Тьерри впечатление единого исторического полотна возникает в результате описания действий разных людей, объединенных единым событием, — «смешение людей».

Наконец, с XIX в. сами темпоральные структуры — эпохи, периоды — и приписанный им «дух времени» начинают выступать как *Другие*. Так в знании о прошлом утверждается историческая относительность, характеризующаяся интересом к философскому осмыслению содержания «неклассических» цивилизаций и эпох.

Соотношение настоящего и прошлого в романтической историографии намного сложнее, чем в стандартных интерпретациях, которые отводят романтикам место в прошлом, жестко

¹⁵ *Thierry*, 1836 [1834], p. XXI.

¹⁶ *Кено*, 1994 [1965], с. 8–9.

связывая их с традицией и ретро. Романтическая идея в исторических сочинениях никоим образом не сводится к культу прошлого. Культ прошлого ради прошлого — явление специфическое только для «консервативного» политического романтизма. Предметом интересов романтических историков являлась взаимосвязь настоящего с прошлым и будущим, и в этом они сродни философам йенской школы, для которых точкой соотнесения времен было настоящее — Новое время. Это касается прежде всего значимости настоящего. Романтики стремились не вернуться в ушедшее прошлое, а пережить и переосмыслить это прошлое в настоящем.

Романтики не просто отличались чувствительностью к настоящему (они ко всему были чувствительны), они были зависимы от настоящего. Об этом в не меньшей мере, чем известная эволюция, которую претерпели практически все представители йенской школы, свидетельствует и трансформация позиций многих историков-романтиков. Например, отношение Жюль Мишле к Средневековью менялось вместе с политическими перипетиями его времени. Начиная с работ 1830-х годов и вплоть до смерти Мишле в 1874 г. Жак Ле Гофф выявляет у него четыре абсолютно разных варианта оценки Средневековья, что, по его мнению, связано именно с присущей Мишле манерой «читать и писать историю прошлого в свете истории настоящего»¹⁷.

«Между “июльской молнией” [1830 г. — И. С., А. П.] и мраком поражения Франции в войне с Пруссией образ Средневековья в представлении Мишле меняется под влиянием борьбы против клерикализма, разочарований провалившейся революции 1848 года, неприятия духа наживы Второй империи, отрезвляющего воздействия материализма и несправедливости зарождающегося индустриального общества»¹⁸.

¹⁷ «В 1833–1844 годах, в период публикации шести томов “Истории Франции”, посвященных Средневековью, в трактовке Мишле оно выступает в положительном образе. С 1845 по 1855 год взгляды Мишле постепенно меняются, и в новых изданиях Средневековье приобретает у него противоположный, негативный образ... После большого антракта “Истории Революции” возникает новое Средневековье, которое я называю Средневековьем 1862 года — дата публикации “Ведьмы”... Затем, возможно, зарождается четвертое Средневековье... в противовес современному миру, миру “великой промышленной революции”» (Ле Гофф, 2000 [1974], с. 16–17).

¹⁸ Ле Гофф, 2000 [1974], с. 16.

Главная же причуда исторического времени в романтической историографии состоит не в отношении прошлого и будущего, а в отношениях возможного и действительного. Поскольку в романтизме возможное соотносится не с прошлым и не с будущим, а с действительным, и постоянно опережает его, любое явление настоящего романтики рассматривали с позиций его возможного совершенствования или преобразования. Тем более «невидимые» события прошлого становились материалом для исторического переустройства.

Открытие прошлого в XIX в. внешне напоминало то, что происходило в эпоху Ренессанса, а восхищение романтиков прошлым походило на чувство мыслителей Возрождения по отношению к античности. Однако, как отмечал Робин Коллингвуд, между гуманистами Возрождения и романтиками в отношении к прошлому существовало глубокое различие. Первые

«презирали прошлое как таковое, но рассматривали некоторые его факты как приподнятые над потоком времени, так сказать, очистившиеся от него, в силу внутренне присущего им совершенства, что и делало их классическими или вечными образцами для подражания»¹⁹.

Проще говоря, для гуманистов в качестве образца существовала только античность. Для романтиков все прошлое было «становлением» настоящего, настоящее же подлежало переделке не потому, что оно «ниже» или «хуже» прошлого, а потому, что переделка — это и есть проявление «творения». Так все прошлое становилось значимым, все эпохи «равными».

«Немного было в истории мысли более глубоких и более важных изменений в представлениях о ценностях, чем случившееся тогда... когда начала крепнуть уверенность, что не только многие (или все) этапы человеческой жизни обладают различными преимуществами, но что разнообразие само по себе есть нечто превосходное»²⁰.

Поскольку с приходом историков-романтиков прошлое — причем всё, а не только «избранные места» — не отвергается, а почитается как исток настоящего, в историографии начинается инвентаризация разного прошлого. Тематика работ и выбор исторических периодов очень разнообразны. Среди историков-

¹⁹ Коллингвуд, 1980 [1946], с. 85–86.

²⁰ Лавджой, 2001 [1936], с. 301.

романтиков — Генрих Лео с его отчетливым интересом к всемирной истории; Амабль Гийом Проспер де Барант, увлеченный Средними веками; Томас Карлейль с исследованиями по истории революций, знаменующих наступление Нового времени. Романтики, руководствуясь индивидуальными предпочтениями, выбирали в прошлом «любимую эпоху». В результате именно в период доминирования романтической историографии и возникли «лики» исторических эпох (античности, Средневековья, Ренессанса и Реформации).

Но все же Средневековье особенно привлекало романтиков, и тому был целый ряд причин. Прежде всего, Средние века выступали как идеал утраченной целостности, органического религиозного единства. Большой удельный вес сочинений по средневековой истории в XIX в. объясняется, в частности, и тем, что в этой области открывалось гигантское новое поле для исследований: средневековую историю надо было создать фактически заново. Конечно, и античная история к началу XIX в. была представлена не столь уж широко, но все же она была более целостна, обозрима и обеспечена известными к тому времени источниками.

Время историков-романтиков — это период возникновения национальных государств, время наполнения прошлого национальным содержанием. Именно перед представителями исторического романтизма встала задача создания национальной истории, а она для большинства европейских стран была именно средневековой.

Наконец, историческая «фактура» Средневековья — просто кладезь для романтического мировосприятия. Эстетизация чудесного — очень мощная составляющая в романтической конструкции прошлого. Одним из важных источников вдохновения для романтиков были таинственные сюжеты прошлого и соответствующие их интерпретации. Невидимые чары, колдовство, проклятие, мир дьявола — такова лексика многих исторических сочинений, написанных в романтическом ключе.

Перечисленных причин было вполне достаточно (хотя имелись и другие), чтобы

«Вся Европа или ее отдельные нации вдруг прониклись любовью к рыцарской и монастырской жизни, крестовым походам, Гогенштауффенам, ломбардским и фламандским коммунам, христианским королевствам Испании, ведущим войну с маврами, и самим маврам,

и Англии, поделенной саксами и норманнами, и Швейцарии времен Вильгельма Телля, и *Chansons de geste* [франц. — эпическим поэмам], и песням трубадуров, и готической архитектуре...»²¹.

Поскольку историки-романтики не применяли к истории критериев «разумности», «прогрессивности», целесообразности, то Средневековье в их трудах оказалось реабилитированным, а во многих отношениях действительно оцененным выше настоящего и не ниже античности.

б) Вчувствование и воображение

Арсенал приемов конструирования прошлого в романтической историографии с самого начала соотносился с задачами достижения «исторической истины», а самыми надежными способами ее познания историки-романтики считали интуицию и воображение. Дух прошлого романтики пытались познать прежде всего методом *вживания*, или *вчувствования*. Ключевые слова для определения романтической историографии — вчувствование, сопереживание, погружение, интуиция.

Романтики, введя в представление о литературе принцип и структуры субъективности, причем субъективности как автора, так и читателя в их взаимосвязи, задали историописанию еще одну функцию — пробуждения соответствующих эмоций у читателя, который тем самым становился сопричастным творческому акту историка. Томас Карлейль, крупнейший историк своего времени, представитель романтического направления в английской историографии, говорил, что цель историка состоит в том числе и в пробуждении чувств читателя: «Пусть читатель заставит поработать собственное воображение»²².

Для проникновения в мир действующего субъекта историк неизбежно должен был полагаться на собственный опыт, в том числе и эмоциональный. Такой процесс вчувствования в чужую психологию («состояние души»), сопереживания обычно именуется эмпатией.

Этот метод, по сути, распадается на две части — анализ собственных мыслей («переживаний») на основе самонаблюдения и умозрительное помещение себя «на место другого». Например,

²¹ Кроче, 1998 [1917], с. 160.

²² Карлейль, 1991 [1837], с. 481.

в большинстве исторических сочинений биографического толка присутствуют оба варианта вчувствования — и эмоциональный, и аналитический. Эмоционально-личностная идентификация с исторической личностью подкрепляется рациональными суждениями о возможных соображениях индивида, которые рассматриваются как причина его действия. Здесь очевидно отличие определения интенций исторического агента в свидетельствах прошлого (исторически одно из самых ранних проявлений применения причинного анализа в истории) от идентификации с персонажем, требующей мобилизации воображения.

Согласно удачно придуманному Мишле для себя неологизму, который после него не осмеливались применять, он стал «воскресителем» (*resusciter*)²³. В послесловии ко второму тому «Истории Франции» Мишле писал:

«Большую часть того, что написано в этом томе, я извлек из Национальных архивов. В тиши переходов я вскоре стал улавливать некое дуновение, ропот, и это не был голос смерти... Все живы и небесловесны... И по мере того, как я сдувал с них пыль, я видел, как они поднимались. Из гробниц тянулись их руки, головы, как в “Страшном суде” Микеланджело или “Пляске смерти”»²⁴.

Как заметил Бенедикт Андерсон, Мишле не просто пытался расслышать голоса умерших, он самоуверенно полагал, что может сказать, о чем «они “на самом деле” думали и чего они “на самом деле” хотели, поскольку сами они этого не понимали»²⁵.

Мобилизуя собственное воображение, историк стремился воздействовать и на воображение читателя, который тоже должен был «вчувствоваться» в предлагаемые обстоятельства. И можно предположить, что если историк-романтик уподоблял себя Вальтеру Скотту лишь в области подачи исторического материала, то его адресат практически не отличался по своему восприятию от читателя исторического романа, или, точнее, отличался только знанием того, что перед ним произведение историка, а не литератора.

Представление о характере *исторического воображения* концептуализируется в первой половине XIX в. историками-романтиками, которые опирались на немецких идеалистов, особенно Виль-

²³ *Ле Гофф*, 2000 [1974], с. 14.

²⁴ *Michelet*, 1833; цит. по: *Ле Гофф*, 2000 [1974], с. 14.

²⁵ *Андерсон*, 2001 [1983/1991], р. 215.

гельма фон Гумбольдта, на которого, в свою очередь, повлияли соображения Иммануила Канта. Кант понимал воображение как аспект познания, означающий намного больше, чем просто фантазирование или риторические изыски с целью усиления эффекта воздействия, и показал, что воображение как познавательная способность действует не в произвольной, а в априорной форме, позволяя связывать воедино разрозненные данные и осуществлять тем самым конструктивную работу, в том числе и в историческом познании.

Постольку поскольку история рассматривалась романтиками в частности и как литературный жанр, воображение признавалось основополагающим условием исторического (литературного) творчества: оно выступало как необходимый мыслительный акт, позволяющий историку установить связь между отрывочными и смутными историческими свидетельствами, с тем чтобы сконструировать осмысленную картину прошлого.

В целом историческое воображение трактовалось романтиками как «искусство... делать прошлое полностью понятным, позволяя нам проникнуть в сознание и ощутить страсти людей, которые... кажутся очень непохожими на нас»²⁶. Но конечно, создание картины прошлого требовало не только воображения, но и знания источников, равно как и общей исторической эрудиции. Культ эмоций, художественных приемов и техник «вчувствования» в романтическом направлении историографии совмещался с растущим интересом к документам и интенсивным развитием методов источниковедческого анализа.

Так, Огюстен Тьерри подобно другим историкам романтического направления считал, что только с помощью воображения историк способен реконструировать события (он даже говорил — сцены) прошлого. Тем не менее, когда в 1820 г. Тьерри начал систематическое изучение источников по французской истории, его «охватил гнев», вызванный обращением историков с документальными материалами. По мере погружения в архивы он осознавал, что его истинное призвание состояло не только в том, чтобы осветить некоторые темные углы Средневековья, но и в том, чтобы «водрузить во Франции XIX в. знамя исторической реформы»²⁷, в том числе и в области работы с архивными материалами.

²⁶ Hughes, 1964, p. 97.

²⁷ Thierry, 1836 [1834], p. XII.

Время романтиков стало периодом интенсивной деятельности по поиску, классификации и публикации источников по национальной истории. Романтики много сил отдавали сбору и изданию не публиковавшихся ранее материалов. Важную роль в обеспечении источниковой базы сыграл существовавший в то время альянс представителей двух основных областей знания, основным материалом для которых являются тексты: филологии и истории. Публикации романтиков — литераторов и литературоведов — оказали бесценную услугу историческим исследованиям, они обогатили представления об отличиях разных периодов и расширили пределы проницаемого времени.

Но эмпирический материал в романтической историографии работал прежде всего на идею эстетизации прошлой реальности. Этим во многом объясняется большое значение риторики у романтиков: использование выразительных средств, выбор ярких фактов и деталей. Можно привести бесчисленные доказательства того, как много сил тратили историки-романтики на создание образа прошлого, вплоть до тончайших стилистических ухищрений. Одним из крайних случаев является «История герцогов Бургундских» (1824) де Баранта, которая просто написана в форме хроники: метод, план, язык, характер образов и сцен — все стилизовано под хронику.

Опираясь на источники, романтики воссоздавали в своих произведениях соответствующую «историческую обстановку» (исторические костюмы, замки, пейзажи), стараясь поместить себя и читателя в эти обстоятельства. Но при всем этом конкретные методы обращения романтиков с источниками зачастую оставляли желать много лучшего. Карлейль, слава которого в литературных кругах, возможно, затмевала его славу историка, утверждал, что ему не нужно слишком погружаться в источники, чтобы отчетливо увидеть прошлое, растворенное в дымке веков. В результате, например, приступая к написанию «Французской революции», он изучил гору документов в библиотеке Британского музея в Лондоне, но их следов не найти в его сочинении, потому что ссылки и цитаты нарушили бы литературную композицию. И надо сказать, что его сочинение о Французской революции демонстрирует все огрехи, связанные со столь вольным обращением с документами.

Романтическая историография не особенно заботилась об объяснении событий, следуя девизу Фридриха Шлегеля: «Не

нужно все объяснять». На самом деле историки-романтики пытались достичь объяснительного эффекта прежде всего за счет выстраивания сюжета. Большинство из них не только мастерски развивали интригу истории, они прекрасно владели художественными средствами, придавая исторической работе форму литературного произведения. Во многих сочинениях мы обнаруживаем характерный для исторического романа принцип целостности, предполагающий единство процесса, единый смысл и плавное повествование, не нарушаемое репрезентацией источников. Способность романтиков писать историю языком беллетриста, не превращаясь при этом в литератора, высоко оценил Виссарион Белинский:

«Читая „Историю завоевания Англии норманнами“ Огюстена Тьерри, как его же „Рассказы о временах меровингских“, думаешь, что читаешь роман Вальтера Скотта; а между тем в этих сочинениях знаменитого историка французского нет ни одной черты, которая не основывалась бы на фактах и не подтверждалась бы хрониками; но и те, которым коротко и ученым образом знакомы были эти хроники, в творениях Тьерри впервые познакомились с той и другой эпохой, удивляясь, что в этих творениях могло оказаться столько жизни, поэзии и разумности»²⁸.

В противовес идеологам Просвещения, верившим в полную открытость истории для разума, романтики ввели в историописание понятия красоты как высшей реальности, исторической тайны, молчания. Историописание романтиков, так же как и искусство, преображало прошлое, равно как и настоящее, представляя его странным и все же знакомым. В этом историки следовали Новалису, который писал:

«Придавая вещам обыденным высший смысл, вещам привычным — обаяние таинственности, известным — достоинство неизвестного, конечному — видимость бесконечного, — я романтизирую их»²⁹.

Соответственно, главная черта романтической историографии в духе этого же мировоззрения — сознательная установка на преображение прошлого. Это можно назвать «заколдовыванием мира» в ответ на его «расколдовывание» мыслителями Просвещения. Акт «колдовства» предполагает, конечно, примат

²⁸ Белинский, 1849; цит. по: Далин, 1981, с. 15–16.

²⁹ Новалис, 1998 [1798], с. 302–303.

чувств и интуиции над разумом, мистицизм и всяческое другое своеволие, несовместимое с аналитическим подходом. Впрочем, например, Тьерри и Мишле считали иррациональные техники вполне совместимыми с научным статусом истории.

«История не учит», так как ничто не повторяется — это известный тезис романтиков. Но историк «учит». И Барант, и Мишле, и Карлейль предполагали, что любая «История» должна содержать «поучение». «Из всех Библий ужаснее всего не верить в “Библию всеобщей истории”»³⁰ — говорил Карлейль, который вообще был моралистом, почитаемым всей Англией.

Историография того времени была преимущественно политической, и выбор историками-романтиками в качестве основных предметов исследования государства и нации способствовал тому, что базовые принципы историзма разрабатывались более всего применительно к политическим институтам. Ориентации историков-романтиков были отчетливо национальными: их интересовала история отдельных стран, их права и государственных институтов. Историки-романтики сформулировали проблемы традиции и преемственности как факторов, обеспечивающих развитие национальных государств. В этом смысле романтики первыми провели национализацию истории.

Итак, основными отличительными методами конструирования прошлой социальной реальности в романтической историографии стали: вчувствование и воображение; интерес и доверие к документам; создание колорита эпохи; построение исторического нарратива как романа, использование риторических приемов, характерных для художественной литературы. Но главное в наследии романтизма, с точки зрения последующего развития исторического знания, не статус реальности и не техники вчувствования, а идея развития. Романтики утвердили в историографии метод историзма, постулировавший генетический подход ко всем социальным явлениям.

III. ПЛОДЫ РОМАНТИЗМА

Если «приход» романтизма датируется очень четко, то «уход» его растянут во времени. В философии романтизм сходит на нет уже в поздних работах представителей йенской школы. В исто-

³⁰ Карлейль, 1994 [1843], с. 273.

риографии романтиков в середине XIX в. начинает вытеснять немецкая историческая школа (без кавычек!). Ее иногда называют «высшим проявлением романтизма», но это неверно, ее точнее охарактеризовать как «высшее проявление историзма» того времени. В искусстве, наоборот, романтизм задерживается намного дольше, его представители сосуществуют с реалистической школой, символистами и другими более поздними направлениями.

Что же касается романтической историографии, то мы попытаемся показать, что многие новации, введенные историками-романтиками, остаются опорными методологическими принципами исторических исследований по сей день. Однако они преобразованы и инкорпорированы в аналитические конструкции прошлого, и в исторической науке, в отличие, например, от искусства, со второй половины XIX в. мы не обнаруживаем сколько-нибудь значимых прямых наследников историков-романтиков.

а) Недолгий век

«Век романтизма» в историографии был недолог по меркам жизненного цикла исторических школ. Размышляя над причинами быстрого ухода со сцены необыкновенно продуктивного и популярного направления, мы приходим к выводу, что основной причиной провала романтического исторического проекта явилось то, что романтики одновременно и форсировали, и тормозили процесс формирования исторического знания.

Слово «история» существует в трех значениях: в значении текста, в значении реальности и в значении знания, и вплоть до позднего Средневековья преобладающим было значение истории-текста³¹. Однако с началом Нового времени постепенно разворачивается процесс вытеснения истории в значении текста историей в значении знания. В этом процессе к моменту появления романтизма решающими были два этапа. Первый датируется серединой XVI в., когда начались интенсивные размышления об историческом методе и появились десятки трактатов, посвященных этой теме. Следующий период относится ко второй половине XVIII в., когда усилиями мавристов (фран-

³¹ Подробнее см.: *Савельева, Полетаев*, 2003–2006, т. 1, гл. 1.

цузских бенедиктинцев конгрегации св. Мавра) была разработана непревзойденная и поныне техника критики источников и созданы вспомогательные исторические дисциплины.

На фоне этой тенденции, прерванной приходом романтиков, их подход, связанный с опорой на воображение и предлагающий читателю прежде всего историю-текст (причем с нарушением даже предшествующих законов этого литературного жанра, требовавших от создателей историй строгости и четкости стиля), следует признать шагом в сторону (или, точнее, продуктивным отклонением) в развитии исторического знания. Усилиями историков-романтиков знание о прошлом было выведено за пределы формирующейся научной истории. И если их творчество находилось в полном соответствии с духом *философского* романтизма, то оно совершенно не корреспондировало с утвердившейся в Новое время формой *научного* знания, точнее — естественнонаучного. Возможно, поэтому господство романтизма в историографии оказалось недолговечным, хотя очень мощным и публичным.

Уже в середине XIX в. мы наблюдаем довольно быстрый переход от техник художественного воспроизведения картины прошлого, мобилирующих эмоции читателя, к созданию аналитических конструкций системы социальной реальности, модельных или нарративных, в рамках или на фоне которых историки решали конкретные исследовательские задачи. Прошлое уже не считалось возможным вернуть через прочтение и толкование. Разговоры о «сотворении» или «воскрешении» сменились сухими и вполне научными рассуждениями об объективности презентации или реконструкции.

Собственно уже в «эпоху романтизма» многие из новаций, специфических для романтиков, разрабатывались и воплощались не только ими, но и крупными историками аналитического, в нашей терминологии, направления, которые творили в то время. Первая половина XIX в., на которую приходится пик популярности романтического историописания, на самом деле характеризуется достаточно разными тенденциями в историографии. Во Франции наряду с романтиками сформировалась группа историков, которых «анатомия и физиология» истории интересовала гораздо больше, чем форма изложения. Франсуа Пьер Гийом Гизо, Франсуа Минье, Луи Адольф Тьер принадлежали к так называемой политической школе и развивали

каузальный подход к истории. Правда, форма их сочинений во многом отвечала стандартам эстетики романтизма, что и создает сложности в их дефиниции (хотя, например, Гизо, которого очень часто также относят к романтикам, не владел искусством художественного воплощения прошлого).

Сходная проблема существует и с определением отдельных английских историков. Например, Томас Бабингтон Маколей писал столь же выразительно, как романтики, но в целом совершенно не разделял романтические подходы к истории. А хорошо известные подтасовки и натяжки в его работах объяснялись отнюдь не стремлением к художественной целостности, а сугубо политическими мотивами.

Особый случай представляют немецкие историки. В Германии практически одновременно с романтической историографией (или чуть позже) развивались и другие исторические школы, причем гораздо более известные, чем немецкая «нарративная романтическая» школа. Это прежде всего либеральная гейдельбергская (Фридрих Кристоф Шлоссер) и консервативная берлинская (Леопольд фон Ранке) школы. Немецкие исторические школы первой половины XIX в., противопоставляя свой подход романтизму, тем не менее сделали историзм основополагающим принципом исследований, но при этом минимизировали «издержки» романтизма (мистицизм, сентиментализм, художественную риторичность) и в большей степени дистанцировались от образцов художественной прозы романтиков. В результате немецкая историография раньше других национальных европейских школ пришла к «научной» форме репрезентации прошлого.

Тем не менее до сих пор некоторых представителей этих школ, включая даже Леопольда фон Ранке, тоже причисляют к романтикам. Это и не удивительно: в двух весьма разных направлениях историографии присутствуют важные общие элементы (историзм, концептуализация понятий народа и нации, интерес к Средним векам). Однако в трудах историков гейдельбергской школы и берлинской школы Ранке те же концепты и темы получили уже другое выражение, были очищены от литературной риторичности и излишней эмоциональности. Более того, представители ранкеанской традиции разрабатывали свои методологические принципы, полемизируя с романтиками.

Если немецкие исторические школы смогли достаточно плавно перейти на позиции позитивизма, то это случилось потому,

что процессы романтизации и историзации прошлого и превращения истории в науку шли практически синхронно. В результате представители немецких исторических школ, чьими трудами преимущественно и был произведен переворот в характере исторического знания, не испытали видимых трудностей, синтезируя наработки романтизма с ориентацией на аналитические методы познания. Благодаря этому со второй половины XIX в. начинается становление научной истории, с опорой прежде всего на позитивистский подход к проблематике социальной реальности.

б) Наследие историков-романтиков

Возвращаясь к вопросу о наследии романтической *историографии*, наметим лишь некоторые линии трансформации, которую претерпели романтические новации в последующих исторических трактовках прошлого.

Весьма плодотворной и поразительно «долгоиграющей» оказалась романтическая тема коллективного исторического героя, который был введен в историописание в качестве главного субъекта. Впоследствии на фундаменте, заложенном романтиками, националистическая историография на протяжении полутора столетий развивала версии истории, создавая национальные конструкты прошлого и «изобретая национальные традиции» (Эрик Хобсбоум), а социалистическая, в том числе и марксистская, социологизирующая история в полной мере использовала сформированный романтической историографией потенциал классового подхода.

Однако по существу национальные и классовые истории уже во второй половине XIX в. стали совершенно иными, чем в интерпретациях романтиков. Приход позитивистов в историческую профессию привел к тому, что национальная история в целом изменила направление и стала развиваться преимущественно в русле нарративной политической истории с «действующими» политиками, дипломатами и полководцами. Социальная же история все больше превращалась в социологизирующую, иллюстрируя действие «исторических законов» и демонстрируя операбельность историко-социологических схем. Там человеку вообще места не находилось, а массы представляли в виде абстрактных единиц или отдельных элементов макроструктуры.

Пестрая толпа действующих лиц исторической драмы, включая массовку, надолго покинула страницы исторических трудов. В социологизирующей истории действовали все более безликие массы, в нарративной — ведущие исторические личности. Действия масс определялись законами, мотивы поступков личностей доказывались путем сопоставления документов. Историк принимал позу или стороннего наблюдателя, или заинтересованного идеолога. Никакого сентиментализма, никакого самоотождествления с героями исторической драмы. Вместо этого ссылки на неумолимые законы исторического развития или документы.

Классовый подход, сформированный в рамках романтической историографии, получил научное развитие в экономической и социальной истории, и налет романтической риторики мы можем обнаружить разве что в пропагандистских изделиях типа «Манифеста коммунистической партии». Национальная история перешла в ведение разных идейных направлений политической истории, варьируясь от расистских версий до благопристойных либеральных и консервативных.

В истории человека (или истории «людей») наступила пауза длиной почти в столетие. Поэтому мы специально обращаем внимание на известный, но как-то упускаемый из виду факт, что тема «народа» и его созидающей роли в истории была заявлена историками-романтиками. Представители же новой социальной истории второй половины XX в., претендовавшие на приоритет в создании «истории низов», совершенно игнорировали своих великих предшественников, обратившихся к этой проблеме более чем за век до них, причем как в области практических исследований, так и на уровне манифестов. Конечно, новая социальная история представляет собой научное знание о прошлом, опирающееся на методологические достижения разных социальных и гуманитарных наук, но саму тему народа и ее демократическую интерпретацию мы находим уже в романтической историографии.

Если *народ* можно считать главным тематическим нововведением романтиков, то важнейшим методологическим достоянием исторической науки, унаследованным от романтизма, что в первую очередь и отмечают все исследователи, стал *историзм*.

Утверждение историзма хотя и произошло в романтической литературе, то есть за пределами научного знания, совершен-

но изменило традиционное историописание, создав в конечном счете почву для становления истории как научного знания о прошлом. Правда, как мы уже отметили, не вполне правильно относить метод историзма к наследию исключительно романтической мысли. Став основополагающим принципом историко-романтического подхода к прошлому, историзм в это же время утвердился и в сочинениях историков, не принадлежавших к романтическому направлению. А главное — хотя вклад романтиков в становление историзма неоспорим, но все же это не вклад собственно историков.

В прагматическом плане именно историзм позволил удовлетворить растущий интерес как к национальному прошлому, так и к истокам западной цивилизации. Фридрих Мейнеке считал историзм вторым по важности событием после Реформации³², а Эрнст Трёльч подчеркивал, что

«... После того, как идея органической общности и идея исторического развития отделились от первоначального эстетизма и получили самостоятельность, они сделались важными элементами исторической мысли, безразлично, приводили ли они... к консерватизму, католицизму, пиетизму, эстетизму или к либерализму и демократии»³³.

В последней трети XIX в. идеи развития и органицизма становятся едва ли не доминирующими как в историософии, так и в историографии, хотя прежнее идеалистическое и возвышенное представление о развитии изменяется теперь под влиянием в том числе эволюционистско-биологических теорий. Но уже в первой трети XX в. многим исследователям стало очевидно, сколь непродуктивно подходить с позиций биологии к концепциям исторического развития и исторического «организма».

С конца XIX в. историзм получает развитие в историческом материализме, о чем свидетельствуют характерные для марксизма постулаты о тесной связи прошлого с настоящим, объективной реальности прошлого по отношению к настоящему, идея стадийного развития и, соответственно, качественного различия общественно-экономических эпох.

Как философское понятие историзм окончательно концептуализируется в первой трети XX в., прежде всего в уже цити-

³² Мейнеке, 2004 [1936], с. 6.

³³ Трёльч, 1994 [1922], с. 240.

ровавшихся нами работах Эрнста Трельча и Фридриха Мейнеке, но в качестве историографической практики он начинает сходить на нет, переходя в основном в область философии истории. Тем не менее видение прошлого историками по-прежнему опирается на принцип историзма.

Идее историзма, согласно которой каждый период рассматривался как уникальный, обладающий собственной культурой и ценностями, соответствовала задача создания исторического контекста — примет времени, духа времени и, наконец, человека времени и его ментальности. Со времен романтиков требование воссоздания исторического контекста, породившее самые разные способы репрезентации Другого времени, стало постоянным требованием к исторической работе. Даже позитивизм, уничтоживший самый дух романтизма, не сильно поколебал эти основы, заложенные романтической историографией. В рамках самой позитивистской школы исторический контекст был проблематизирован представителями культурно-исторической школы (Ипполит Тэн и др.). В последние десятилетия контекстуальность получила развитие в исследованиях исторической ментальности, трактуемой как сочетание (*фр.* ensemble) способов и содержания мышления и восприятия, которое является определяющим для данного коллектива в данное время и выражается в действиях³⁴.

Как отмечалось выше, одним из четко декларированных романтиками способов проникновения в контекст Другого времени было вчувствование. Эта техника, хотя и потеряла статус основополагающей в работе современного историка, сохранилась в арсенале исторических методов. Получив научное обоснование в конце XIX в. в работах Вильгельма Дильтея, она имела адептов и в XX в. Например, в 1929 г. в работе «Задачи истории культуры» Йохан Хейзинга писал:

«Есть очень важный элемент в историческом понимании, который лучше всего обозначить как “чувство истории”. Можно говорить и о “контакте с историей”... Этот не вполне поддающийся точному определению контакт с прошлым есть вхождение в определенную атмосферу, это одна из множества данных человеку форм выхода за пределы самого себя, форм переживания истины. Это не эстетическое наслаждение, не религиозное переживание, не нахлынувшее внезапно благоговение перед природой, не метафизическое узнава-

³⁴ Dinzelbacher, 1993, S. 98. В отдельных работах по истории ментальности можно обнаружить, например, призывы искать «соединительную ткань духа» (*Le Goff*, 1974, p. 82).

ние — и все же оно стоит в этом ряду... То, что при этом постигается умом или создается воображением, едва ли может быть названо образом. Принимая форму, оно остается сложным и смутным — некое предчувствие (*Ahnung*) дорог и домов и полей, звуков и цветов, также как и людей, вызывающих это предчувствие и вызванных им. Это ощущение соприкосновения с прошлым, сопровождаемое полной убежденностью в подлинности и истинности, может пробудить строка из старинного документа или из хроники, гравюра, нескольких звуков старинной песни...

Очевидно, что «чувство истории» настолько существенно, что оно всегда переживается как истинный момент постижения истории»³⁵.

Больше всего историки мобилизовали тактику вчувствования, когда ставили перед собой задачу проникновения в сознание человека прошлого, иными словами, изучения его ментальности. Очевидно, что умы, например, средневековых людей были устроены иначе, и без вчувствования здесь не обойтись. Правда, по нашему мнению, интуитивистский подход к исследованию ментальности прошлых эпох ограничивается лишь подступами к этой тематике историков первой половины прошлого века (Анри Берр, Йохан Хейзинга, Люсьен Февр), потому что впоследствии, когда история ментальностей сформировалась как самостоятельное направление, она пошла по пути эмпирического описания логик восприятия и поведения, соотнесения смыслов с обрядами и т.д., то есть по вполне аналитическому пути.

Об этом же пишет Питер Бёрк, когда замечает, что нашему современнику не дано понять схоластическую идею «корреспонденции» между семью планетами, семью днями недели, семью металлами и т.д. Ведь «корреспонденция» — не тождество и не подобие. Более уместен здесь, по мнению Бёрка, термин «мистическое сопричастие», с помощью которого Люсьен Леви-Брюль описывал отношение человека к его тотему³⁶.

Тем не менее уже Хейзинга подчеркивал, что функция сопереживания (*Nacherleben*), какой бы важной она ни была, вступает в действие лишь время от времени, и «это всего лишь часть понимания истории», если ориентироваться на «подлинно научное современное историческое произведение самого высокого качества»³⁷.

³⁵ Хейзинга, 1997 [1929], с. 248–249.

³⁶ Burke, 1986, p. 441.

³⁷ Хейзинга, 1997 [1929], с. 250.

Примерно такая же ситуация сложилась с историческим воображением, концептуализированным романтиками в качестве наиболее эффективного способа познания (или *воскрешения*) прошлой социальной реальности. Приводя в пример Мишле, Жак Ле Гофф пишет, что он

«лучше всех показал, что историк, особенно медиевист, имеет право на воображение. Да и как без помощи воображения объяснить, оживить эпоху, сумевшую посредством воображения воздвигнуть на своих недостатках и слабостях великую цивилизацию мечты?»³⁸.

Воображение — это универсальная человеческая способность к построению новых целостных образов реальности путем переработки содержания сложившегося практического, чувственного, интеллектуального и эмоционально-смыслового опыта. В истории воображение необходимо для заполнения неизбежно возникающих пустот, установления связи между отдельными фрагментами прошлого, равно как и для проникновения в непонятные представления и мотивы людей ушедших эпох.

Конечно, после романтиков ни одно историографическое направление не декларирует технику воображения в качестве основного способа репрезентации прошлого. Но до сих пор некоторые влиятельные авторы полагают, что реконструкция прошлого включает чувство сопричастности или творческое воображение³⁹. Современный английский историк Хью Тревор-Роупер использовал этот термин примерно в таком смысле, говоря о способности историка оценивать нереализованные варианты альтернативной истории⁴⁰.

В дискуссиях о методологии истории на протяжении XX в. понятие «воображение», и в этом тоже прослеживается продолжение романтической традиции, фигурировало в разных смыслах. Первый относился к способности историка понять или обобщить природу прошлого, второй — к способности историка передать свое понимание читателю. Бесспорным позитивным результатом такого подхода стало продолжение традиции работы над *Другими* прошлыми, последовательное преодоление анахронизма в историческом знании. Этот аргумент и поныне

³⁸ Ле Гофф, 2000 [1974], с. 33.

³⁹ Beer, 1963, p. 22–23; Walzer, 1963, p. 76–79.

⁴⁰ Trevor-Roper, 1981, p. 356, 361.

приводят те историки и философы, которые высказываются в пользу воображения в историческом труде⁴¹.

Робин Коллингвуд в 1930–1940-е годы разработал развернутую концепцию исторического воображения, опираясь на идеи Канта, понимавшего воображение как всеобщее свойство сознания. Главной новацией Коллингвуда стало введение понятия «историческая конструкция», в которой воображение трактуется как структура, существующая а priori. Именно это конструктивное воображение организует образ мира прошлого, создает каркас воображаемого исторического здания, в котором исторические свидетельства играют роль опорных точек.

«Воображение, эта слепая, но необходимая способность, без которой, как показал Кант, мы никогда не смогли бы воспринимать мир вокруг нас, необходимо в том самом смысле и для истории. Именно оно, действуя не произвольно, как фантазия, а в своей *априорной* форме, осуществляет всю конструктивную работу в историческом познании»⁴².

Такое воображение мобилизуется не для развлечения и привлечения публики, оно, собственно, суть современного исторического сознания, и им, как особым свойством сознания, наделен любой человек, а отнюдь не только историк.

Идеи Коллингвуда, с одной стороны, подверглись серьезной критике в последующие годы, но с другой — получили продолжение в рамках аналитической философии истории. Введенный им термин «историческая конструкция» стал основанием теории исторического знания, известной под именем конструктивизма (представленного в работах Карла Беккера, Мориса Мандельбаума, Леона Голдштайна, Уильяма Дрея, Мортона Уайта и др.). К основоположникам этого направления Коллингвуда, как и Кроче, относят не вполне обоснованно, так как в конструктивизме принципиально существенен отказ от «исторического реализма», от трактовки исторического воображения (равно как и других ментальных операций исторического исследования) как способа *отражения* реальности. (Если реалисты считают, что то, во что «свидетельства заставляют нас верить», соответствует независимо существовавшему «реальному» прошлому, то конструкционисты настаивают на том, что историческое

⁴¹ Walsh, 1960 [1951], p. 105–106; Wedgwood, 1960, p. 68; Hughes, 1964, p. 97; Curtis, 1970, p. 274.

⁴² Коллингвуд, 1980 [1946], с. 230.

прошлое — это всего лишь образ, созданный в рамках исторической дисциплины и существующий исключительно в историческом знании⁴³.)

В свою очередь в работах Хейдена Уайта и последовавших за ним представителей «новой интеллектуальной истории» (Франклин Анкерсмит, Доминик ЛаКапра, Лайонел Госсмэн, Ганс Келлнер и др.), в отличие от позиции Коллингвуда, историческое воображение — это не внутренне присущая сознанию структура в метафизическом кантовском смысле, а отражение социокультурно обусловленных конвенций фигуративного языка, которые формируют определенный способ репрезентации знания о прошлом. Поэтому эти историки сосредоточили усилия на изучении художественной стороны процесса исторического творчества, формы текста, языка и речи, письма и чтения, введя понятия *образ реальности* и *эффект реальности*, которые и противопоставили объективной исторической реальности⁴⁴.

Воображение, особенно когда оно имеет орнаментальный, украшательский характер, и все связанные с ним интуитивистские техники (вчувствование, сопереживание и т.д.) подразумевают определенные способы создания непосредственного чувства прошлого, его «воскрешения» с помощью риторических средств. В этом случае речь идет уже о литературном мастерстве, а не о когнитивном значении воображения. Литературный стиль историка также особенно ценился романтиками, но впоследствии на свободу пользования им даже такие адвокаты «истории как литературы», как Томас Маколей, налагали серьезные ограничения.

После романтиков профессиональные историки в большинстве своем сначала сознательно, а потом руководствуясь установившимся каноном, все меньше заботятся о литературной стороне своих произведений. Более того, если историк отличался излишней литературностью стиля, то это лишь возбуждало серьезные сомнения относительно его способности к историческому мышлению⁴⁵. Считалось, что внимание к выразительности, как правило, идет в ущерб «исторической правде», и другой защитник литературного языка в историографии, великий ан-

⁴³ Подробнее о конструкционизме в философии истории см.: Meiland, 1965; Nowell-Smith, 1971.

⁴⁴ Подробнее см.: Зверева, 2001, с. 48–49.

⁴⁵ Именно так пишет Питер Гай о манере известного английского историка Томаса Маколея (Gay, 1974, p. 98).

глийский историк Джордж Маколей Тревельян, говорил о необходимости бороться с искушением жертвовать некоторыми деталями реальности в угоду совершенству стиля⁴⁶.

Тем не менее владение риторическими приемами, подчас виртуозное, присуще многим выдающимся историкам XX столетия, и их мастерство особенно ярко обнаруживается в эссе, лекциях и других «сопутствующих» или побочных жанрах исторического труда. Однако для историка, который решается ввести в свое исследование литературные приемы, существуют строгие ограничения, которые американский историк Джон Лукач суммировал следующим образом: историк не может выдумывать персонажи; историк не может описывать, что могло бы произойти; историк должен исходить из первичности действий, а не побуждений. Эти ограничения, может быть, и объясняют тот очевидный факт, что «труднее написать великую историю, чем великий роман. Поэтому в последние 200 лет было намного больше великих романов, чем великих историй»⁴⁷.

Однако стремление писать литературно и сделать свои «главные» научные труды достоянием не только профессионалов, но и просто образованной читательской аудитории, возрождается в историческом сообществе с конца 1970-х годов, когда существенно окрепла тенденция к пересмотру предметных оснований и эпистемологических принципов исторического знания (уже упомянутые в предыдущей главе научные исторические труды Эмманюэля Ле Руа Ладюри, Карло Гинзбурга, Роберта Дарнтона, Натали Земон Дэвис, Роже Шартье и др.).

Благодаря отличному литературному стилю романтическая историография сохраняется в наши дни и как специфический объект исследования истории-текста, но в основном в литературоведческих трудах. Постольку поскольку интерес к истории в значении текста привлек внимание преимущественно к литературно одаренным историкам, объектами анализа оказались сочинения известных историков-романтиков — Огюстена Тьерри, Жюль Мишле, Томаса Карлейля (впрочем, и не романтиков тоже — Алексиса де Токвиля, Леопольда фон Ранке, Томаса Маколея)⁴⁸.

⁴⁶ *Trevelyan*, 1972 [1913], p. 241.

⁴⁷ *Lukacs*, 1968, p. 127.

⁴⁸ *Peuzov*, 1956; *Yaüm*, 2002 [1973]; *Gay*, 1974; *Shiner*, 1988; *Kellner*, 1989; *Orr*, 1990; *Rigney*, 1990.

Романтическая историография как целостное самостоятельное явление уже в середине XIX в. сошла со сцены. Выше мы указали на присутствие многих принципов конструирования прошлого, введенных историками-романтиками, в последующих научных школах. Тем не менее разрыв между романтизмом и последующей историографией воспринимается как гораздо более очевидный феномен, чем преемственность. Тому есть как минимум два объяснения. Во-первых, как мы уже говорили, уже в «эпоху романтизма» начался процесс сциентизации истории и романтическая историография оказалась «вне контекста», в отличие от философии (включая эстетику и политическую философию), которые по-прежнему предполагали определенную свободу от научного дискурса. Во-вторых, очень многие принципы и концепты, которыми оперировала романтическая историография, составляли общую идейную основу романтизма: они не были придуманы историками или не ассоциировались с ними. (Например, «историзм», определение которому дал Фридрих Шлегель, — вот он и остался классиком.)

На смену историографии романтической пришла историография позитивистская. Трудно удержаться, чтобы не привести темпераментную оценку, данную Бенедетто Кроче недаровитой исторической мысли позитивистов:

«В лицо именно таким поверхностным, неумным, приблизительным, фантастическим историям романтизм, сознающий, на какую высоту он поднял изучение человеческой жизни в ее развитии, мог бы бросить слова Бонапарта, сказанные 18 брюмера: “Что вы сделали с той блестящей Историей, которую я вам оставил? Это и есть ваши новые методы, сулившие решение всех проблем, которые мне разрешить не удалось? Я не вижу вокруг ничего, кроме ошибок и убожества”»⁴⁹.

Однако во второй половине XIX в. к позитивистскому направлению в историографии принадлежало уже большинство наиболее известных историков. Становление социальных наук и дифференциация истории как автономной формы научного знания привели к тому, что магистральным направлением знания о прошлом становится историческая наука, которая не нуждается в романтических предшественниках. И в ней появляются совсем другие классики.

⁴⁹ Кроче, 1998 [1917], с. 180.

«Немецкое счастье» Иоганна Густава Дройзена

... Великие свершения наук о духе практически не устаревают. Современный читатель легко абстрагируется от того обстоятельства, что историк, живший сто лет назад, располагал меньшей суммой знаний и потому в частности выносил ошибочные суждения. Что же касается целого, то он охотнее читает Дройзена или Моммзена, чем самое свежее изложение тех же фактов, вышедшее из-под пера современного историка.

Ханс-Георг Гадамер. Истина и метод: основы философской герменевтики, 1960

Процесс присвоения статуса «классика», рассмотренный нами теоретически в нескольких предшествующих главах, достаточно сложен и непредсказуем. Мы уже говорили о том, сколь многим критериям должна соответствовать работа, чтобы у нее мог появиться шанс стать классической, и как велика роль социальных факторов в том, чтобы этот шанс реализовался. В данной главе мы обращаемся к конкретному ученому — великому немецкому историку Иоганну Густаву Дройзену, а точнее — анализируем статус его научного наследия, созданного примерно 150 лет назад. Одним из главных качеств историка Дройзен считал «вопрошающий ум». В его собственных работах это свойство проявилось с необычайной силой. Возможно, благодаря этому Дройзен, в отличие от многих выдающихся историков прошлого, присутствует в современной исторической мысли, а не в сколь угодно почетном историографическом Пантеоне. К тому же, хотя «путь в классики» всегда индивидуален, феномен классичности Дройзена особенно сложен в связи с небывалым разнообразием научных интересов этого автора. Наряду с изучением античной и национальной истории он много лет отдал разработке теоретического курса «о природе и задаче, методе и компетенции» исторической науки¹, заложив основы современной теории исторического знания.

¹ Дройзен, 2004 [1858], с. 452. Далее: Дройзен. Очерк...

Иоганн Густав Бернхард Дройзен родился в Трептове (Померания) в 1808 г. Его отец Иоганн Кристоф Дройзен, который был лютеранским пастором, умер, когда Иоганну было восемь лет. Его мать осталась одна с пятью детьми и была вынуждена зарабатывать на жизнь шитьем. Лишь благодаря финансовой помощи со стороны друзей отца Дройзен смог закончить гимназию в Штеттине.

В 1826 г. Дройзен поступил в Берлинский (ныне — Гумбольдтовский) университет, основанный Вильгельмом фон Гумбольдтом в 1810 г., где слушал лекции многих выдающихся ученых и философов того времени, в частности, известного специалиста по античной филологии Августа Бёка (Philipp August Böckh, 1785–1867) и Георга Гегеля. Как отмечают многие биографы Дройзена, от Бёка он перенял интерес к античности и к проблемам методологии гуманитарного знания, а от Гегеля и его «Лекций по философии истории» унаследовал интерес к процессу исторического развития и приверженность идее смены исторических эпох.

После окончания университета Дройзен в 1829–1840 гг. работал учителем в одной из берлинских гимназий, а параллельно преподавал в Берлинском университете (который с 1828 г. носил имя Фридриха Вильгельма) — сначала в качестве лектора, с 1833 г. — приват-доцента, с 1835 г. — в должности экстраординарного профессора. В 1840–1847 гг. Дройзен работает профессором в Кильском университете. В 1848 г. он был избран членом Франкфуртского парламента, но уже в 1849 г. уходит из политики и в 1851 г. возвращается к преподавательской деятельности, на этот раз в Йенском университете. В 1859 г. переходит в свой родной Берлинский университет, где работает до своей смерти в 1884 г.

На протяжении своей жизни Дройзен пытался реализовать три крупных научных проекта, связанных с историей античности, политической историей Германии Нового времени и с методологией исторической науки. Попробуем посмотреть, как сложилась научная судьба каждого из этих проектов и в какой области и в какой мере этот безусловно выдающийся историк может считаться классиком и почему.

I. ТРИ ПРОЕКТА

а) *История античности*

Первый проект Дройзена с разной степенью интенсивности длился практически всю его сознательную жизнь — со времени учебы в Берлинском университете и до последних дней. И его первая статья «О греческих записях на пяти египетских папирусах в Берлине» (1829), и последняя, написанная им буквально перед смертью работа по нумизматике, были посвящены античности. На протяжении всей своей преподавательской карьеры (в Берлинском, Кильском, Йенском и снова в Берлинском университетах) он читал в том числе и лекции по древней истории.

По сути, Дройзена в античной истории занимали две большие темы — классическая (аттическая) Греция и «послеклассическая» эпоха. В обоих случаях ключевой проблемой для него была взаимосвязь политики и культуры, но применительно к классическому периоду он шел от культуры к политике, применительно к «послеклассическому» — планировал двигаться от политики к культуре.

Штудии классического периода Дройзен начал как филолог с переводов Эсхила (1832) и Аристофана (3 т., 1835–1838), которые были высоко оценены современниками. Но практически одновременно он пишет статью «Des Aristophanes Vögel und die Hermokopiden» (опубликованную в 2-х частях в «Rheinisches Museum» в 1835–1836 гг.), которая по сей день остается отправной точкой для любого исследователя, пишущего о процессе гермакопидов (осквернителей герм) в 415 г. до н.э.² В 1841–1844 гг. Дройзен публикует работы, посвященные политической интерпретации эсхилиевского «Персея», в 1847 г. — статью «Die attische Communalverfassung» (о роли Солона и Клисфена в развитии греческой политической системы).

Но конечно, в историографию античности Дройзен вошел прежде всего как автор «Истории эллинизма». Уже во время учебы в университете он заинтересовался проблемой перехода от греческого язычества к христианству и соответствующей эпохой (последние века до нашей эры). В 1831 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «De Lagidarum regno Ptolemaeo VI Philometore rege» (которая в традициях того времени была на-

² См., например: *Никитюк*, 1999.

писана на латыни). В 1833 г. Дройзен публикует «Историю Александра Великого», в 1836 г. — ее непосредственное продолжение, «Историю диадохов». Эта вторая книга уже была обозначена на титуле как 1-й том «Истории эллинизма». Но по сути концепция «эллинизма» была сформулирована Дройзеном только в третьей книге — «Истории эпигонов» (2-й том «Истории эллинизма» в первом издании), которая увидела свет в 1843 г.

В 1877–1878 гг., спустя 30 с лишним лет, Дройзен опубликовал второе, существенно переработанное издание своей трилогии под общим названием «История эллинизма» (т.е. «История Александра» стала 1-м томом трилогии). Наконец, в 1883–1885 гг. во Франции выходит перевод этой работы, авторизованный и снова переработанный Дройзеном, т.е. фактически 3-е издание «Истории эллинизма», на этот раз на французском языке³.

После выхода 2-го и 3-го (французского) изданий работы Дройзена в последней четверти XIX в. понятие «эллинизм» становится абсолютно общепринятым в качестве обозначения особой эпохи в развитии античности в последние века до нашей эры.

В принципе, термин «эллинизм» использовался немецкими исследователями древней истории по крайней мере с XVII в., но в гораздо более узком смысле. Отталкиваясь от строки из «Деяний апостолов» (6:1), в которой противопоставлялись Ἑλληνιστα... и Ἰουδαῖοι, т.е. иудеи, говорившие на греческом («эллинисты») и на иврите («гебраисты»), слово «эллинизм» использовали сначала для обозначения практики употребления древними иудеями греческого языка, а с конца XVIII в. — как характеристику мышления грекоязычных иудеев⁴. Но Дройзен придал этому термину гораздо более широкое значение: «...Эллинизм есть не что иное, как смешение эллинско-македонских начал с местною, этническою жизнью разных других стран»⁵.

³ Русский перевод «Истории эллинизма» был сделан с наиболее полного французского издания и впервые опубликован в 1890–1893 гг. Эта работа была переиздана в издательстве «Наука» (СПб.) в 1997–1998 гг. и затем еще раз в 2002 г. (Дройзен, 2002 [1883–1885/1833–1843]; далее: Дройзен. История эллинизма). Кроме того, на русском имеются адаптированные или сокращенные переводы этой работы, публиковавшиеся другими издательствами.

⁴ Motigliano, 1970, p. 142.

⁵ Дройзен. История эллинизма, т. III, с. 264. Цитаты из русских переводов работ Дройзена даются с незначительной стилистической правкой.

Иными словами, под эллинизмом он понимал феномен смешения греческой культуры с культурами народов, населявших Средиземноморье и Ближний Восток, который был обусловлен распространением политического господства эллинов (греков и македонян) на восточные страны⁶. Соответственно он ввел понятие «эпоха эллинизма», назвав так трехсотлетний период существования этого феномена (с конца IV до конца I в. до н.э.)⁷.

Сразу следует сказать, что задуманный Дройзеном проект исследования взаимодействия политики и культуры в античном мире в течение трех веков, предшествовавших возникновению христианства (и приведший, по его мнению, к появлению последнего), не был им реализован. Дройзен написал только политическую составляющую этой истории, и то довел ее лишь до 221 г. до н.э., т.е. остановился перед Второй Пунической войной, которая знаменовала начало процесса возвышения Рима. Что касается истории культуры, равно как и взаимодействия культуры с политикой, то по этому поводу он сделал лишь несколько концептуальных замечаний в последнем из написанных им томов «Истории эллинизма»⁸, намереваясь развить эту тему в будущем.

Но этим планам не суждено было сбыться. Формальной причиной, которую называл сам Дройзен, стал его переход в Кильский университет, где он переключился на занятия политической историей Германии. Но, по мнению известного специалиста по античной историографии Арнальдо Момильяно, существовала и содержательная причина, по которой Дройзен не стал писать продолжение «Истории эллинизма», а именно ставшая очевидной для него необходимость осмысления роли иудаизма в развитии раннего христианства, а этой темой, по ряду обстоятельств, он заниматься не хотел⁹.

Среди специалистов по историографии широко распространено мнение, что первая книга Дройзена — «История Александра» — была инспирирована его надеждами на создание мощной

⁶ Анализ взглядов Дройзена на философию истории (исторического процесса) в связи с его концепцией эллинизма см. в: *Rüsen*, 1969.

⁷ Как это часто бывает, эллинизм как эпоха в развитии культуры датируется тем не менее политическими событиями — от смерти Александра Македонского в 323 г. до н. э. до смерти Клеопатры в 30 г. до н. э.

⁸ См. особ.: *Дройзен*. История эллинизма, т. III, с. 7–19, 139–140, 257–266.

⁹ *Momigliano*, 1970, p. 150–151.

объединенной Германии во главе с Пруссией¹⁰. Отсюда элементы юношеского восхищения и даже преклонения перед Александром как политиком, сумевшим сделать маленькую Македонию центром мировой империи. Это было особенно отчетливо видно во введении к первому изданию 1833 г., причем, в отличие от самой книги, данное введение (которое не публиковалось им в последующих изданиях) было написано в выпяченном романтическом стиле:

«Немногие люди и немногие народы получают право на более высокую судьбу, чем просто существование, на большее бессмертие, чем временное прозябание, чем ничтожность обычной человеческой души. Призваны бывают все, но только тем, которых история избирает творцами своих побед, орудиями своих помыслов, дает она бессмертие истинной славы и назначение в сумерках вечного становления сиять, подобно одиноким звездам. Тот, чья жизнь устремляется ввысь над пустым прозябанием данного момента, тому отказано в мирном существовании и наслаждении настоящим, и на нем почитет судьба будущего...»¹¹

Но уже в вышедшей спустя три года «Истории диадохов» Дройзен дает жесткую и трезвую оценку наследию Александра:

«Главный политический вопрос эпохи диадохов относительно того, может ли быть сохранено единство монархии Александра, теперь... сходит со сцены; полная невозможность соединить политически в одно царство, в одну всемирную монархию народы Востока и Запада, наконец, доказана, и критика того, что желал и пытался создать Александр, доведена до конца. Остается несокрушимым и постоянно распространяется все более глубокими волнами только то, в чем он, дерзая и созидая с безграничным идеализмом, видел [лишь] средство для поддержки своего созидания, — слияние греческой культуры с культурой народов Азии, создание новой, соединяющей в себе восточные и западные элементы цивилизации и объединение исторического мира в эллинистической образованности»¹².

Как автор концепции самостоятельной исторической эпохи — «эллинизма» — Дройзен навсегда вошел в историю историогра-

¹⁰ Например, как отмечал Бенедетто Кроче, в работах по античной истории «Дройзен облакает свою тягу к сильному централизованному государству в форму истории Македонии — своего рода древнегреческой Пруссии» (Кроче, 1998 [1917], с. 23).

¹¹ Цит. по: Крист, 2002 [1972], с. VII–VIII.

¹² Дройзен. История эллинизма, т. II, с. 312.

фии, и его имя стоит в одном ряду с «изобретателем» «Средних веков» Христофором Келлером (Целлариусом) и создателями концепции «Ренессанс» Жюлем Мишле и Якобом Буркхардтом. Но сама «История эллинизма», в силу своей незавершенности, осталась хотя и важной, но лишь одной из работ по политической истории Средиземноморья и Ближнего Востока периода с середины IV до конца III в. до н.э.

б) Политическая история Германии

Когда в 1836 г. Дройзен стал экстраординарным профессором по кафедре древней истории и классической филологии в Берлинском университете, казалось, что путь его вполне определен, но приглашение в Кильский университет в 1840 г. радикально изменило его профессиональную ориентацию, да и жизнь в целом. Однако прежде чем последовать за Дройзеном в Кильский, Йенский и вновь в Берлинский университеты, зададимся более общим вопросом: *что значило быть признанным историком в середине XIX в. и в какой мере Дройзен соответствовал «идеальному типу» историка своего времени?*

На середину XIX в. приходится пик популярности исторической литературы и исторической профессии. Именно в этом веке, как никогда прежде или впоследствии, историков любила, читала и слушала публика. И не только слушала, но и прислушивалась к их мнению. Характеризуя исключительное положение представителей своей профессии в этот период, французский историк Анри-Ирене Марру писал:

«Историк стал королем, вся культура подчинялась его декретам: история решала, как следует читать “Илиаду”; история решала, что нация определила в качестве своих исторических границ, своих наследственных врагов и традиционной миссии... Под объединенным влиянием идеализма и позитивизма идея прогресса была навязана в качестве фундаментальной категории... Владеющий секретами прошлого историк, как генеалог, обеспечивал человечество доказательствами знатности его происхождения и прослеживал триумфальный ход его эволюции. Только история могла дать основания для доказательства осуществимости утопии, показывая, что она... укоренена в прошлом»¹³.

¹³ Marrou, 1954, p. 11.

Преуспевающий историк нередко сочетал увлечение классической древностью с активным участием в создании национального прошлого, интерес к политической истории — с политической ангажированностью, публичность — с «ученостью». В XIX в. история была поставлена на службу государству, и многие известные историки занимали высшие государственные должности. В Англии ведущие представители исторического цеха [Арчибальд Алисон, Генри Холлэм (Галлам), Томас Маколей] активно влияли на политическую жизнь, конструируя прошлое, основанное на концепциях «вигов» и «тори». Еще более показателен пример Франции середины XIX в., где два популярнейших историка, Луи-Адольф Тьер и Франсуа Гизо, возглавляли соперничающие политические партии, а затем их «сбросили» другие историки — Луи Блан, Алексис де Токвиль и Наполеон III¹⁴. В Германии в это время концепцию национальной истории создавала малогерманская школа, крупнейшие представители которой были видными политиками (Георг фон Зибель, Генрих фон Трейчке).

Не избежал увлечения политикой и Иоганн Дройзен. Уже с начала 1840-х годов новой и главной сферой его интересов становится политическая история Нового времени. Лекции по эпохе освободительных войн, прочитанные в 1842–1843 гг. и опубликованные в 1846 (*Vorlesungen über die Freiheitskriege. 2 Bde. Kiel, 1846*), последовательно развивают идеи свободы и национальной независимости. Основными главами эпопеи освобождения в интерпретации Дройзена становятся Американская и Французская революции, а также борьба Пруссии против Наполеона.

С 1844 г. Дройзен, продолжая преподавать в Киле, начинает заниматься и практической политической деятельностью, принимая активное участие в антидатском национально-освободительном движении в Шлезвиге и Гольштейне. А в 1848 г. он избирается членом Франкфуртского парламента и увольняется из университета, но уже в 1849 г. уходит из политики и возвращается к академической работе, хотя и тесно связанной с политическими проблемами.

В 1850 г. совместно со своим бывшим студентом, юристом Карлом Самвером, Дройзен публикует работу по истории отношений Дании с Шлезвиг-Гольштейном (*Die Herzogthümer*

¹⁴ Зелдин, 1993 [1976], с. 157.

Schleswig-Holstein und das Königreich Dänemark: Aktenmässige Geschichte der dänischen Politik seit dem Jahre 1806. Hamburg, 1850). В 1851 г. он издает политическую биографию прусского фельдмаршала графа Йорка Вартенбургского (Das Leben des Feldmarschalls Grafen Yorck von Wartenburg. Berlin, 1851), которая, по мнению специалистов, для своего времени была одним из лучших произведений этого жанра.

В том же 1851 г. Дройзен становится профессором Йенского университета, где продолжает свои исследования, связанные с проблемой объединения Германии. В этом вопросе Дройзен, как представитель малогерманской школы историографии, занимал позицию сторонников «прусского» варианта. Эта позиция была особенно четко выражена в его многотомной «Истории политики Пруссии» (Geschichte der preussischen Politik), которую он писал в течение 30 лет и успел довести до 1776 г. (первый том вышел в 1855 г., последний, 14-й том, который он успел написать, вышел в 1886 г., уже после его смерти). И хотя Дройзен уже не искал, как в 1830-е годы, аналогий между объединением Греции Филиппом II и объединением Германии, он считал объединение Германии долгом Пруссии, а свое исследование рассматривал как важное подспорье в решении актуальных политических задач. Как отмечает Йорн Рюзен,

«конструкция Дройзена с помощью документов обосновывала единство политики и исторической науки, что было типично для эпохи буржуазных революций в Германии. История служила для него одновременно отправной точкой и для научного исследования, и для политической практики...»¹⁵

Работа над историей Пруссии проявила одну (далее мы покажем, что не единственную) линию идейного, точнее идеологического, разрыва Дройзена с другим выдающимся немецким историком (и с 1859 г. — его коллегой по Берлинскому университету, куда Дройзен переехал из Йены), а именно Леопольдом фон Ранке. Ранке в своих работах стремился к беспристрастности и достигал ее (что неоднократно отмечали его современники — коллеги и читатели). Дройзен, напротив, не скрывал своих политических целей и был щедр на моральные оценки. Его отношение к позиции Ранке передает избыточно резкий тон пассажа в одном из личных писем, написанных в середине 1850-х годов:

¹⁵ Rösen, 1968, S. 171.

«Он [Ранке] со всей его трусливой интеллигентностью принадлежит как раз к современному берлинскому сброду; в нем нет и следа нравственной ярости, возвышенности убеждений; и отсюда проистекает то, что, когда кто-либо прочтет его книгу, он чувствует, что стал умнее, но не лучше, и он заканчивает это занятие не с новым благим порывом или с просветленным взглядом и расправленными плечами, а всего лишь с изумлением перед такой массой ума, знания и искусства»¹⁶.

Впрочем, раздраженный тон этого письма не должен вводить в заблуждение — Дройзен очень высоко ценил труды Ранке с профессиональной точки зрения и неоднократно приводил их в пример в качестве образцовых сочинений¹⁷.

«История политики Пруссии», будучи на тот момент одним из высочайших достижений немецкой исторической науки (немногие работы даже немецких историков основывались на таком количестве нового документального материала, правда, почерпнутого почти исключительно в прусских архивах), по разным причинам не была принята ни публикой, ни коллегами по историческому цеху. Публике, и не без оснований, это сочинение Дройзена, в отличие от других, показалось скучным, а историкам — пристрастным даже по критериям того политически ангажированного века¹⁸.

Таким образом, если как создатель концепции эпохи «эллинизма» Дройзен входит во все исторические энциклопедии и исследования по соответствующей тематике, то изучение политики Пруссии не создало ему славы даже при жизни. Такова судьба второго научного проекта Дройзена.

Но нас более всего интересует третий, не завершённый проект Дройзена, получивший название «Историка» [die Historik].

в) Методология истории

«Мы должны искать методы. Ибо для исследования разных проблем требуются разные методы». Этот призыв Дройзена, прозвучавший в 1864 г., в известной мере отмечает начало нового этапа дискуссии об историческом методе.

¹⁶ Цит. по: Крист, 2002 [1972], с. XIV, сн. 34.

¹⁷ См., например: Дройзен, 2004 [1936 посм./1857], с. 144–145. Далее: Дройзен. Энциклопедия...

¹⁸ Gooch, 1928 [1913], p. 140.

Обратим внимание на то, что *история* методологии истории довольно длинна. Истоки ее обнаруживают в античности у Дионисия Галикарнасского и Лукиана из Самосаты. В Новое время становление современных представлений об историческом знании началось в середине XVI в. именно с написания разнообразныхopusов о «методе». Если за предшествующие две тысячи лет о понятии «история» в значении знания было написано несколько десятков абзацев, то теперь за одно столетие — несколько десятков *трактатов*, специально посвященных проблемам методологии истории. Достаточно сказать, что в 1579 г. Иоганн Вольф из Базеля издал собрание работ по методологии истории «Сокровищница исторического искусства», включавшее 18 текстов, из которых 16 были созданы в XVI в. (кроме того, туда были включены работы Дионисия Галикарнасского и Лукиана)¹⁹. Обсуждение проблем методологии истории активно продолжалось вплоть до первых десятилетий XVII в. Формирование представлений об «историческом» было «коллективным предприятием», в котором участвовало множество мыслителей начала Нового времени. Одним из важнейших сочинений в этой области по праву считается трактат Жана Бодена «Метод легкого написания истории» (1566). Весьма существенную (хотя не вполне положительную) роль в формировании представлений об историческом методе сыграл и труд Фрэнсиса Бэкона «О достоинстве и приумножении наук» (1623)²⁰.

Процесс разработки исторического метода, начавшийся во второй половине XVI в., уже в начале следующего столетия фактически прервался, и новая волна интереса к методологическим проблемам возникла лишь во второй половине XIX в. в связи со становлением истории как самостоятельной дисциплины. В этот же период формируются другие общественнонаучные дисциплины — экономика, социология, психология, этнология, которые раньше были в большей или меньшей степени растворены в философии общества. Самоопределение истории в ходе «распада» достаточно единого до той поры знания об обществе, помимо прочего, означало отчетливую специализацию по вре-

¹⁹ Заметим, что это было уже второе издание компендиума, подготовленного Вольфом, — первое было выпущено в 1576 г. и включало 12 трактатов.

²⁰ Подробнее см.: Савельева, Полетаев, 2003–2006, т. 1, с. 42 и далее.

мени. В последней трети XIX в. история в качестве отдельной области научного знания становится знанием о *прошлой* социальной реальности, в то время как другие общественные науки концентрируются преимущественно на анализе *настоящего*. Превращение истории в науку и ее специализация сопровождались рефлексиями по поводу специфических для этой дисциплины правил и конвенций, разделяемых профессиональным сообществом, которые и именуются «научными методами».

В XIX в. история обретает полноценный академический статус и научную организацию: кафедры, факультеты, общества, дипломы. Так, хотя первые самостоятельные кафедры истории были учреждены в Берлинском университете в 1810 г. и в Сорбонне в 1812 г.²¹, в Англии, например, первые кафедры истории появились только в 1860-е годы (в Оксфорде в 1866 г. и в Кембридже в 1869 г.). Аналогичным образом, хотя уже в конце XVIII — первой половине XIX в. во всех европейских странах издавалось множество исторических периодических изданий (только в Германии в 1790 г. их было 131)²², первые *профессиональные* национальные исторические журналы появляются лишь во второй половине XIX в.²³

В отличие от многих своих европейских коллег, немецкие историки уже с начала XIX в. работали в университетах, и это явилось важной предпосылкой ранней сциентизации исторического знания в Германии. Немецкая историческая школа прежде других национальных европейских историографий пришла к «научной» форме репрезентации прошлого. Те немецкие историки, которые работали в русле аналитической, а не романтической историографии, ставили задачу создания «истинной картины» прошлого, неважно, универсальной или локальной. Они очень серьезно относились к историческому труду и профессии

²¹ Если не считать открытую в 1504 г., но просуществовавшую всего несколько лет, кафедру истории в университете Майнца (*Gene*, 2002 [1980]: 42) или основанную Уильямом Кемденом в начале 1620-х годов кафедру истории в Оксфордском университете, которая также перестала существовать после его смерти в 1623 г.

²² *Wittram*, 1952, p. 1.

²³ «Historische Zeitschrift» (1859) в Германии, «Русская старина» (1870) в России, «*Révue historique*» (1876) во Франции, «*Rivista storica italiana*» (1884) в Италии, «*English Historical Review*» (1886) в Англии, «*American Historical Review*» (1895) в США.

историка и вели бесконечные дебаты о специфике и задачах исторической науки. Последнее было подмечено не без сарказма еще Гегелем:

«Англичане и французы знают в общем, как следует писать историю: они более сообразуются с общим и национальным уровнем культуры; у нас же всякий стремится придумать что-нибудь особенное, и, вместо того чтобы писать историю, мы всегда стараемся определить, как следовало бы писать историю»²⁴.

Тем не менее именно немцы создали «школу» исторического исследования, оставили после себя огромный массив опубликованных и проанализированных документов и множество исторических сочинений, если не читаемых, то почитаемых до сих пор.

Стремление следовать научной модели знания позволило немецким историческим школам во второй половине XIX в. занять лидирующие позиции в историческом знании, вписаться в позитивистскую конструкцию и стать «образцом» европейской историографии, которому сознательно следовали иные национальные школы (русская, американская и др.). А установленные немцами критерии научности, связанные с отношением к источнику, радикально изменили характер исторических исследований, став признаком профессиональной культуры любого ученого-историка.

Дройзен безусловно относится к выдающимся представителям немецкой исторической школы, но, в отличие от Ранке и его последователей, он не только реализовывал новую научную методологию на практике, но и активно размышлял об историческом методе. Уже в предисловии ко второму тому «Истории эллинизма», опубликованном в 1843 г. всего в нескольких экземплярах (в остальных экземплярах этого издания присутствовал только первый абзац предисловия с посвящением Юстусу Ольсхаузену²⁵), он говорил о недостатке в исторических штудиях собственно исторической *теории* при избытке историософии. Он писал, что история, именем которой иногда называют

²⁴ Гегель, 1993 [1837 посм.], с. 60.

²⁵ Юстус Ольсхаузен (Justus Olshausen) (1800–1882) — немецкий востоковед и филолог, профессор Кильского университета. В 1852 г. был вынужден покинуть университет за антидатские настроения. В том же году получил должность профессора восточных языков в Кёнигсбергском университете в Пруссии. С 1860 г. — член Прусской Академии наук.

XIX столетие, как наука все еще не находит своей «жизненной точки» и по-прежнему заимствует ее то в философии истории, то в теологии истории, и бог весть где еще.

«Пожалуй нет научной области, столь далекой от того, чтобы быть теоретически обоснованной, знающей свой предел, структурированной, как история; за виртуозностью своей техники и огромным накопленным материалом, за умышленной дерзостью публицистики и легковесным дилетантизмом философии наука, кажется, забывает, чего она лишена... Нам требуется такой как Кант, который бы пересмотрел не исторические материалы, а теоретическое и практическое отношение к истории...»²⁶

Чтобы оценить по достоинству дерзания Дройзена, читатель должен сделать интеллектуальное усилие и перенестись в середину XIX в. В своем лекционном курсе, который он неоднократно читал студентам Берлинского университета с 1857 по 1883 г., Дройзен отвечал на «исторический вопрос» *своей* эпохи. Насколько данные им ответы опередили время, может понять только специалист (историк скорее, чем философ, ибо прорыв был совершен именно в области интерпретации природы исторического знания). Для того чтобы обрисовать диспозицию (основные подходы к трактовке исторического знания и их соотношение) на тот момент, когда Дройзен приступил к чтению курса, лучше всего привести его собственные слова. Нам не известно, чтобы кому-то еще, даже и в последующих поколениях, удалось столь кратко и одновременно исчерпывающе подвести итоги дискуссий об историческом знании, начатых еще в XVIII в. и продолжавшихся при Дройзене.

В речи, произнесенной при вступлении в Берлинскую Академию наук в 1868 г., он отметил, что с древних времен над историей «тяготеет предвзятое мнение, что она представляет собой занятие, лишенное метода (ἀμέθοδος ὕλη), равно как и господствующее в классической античности представление, что она относится к области риторики». Это представление, по его словам, вновь возродилось в тезисе, что история является одновременно и наукой, и искусством²⁷ (сколько еще раз впоследствии воспроизведется этот тезис!).

²⁶ Дройзен, 2004 [1843], с. 516. Далее: Дройзен. Теология истории.

²⁷ Дройзен, 2004 [1868], с. 576. Далее: Дройзен. Речь...

В то же время Дройзен выступал против сведения истории к эмпирической работе, призванной лишь поставлять материал для философов:

«Достославная гёттингенская историческая школа²⁸ прошлого столетия, хотя и не первая, попыталась сделать систематический обзор области истории и развить ее научный метод, и с ее стороны не было недостатка в наименованиях и изобретательных различениях. Например, в наш обиход вошли от нее такие рубрики и дистинкции, как всемирная история, всеобщая история, история человечества, исторические элементарные и вспомогательные науки. Однако метод, которому она учила, был лишь техникой исторической работы; и воспринятое ею выражение Вольтера “философия истории” было как бы приглашением, адресованным философии»²⁹.

Наконец, Дройзен вступал в открытую полемику с тогдашней «философией истории». Он говорил (это существенно с точки зрения современных дискуссий о характере исторического знания), что если бы философы взяли на себя только обоснование исторического процесса *познания* (курсив наш. — И. С., А. П.), то это «в высшей степени заслуживало бы благодарности». Но философы занялись и созданием субстанциальной философии истории, разработкой концепций исторического *процесса*, что привело к довольно плачевным последствиям для исторической науки.

«В одной системе... был сконструирован общий исторический труд всего рода человеческого как самодвижущаяся идея. В другой же системе учили об этом самом общем труде человечества, что “всемирная история, собственно говоря, есть только случайная конфигурация и не имеет метафизического значения”. С третьей стороны, требовали в качестве научной легитимизации нашей науки, обозначая как ее задачу, нахождение законов, по которым движется и изменяется историческая жизнь. Ей рекомендовали заимствовать норму из географических факторов и “первозданной естественности”; в связи с так называемой “позитивной философией” была

²⁸ Основатель гёттингенской исторической школы XVIII в. — Август Людвиг фон Шлёцер (August Ludwig von Schlözer, 1735–1809). С 1765 г. — ординарный профессор истории Петербургской Академии наук, с 1769 г. — профессор Гёттингенского университета. Его историографическая концепция изложена в работе «Понятие всеобщей истории» (Vorstellung Seiner Universal-Historie. 2 Bde. Göttingen, 1772–1773).

²⁹ Дройзен. Речь..., с. 577.

сделана весьма привлекательная попытка “возвести” историю, как заявляли, “в ранг науки”»³⁰.

Имена Георга Гегеля, Огюста Конта, Генри Бакля (Бокля) и других известных архитекторов философии истории легко прочтываются в резюме Дройзена, равно как и его отношение к подобным взглядам на прошлое и научное знание о нем.

Результаты исследовательской деятельности самого Дройзена в области теории истории по содержанию и последствиям следует интерпретировать уже в контексте того этапа в развитии исторической науки, который в целом может быть охарактеризован как господство позитивистской историографии. Облик исторической науки второй половины XIX-го, а во многом и первой половины XX в., очень заметно изменился под влиянием позитивистского подхода, представители которого, с одной стороны, много сил приложили к отделению истории от философии, но с другой — передоверили задачи исторического анализа социальным наукам, сделав уделом историка сбор эмпирического материала.

Понятно, что подобные усилия не реализовались полностью, и были историки, которые вели борьбу за суверенность своей дисциплины в противовес контовско-спенсеровскому «натурализму», стремившемуся превратить историю в придаток социологии с ее «объясняющими законами». Фигура Дройзена — одна из первых и по времени, и по значению в отнюдь не длинном ряду методологов истории. Примечательно, что, будучи безусловно философствующим историком, Дройзен оказался одновременно и одним из первых теоретиков только возникающей исторической науки. Свою задачу он видел в том, чтобы обеспечить методологическую автономию истории как самостоятельной научной дисциплины, сделать исследовательский процесс независимым от религиозной, философской или естественнонаучной картины мира.

«Во все времена спекуляция, как теософская, так и философская, пыталась играть главную роль в областях, принадлежащих истории, и уж тем более в областях природы... Но едва наша наука вышла из-под власти философии и теологии — большая заслуга XVIII в., — как пришли естественные науки, возжелавшие овладеть ею и опекать ее. Точно так же, как полвека назад философия... надменно говорила: лишь философия — наука, а история постольку наука, поскольку умеет быть философичной, — так и теперь естественные науки говорят: наука лишь то, что движется на основании естественнонауч-

³⁰ Там же.

ного метода, и к ним присоединяется так называемая позитивная философия Конта и Литтре...»³¹

Неудовлетворенный в разной мере и по разным основаниям всеми этими подходами, Дройзен видел задачу историков своего времени (и в первую очередь свою собственную задачу) в том, чтобы обобщить имеющиеся в распоряжении историков «методы, объединить их в систему, разработать их теорию и таким образом установить не законы истории, а только законы исторического процесса познания и знания»³² (курсив наш. — И. С., А. П.). Не Бакль возвел историю в ранг науки, а Дройзен.

Значение теоретических работ Дройзена состоит еще и в том, что в данном случае к вопросам методологии обращался именно историк. Для нас это решающий пункт, поскольку у Дройзена речь идет не о поисках общенаучного метода или пусть даже метода всех наук о культуре, как впоследствии будет у Вильгельма Дильтея или Генриха Риккерта, а о попытке определить метод науки-истории.

II. «ИСТОРИКА»

Свою теорию исторической науки Дройзен именовал «историкой» или «наукоучением истории»³³. По словам известного специалиста по историографии Эрнста Брейзаха, теория Дройзена

³¹ Дройзен. Энциклопедия..., с. 59–60.

Эмиль Литтре (Émile Maximilien Paul Littré) (1801–1881) — французский философ-позитивист и филолог, член Французской академии (с 1871 г.). Ученик и последователь Огюста Конта, дополнил его учение о трех стадиях развития человечества понятием четвертой стадии — техники. Вместе с Григорием Николаевичем Вырубовым (1843–1913) основал и издавал журнал «La philosophie positive» (т. 1–26, 1867–1881). В качестве филолога известен как автор «Истории французского языка» (2 т., 1863) и «Словаря французского языка» (4 т., 1863–1872).

³² Дройзен. Очерк..., с. 578.

³³ Здесь и далее, следуя Дройзену, «историкой» мы будем называть его концепцию, сформулированную как в «Энциклопедии и методологии истории», так и в «Очерке историки». Термин «историка» (Historik) заимствован Дройзенем у немецкого историка Георга Готфрида Гервинуса (Georg Gottfried Gervinus, 1805–1871), который обозначал им теоретические представления об истории как реальности и истории как науке (Grundzüge der Historik. Leipzig, 1837). В действительности по своему содержанию он является синонимом термина «методология» (Methodologie, Methodenlehre), которым Гервинус не пользовался, но он уже входил в лексикон историков для обозначения области теоретических проблем. В 1910-е годы русский историк Николай Иванович Кареев использовал термин «историка» в названии одной из своих работ (Кареев, 1913–1917, ч. 1).

«являет собой лучшее и наиболее полное выражение немецкой исторической теории XIX в., которой Ранке никогда не написал, и которая... стала первой линией обороны в борьбе со сторонниками историографии, организованной по подобию естественных наук»³⁴.

Остается только сожалеть, что давно всеми забытая «История политики Пруссии» заняла (и отняла) последние 30 лет жизни великого историка. Примерно столько же лет (с 1857 г.) он читал курс «Энциклопедия и методология истории», названный по образцу курса лекций Августа Бёка «Энциклопедия и методология филологических наук», который Дройзен прослушал в молодости. Писать одновременно два больших исследования ему было просто некогда, и лекции остались неизданными (хотя имеются свидетельства того, что он задумывался об их издании)³⁵. При жизни ученого свет увидела только небольшая брошюра «Очерк истории» (*Grundriss der Historik*), написанная в виде тезисов специально для слушателей курса. Впервые изданная на правах рукописи в 1858 г., она оказалась востребованной и трижды переиздавалась в Германии (в 1862, 1875 и 1882 гг.), а затем была переведена на английский язык и дважды издавалась в США под названием «*Outline of the Principles of History*» (Boston, 1893; 1897).

Эрнст Трельч в 1922 г. писал об этой брошюре, что в ней

«затронуты все новейшие понятия, связанные с логикой истории: понятие исторического времени; понимание в противоположность объяснению; преобразование, но не отражение прошлого в исторических понятиях; идиографический и номотетический метод; иррационализм истории и свободы в противовес рационализму в естественных науках; понятие относительно-исторического и потому относительно закономерного; диалектика; формула историзма»³⁶.

Эрих Ротхакер в 1925 г. включил «Очерк истории» в первый том своей серии «Философия и гуманитарные науки», назвав ее «самым гениальным введением в историческую науку из всех, какие у нас есть»³⁷.

Записями самих лекций по курсу «Энциклопедия и методология истории» долгое время никто не интересовался. Когда внук

³⁴ Breisach, 1983, p. 238.

³⁵ Об истории публикации лекций Дройзена см.: Хюбнер, 2004 [1936].

³⁶ Трельч, 1994 [1922], с. 541, сн. 55.

³⁷ Цит. по: Хюбнер, 2004 [1936], с. 25.

Дройзена историк Рудольф Хюбнер обнаружил, что тетради с записями существуют (к счастью, на 73-м году жизни Дройзен начисто и наново переписал курс), он взялся за подготовку рукописи к печати, и в 1936 г. книга была издана.

Естественно, публикация не может воспроизвести полностью те лекции, которые некогда были прочитаны, — «живое слово и исходящую от него силу воздействия никогда нельзя заменить печатным текстом»³⁸. Тем более что и сам Дройзен в цитирувавшемся выше письме признавался, что добиться «блеска в глазах» слушателей ему более удастся в устной речи и благодаря этому он «смог кое-чего достичь на кафедре: здесь есть нужное мгновение, и ощущаемая тобой реакция слушателей, и рост их возбуждения»³⁹. Однако, по удачному выражению Хюбнера, публикация этих лекций позволяет «довольствоваться заменой того, что само по себе незаменимо»⁴⁰.

Особенностью курса Дройзена по методологии истории является то, что он представляет собой «энциклопедию» еще и в смысле репрезентации поистине безграничных познаний лектора, знатока разных исторических эпох и ареалов, специалиста по экономической истории и истории права, историсофии и филологии, литературе и зодчеству, нумизматике и эпиграфике. Текст вовсе не абстрактен, что порой характерно для теоретических курсов. Он и не выстроен по распространенной модели: тезис — пример; или по принципу: теория — «исторический фон». Дройзен превосходно выдерживает логику теоретического рассуждения, погрузившись при этом во всемирную историю, лавируя в гуще сведений об огромном количестве исторических личностей, фактов, курьезов, документов, исследований.

Здесь, пожалуй, самое время напомнить, что мы имеем дело не с методологическим трактатом, а с лекционным курсом. «Историка» адресовалась студентам, и обратим внимание на то, что профессор Дройзен считал необходимым и возможным читать молодым людям столь теоретически сложный и новаторский курс, требующий к тому же глубокого знания истории. Это делает честь и ему, и его слушателям.

Курс лекций Дройзена начинается своеобразной «декларацией независимости»:

³⁸ Хюбнер, 2004 [1936], с. 32–33.

³⁹ Цит. по: Крист, 2002 [1972], с. XIV, сн. 34.

⁴⁰ Хюбнер, 2004 [1936], с. 33.

«Конечно, мы не будем заимствовать из других наук дефиницию нашей науки и правила ее метода. Ибо мы тем самым подпали бы под их нормы и стали бы зависимы от их методов»⁴¹.

Как мы уже могли заметить по приведенным выше высказываниям, для Дройзена вопрос о методологическом суверенитете истории в самом деле был первостепенным. Сам Дройзен обращал внимание на то, что

«“Историка” не является ни энциклопедией исторических наук, ни философией (или теологией) истории, ни физикой исторического мира и уж тем более — поэтикой историографии. Она должна поставить перед собой задачу быть органом исторического мышления и исследования»⁴².

Итак, метод делает науку наукой, и для поиска исторического метода, по мнению Дройзена, важны три момента: имеющийся в наличии эмпирический материал; способ, при помощи которого мы получаем результаты из этого исторического материала; отношение полученных таким образом результатов к реалиям, объяснить которые мы пытаемся⁴³.

а) «Вопрошающий ум»

«Энциклопедия и методология истории» Дройзена включала следующие разделы: методика, систематика и топика (изложение) истории (в разное время они компоновались по-разному). Методика делилась на эвристику, критику и интерпретацию (исторического материала), отвечая на вопросы: *почему, каким образом, с какой целью*. Систематика определяла область применения исторического метода, отвечая на вопрос: *что может исследовать история*. К топике относился анализ форм исторического изложения (план выражения, как сказал бы современный исследователь). И в каждом из указанных разделов мы обнаруживаем идеи, к которым не применим эпитет «устар».

На самом деле «Энциклопедия и методология истории» полна множеством вопросов. Есть в ней и раздел «Исторический вопрос», в котором рассматривается такая часть ремесла историка,

⁴¹ Дройзен. Энциклопедия..., с.43.

⁴² Дройзен. Очерк..., с. 466.

⁴³ Дройзен. Энциклопедия..., с.61.

как умение правильно задавать вопросы — текстам и вещам. Строго говоря, основную задачу всего курса можно свести к позднейшей формулировке Шарль-Виктора Ланглуа и Шарля Сеньобоса: «Как ставить вопросы в науке, столь отличной от других наук?»⁴⁴.

Во многом чередование вопросов и ответов определяется форматом лекции. Отчасти такая манера связана с новизной и сложностью предмета. Но, кроме того, нам кажется, что объяснение кроется и в природе *ума* самого Дройзена; недаром он утверждал:

«Чем сильнее развит вопрошающий ум, чем богаче содержание, которое вкладывает он в свой вопрос, приступая к новой задаче, тем значительнее вопрос, который он ставит»⁴⁵.

Конечно, как писал Дройзен, «вопрос и поиск, отталкивающийся от него, — это первый шаг исторического исследования»⁴⁶. Лекции позволяют проследить процесс поисков ответов (здесь тоже хорошо видны преимущества устного жанра). Но мы, ввиду собственных жанровых ограничений, сосредоточимся на нескольких важнейших, с нашей точки зрения, ответах (научных результатах).

Представления Дройзена об исторической науке могут быть суммированы в нескольких его тезисах:

«История — не сумма происшествий, не общий ход всех событий, а некоторое знание о происшедшем, т.е. происшедшее, которое знают»⁴⁷.

«Наша наука — не просто история, а *исторiа*, исследование, и с каждым новым исследованием история становится шире и глубже»⁴⁸.

«...Материалом нашего исследования является то, что еще не исчезло из былых времен»⁴⁹.

«Задача истории есть понимание [прошлого] путем исследования»⁵⁰.

Остановимся на некоторых из этих тезисов, которые Дройзен обозначал как «фундаментальные предложения», чуть более подробно.

⁴⁴ Ланглуа, Сеньобос, 2004 [1898], с. 201.

⁴⁵ Дройзен. Энциклопедия..., с. 80.

⁴⁶ Указ. соч., с. 82.

⁴⁷ Дройзен. Очерк..., с. 461.

⁴⁸ Дройзен. Энциклопедия..., с. 63.

⁴⁹ Указ. соч., с. 64.

⁵⁰ Указ. соч., с. 70.

Область научных прозрений Дройзена, с которой хочется начать, ибо она непосредственно касается и объекта, и задач исторической дисциплины, — представление об исторической реальности. Концепция Дройзена исходит из удивительно опережающей свое время интерпретации природы прошлой социальной реальности. В то время как глава немецкой исторической школы Леопольд фон Ранке призывал историков, описывая прошлое, следовать девизу «как это было на самом деле», Дройзен утверждал, что

«результатом критики источников является не “подлинный исторический факт”, а то, что материал подготовлен для получения относительно точного и конкретного *мнения*»⁵¹ (курсив наш. — И. С., А. П.).

Он писал, что фундаментальный принцип исторической науки состоит в том, что сведения о прошлом

«она ищет не в нем самом, а в том, что от него еще имеется в наличии, и тем самым, в какой бы то ни было форме, доступно эмпирическому ощущению. Наша наука целиком основывается на предположении, что на основе таких современных нам материалов мы будем устанавливать не прошлые события, а аргументировать, исправлять и расширять наши представления о них...»⁵²

Такая трактовка результата исторического исследования непосредственно связана с абсолютно актуальным и четко артикулированным представлением о предмете исторической науки. Дройзен полагал, что таковым является не прошлое, а *человеческие действия, совершенные в прошлом* (по терминологии Дройзена, *волевые акты*). Именно эти акты историк должен попытаться вычленил из течения событий.

«...Любой так называемый исторический факт, помимо средств, связей, условий, целей, которые действовали все одновременно, является комплексом волевых актов... которые как таковые минули вместе с тем настоящим, которому они принадлежали, и сохраняются лишь в виде остатков того, что тогда было сформировано или сделано, или проявляют себя во взглядах и воспоминаниях»⁵³.

⁵¹ Дройзен. Очерк..., с.474.

⁵² Дройзен. Энциклопедия..., с. 63.

⁵³ Дройзен. Очерк..., с. 471.

И в другом месте: «Когда мы говорим: “Государство, народ, церковь, искусство и т.д. делают то-то и то-то”, то мы имеем в виду “благодаря волевым актам” [людей]»⁵⁴.

При такой постановке вопроса Дройзен вступал в прямую полемику с позитивистами, полагавшими, что социальная жизнь определяется историческими законами, а поступками людей можно либо пренебречь, либо искать в них лишь проявления этих самых законов.

Дройзен также первым подвел итоги «классического» этапа развития источниковедения. В частности, им была предложена развернутая классификация «источников», т.е. эмпирического материала, используемого в исторических исследованиях. Дройзен, в соответствии с традициями школы Ранке, уделял существенное внимание эмпирическому материалу исторического исследования. Оставляя в стороне его не слишком удачную классификацию⁵⁵, можно констатировать, что подход Дройзена к проблеме источников имел как минимум три примечательных особенности.

Во-первых, Дройзен предложил необычайно широкую трактовку исторических источников, немногим отличающуюся от современной. К историческому материалу он относил не только архивные «деловые документы» (корреспонденции, счета, юридические грамоты и т.д.), но также «изложение мыслей, выводов, духовных процессов всякого рода» (мифы, философские и литературные произведения, а также «исторические труды как продукт своего времени»), сказания и исторические песни, речи в суде и парламенте, публицистические речи и проповеди, воспоминания (мемуары), «произведения искусства всякого рода», надписи, медали, монеты и т.д., «произведения, которым дал форму человек (художественные, технические и т.д.)», вплоть до дорог и общинных лугов; «любые монументальные отметки для памяти вплоть до пограничного камня, титула, герба, имени»; наконец, сохранившиеся в настоящем «правовые институты нравственных общностей» (нравы, обычаи и традиции, законы,

⁵⁴ Указ. соч., с. 488.

⁵⁵ Дройзен подразделял исторический материал на *остатки* — «то, что имеется еще непосредственно в наличии из того настоящего, понимание которого мы ищем»; *источники* — «то, что от них перешло в представления людей и дошло до нас как воспоминание»; *памятники* — «вещи, в которых объединены обе формы» (Дройзен. Очерк..., с. 468).

государственные и церковные установления), и этим список далеко не исчерпывается⁵⁶.

Во-вторых, говоря об источниках, Дройзен постоянно отмечал их отрывочность и фрагментарность, не позволяющую получить полную картину прошлого. Поэтому «мерой достоверности исследования» он полагал четкость в обозначении пробелов и возможных ошибок. А отсюда вытекает необходимость анализировать разные виды источников, в поисках точки пересечения между ними⁵⁷.

Наконец, Дройзен всячески выступал против «фетишизации» источников, настойчиво подчеркивая, что источники — это только материал для изучения, их анализ и критика — лишь подготовительный этап, а самое сложное в работе историка начинается на стадии собственно исследования.

«Добросовестность, не идущая дальше результатов критики [источников], заблуждается, предоставляя дальше работать с ними фантазии, а надобно было бы поискать для дальнейшего исследования правила, которые гарантируют его корректность»⁵⁸.

Еще один фундаментальный принцип Дройзена — «Сущность исторического метода — понимание путем исследования»⁵⁹. «Понимание является синтетическим и одновременно аналитическим, индукцией и дедукцией»⁶⁰ — так тезисно сформулировал Дройзен свое представление о «понимании» в «Очерке истории». Расшифровывая эти тезисы в «Энциклопедии и методологии истории», он пишет:

«Наша задача может заключаться только в том... чтобы попытаться узнать путем исследований имеющихся у нас материалов, чего хотели те люди, которые создавали, действовали, трудились, что волновало их Я, что они хотели высказать в тех или иных выражениях и отпечатках своего бытия. Из материалов, какими бы фрагментарными они ни были, мы пытаемся познать их воления и деяния, условия их желаний и поступков; из отдельных выражений и образований, которые мы еще можем понять, мы пытаемся реконструировать их Я,

⁵⁶ Дройзен. Очерк..., с. 468–469; подробнее см.: Дройзен. Энциклопедия..., с. 84–145.

⁵⁷ Дройзен. Энциклопедия..., с. 224.

⁵⁸ Дройзен. Очерк..., с. 474.

⁵⁹ Дройзен. Энциклопедия..., с. 65.

⁶⁰ Дройзен. Очерк..., с. 463, 464.

или, в том случае, если они действовали и созидали сообща, постичь это общее... частицей и выражением которого они являются»⁶¹.

Заметим, что это было сказано за полвека до того, как Макс Вебер сформулировал свою концепцию «понимающей социологии»! При этом следует обратить внимание на слово «пытаться», которое не случайно встречается в процитированном абзаце три раза. Дройзен прекрасно осознавал ограниченные возможности и пределы нашего понимания людей прошлого, их мыслей и чувств.

«Необходимо длительное и трудное опосредование, чтобы вникнуть в чуждое, ставшее для нас непонятным, чтобы восстановить представления и мысли, которыми люди руководствовались сто, тысячу лет назад, совершая те или иные поступки, по-своему их воспринимая; необходимо как бы понять язык, на котором говорят странные для нас теперь события и социальные отношения»⁶².

Конечно, сам термин «понимание» ныне выглядит немного архаично и в значительной мере уже ушел из современного научного лексикона, но в то время, акцентируя роль «понимания», Дройзен противостоял как естественно-научным методологическим дискуссиям об «описании и объяснении», так и представлениям романтиков о возможности вчувствования, проникновения в мысли людей прошлого. (Как легко заметить, и естественно-научные, и романтические представления об историческом знании не изжиты полностью по сей день.) Дройзен считал, что сознание человека, рождение мысли скрыто от самого проникательного исследователя, который всегда имеет дело с действиями, будь то поступок или запечатленное слово. «Хотя человек и понимает человека, — разъяснял Дройзен, — но лишь периферийно; он воспринимает поступок, речь, мимику другого (т.е. действия. — И. С., А. П.), но не может доказать, что он правильно понял его, совершенно понял»⁶³.

Естественно, читая лекции, Дройзен много импровизировал. «Энциклопедия...» завершается отрывком из конспекта Фридриха Мейнеке, слушавшего курс в зимний семестр 1882/83 г. Это единственная вставка фрагмента из конспекта в оригиналь-

⁶¹ Дройзен. Энциклопедия..., с. 71.

⁶² Указ. соч., с. 144.

⁶³ Дройзен. Очерк..., с. 477.

ный текст, сделанная Хюбнером по совету Мейнеке, который ранее этими же словами заключил свою работу о Дройзене:

«Два момента нашего обзора обозначаются особенно ясно. Во-первых, мы, в отличие от естественных наук, не имеем в арсенале наших средств эксперимента, мы можем только исследовать, и ничего иного. Во-вторых, в результате даже самого основательного исследования можно получить только фрагмент, отблеск прошлого; история и наше знание о ней отличны, как небо и земля... Это могло бы привести нас в уныние, если бы не одно обстоятельство: развитие *идеи* в истории мы все-таки можем проследить, даже имея фрагментарный материал. Таким образом, мы получаем не образ происшедшего самого по себе, а образ нашего восприятия и мысленной его переработки. Это наш суррогат.

Получить его не так легко, и изучение истории не столь от- радно, как это кажется на первый взгляд»⁶⁴.

б) *«Возведение истории в ранг науки»*

Читая теоретические работы Дройзена, поражаешься тому, насколько основные темы «историкки» соответствуют содержанию теоретических поисков нашей науки на протяжении всего XX столетия. Конечно, оставляя за кадром «антиквариат» в идейном наследии Дройзена и фокусируя взгляд на актуальных положениях его труда, мы получаем (и предлагаем читателю) не «настоящего» Дройзена, а «избранные» рассуждения, извлеченные из целостного текста. Порой их принадлежность к XIX в. выдает только форма изложения, но в тексте лекций обнаруживается и достаточно много представлений и идей, которые сегодня выглядят архаичными. Родившись в начале XIX в. и дожив почти до его конца, Дройзен в своих исследованиях вполне отражал «дух эпохи», ее основные философские и религиозные искания, равно как и историографические «повороты». Мы же преследовали цель вычлнить из достаточно пространного и неоднородного текста мысли, созвучные современному взгляду на природу исторического знания.

Идеи Дройзена, предлагающие расширительное толкование исторических источников и их классификацию, получили раз-

⁶⁴ Дройзен. Энциклопедия..., с. 446. См.: Meinecke, 1929, S. 287.

витие уже в конце XIX в. в работах Эрнста Бернгейма и Шарль-Виктора Ланглуа и Шарля Сеньобоса⁶⁵, и, по существу, именно этот подход лежит в основе современного источниковедения.

В рамках разделения исторических материалов на «источники», «остатки» и «памятники» Дройзен (и вслед за ним Бернгеймом) были намечены первые подходы к проблеме прошлого как *Другого* и дистинкции разных типов «прошлого» (в современном научном дискурсе различие прошлого и настоящего тесно связано с понятием *Другого*). Уже в середине *позапрошло* (sic!) века Дройзен писал:

«Данным для исторического опыта и исследования являются не прошлые времена — они минули, — а непреходящее, то, что от них осталось в данный момент, то есть Здесь и Теперь... Не бывшие времена проясняются, а то, что от них осталось в настоящем. Эти пробужденные ото сна отблески суть идеальное прошлое, мыслимая картина былых времен»⁶⁶.

(Заметим, что и в наши дни отдельные историки все еще пребывают в уверенности, что история изучает *прошлое*.)

Проблема многоярусного присутствия прошлого в настоящем была на концептуальном уровне осмыслена лишь спустя сто лет социологом Эдвардом Шилзом. Вслед за Шилзом известный английский специалист в области истории политической мысли Майкл Оукшот выдвинул идею о наличии трех «прошлых», которые он именовал «практическим», «зафиксированным» и сконструированным в человеческом сознании⁶⁷.

Не менее современны и некоторые принципиальные высказывания Дройзена, содержащиеся в разделе «Толика», которые касаются проблематики истории в значении текста, и в частности риторики исторического исследования.

«Формы изложения определяются не по аналогии эпоса, лирики, драмы (Гервинус), не по различию “определенных во времени и пространстве действий свободного человека в государстве” (Ваксмут), не по случайным всевозможным хроникам, достопримечательностям, картинкам из старины, историям (quibus rebus agendis

⁶⁵ См.: Бернгейм, 1908 [1889]; Ланглуа, Сеньобос, 2004 [1898].

⁶⁶ Дройзен. Очерк..., с. 462.

⁶⁷ Shils, 1981; Oakeshott, 1999 [1983]. О проблеме прошлого в истории см. также: Савельева, Полетаев, 2003–2006, т. 1, гл. 4.

inter fuerit is qui narret, Авл Геллий), а двойственной природой исследуемого»⁶⁸.

Двойственность же исторического исследования состоит в том, что представление о происшествиях и порядках былых времен, которое можно получить исходя из настоящего и из некоторых наличествующих в нем элементов прошлого, одновременно ведет к обогащению и углублению понимания настоящего путем прояснения былых времен и объяснению прошлых времен путем открытия и развертывания того, что из них имеется в настоящем. При этом, как уточнял Дройзен,

«каким бы плодотворным ни было исследование, полученные им представления далеко не совпадают с многообразием содержания, движения, реальной энергии, которыми обладали вещи, когда они были настоящим»⁶⁹.

Поднятая Дройзеном тема понимания позднее возникла в работах Вильгельма Дильтея и баденских неокантианцев Вильгельма Виндельбанда и Генриха Риккерта⁷⁰. В качестве обобщающего признака общественных наук они начали использовать термин «понимание», которое и противопоставлялось ими естественно-научному «объяснению». Эти идеи получили широкую известность в конце XIX — начале XX в. Во многих работах они воспроизводились буквально или с небольшими вариациями. В частности, к числу последователей неокантианцев можно отнести и ряд российских философов истории начала века⁷¹.

⁶⁸ Дройзен. Очерк..., с. 494.

Вильгельм Ваксмут (Ernst Wilhelm Gottlieb Wachsmuth) (1784–1866), немецкий историк, с 1820 г. — профессор Кильского университета, с 1825 г. — профессор Лейпцигского университета. Его работа «Эскиз теории истории» (Entwurf einer Theorie der Geschichte. Halle, 1820), так же как и упомянутое выше сочинение Гервинуса, оказала большое влияние на методологические поиски Дройзена.

⁶⁹ Дройзен. Очерк..., с. 494–495.

⁷⁰ При этом указанные авторы совершенно по-разному концептуализировали понятие «понимание» и, строго говоря, вкладывали в него абсолютно разный смысл. В частности, Дильтей и Риккерт принципиально по-разному определяли объект общественнознания («науки о духе» и «науки о культуре») и использовали разные немецкие слова для обозначения «понимания» (соответственно *Verstehen* и *Auffassung*).

⁷¹ См.: Хвостов, 2006 [1909]; Лаппо-Данилевский, 2006 [1911–1913]; Кареев, 1913–1917.

Позднее Макс Вебер четко показал, что понимание и объяснение неразрывно связаны в общественных науках (в частности в социологии и истории). Именно поэтому Вебер ввел понятие «объясняющего понимания»⁷², которое позволяет ликвидировать это искусственное противопоставление. В самом деле, даже на уровне обыденной семантики вряд ли можно дать объяснение тому, что ты не понимаешь, точно так же как понимание (прежде всего человеческих действий) достигается прежде всего через их объяснение. Тем не менее противопоставление «понимания» и «объяснения» до сих пор продолжает время от времени всплывать в методологических дискуссиях, в том числе и по поводу исторического знания.

В соответствии с правилами эпохи и собственной ярко выраженной гражданской позицией Дройзен немало сказал и о функциях истории. В исторической науке второй половины XX века вплоть до недавнего времени теоретические основания этой проблемы почти не обсуждались. Отчасти, по нашему мнению, потому, что функции, издавна приписываемые истории, в какой-то мере обнаружили свою неэффективность. Однако в последние десятилетия, и особенно в странах, озабоченных поисками национальной идентичности и даже «национальной идеи», проблема социальных функций истории приобрела не только идеологическое, но и научное измерение⁷³. В этой связи вполне современно звучат слова Дройзена, что «практическое значение исторических исследований заключается в том, что они — и только они — дают государству, народу, армии и т.д. образ самого себя»⁷⁴, то есть, говоря языком социологии, способствуют формированию национальной идентичности. Эти слова, кстати, произнесены в финале такого сугубо методологического произведения, как «Очерк истории».

В связи с темой социальных функций истории упомянем и о возникшей на исходе XX века новой волне озабоченности общества состоянием массового исторического образования (первая волна пришлась как раз на время Дройзена). Если в XIX в., в период формирования общеобразовательной школы, ставился вопрос о создании «правильных» программ по истории,

⁷² Вебер, 2002 [1921 посм.], с. 78.

⁷³ Подробнее см.: Савельева, Полетаев, 2003–2006, т. 1, гл. 8.

⁷⁴ Дройзен. Очерк..., с. 499.

так как «изучение истории есть основа *политического* (курсив наш. — И. С., А. П.) воспитания и образования»⁷⁵, то сегодня общественность самых разных стран требует привести содержание программ по истории в соответствие с политическими реалиями и повысить качество исторических знаний населения. Те историки, которых сегодня волнует состояние массовых исторических представлений, во многом следуют Дройзену, который четко разделял познавательные и социальные функции истории и определял «значение истории в деле образования» в том числе и такими словами:

«У любого настоящего существует потребность заново реконструировать историю своего становления, своего прошлого, т.е. понять все то, что есть и стало таковым, осмыслить в свете добытого *нового знания* (курсив наш. — И. С., А. П.) как бы с более высокой точки, окидывая взором всё бóльшие пространства»⁷⁶.

В связи с призывами некоторых современных исследователей к демократизации процесса производства исторического знания, к созданию истории «людьми с улицы» (и даже крайними утверждениями о превосходстве такого способа историописания) актуальным остается и мнение Дройзена о непроницаемой границе между «популярной» (общедоступной) и научной историей.

«... Многие результаты исторического исследования никак не подходят для того, чтобы их излагали в популярнейшей форме. Один александрийский ученый, когда царь Птолемей VII пожелал выучить математику за короткое время, ответил ему: “К наукам нет царского пути”. Но нет и народного пути к наукам, широкой столбовой дороги для всякого человека из народа. Любая наука по своей природе эзотерична и должна оставаться таковой. Ибо лучшая часть всякого научного познания есть сам труд познания»⁷⁷.

И любителям модного конструкта «историческая память» есть что почерпнуть из размышлений полуторавековой давности о соотношении социальных представлений, укорененных в традиции, и профессионального исторического знания. Очевидно, что Дройзен безошибочно чувствовал разницу между

⁷⁵ Указ. соч., с. 499.

⁷⁶ Дройзен. Энциклопедия..., с. 143.

⁷⁷ Указ. соч., с. 394–395.

знанием, запечатленным в текстах, и памятью, передаваемой в образцах поведения, ритуалах и т.д.

«Любое воспоминание, — говорил Дройзен, — пока оно внешне не зафиксировано (в поэтической речи, в сакральных формулах, в письменной редакции и т.д.), живет и преобразуется вместе с комплексом представлений тех, кто ими руководствуется (например, “традиция” в римской церкви)»⁷⁸.

Перечень актуальных идей Дройзена можно и продолжать, но пора признаться, что мы действуем в рамках историцистского подхода, в соответствии с которым важно обнаружить и зафиксировать все интересные (и даже не очень интересные) идеи или работы (вплоть до неопубликованных рукописей), создававшиеся в прошлом, независимо от того, были ли они известны современникам и оказали ли они влияние на потомков. Поскольку Дройзен при жизни не опубликовал свое основополагающее сочинение по теории исторического знания, его научный приоритет в этой области фактически остался непризнанным. Более того, «Энциклопедии и методологии истории» Иоганна Густава Дройзена не повезло дважды.

Первый раз потому, что она не была издана тогда, когда она была создана (за исключением тезисного «Очерка историки»). Тем самым в развитии теории исторического знания исследование Дройзена не сыграло той основополагающей роли, которую оно могло бы сыграть. Хотя имя Дройзена, как правило, упоминается в ряду основоположников теоретических основ исторической науки второй половины XIX в. и тезисы его были известны и высоко оценены многими ведущими немецкими историками (среди них — Фридрих Мейнеке, Отто Хинце, Эрнст Трёльч, Эрих Ротхакер), при этом обычно читали и соответственно цитировали написанные и опубликованные позднее монографические исследования Бернгейма, Ланглуа и Сеньобоса, а также, когда речь шла об определении характера исторического знания, — Дильтея, Виндельбанда и Риккерта.

Второй раз «Историке» не повезло потому, что когда наконец эти лекции были изданы в Германии, шел 1936 год. Место и время — роковые для произведения, содержащего концепцию исторического значения. Публикация сочинения примерно совпала по времени с появлением теоретических работ Чарлза Бирда,

⁷⁸ Дройзен. Очерк..., с. 469.

Карла Беккера, Мортон Уайта, Фридриха Мейнеке, Марка Блока, Люсьена Февра, Робина Коллингвуда, но ведь написано оно было на 80 лет раньше! Тем не менее, по нашему мнению, публикация могла бы стать заметным явлением в исторической науке и в 1930-е годы, если бы не изоляция нацистской Германии в интеллектуальном пространстве. Впрочем, в середине XX в. речь в любом случае могла идти скорее об оценке места Дройзена в дискуссиях об историческом знании *post factum*. В результате, несмотря на то, что его «Историка» неоднократно переиздавалась после Второй мировой войны, относится к классике исторической мысли и упоминается почти всеми, кто пишет о проблемах методологии истории, сам текст обычно оказывается вне поля зрения современных исследователей⁷⁹. И совершенно незаслуженно. Как бы далеко вперед ни продвинулись за последующие полтора столетия социальные науки, многие идеи Дройзена и по содержанию и по форме оставались актуальными на протяжении всего XX века в контексте дискуссий о характере исторического знания.

⁷⁹ Речь не идет, естественно, об истории науки — трудам Дройзена посвящено множество историографических работ.

ЭПИЛОГ

Модели развития науки и проблема «классики»

— У палки, прямо указывающей направление, есть один недостаток... Какой именно? Ну, дело в том, что другой конец палки всегда указывает в противоположную сторону. Все зависит от того, держите ли вы палку за правильный конец.

*Гилберт Кит Честертон. Ошибка машины //
Мудрость отца Брауна, 1914*

Анализ моделей развития науки показывает, что они по-разному интерпретируют как сам факт существования классики, так и ее функции в формировании запаса научного знания. В данной главе мы попытаемся разобраться, как разные модели развития науки соотносятся с проблемой классики. Для этого понадобится кратко охарактеризовать основные разновидности (или типы) моделей формирования и развития научного знания, разработанные в различных дисциплинах (философии, социологии, экономике, наукометрике). Эти модели базируются на различных методологических принципах и терминологическом аппарате, отражают разное видение процесса развития науки и ее нынешнего и будущего состояния, разные представления о науке как форме знания и социальном институте¹. Большинство подобных моделей ориентировано на естественные науки, и для их применения к социальным и гуманитарным дисциплинам требуются существенные дополнительные разработки, учитывающие специфику этих областей научного знания.

Исследовательская задача, поставленная нами, интересна не только сама по себе. Поскольку классика активно функционирует в общественных науках, статус классики может служить одним из критериев применимости той или иной модели развития науки к обществознанию.

¹ Анализ разных моделей развития науки см. также в: *Mulkey, 1975; Мукулинский, Черняк, 1982; Callon, 1994.*

а) «Классическая» кумулятивная модель

В основе этой, возникшей еще в эпоху античности модели лежит традиционная философская эпистемология, в соответствии с которой процесс аккумуляции знания состоит в добавлении новых неизменных истин к массиву накопленного ранее знания. Истиной/знанием при этом считаются суждения, относящиеся к определенному классу объектов и полученные по определенным правилам². В Новое время область применения этой традиционной концепции развития знания была ограничена в первую очередь появившимся в этот период естествознанием (ограничение по предмету), а в качестве критериев истинности были введены эмпирицизм и рационализм — открытие фактов и их теоретическое обобщение (ограничение по методу).

Поскольку в «классической» кумулятивной модели учитывается вклад в существующий запас знания всех, кто когда-либо участвовал в этом процессе, роль классиков в ней была необычайно велика. Хорошо известна метафора Бернара Шартрского (XII в.), сравнившего себя и своих современников с карликами, стоящими «на плечах гигантов», и весьма характерно, что спустя пять столетий именно эта метафора была использована одним из основоположников науки Нового времени — Исааком Ньютоном³. Но само знание («корпус знания») представлялось скорее как башня из камней, каждый из которых важен для существования целого. Значимость вклада определялась, во-первых, «размерами камня», во-вторых — его местоположением: камни, лежащие в основании, были важнее верхних, так как на первых покоилось все здание.

б) (Нео)позитивистские кумулятивные модели

Лишь в XIX в. под влиянием идей прогресса, позитивистских установок и дарвиновской эволюционной теории традиционная кумулятивная концепция накопления знания претерпевает существенные изменения. В явном виде новая модель развития науки впервые была сформулирована уже в конце XIX — начале XX в. в работах французского философа и историка науки Пьера Дюэма (1861–1916), но законченный вид она получила в середине XX в.

² См.: Савельева, Полетаев, 2003–2006, т. 1, с. 117–120.

³ Подробнее см.: Merton, 1965.

Эта неопозитивистская модель состоит из двух относительно самостоятельных частей — эпистемологической и институциональной⁴. Эпистемологическую составляющую, которую разрабатывали прежде всего Карл Поппер и Имре Лакатос⁵, Стивен Фукс характеризует следующим образом:

«Ортодоксальная эпистемология связывает изменения в науке с когнитивными и внутренними факторами. Согласно этой модели, [научные] открытия представляют собой отдельные эпизоды прозрения, а не результаты логики исследования. Иначе обстоит дело с общественным признанием открытия. Здесь речь идет о рациональном процессе следования правилам научного метода. Для признания открытия эти правила требуют его критических проверок, позволяющих определить, разрешает ли оно существующие противоречия и воспроизводимо ли оно. Таким образом научное знание постепенно, через предположения и опровержения, приближается к истине»⁶.

Институциональную составляющую неопозитивистской модели разрабатывали социологи, в первую очередь Роберт Мёртон⁷. Здесь постулируется, во-первых, наличие у ученых как членов корпорации внутренних норм, регулирующих их научную деятельность, а во-вторых — присутствие внешних нематериальных конкурентных стимулов, обеспечивающих относительно эффективное функционирование науки даже при ее общественном характере. К числу таких нематериальных стимулов относятся, во-первых, эпонимы и научный приоритет, обозначающие права интеллектуальной собственности; во-вторых — различные формы статусной мотивации: научные конкурсы, членство в академиях, председательство в профессиональных ассоциациях и другие формы накопления «символического капитала». В свою очередь все эти свидетельства признания научных заслуг затем могут отчасти материализоваться в виде дополнительных финансовых и материальных ресурсов, получаемых ученым.

Прежде всего, неопозитивистская модель задает эволюционистскую картину развития науки (в работах Карла Поппера

⁴ Некоторые исследователи, например Мишель Каллон, рассматривают эти подходы как самостоятельные модели (Callon, 1994), но, на наш взгляд, их можно объединить.

⁵ Поппер, 1983 [1959/1934]; 1983 [1963]; Лакатос, 1978 [1970]; 1995 [1970].

⁶ Fuchs, 1993, p. 933.

⁷ Merton, 1957 и его последующие работы по социологии науки.

этот подход реализуется путем прямых аналогий с дарвиновской теорией)⁸. Эволюционный подход допускает появление заблуждений, конкурирующих теорий и т.д., но все эти явления рассматриваются как временные, не меняющие общий эволюционно-поступательный характер развития науки в целом.

Второй отличительной чертой данной модели является прогрессизм. Вместо накопления неизменных истин, постулируемого «классической» кумулятивной моделью, используется идея прогресса: новые теории, концепции, методы превосходят предыдущие. Представления о прогрессивном характере развития науки формулировались по меньшей мере в трех постепенно усложняющихся вариантах.

Первый вариант — последующие работы превосходят предыдущие (Макс Вебер):

«... Каждый из нас знает, что сделанное им в области науки устареет через 10, 20, 40 лет. Такова судьба, более того, таков смысл научной работы, которому она подчинена и которому служит, и это как раз составляет ее специфическое отличие от всех остальных элементов культуры... Научные работы могут, конечно, долго сохранять свое значение, доставляя “наслаждение” своими художественными качествами или оставаясь средством обучения научной работе. Но быть превзойденным в научном отношении — не только наша общая судьба, но и наша общая цель»⁹.

Второй вариант — последующие работы превосходят и объединяют предыдущие (Карл Поппер):

«... Когда я говорю о росте научного знания, я имею в виду не накопление наблюдений, а повторяющееся ниспровержение научных теорий и их замену лучшими и более удовлетворительными теориями... Теории Кеплера и Галилея были объединены и заменены логически более строгой и лучше проверяемой теорией Ньютона; аналогичным образом теории Френкеля и Фарадея были заменены теорией Максвелла. В свою очередь теории Ньютона и Максвелла были объединены и заменены теорией Эйнштейна»¹⁰.

Третий вариант — последующие работы превосходят и в неявном виде включают в себя предшествующие. Эту идею можно найти в работах Роберта Мёртона, который обозначил ее как

⁸ Поппер, 2000 [1984]; 2000 [1990].

⁹ Вебер, 1990 [1918/1917], с. 712.

¹⁰ Поппер, 1983 [1963], с. 325, 332.

«забвение через включение» (*obliteration by incorporation*)¹¹, но более четко она была выражена Джорджем Стиглером:

«Современный экономист-теоретик, который имеет дело со всё более формальным, абстрактным и систематическим корпусом знания, редко сочтет необходимым обратиться к работам даже конца XIX в. Подобно математику или химику, он будет исходить из допущения, что всё полезное и эффективное, что содержалось в более ранних работах, присутствует — причем в более отчетливой и элегантной форме — в современной теории»¹².

В одном из своих выступлений Пол Самуэльсон в качестве характерного примера, подтверждающего это правило, привел собственную статью, опубликованную в 1978 г.¹³, в которой, по его мнению, «в одной диаграмме зафиксировано всё, что есть общего у Рикардо, Джона Стюарта Милля, Мальгуса, Маркса и Смита»¹⁴.

Но тезис о том, что «всё полезное и эффективное, что содержалось в более ранних работах, присутствует — причем в более отчетливой и элегантной форме — в современной теории», несмотря на всю его привлекательность, вызывает много вопросов. И главный из них связан с определением «современной теории» («современной науки», «корпуса современного научного знания» и т.д.). Входят ли в эти понятия работы, опубликованные пять лет назад, 10, 20 и т.д.? В частности, можно ли в 2009 г. применить это понятие к статье Самуэльсона, опубликованной в 1978 г.? Иными словами, граница, отделяющая современное научное знание от досовременного (как и любая граница между прошлым и настоящим)¹⁵, весьма условна.

В любом случае в неопозитивистской модели вообще нет места для классики, и в этом вопросе позиция сторонников данной модели, по существу, сводится к известному и часто цитируемому высказыванию Альфреда Уайтхеда, сделанному почти сто лет назад: «Наука, которая не решается забыть своих основателей, обречена»¹⁶.

¹¹ Merton, 1965, p. 218–219; Мёртон, 2006 [1968], p. 50–51.

¹² Stigler G., 1969, p. 217.

¹³ Samuelson, 1978.

¹⁴ Samuelson, 1987, p. 56.

¹⁵ Подробнее об этом см. Савельева, Полетаев, 2003–2006, т. 1, гл. 4; т. 2, гл. 16.

¹⁶ Whitehead, 1917, p. 115.

в) *Парадигмальные модели*

В 1960–1970-е годы колоссальную популярность приобрела модель развития науки, предложенная американским историком науки Томасом Куном в работе «Структура научных революций» (1-е изд. вышло в 1962 г., 2-е дополненное издание — в 1970 г.).

Поскольку концепция Куна сформулирована им крайне нечетко и допускает самые разные трактовки¹⁷, попытаемся выделить в ней только те элементы, которые связаны с проблемой классики. Как писал Кун, «парадигма — это то, что объединяет членов научного сообщества, и, наоборот, научное сообщество состоит из людей, признающих парадигму»¹⁸. В каждой научной дисциплине парадигма включает три основных элемента¹⁹:

1) разделяемые научным сообществом критерии (Кун называет их «ценностями»), по которым оцениваются результаты научной деятельности;

2) принятые и используемые модели (теории, концепции) (в терминологии Куна — «законы природы» и «концептуальные модели»), описывающие и объясняющие функционирование объекта данной дисциплины;

3) существующие образцы решения научных проблем (эта составляющая в наибольшей степени интересовала Куна, и именно она является парадигмой в точном смысле слова — от греч. παράδειγμα, «пример, образец»).

Конкретный набор этих трех элементов в каждый период времени образует дисциплинарные «парадигмы».

Успех концепции Куна во многом был предопределен общими «революционными» настроениями, охватившими западных интеллектуалов в 1960-е — начале 1970-х годов. Куновская концепция «парадигм» и чередования периодов «нормальной» и «революционной» науки стала использоваться не только применительно к истории развития отдельных научных дисциплин, но и для оценки их современного состояния. Поиски парадигм активно велись практически во всех социальных науках — психологии, экономике и особенно в социологии²⁰. Как правило, во

¹⁷ См., например: *Masterman*, 1970.

¹⁸ Кун, 1975 [1970/1962], с. 229.

¹⁹ Указ соч., с. 236–244.

²⁰ Обзоры работ, посвященных «парадигмам» в социологии, см. в: *Eckberg, Hill*, 1979; *Алиева*, 1995.

всех дисциплинах обнаруживалось несколько разных «специальностей», «школ» или «исследовательских программ» (термин Имре Лакатоса)²¹, которые и назывались парадигмами. При этом, с одной стороны, полностью элиминировался динамический аспект куновской модели, с другой стороны, это обстоятельство порождало различные спекуляции по поводу статуса и уровня развития общественных наук.

Первый вариант, который прямо вытекал из куновской концепции, сводился к тезису о недостаточной развитости общественных наук, которые еще не достигли стадии образования единой парадигмы, характерной для «настоящей» науки. Такого рода психологические комплексы порождают стремление объединить наконец разные исследовательские программы и создать единую «интегрированную парадигму». В социологии эта идея наглядно представлена в работах Джорджа Ритцера, который, впрочем, в последние годы отказался от термина «интегрированная парадигма», заменив его термином «метатеория» (которую он продолжает создавать с тем же неослабевающим упорством)²².

Второй вариант заключался в том, что общественные науки объявлялись «многопарадигмальными», и это провозглашалось как их качественное отличие от естественных наук. Особенно широкое распространение этот подход получил в психологии²³.

Наконец, экономисты, которые, видимо, в наименьшей степени страдают комплексами научной неполноценности, предложили радикально новую трактовку куновской модели, которая ярко представлена, например, в известном учебнике Роберта Экелунда и Роберта Эберта «История экономической теории и метода» (1975, 5-е изд. 2007) и в составленном ими ридере к этому учебнику, озаглавленному, кстати, «Classics in Economic Thought»²⁴.

В этих работах начальный период истории экономической мысли трактуется как последовательная смена трех или четырех «протопарадигм» — античной, схоластической, меркантилистской и физиократической. Затем возникает первая «настоящая»

²¹ Лакатос, 1995 [1970].

²² Ritzer, 1975; 1981; Ритцер 2002 [2000], с. 562–581.

²³ См.: Юревич, 2009.

²⁴ Ekelund, Hébert, 2007 [1st ed. 1975]; 1996.

парадигма — классическая экономическая теория, которую, в полном соответствии с куновской моделью, свергает маржиналистская революция 1870-х годов. В результате устанавливается новая, неоклассическая парадигма. А в XX в. эта единая парадигма разделяется на много разных парадигм (институционализм, австрийская школа, кейнсианство, и главное — на микроанализ и макроанализ, в рамках каждого из которых возникают свои самостоятельные парадигмы). Таким образом, «многопарадигмальность» оказывается свидетельством более высокого уровня развития экономической науки, которая уже прошла «классический» парадигмальный период своего развития, в отличие от «отсталых» естественных наук.

В рамках представлений о «многопарадигмальности» социальных наук каждая «парадигма» обычно связывается с трудами ее «создателей» (хотя, как отмечалось выше, на самом деле обычно речь идет не о парадигмах, а скорее о научных или исследовательских направлениях и т.д.). Так или иначе, как показано во многих работах, для каждой «парадигмы» формируется свой набор классических работ и их авторов, которые выступают как маркеры этого направления и как авторитетная инстанция для его представителей²⁵.

Например, своих классиков имеет каждая «парадигма» (исследовательское направление) экономической науки — марксизм (Маркс, Ленин), маржинализм (Менгер, Джевонс, Маршалл), институционализм (Веблен), теория общего равновесия (Вальрас, Парето), австрийская школа (Мизес, Хайек), кейнсианство (Кейнс, Хикс) и т.д.

Сходная картина складывается и в социологии. Весьма показательна в этом смысле работа Лоуренса Шермана, написанная в 1974 г., в разгар «парадигмального» бума. Шерман утверждал, что только Дюркгейм, Вебер и Маркс являются «Мастерами», т.е. истинными классиками социологии, поскольку именно они основали три разные социологические парадигмы (соответственно номологическую, интерпретативную и критическую), в которые вписываются все остальные теоретические подходы и концепции²⁶.

²⁵ См об этом, в частности: *Вахштайн*, 2009; *Юревич*, 2009; *Авдашева, Тутов, Шаститко*, 2009.

²⁶ *Sherman*, 1974.

В психологии, где разделение на разные направления или даже субдисциплины выражено особенно отчетливо, у каждого направления также есть свои классики, будь то бихевиоризм (Уотсон, Халл, Скиннер), гуманистическая психология (Роджерс, Маслоу), психология развития (Пиаже, Бандура) и т.д., не говоря уже о психоанализе, где помимо общего отца-основателя Фрейда у каждого течения есть собственный классик (Фромм, Адлер, Кляйн, Хорни и др.).

2) Наукометрические модели

Наукометрия, т.е. количественный анализ научной деятельности, стала активно развиваться после Второй мировой войны и очень скоро оказалась весьма популярной областью исследований²⁷. Возникновение наукометрии было обусловлено, с одной стороны, быстрым количественным увеличением научной продукции, выражавшемся в колоссальном росте числа журналов и публикаций, с другой — появлением ЭВМ, давших возможность создания и использования различных баз данных, в том числе показателей, характеризующих научную работу.

В качестве основных объектов количественного анализа в наукометрии фигурируют научные публикации и содержащиеся в них ссылки. Подавляющая часть наукометрических работ представляет собой просто обработку и анализ статистики, однако ряд эмпирических результатов, полученных в этой области, позволяет выявить некоторые важные характеристики развития современной науки.

Одним из таких важных результатов наукометрических исследований стало уточнение представлений о строении отдельных наук. Количественный анализ перекрестных ссылок и ряда других показателей свидетельствует, что любая научная дисциплина не является единым целым, которое можно анализировать как однородный объект, а состоит из более узких «специальностей», которые являются относительно независимыми научными структурами²⁸. Одновременно наряду со специальностями в каждой дисциплине присутствуют еще более мелкие

²⁷ Обзоры наукометрической литературы первых послевоенных десятилетий см. в: *Налимов, Мульченко, 1969; Хайтун, 1983.*

²⁸ *Small, Griffith, 1974; Griffith et al., 1974; Small, Crane, 1979 (сокр. пер.: Смолл, Крейн, 1981 [1979]).*

структуры — «исследовательские области»²⁹, которые Лоуренс Харгенс определяет следующим образом:

«Исследовательская область» обычно уже, чем «специальность». Например, социологическая специальность «формальные организации» включает несколько исследовательских областей... В то время как специальности обычно имеют собственные журналы и научные общества, исследовательские области представлены, как правило, менее чем 50 активными участниками, членство их непостоянно, и они редко являются единственной областью интересов даже для своих агентов. Иногда исследовательские области служат точкой пересечения разных специальностей и со временем сами могут превращаться в специальности»³⁰.

Развитие научных исследований в рамках отдельных специальностей или исследовательских областей в целом описывается экспоненциально-логарифмической моделью, которую первым предложил Дерек де Солла Прайс. Согласно этой модели, основанной на результатах количественного анализа числа публикаций, динамика развития специальности или исследовательской области характеризуется последовательной сменой начального периода ускоряющегося (экспоненциального) роста и последующего периода замедляющегося (логарифмического) роста, соответствующего периоду насыщения³¹.

Второе направление исследований, также основанное Прайсом, связано с анализом временной структуры ссылок³². Здесь можно выделить два основных подхода.

Во-первых, изменения во временной структуре ссылок могут рассматриваться как составная часть Прайсовой модели развития специальностей или исследовательских областей. В период быстрого (экспоненциального) роста образуется так называемый исследовательский фронт и увеличивается доля ссылок на последние, новейшие работы в указанной области. Для периода насыщения, в свою очередь, должно быть характерно более равномерное распределение ссылок во времени.

²⁹ Whitley, 1974; Gieryn, 1978.

³⁰ Hargens, 2000, p. 848–849, fn. 4.

³¹ Price, 1951; Price, 1963 (рус. пер. Прайс, 1966 [1963]); обзор эмпирических проверок этой модели см.: Fernández-Cano, Torralba, Vallejo, 2004.

³² Прайс, 1966 [1965]; Price, 1970 (сокр. пер.: Прайс, 1971 [1970]).

Во-вторых, различия во временной структуре ссылок могут рассматриваться в статике, при сопоставлении различных исследовательских областей и специальностей. В этом случае можно выделить быстро и медленно развивающиеся направления исследований.

К сожалению, большинство эмпирических исследований в этой области, посвященных социальным и гуманитарным наукам и их сопоставлению с естественными науками, проводится на уровне дисциплин в целом. В этом случае получается, что в общественных и гуманитарных дисциплинах временное распределение ссылок оказывается более равномерным, чем в естественных науках, в которых существенно выше доля ссылок на работы последних лет. Из этого делаются далеко идущие выводы о том, что общественные науки уступают естественным по степени «научности», поскольку в них отсутствуют «исследовательские фронты».

Оценки такого рода, весьма популярные среди ученых-естественников, начиная с самого Прайса, вряд ли можно признать корректными. С одной стороны, со времен Дильтея, Виндельбанда и Риккерта известно, что общественные и естественные науки — это на самом деле два разных типа знания, и область их сходства является достаточно ограниченной. С другой стороны, многие эмпирические исследования по данной теме выполнены просто некорректно, без учета особенностей научной деятельности в социально-гуманитарных дисциплинах.

Оставляя в стороне вопрос о сопоставлении разных исследовательских областей и специальностей, не говоря уже о дисциплинах в целом, и тем более попытки установления их иерархии по степени «научности», отметим лишь некоторые содержательные результаты, интересные с точки зрения нашей темы.

Немногочисленные корректно проведенные эмпирические исследования ссылок в научных изданиях выявили, что механически рассчитываемые количественные показатели среднего возраста ссылок, доли ссылок с возрастом менее пяти лет и другие агрегированные меры не могут характеризовать структуру научного знания в той или иной области. Во всех специальностях и исследовательских областях, как в естественных, так и в общественных науках, можно выделить небольшое число «классических» работ (книг или статей), которые имеют постоянный высокий уровень ссылок, практически не меняющийся во времени. В то же время подавляющая часть работ в каждой

области, и особенно это относится к статьям, являются «эфмерными» (терминология Роберта Бёртона и Ричарда Кеблера), с коротким «сроком жизни», т.е. быстро убывающей частотой ссылок на них.

Иными словами, при грамотном эмпирическом анализе в каждой области обнаруживается несколько «классических» работ, которые в течение многих лет продолжают служить основой для исследований в данной области и частота ссылок на которые почти не убывает со временем³³. Сам Прайс, анализирувавший временные структуры ссылок в одной из исследовательских областей физики (так называемая проблема N-лучей), с удивлением писал:

«Любопытно отметить, что все классические работы... цитируются примерно с одинаковой частотой и образуют в связи с этим довольно симметричное расположение. Это обстоятельство может иметь определенное теоретическое значение (! — И. С., А. П.)»³⁴.

д) Типологические модели

Распространение после Второй мировой войны различных моделей развития научного знания, ориентированных в первую очередь на естественные науки, стимулировало в 1960-е годы ответную реакцию со стороны гуманитариев. Новый импульс общественная дискуссия о разных типах наук получила в конце 1950-х годов благодаря появлению публицистических статей Карла Дойча «Научное и гуманитарное знание в развитии цивилизации» (1958) и Чарлза Сноу «Две культуры и научная революция» (1959)³⁵. В свою очередь Ханс-Георг Гадамер в «Истине и методе» (1960) подчеркнул важность «понимания» в науках о культуре и, соответственно, значение герменевтики как ключевого метода гуманитарного познания. Отсюда с неизбежностью на первый план выходит проблема классики (классических текстов) как «вневременного» интеллектуального ресурса для всех последующих исследователей³⁶.

³³ Burton, Kebler, 1960; Cawkell, 1976; McCain, 1987; Anderson, Levy, Tolison, 1989; Lindholm-Romantschuk, Warner, 1996.

³⁴ Прайс, 1966 [1965], с. 357.

³⁵ Deutsch, 1958; Сноу, 1985 [1959].

³⁶ Гадамер, 1988 [1960], с. 329–345.

В полемике с Гадамером эти идеи были развиты Юргеном Хабермасом сначала в лекции «Познание и интерес» (1965), а затем в одноименной книге (1968)³⁷. Хабермас, в соответствии со сложившейся традицией, опять разделил науки на «эмпирико-аналитические» (естественные) и «историко-герменевтические» (гуманитарные). К этому традиционному делению он добавил еще третью категорию — «критические науки», к которым он отнес критику идеологии, психоанализ и свои собственные исследования. При этом, как обычно в такого рода схемах, не вполне определенным остался статус общественных наук (экономики, социологии и политологии), которые Хабермас относит то к эмпирико-аналитическим, то к отдельному классу «нормативно-аналитических» наук³⁸. Хотя целью Хабермаса была в первую очередь критика «эмпирико-аналитических» и «историко-герменевтических» наук и доказательство важности наук «критических», т.е. своей собственной теории коммуникативного действия, тем не менее его деление наук на два типа приобрело известную популярность, в частности в работах сторонников «организационно-сетевой» концепции науки (см. ниже).

Наконец, во второй половине 1960-х годов получило признание деление наук на «твердые» и «мягкие», введенное в библиометрических работах Нормана Сторера и Дерека де Солла Прайса³⁹, о котором мы уже говорили в одной из предыдущих глав.

Строго говоря, во всех этих случаях речь шла не столько о моделях развития, сколько о типологии наук. Одно из ключевых различий между двумя «прототипическими научными структурами» (выражение Лоувелла Харгенса) исследователи видят как раз в соотношении между классическими (основополагающими) и текущими работами.

«В первой [прототипической структуре] ученые концентрируют внимание на недавно опубликованных исследованиях и склонны игнорировать основополагающие работы... Здесь принцип “забвение через включение”, при котором текущие исследования столь основательно интегрируют научные достижения прошлого, что не

³⁷ Хабермас, 2007 [1965]; Habermas, 1968.

³⁸ См.: Хабермас, 2007 [1965], с. 170, 180–181.

³⁹ Storer, 1967; Price, 1970 (сокр. пер.: Прайс, 1971 [1970]).

возникает нужды в отсылке к исходным источникам, проявляет себя в полной мере. В областях, которым присуща такая структура, ученые сознательно опираются на самые новейшие результаты и процедуры, и интервалы между сообщением о новом открытии и его инкорпорацией в последующие работы достаточно коротки...

Во второй прототипической структуре ученые концентрируют внимание на ранних трудах и склонны игнорировать текущие публикации. Подобная структура существует там, где ученые занимаются проблемами, поставленными в классических текстах, или где интерпретация считается почетным занятием. В областях, которым присуща такая структура, ученые конкурируют друг с другом, предлагая новые трактовки давних проблем или демонстрируя, как с помощью идей, содержащихся в классических текстах, можно прояснить новые дискуссионные вопросы»⁴⁰.

«Герменевтическая» установка, явно или неявно присутствующая в размышлениях многих видных экономистов и социологов о своих дисциплинах, постоянно приводит их к мысли о важности перечитывания классических текстов. При таком перечитывании всегда удастся найти в этих текстах новые, незамеченные ранее или забытые идеи, которые могут служить импульсом для развития современной науки.

е) Организационно-сетевые модели

Если наукометрические модели в первую очередь отражали количественный рост научной продукции, то появление организационных моделей можно рассматривать как реакцию на быстрое увеличение затрат на науку, числа исследовательских организаций и научных сотрудников. Организационные модели науки продолжали традиции анализа деятельности организаций, круг которых до этого в основном ограничивался коммерческими и государственными структурами. Одновременно при построении организационных моделей была сделана попытка учесть разные подходы, предлагавшиеся в рамках кумулятивных, парадигмальных, наукометрических и типологических моделей.

Традиционные типологии организаций были разработаны Артуром Стинчкомбом и Чарлзом Перроу в 1950–1960-е годы⁴¹. В 1970–1980-е они были применены к научным организаци-

⁴⁰ Hargens, 2000, p. 846–847.

⁴¹ Stinchcombe, 1959; Perrow, 1967.

ям — в первую очередь речь идет о работах Рэндалла Коллинза и Ричарда Уитли, а немного позднее эту же тему начал разрабатывать Стефан Фукс⁴². Заметим, что организационно-сетевым моделям присущ отчетливый экономизм — одним из основных факторов, определяющих развитие научных организаций (как формальных, так и неформальных), считается конкурентная борьба за ресурсы (денежные средства, оборудование и т.д.). Кроме того, эти модели являются в первую очередь статическими, и динамический аспект в них учитывается только в форме типологических изменений. Заметим также, что в этих моделях речь идет не только и не столько о формальных организациях, сколько о неформальных организационных структурах, т.е. не о научных организациях, а об организации научной деятельности и разных ее формах.

В организационно-сетевых моделях деятельность организаций (в том числе и научных) характеризуется двумя основными параметрами: уровнем внутренней координации (взаимосвязей) и уровнем неопределенности деятельности и ее результатов. Сочетание этих двух параметров задает четыре типа деятельности организаций или их состояния (см. схему 1).

Схема 1

Типы научной деятельности

		Неопределенность результатов	
		Высокая	Низкая
Взаимозависимость участников	Высокая	1. «Исследовательский фронт»	2. «Нормальная наука»
	Низкая	3. «Герменевтическая наука»	4. «Стагнация»

Модифицированный вариант схемы из: *Fuchs*, 1993, p. 240.

Первый тип деятельности характеризуется высокой неопределенностью и высоким уровнем связей; он соответствует понятию исследовательского фронта в наукометрических моделях. Такой тип возникает в новых направлениях исследований, где

⁴² *Collins*, 1975; *Whitley*, 1984; *Fuchs*, 1992; 1993. В последние десятилетия организационно-сетевые модели (правда, весьма специфические) активно пропагандируют Брюно Латур, Стивен Вулгар и Мишель Каллон.

происходит быстрое приращение результатов благодаря усилиям относительно небольшого числа наиболее активных ученых. Эти ученые ожесточенно конкурируют между собой (равно как и со всеми остальными), именно здесь в максимальной степени проявляется выявленная Мёртоном борьба за научный приоритет. В то же время участники исследовательского фронта образуют «невидимый колледж» (отчасти вынужденно), поддерживая между собой тесные связи и быстро обмениваясь новыми результатами исследований.

Второй тип деятельности отмечен низким уровнем неопределенности и высоким уровнем взаимосвязей. Этот тип соответствует понятию «нормальной науки» в парадигмальной модели Куна. Занятые такого рода деятельностью занимаются относительно рутинным накоплением рабочих результатов, здесь ниже уровень конкуренции, довольно стабильное финансирование, но соответственно практически отсутствуют возможности для борьбы за дополнительные ресурсы.

Третий тип научной деятельности отличается высоким уровнем неопределенности и низким уровнем взаимосвязей между участниками. Исследования могут вестись в небольших исследовательских организациях или даже одиночками, работающими в разных формальных структурах. Конкурентная борьба в этом случае не столь острая, как в первом типе деятельности, поскольку задействовано меньше финансовых ресурсов. Но при этом существует высокая степень неопределенности, обусловленная неясными исходами деятельности (как с собственно научной точки зрения, так и с точки зрения признания результатов исследования фрагментированным сообществом).

Наконец, четвертый тип деятельности — с низким уровнем неопределенности и низким уровнем связей — определяется как стагнация и практически не встречается в науке. В качестве примера Рэндалл Коллинз приводит лишь философию (схоластику) в период позднего Средневековья, т.е. в XVI–XVII вв., хотя это мнение тоже можно оспорить (равно как и его конъюнктурно-публицистическое утверждение о стагнации философии в конце XX в.)⁴³.

В организационно-сетевой модели роль классики возрастает от первого к четвертому типу деятельности. Для участников «ис-

⁴³ Коллинз, 2002 [1998], с. 655–680.

следовательского фронта» классика вообще не нужна; для «нормальной науки» — почти не нужна, поскольку в основном речь идет о рутинных исследованиях. Но в тех областях, где существует низкий уровень связей и высокий уровень неопределенности, классика становится важным средством интеграции научного сообщества и координации исследований. Наконец, при низком уровне связей и низкой неопределенности результатов классика начинает играть центральную роль, так как деятельность исследователей в этом случае в основном сводится к комментированию и техническому уточнению «классических» работ.

Сторонники этой модели обычно полагают, что естественные науки в основном относятся к первому и второму типу, а социальные и гуманитарные дисциплины — к третьему или даже к четвертому. Правда, при этом признается, что на уровне отдельных специальностей или исследовательских областей социальные и гуманитарные науки иногда также могут действовать по типу «нормальной» науки и даже образовывать «исследовательские фронты».

ж) Модель «дерева решений/целей»

Первые «древовидные» модели развития науки появились в начале 1970-х годов — речь идет о книге Стивена Тулмина «Коллективное использование и эволюция понятий» (1972) и двух статьях Майкла Малкея (1973, 1975)⁴⁴. Тулмин предложил «эволюционно-популяционную» модель развития естествознания, в которой описывались разные варианты эволюции системы научных понятий и соответствующих им институциональных «популяций» (дисциплин и научных специальностей). Малкей же назвал свою модель «моделью ветвления» (branching model), сделав акцент на процессе дробления одного научного направления на всё большее число относительно самостоятельных «специальностей» или областей исследований.

⁴⁴ Тулмин, 1998 [1972], особенно гл. 3; Mulkey, Edge, 1973; Mulkey, 1975. Работа Тулмина обычно фигурирует под названием «Человеческое понимание», но на самом деле речь идет лишь о первом томе этой работы, озаглавленном «Коллективное употребление и эволюция понятий». Два других тома, которые должны были быть посвящены соответственно индивидуальному пониманию и проблеме рациональности, не были написаны.

В обеих моделях «ветвление» структуры понятий, исследовательских направлений и соответствующих институциональных форм организации науки (от «невидимых колледжей» до журналов, лабораторий и кафедр) выступает как способ разрешения возникающих научных проблем и как альтернатива «революционному» способу их разрешения в форме радикальной смены парадигм; одновременно смягчается постулированное Куном жесткое противопоставление «нормального» и «революционного» состояния науки. При этом, хотя и Тулмин, и Малкей придерживаются «эволюционной» концепции, они противопоставляют свои подходы (нео)позитивистской эволюционной кумулятивной модели развития науки (Тулмин возражает против линейной и неизменной во времени попперовской модели рационального отбора и накопления научных знаний, а Малкей оспаривает социологическую составляющую этой модели, представленную в работах Мёртона).

Модели Тулмина и Малкея, как и оспариваемые ими модели Поппера–Мёртона и Куна, были ориентированы на естественные науки. По этой причине, в частности, в этих моделях не затрагивалась проблема «научной классики» (так, хотя Тулмин и анализировал проблему научных авторитетов, он ограничивался рассмотрением только роли современников). Но как только «древовидная» модель стала применяться к социальным и гуманитарным наукам, проблема классики сразу вышла на первый план.

Первой работой такого рода, видимо, можно считать статью социолога Артура Стинчкомба (1982). Показательно, что его статья посвящена именно проблеме классики в социологии и «древовидная» модель возникает как продукт анализа этой проблемы, т.е. как относительно формализованное представление роли и функций классики в социально-гуманитарных науках.

«Если мы вообразим развитую науку в виде дерева эволюции, каким мы привыкли его видеть в десятом классе школы, мы сможем более четко представить эту функцию. Обычно мы работаем на конце одной из ветвей и когда сталкиваемся с проблемой, чтобы понять в чем дело, возвращаемся только к первому разветвлению. Но Эйнштейн вернулся к стволу, к Лоренцу и Ньютону, и даже решительно отверг экспериментальные результаты, полученные на одной из ветвей, в надежде, что между стволом и кончиком ветки обнаружится что-то, объясняющее противоречие... Не все из нас способны

игнорировать факты, подобно Эйнштейну. Но именно потому, что открытие Эйнштейна столь радикально, его пример прекрасно иллюстрирует процесс пренебрежения ветвями ради ствола»⁴⁵.

Как можно заметить, описание Стинчкомба имеет слабо формализованный характер и отчасти напоминает метафору. Несколько более формализованный (хотя тоже достаточно метафоричный) вид эта модель приобрела в работах экономиста Акселя Лейонхувфвуда⁴⁶, но известность она получила в основном лишь среди специалистов по истории экономической мысли⁴⁷. В отличие от «эволюционной» метафоры, использовавшейся предшествующими авторами, Лейонхувфуд использует для описания развития экономической науки привычную для экономистов модель «дерева решений» (decision tree).

«Имеет смысл представить себе наш предмет в виде “дерева решений”. Ведущие экономисты ставили своих современников перед проблемой выбора — выбора, о чем спрашивать, что предполагать, что рассматривать в качестве свидетельств и какие методы и модели использовать — и убеждали коллег по профессии или хотя бы часть из них следовать тому выбору, который предлагали. Путь, которым следует любая научная школа, представляет собой череду таких решений. Многие решения, принятые на этом пути, не были предвосхищены основателем направления, а были сделаны последователями. Некоторые из этих решений задним числом мы можем оценить как “неверные”»⁴⁸.

Как справедливо отмечается многими авторами, подавляющему большинству исследователей, работающих в рамках «нормальной» науки, а тем более занимающихся прикладными исследованиями, обращение к классике абсолютно не требуется,

⁴⁵ *Stinchcombe*, 1982, p. 8.

⁴⁶ *Leijonhufvud*, 1994; 2006. По словам Лейонхувфвуда (*Leijonhufvud*, 2006, p. 1, fn. 2), впервые эту модель он сформулировал в 1987 г. в докладе на конференции в Гарвардском университете, который не был опубликован.

⁴⁷ См.: *Blaug*, 2001; *Boettke*, 2002; *De Vroey*, 2004. Заметим, что в работах Марка Блауга и Питера Бёттке дается неверная ссылка: говоря о предложенной Лейонхувфудом модели «дерева решений», оба ссылаются на его публикацию 1999 г. (перепечатка статьи, впервые опубликованной в 1998 г.: *Leijonhufvud*, 1998), но там эта модель не рассматривается. На самом деле данную модель Лейонхувфуд изложил в статье, опубликованной в 1994 г. (*Leijonhufvud*, 1994).

⁴⁸ *Leijonhufvud*, 1994, p. 148.

причем не только на уровне текстов, но даже на уровне идей. Потребность в обращении к более ранним работам (идеям), в том числе имеющим статус «классических», возникает только при необходимости выхода за рамки рутинного кумулятивного процесса накопления знания.

Чтобы избежать биологических аналогий и перевести обсуждение этой концепции с уровня метафоры на уровень модели, попытаемся представить развитие науки, используя стандартный аппарат теории графов (граф — это совокупность из множества «вершин» и множества «ребер»)⁴⁹. Такой условный граф является «взвешенным», т.е. каждому «ребру» может быть приписано некое условное значение («вес»). Классики обычно задают новые «вершины» этого графа, от которых отходят «ребра» с большими «весами», по которым далее движется нормальная наука (конечно, не все создатели новых направлений являются классиками, поскольку в этом графе от большинства «вершин» отходят «ребра» с относительно небольшими «весами»). Данный граф не обязательно является полностью «связанным», т.е. в нем могут существовать изолированные части. В большинстве случаев этот граф является «ориентированным», т.е. движение от «вершин» происходит только в одном направлении. Однако в нем существует возможность вернуться назад, к одной из предшествующих «вершин», чтобы попытаться создать новое отходящее от нее «ребро» или попытаться снова начать двигаться по какому-то заброшенному «ребру». В этом случае мы и возвращаемся к «вершинам», сформированным в классических работах.

⁴⁹ Популярное введение в теорию графов см., например: *Оре*, 1965 [1963].

ЛИТЕРАТУРА

Авдашева, Светлана Б.; Тутов, Леонид А.; Шаститко, Андрей Е. Классика экономической теории и экономика классики // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / под ред. И. М. Савельевой, А. В. Полетаева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 102–120.

Авл Геллий. Аттические ночи. В 2-х т. / пер. с лат. СПб.: Гуманитарная академия, 2007–2008.

Агирре Рохас, Карлос А. Критический подход к истории французских «Анналов». М.: Кругъ, 2006.

Алиева, Дильбар Я. Историографическая саморефлексия в современной социологии // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 50–68.

Андерсон, Бенедикт. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001 [1991/1983].

Арьес, Филипп. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / пер. с франц. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999 [1960].

Ассман, Ян. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.: Языки славянской культуры, 2004 [1992].

Барабашев, Алексей Г. (ред.). Стили в математике: Социокультурная философия математики. СПб.: Изд-во РХГИ, 1999.

Бернгейм, Эрнст. Введение в историческую науку / пер. с нем. СПб.: Изд-во «Вестника знания», 1908 [1889].

Блауг, Марк. 100 великих экономистов до Кейнса / пер. с англ. СПб.: Экономическая школа, 2005 [1986].

Блауг, Марк. 100 великих экономистов после Кейнса / пер. с англ. СПб.: Экономическая школа, 2005 [1998/1985].

Блауг, Марк. Экономическая мысль в ретроспективе / пер. с англ. М.: Дело, 1994 [1962, 4th ed. 1991].

Бродель, Фернан. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / пер. с франц. В 3-х т. М.: Прогресс, 1986–1992 [1979].

Бюргер, Андре. Историческая антропология и школа «Анналов» // Антропологическая история: подходы и проблемы. Материалы российско-французского научного семинара. М.: РГГУ, 2000. С. 4–22.

Вахштайн, Виктор С. «Неудобная» классика: творческое наследие Ирвинга Гофмана // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / под ред. И. М. Савельевой, А. В. Полетаева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 64–101.

Вебер, Макс. Наука как призвание и профессия [1918/1917] // Вебер М. Избранные работы / пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.

Вебер, Макс. Основные социологические понятия («Хозяйство и общество, гл. 1) [1921 посм.] // Теоретическая социология. Антология / сост. С. П. Баньковская. В 2-х ч. М.: Университет, 2002. Ч. 1. С. 70–146.

Гадамер, Ханс-Георг. Истина и метод / пер. с нем. М.: Прогресс, 1988 [1960].

Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. Лекции по философии истории / пер. с нем. СПб.: Наука, 1993 [1837 посм.].

Гене, Бернар. История и историческая культура средневекового Запада / пер. с франц. М.: Языки славянской культуры, 2002 [1980].

Гинзбург, Карл. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XV в. / пер. с итал. М.: РОССПЭН, 2000 [1976].

Далин, Виктор М. Историки Франции XIX–XX веков. М.: Наука, 1981.

Дройзен, Иоганн Г. История эллинизма. В 3-х т / пер. с франц. СПб.: Наука, 2002 [1883–1885/1833–1843].

Дройзен, Иоганн Г. Очерк истории [1858] // Дройзен И. Г. Историка / пер. с нем. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 449–501.

Дройзен, Иоганн Г. Речь, произнесенная при вступлении в Берлинскую Академию наук [1868] // Дройзен И. Г. Историка / пер. с нем. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 574–580.

Дройзен, Иоганн Г. Теология истории (Предисловие ко 2-му тому «Истории эллинизма») [1843] // Дройзен И. Г. Историка / пер. с нем. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 505–525.

Дройзен, Иоганн Г. Энциклопедия и методология истории [1936 посм./1857] // Дройзен И. Г. Историка / пер. с нем. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 39–448.

Дэвис [Земон Дэвис], Натали. Возвращение Мартена Гера / пер. с англ. М.: Прогресс, 1990 [1983].

Зверева, Галина И. Понятие «новизны» в новой интеллектуальной истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2001. Вып. 4. С. 45–54.

Зелдин, Теодор. Социальная история как история всеобъемлющая [1976] // THESIS. 1993. Вып. 1. С. 154–162.

Кареев, Николай И. Из лекций по общей теории истории. Ч. I. Теория исторического знания (Историка). Ч. II. Историология. Теория исторического процесса. Ч. III. О школьном преподавании истории. СПб./Пг.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913, 1915, 1917.

Карлейль, Томас. Прошлое и настоящее [1843] // Карлейль Т. Теперь и прежде / пер. с англ. М.: Республика, 1994. С. 199–294.

Карлейль, Томас. Французская революция. История / пер. с англ. М.: Мысль, 1991 [1837].

Кейнс, Джон Н. Предмет и метод политической экономии / пер. с англ. М.: Тип. И. А. Баландина, 1899 [1891].

Кено, Раймон. Голубые цветочки / пер. с франц. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994 [1965].

Коллингвуд, Робин Дж. Идея истории [1946 посм.] // Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография / пер. с англ. М.: Наука, 1980. С. 5–320.

Коллинз, Рэндалл. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / пер. с англ. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002 [1998].

Крист, Карл. Иоганн Густав Дройзен (1808–1884) [1972] // Дройзен И. Г. История эллинизма. В 3-х т. / пер. с франц. СПб.: Наука, 2002 [1883–1885/1833–1843]. Т. 1. С. IV–XIV.

Кроче, Бенедетто. Теория и история историографии / пер. с итал. М.: Языки русской культуры, 1998 [1917].

Кун, Томас С. Структура научных революций / пер. с англ. 2-е изд. М.: Прогресс, 1977.

Лавджой, Артур. Великая цепь бытия / пер. с англ. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001 [1936].

Лакатос, Имре. История науки и ее рациональные реконструкции [1970] // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки / пер. с англ. М.: Прогресс, 1978. С. 203–269.

Лакатос, Имре. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / пер. с англ. М.: Медиум, 1995 [1970].

Ланглуа, Шарль-Виктор; Сеньобос, Шарль. Введение в изучение истории / пер. с франц. 2-е изд. М.: ГПИБ, 2004 [1898].

Лаппо-Данилевский, Александр С. Методология истории. 2-е изд. М.: Территория будущего, 2006 [1911–1913].

Ле Гофф, Жак. В поддержку долгого Средневековья [1983] // Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого / пер. с франц. М.: Прогресс, 2001. С. 31–38.

Ле Гофф, Жак. Средние века Мишле [1974] // Ле Гофф Ж. Другое Средневековье / пер. с франц. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000 [1977]. С. 13–35.

Ле Руа Ладюри, Эмманюэль. Застывшая история [1974] // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 153–173.

Ле Руа Ладюри, Эмманюэль. Монтайю, окситанская деревня (1294–1324) / пер. с франц. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001.

Локшин, Михаил. Использование научного метода в российских исследованиях в области бедности // Вопросы экономики. 2008. № 6. С. 44–60.

МакКоннелл, Кэмпбелл Р.; Брю, Стэнли Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика. В 2-х т. / пер. с англ. М.: Республика, 1992 [11th ed. 1990, 1st ed. 1960].

Манхейм, Карл фон. Идеология и утопия [1929] // Манхейм К. фон. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ. М.: Юрист, 1994. С. 7–276.

Мейнеке, Фридрих. Возникновение историзма / пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2004 [1936].

Мёртон, Роберт К. Об истории и систематике социологической теории [1968] // Мёртон Р. К. Социальная теория и социальная структура / пер. с англ. М.: АСТ, 2006 [1968]. С. 19–63.

Местр, Жозеф де. Рассуждения о Франции / пер. с фр. М.: РОССПЭН, 1997 [1797].

Микулинский, Семён Р.; Черняк, Владимир С. (ред.). В поисках теории развития науки (очерки западноевропейских и американских концепций XX века. М.: Наука, 1982.

Налимов, Василий В.; Мульченко, Зинаида М. Наукометрия: Изучение развития науки как информационного процесса. М.: Наука, 1969.

Негиши, Такао. История экономической теории / пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1995 [1989].

Никитюк, Елена В. Процессы по обвинению в религиозном нечестии (ajsevbeia) в Афинах в последней четверти V в. до н. э. (к проблеме кризиса полисной идеологии). Автореф. дисс. на соиск. ученой степени кандидата исторических наук. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1999.

Новалис. Афоризмы и фрагменты [1798] // Шульц, Герхард. Новалис, сам свидетельствующий о себе и о своей жизни / пер. с нем. Челябинск: Урал LTD, 1998 [1969/1996]. С. 295–313.

Оре, Ойстен. Графы и их применение / пер. с англ. М.: Мир, 1965 [1963].

Парсонс, Талкотт Э. Ф. Структура социального действия [1937] (главы из книги) // Парсонс Т. О структуре социального действия / пер. с англ. М.: Академический проект, 2000. С. 43–328.

Поппер, Карл Р. К эволюционной теории познания [1990] // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / пер. с англ. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 194–209.

Поппер, Карл Р. Логика научного исследования [1959/1934] (сокр. пер.) // Поппер К. Р. Логика и рост научного знания. Избранные работы / пер. с англ. М.: Прогресс, 1983. С. 33–235.

Поппер, Карл Р. Предположения и опровержения. Рост научного знания [1963] (сокр. пер.) // Поппер К. Р. Логика и рост научного знания. Избранные работы / пер. с англ. М.: Прогресс, 1983. С. 240–378.

Поппер, Карл Р. Эволюционная эпистемология [1984] // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / пер. с англ. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 57–74.

Прайс [де Солла Прайс], Дерек Дж. Квоты цитирования в точных и неточных науках, технике и не-науке (сокр. пер.) [1970] // Вопросы философии. 1971. № 3. С. 149–155.

Прайс [де Солла Прайс], Дерек Дж. Малая наука, большая наука [1963] // Наука о науке. М.: Прогресс, 1966. С. 281–384.

Прайс [де Солла Прайс], Дерек Дж. Система научных публикаций [1965] // Успехи физических наук. Октябрь 1966. Т. 90. Вып. 2. С. 349–359.

Радаев, Вадим В. (сост. и ред.) Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / пер. с англ., франц., нем. М.: РОССПЭН, 2004.

Рашидетт, Отхайн. Актуальность социологии Зиммеля // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 53–64.

Резвых, Пётр В. Фантом «немецкой классики» // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / под ред. И. М. Савельевой, А. В. Полетаева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 419–434.

Реизов, Борис Г. Французская романтическая историография. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1956.

Ритцер, Джордж. Современные социологические теории / пер. с англ. СПб.: Питер, 2002 [5th ed. 2000].

Савельева, Ирина М.; Полетаев, Андрей В. (ред.) Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

Савельева, Ирина М.; Полетаев, Андрей В. Знание о прошлом: Теория и история. В 2-х т. Т. 1: Конструирование прошлого. Т. 2: Образы прошлого. СПб.: Наука, 2003–2006.

Самуэльсон, Пол А. Основания экономического анализа / пер. с англ. СПб.: Экономическая школа, 2002 [1947/1983].

Смолл, Генри Дж.; Крейн, Дайана. Специальности и дисциплины в естественных и социальных науках: исследование их цитирования посредством цитирования [1979] // Научная информация и система научных коммуникаций. Сборник рефератов. М.: ИНИОН АН СССР, 1981. С. 160–179.

Сноу, Чарльз П. Две культуры и научная революция [1959] // Сноу Ч. П. Портреты и размышления / пер. с англ. М.: Прогресс, 1985. С. 195–226.

Сраффа, Пьеро. Производство товаров посредством товаров. Прелюдия к критике экономической теории / пер. с англ. М.: Юнити, 1999 [1960].

Стоун, Лоуренс. Будущее истории // THESIS. 1994. Вып. 4. С. 160–176.

Токвиль, Алексис де. Старый порядок и Революция / пер. с франц. М.: Московский философский фонд, 1997 [1856].

Толстова, Юлиана Н. Измерение в социологии. М.: ИНФРА-М, 1998.

Трёлч, Эрнст. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории / пер. с нем. М.: Юрист, 1994 [1922].

Тулмин, Стивен Э. Человеческое понимание. Т. 1: Коллективное употребление и эволюция понятий / пер. с англ. Благовещенск: БГК, 1998 [1972].

Тэн, Ипполит. Происхождение современной Франции / пер. с франц. В 5-ти т. СПб.: Тип. Пантелеева, 1907 [1876–1893].

Уайт, Хейден. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века / пер. с англ. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002 [1973].

Февр, Люсьен. Чувствительность и история [1941] // Февр Л. Бои за историю / пер. с франц. М.: Наука, 1991. С. 109–125.

Филиппов, Александр Ф. Понятие и проблема социологической классики. Георг Зиммель как классик социологии // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / под ред. И. М. Савельевой, А. В. Полетаева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 50–63.

Фишер, Стенли; Дорнбуш, Рудигер; Шмалензи, Ричард. Экономика / пер. с англ. М.: Дело, 1993 [2nd ed. 1988, 1st ed. 1982].

Фукидид. История / пер. с древнегреч. СПб.: Наука; Ювента, 1999.

Хабермас, Юрген. Познание и интерес [1965] // Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / пер. с нем. М.: Праксис, 2007 [1968]. С. 167–191.

Хайтун, Сергей Д. Наукометрия: Состояние и перспективы. М.: Наука, 1983.

Хвостов, Вениамин М. Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории. 4-е изд. М.: Комкнига, 2006 [1909].

Хёйзинга, Йохан. Homo ludens [1938] // Хёйзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / пер. с голл. М.: Прогресс-Академия, 1992. С. 5–240.

Хёйзинга, Йохан. Задачи истории культуры [1929] // Хёйзинга Й. Homo ludens. Статьи по истории культуры / пер. с голл. М.: Прогресс Традиция, 1997. С. 216–272.

Хобсбаум, Эрик. Век Революций [1972]. Век капитала [1975]. Век империй [1987]. В 3-х т. / пер. с англ. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.

Хюбнер, Рудольф. Предисловие издателя [1936] // Дройзен И. Г. Историка / пер. с нем. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 24–40.

Шартье, Роже. Культурные истоки Французской революции / пер. с франц. М.: Искусство, 2001 [1990].

Шумпетер, Йозеф А. История экономического анализа / пер. с англ. В 3-х т. СПб.: Экономическая школа, 2001 [1954 посм.].

Энгельс, Фридрих. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / пер. с нем. М.: Политиздат, 1970 [1888].

Эрикссон, Эрик Г. Молодой Лютер: психоаналитическое историческое исследование / пер. с англ. М.: Медиум, 1995 [1958].

Юревич, Андрей В. Парадигмы и классики в психологии // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / под ред. И. М. Савельевой, А. В. Полетаева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 210–234.

Adams, Bert N.; Sydie Rosalind A. Classical Sociological Theory. Pine Forge Press, 2002.

Adatto, Kiku; Cole, Stephen. The Functions of Classical Theory in Contemporary Sociological Research: The Case of Max Weber // Knowledge and Society: Studies in the Sociology of Culture Past and Present. Vol. 3. Greenwich (CT): JAI Press, 1981, pp. 137-162.

Alexander, Jeffrey C. Editor's Introduction: Canons, Discourses, and Research Programs: Plurality, Progress and Competition in Classical, Modern, and Contemporary Sociology // Mainstream and Critical Social Theory: Classical, Modern and Contemporary / ed. by J. C. Alexander. 8 vols. London: SAGE, 2001. Vol. 1. P. VII–XLII.

Alexander, Jeffrey C. The Centrality of the Classics // Social Theory Today / ed. by A. Giddens, J. H. Turner. Cambridge: Polity Press, 1987. P. 11–57.

Allan, Kenneth. Explorations in Classical Sociological Theory: Seeing the Social World. Pine Forge Press, 2002.

Anderson, Gary M.; Levy, David M.; Tollison, Robert D. The Half-Life of Dead Economists // The Canadian Journal of Economics. February 1989. Vol. 22. No. 1. P. 174–183.

Annin, Edith L.; Boring, Edwin G.; Watson, Robert L. Important psychologists, 1600–1967 // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 1968. Vol. 4. No. 4. P. 303–315.

Archambault, Éric; Vignola Gagné, Étienne. The Use of Bibliometrics in the Social Sciences and Humanities. Montreal: Science-Metrix, August 2004. URL: http://www.science-metrix.com/pdf/SM_2004_008_SSHRC_Bibliometrics_Social_Science.pdf.

Archambault, Éric et al. Benchmarking Scientific Output in the Social Sciences and Humanities: The Limits of Existing Databases // *Scientometrics*. 2006. Vol. 68. No. 3. P. 329–342.

Aronowitz, Stanley. The Simmel Revival: A Challenge to American Social Science // *The Sociological Quarterly*. August 1994. Vol. 35. No. 3. P. 397–414.

Ashley, David; Orenstein, David M. *Sociological Theory: Classical Statements*. Boston: Allyn and Bacon, 1995.

Aspromourgos, Tony. On the Origins of the Term Neoclassical // *Cambridge Journal of Economics*. September. 1986. Vol. 10. No. 3. P. 265–270.

Astbury, William T. Molecular Biology or Ultrastructural Biology? // *Nature*. 17 June 1961. Vol. 190. No. 4781. P. 1124.

Babchuk, Nicholas; Keith, Bruce. Introducing the Discipline: The Scholarly Content of Introductory Texts // *Teaching Sociology*. July 1995. Vol. 23. No. 3. P. 215–225.

Backman, Carl B. Life after Death: An Empirical Project in the Classical Theory Course // *Teaching Sociology*. April 1992. Vol. 20. No. 2. P. 104–113.

Baehr, Peter. *Founders, Classics, Canons: Modern Disputes over the Origins and Appraisal of Sociology's Heritage*. New Brunswick; London: Transaction Publishers, 2002.

Bain, Read. Most Important Sociologists? // *American Sociological Review*. October 1962. Vol. 27. No. 5. P. 746–748.

Baker, Paul J.; Long, Martha P.; Quensel, Susan L. The Pioneers of American Sociology: An Empirical Analysis. Paper presented at the Annual Meeting of the American Sociological Association. New York. August 1973.

Baldi, Stéphane. Normative versus Social Constructivist Processes in the Allocation of Citations: A Network-Analytic Model // *American Sociological Review*. December 1998. Vol. 63. No. 6. P. 829–846.

Beaud, Michel M.; Dostaler, Gilles. Economic Thought since Keynes: A History and Dictionary of Major Economists. Aldershot: Edward Elgar, 1995.

Beer, Samuel H. Causal Explanation and Imaginative Re-Enactment // *History and Theory*. 1963. V. 3. No. 1. P. 3–29.

Bertilson, Hal S. Classics in Psychophysiology: Older Journal Articles and Books Cited Frequently Today in “Psychophysiology” // *Psychophysiology*. 1978. Vol. 15. No. 6. P. 604–605.

Bertilson, Hals S.; Knutson Peter L. Classics in Personality and Social Psychology: Older Journal Articles and Books Cited Frequently Today // *Personality and Social Psychology Bulletin*. September 1980. Vol. 6. No. 3. P. 417–420.

Beyer, Hermann W. Κανών // *Theological Dictionary of the New Testament* / eds. G. Kittel, G. Friedrich. 10 vols. Grand Rapids, MI: Wm. B. Eerdmans Publishing Co., 1964 [Germ. ed. 1933]. Vol. 3. P. 596–602.

Biddle, Jeff E. A Citation Analysis of the Sources and Extent of Wesley Mitchell’s Reputation // *History of Political Economy*. Summer 1996. Vol. 28. No. 2. P. 137–170.

Blaug, Mark. Great Economists Before Keynes: An Introduction to the Lives & Works of One Hundred Great Economists of the Past. New York: Cambridge University Press, 1986.

Blaug, Mark. Great Economists Since Keynes: An Introduction to the Lives & Works of One Hundred Modern Economists. New York: Cambridge University Press, 1985.

Blaug, Mark. Introduction // *The Historiography of Economics* / ed. by M. Blaug. 2 vols. Aldershot (England): Edward Elgar, 1991. Vol. 1. P. III–XI.

Blaug, Mark. No History of Ideas, Please, We’re Economists // *The Journal of Economic Perspectives*. Winter 2001. Vol. 15. No. 1. P. 145–164.

Bloom, Harold. The Western Canon: The Books and School of the Ages. New York: Harcourt Brace & Company, 1994.

Boettke, Peter J. The Use and Abuse of the History of Economic Thought within the Austrian School of Economics // *History of Political Economy*. 2002. Vol. 34. Annual Supplement. P. 337–360.

Boettke, Peter J. Why Read the Classics in Economics? // The Library of Economics and Liberty. February 24, 2000. URL: <http://www.econlib.org/library/Features/feature2.html>.

Bordo, Michael D.; Landau, Daniel. The Pattern of Citations in Economic Theory 1945–68: An Exploration Towards a Quantitative History of Thought // History of Political Economy. Summer 1979. Vol. 11. No. 2. P. 241–253.

Bornmann, Lutz; Daniel, Hans-Dieter. What Do Citation Counts Measure? A Review of Studies on Citing Behavior // Journal of Documentation. 2008. Vol. 64. No. 1. P. 45–80.

Bott, David M.; Hargens, Lowell L. Are Sociologists' Publications Uncited? Citation Rates of Journal Articles, Chapters, and Books // The American Sociologist. June 1991. Vol. 22. No. 2. P. 147–158.

Boulding, Kenneth E. After Samuelson, Who Needs Adam Smith? // History of Political Economy. Fall 1971. Vol. 3. No. 2. P. 225–237.

Bradley, John. On the Operational Interpretation of Classical Chemistry // The British Journal for the Philosophy of Science. 1955. Vol. 6. No. 21. P. 32–42.

Breisach, Ernst. Historiography: Ancient, Medieval and Modern. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1983.

Broadus, Robert N. An Investigation of the Validity of Bibliographic Citations // Journal of the American Society for Information Science. March 1983. Vol. 34. No. 2. P. 132–135.

Brooks, Terrence A. Evidence of Complex Citer Motivations // Journal of the American Society for Information Science. January 1986. Vol. 37. No. 1. P. 34–36.

Brooks, Terrence A. Private Acts and Public Objects — An Investigation of Citer Motivations // Journal of the American Society for Information Science. July 1985. Vol. 36. No. 4. P. 223–229.

Buchanan, Anne L.; Hérubel, Jean-Pierre V. M. Interdisciplinarity in Historical Studies: Citation Analysis of the “Journal of Interdisciplinary History” // LIBRES: Library and Information Science Research Electronic Journal. August 1994. Vol. 4. No. 2/3. URL: <http://dhsww1.humanities.curtin.edu.au/libres/LIBRES4N2/BUCHANAN.txt>

Budd, John. Characteristics of Written Scholarship in American Literature: A Citation Study // *Library and Information Science Research*. April–June 1986. Vol. 8. No. 2. P. 189–211.

Burke, Peter. *History and Social Theory*. Ithaca (NY): Cornell Univ. Press, 1993.

Burke, Peter. *Popular Culture in Early Modern Europe*. London: Temple Smith, 1978.

Burke, Peter. Strengths and Weaknesses of the History of Mentalities // *History of European Ideas*. 1986. Vol. 7. No. 5. P. 439–451.

Burton Robert E.; Kebler, Richard W. The “Half-Life” of Some Scientific and Technical Literatures // *American Documentation*. 1960. Vol. 11. No. 1. P. 18–22.

Butler-Bowdon, Tom. *50 Psychology Classics: Who We Are, How We Think, What We Do; Insight and Inspiration from 50 Key Books*. London: Nicholas Brealey Publishing, 2006.

Butterfield, Herbert. *The Whig Interpretation of History*. London: G. Bell & Sons, 1931.

Calhoun, Craig et al. (comp.). *Classical Sociological Theory*. Malden (MA): Blackwell, 2002.

Callon, Michel. Four models for the dynamics of science // *Handbook of Science and Technology Studies* / ed. by S. Jasanoff et al. London; Thousand Oaks (CA): Sage, 1994. P. 29–63.

Camic, Charles. Reputation and Predecessor Selection: Parsons and the Institutionalists // *American Sociological Review*. August 1992. Vol. 57. No. 4. P. 421–445.

Camic, Charles. The Matter of Habit // *The American Journal of Sociology*. March 1986. Vol. 91. No. 5. P. 1039–1087.

Camic, Charles. The Utilitarians Revisited // *The American Journal of Sociology*. November 1979. Vol. 85. No. 3. P. 516–550.

Case, Donald O.; Higgins, Georgeann M. How Can We Investigate Citation Behavior? A Study of Reasons for Citing Literature in Communication // *Journal of the American Society for Information Science*. 2000. Vol. 51. No. 7. P. 635–645.

Cawkell, Anthony E. Citations, Obsolescence, Enduring Articles, and Multiple Authorships // *Journal of Documentation*. March 1976. Vol. 32. No. 1. P. 53–58.

Chubin, Daryl E.; Moitra, Soumyo D. Content analysis of references. Adjunct or alternative to citation counting? // *Social Studies of Science*. August 1975. Vol. 5. No. 4. P. 423–441.

Clemens, Elisabeth S. et al. Careers in Print: Books, Journals, and Scholarly Reputations // *The American Journal of Sociology*. September 1995. Vol. 101. No. 2. P. 433–494.

Coan, Richard W.; Zagona, Salvatore V. Contemporary Ratings of Psychological Theorists // *The Psychological Record*. Spring 1962. Vol. 12. No. 2. P. 315–322.

Colander, David C. (comp.). *Classic Readings in Economics*. New York: McGraw Hill, 2005.

Colander, David C. The Death of Neoclassical Economics // *Journal of the History of Economic Thought*. June 2000. Vol. 22. No. 2. P. 127–143.

Cole, Julio H. On Eponymy in Economics // *The Independent Review*. Summer 2006. Vol. 11. No. 1. P. 121–131. URL: http://www.independent.org/pdf/tir/tir_11_01_08_cole.pdf

Cole, Stephen. The Growth of Scientific Knowledge: Theories of Deviance as a Case Study // *The Idea of Social Structure: Papers in Honor of Robert K. Merton* / ed. by L. Coser. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1975. P. 175–220.

Cole, Stephen. The Hierarchy of the Sciences? // *The American Journal of Sociology*. July 1983. Vol. 89. No. 1. P. 111–139.

Collins, Randall. A Sociological Guilt Trip: Comment on Connell // *The American Journal of Sociology*. May 1997. Vol. 102. No. 6. P. 1558–1564.

Collins, Randall. *Conflict Sociology. Toward an Explanatory Science*. Academic Press. 1975.

Connell, Raewyn (former Robert) W. Why is Classical Theory Classical? // *The American Journal of Sociology*. May 1997. Vol. 102. No. 6. P. 1511–1557.

Connors, Robert J. The Rhetoric of Citation Systems. Part I: The Development of Annotation Structures from the Renaissance to 1900 // Rhetoric Review. Autumn 1998. Vol. 17. No. 1. P. 6–48. Part II: Competing Epistemic Values in Citation // Rhetoric Review. Spring 1999. Vol. 17. No. 2. P. 219–245.

Costanza, Robert et al. Influential Publications in Ecological Economics: A Citation Analysis // Ecological Economics. 2004. Vol. 50. No. 3–4. P. 261–292.

Coupé, Tom. Revealed Performances: Worldwide Rankings of Economists and Economics Departments, 1990–2000 // Journal of the European Economic Association. December 2003. Vol. 1. No. 6. P. 1309–1345.

Critchfield, Thomas S. et al. Sources Cited Most Frequently in the Experimental Analysis of Human Behavior // The Behavior Analyst. Fall 2000. Vol. 23. No. 2. P. 255–266.

Cronin, Blaise. Agreement and Divergence on Referencing Practice // Journal of Information Science. 1981. Vol. 3. No. 1. P. 27–33.

Cronin, Blaise; Snyder, Herbert W.; Atkins, Helen. Comparative Citation Rankings of Authors in Monographic and Journal Literature: A Study of Sociology // Journal of Documentation. June 1997. Vol. 53. No. 3. P. 263–273.

Curtis, L. Perry, Jr. Of Images and Imagination in History // The Historian's Workshop / ed by L. P. Curtis, Jr. N. Y.: Knopf, 1970. P. 245–276.

Dalton, Margaret S., Charnigo, Laurie. Historians and their information sources // College & Research Libraries News. September 2004. Vol. 65. No. 5. P. 400–425.

Davis, Murray S. "That's Classic!" The Phenomenology and Rhetoric of Successful Social Theories // Philosophy of the Social Sciences. September 1986. Vol. 16. No.3. P. 285–301.

Davis, Stephen F.; Thomas, Roger L.; Weaver, Melanie S. Psychology's Contemporary and All-time Notables: Student, Faculty, and Chairperson Viewpoints // Bulletin of the Psychonomic Society. 1982. Vol. 20. No. 1. P. 3–6.

Dawe, Alan. Theories of Social Action // A History of Sociological Analysis / ed. by T. Bottomore, R. Nisbet. New York: Basic Books, 1978. P. 362–417.

De Vroey, Michel. The History of Macroeconomics Viewed against the Background of the Marshall-Walras Divide // History of Political Economy. 2004. Vol. 36. Annual Supplement. P. 57–91.

Deutsch, Karl W. Scientific and Humanistic Knowledge in the Growth of Civilization // Science and the Creative Spirit: Essays on Humanistic Aspects of Science / ed by H. Brown. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1958. P. 1–52.

Diamond, Arthur M., Jr. Does Mandeville Matter Today? // The History of Economics Society Bulletin. Winter 1985. Vol. 6. No. 2. P. 30–36.

Diamond, Arthur M., Jr. Most-Cited Economics Papers and Current Research Fronts // Current Contents. January 9, 1989. No. 2. P. 3–8. Reprinted in: *Garfield Eugene.* Essays of an Information Scientist. 15 vols. Philadelphia: ISI Press, 1977–1994. Vol. 12. P. 10–15.

Dinzelbacher, Peter (Hg.). Europäische Mentalitätsgeschichte. Hauptthemen in Einzeldarstellungen. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 1993.

Diodato, Virgil. Eponyms and Citations in the Literature of Psychology and Mathematics // Library and Information Science Research. 1984. Vol. 6. No. 4. P. 383–405.

Dolan, Edwin G.; Lindsey; David E. Economics. 5th ed. (1st ed. 1977). Orlando (Florida): The Dryden press, 1988.

Donovan, Claire; Halsey, Albert H. Celebrated Sociologists // A History of Sociology in Britain: Science, Literature and Society / ed. by A. Halsey. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004. P. 168–179.

Downing, Paul B.; Stafford, Elizabeth A. Citations as an Indicator of Classic Works and Major Contributors in Social Choice // *Public Choice.* January 1981, Vol. 37. No. 2. P. 219–230.

Durden, Garey C.; Ellis, Larry V. A Method for Identifying the Most Influential Articles in an Academic Discipline // *Atlantic Economic Journal.* December 1993. Vol. 21. No. 4. P. 1–10.

Dymond, Simon et al. Citation Analysis of Skinner's Verbal Behavior: 1984–2004 // *The Behavior Analyst.* Spring 2006. Vol. 29. No. 1. P. 75–88.

Eagly, Robert V. The Structure of Classical Economic Theory. New York: Oxford Univ. Press, 1974.

Eckberg, Douglas L.; Hill, Lester. The Paradigm Concept and Sociology: A Critical Review // *American Sociological Review*. December 1979. Vol. 44. No. 6. P. 925–937.

Ekelund, Robert B., Jr.; Hébert, Robert F. A History of Economic Theory and Method. 5th ed. Long Grove (Ill.): Waveland Press, 2007 [1st ed. 1975].

Eltis, Walter. Classical Theory of Economic Growth. New York: Palgrave, 2000.

Endler, Norman S.; Rushton, J. Philippe; Roediger, Henry L. Productivity and Scholarly Impact (Citations) of British, Canadian, and U.S. Departments of Psychology (1975) // *American Psychologist*. December 1978. Vol. 33. No. 12. P. 1064–1082.

Feist, Gregory J. A Structural Model of Scientific Eminence // *Psychological Science*. November 1993. Vol. 4. No. 6. P. 366–371.

Fernandez, Ronald. Mappers of Society: The Lives, Times, and Legacies of Great Sociologists. Westport (CT): Praeger, 2003.

Fernández-Cano, Antonio; Fernández-Guerrero, Inés M. Eponymy for Research Evaluation: Spanish Cases from the Educational Field // *Research Evaluation*. 2003. Vol. 2. No. 3. P. 197–203.

Fernández-Cano, Antonio; Torralbo, Manuel; Vallejo, Mónica. Reconsidering Price's Model of Scientific Growth: An Overview // *Scientometrics*. November 2004. Vol. 61. No. 3. P. 301–321.

Fernández-Izquierdo, Francisco et al. Bibliometric Study of Early Modern History in Spain Based on Bibliographic References in National Scientific Journals and Conference Proceedings // *Proceedings of ISSI 2007 11th International Conference of the International Society for Scientometrics and Informetrics*. CSIC Madrid, Spain 27–27 June 2007 / ed. by D. Torres-Salinas, H. F. Moed. Madrid: CSIC, 2007. Vol. I. P. 266–271.

Fleming, Grant A. Some Problems in Interpreting Citation Practices in the Economic Record, 1925–1946 // *History of Economics Review*. Summer 1994. Vol. 22. P. 1–15. URL: <http://hetsa.fec.anu.edu.au/review/ejournal/pdf-back/22-A-1.pdf>.

Fletcher, John. A View of the Literature of Economics // *Journal of Documentation*. December 1972. Vol. 28. No. 4. P. 283–295.

Foucault, Michel. Nietzsche, la généalogie, l'histoire // Hommage à Jean Hippolite. Paris, PUF, 1971. P. 145–172.

Fuchs, Stephan. A Sociological Theory of Scientific Change // Social Forces. June 1993. Vol. 71. No. 4. P. 933–953.

Fuchs, Stephan. The Professional Quest for Truth. A Social Theory of Science and Knowledge. New York: SUNY Press, 1992.

Furner, Jonathan. Little Book, Big Book: Before and After *Little Science, Big Science*: A Review Article. Part II // Journal of Librarianship and Information Science. September 2003. Vol. 35. No. 3. P. 189–201.

Galton, Francis. English Men of Science: Their Nature and Nurture. London: Macmillan, 1874.

Garfield, Eugene. Can Citation Indexing be Automated? // Statistical Association Methods for Mechanized Documentation (Symposium Proceedings, Washington 1964) / ed. by M. E. Stevens, V. E. Giuliano, L. B. Heilprin. National Bureau of Standards Miscellaneous Publication 269. Washington, December 15, 1965. P. 189–192. Reprinted in: *Garfield, Eugene.* Essays of an Information Scientist. 15 vols. Philadelphia: ISI Press, 1977–1994. Vol. 1. P. 84–90.

Garfield, Eugene. Highly Cited Articles XXVI. Some Classic Papers of the Late 19th and Early 20th Centuries // Current Contents. May 24, 1976. No. 21. P. 5–9. Reprinted in: *Garfield, Eugene.* Essays of an Information Scientist. 15 vols. Philadelphia: ISI Press, 1977–1994. Vol. 2. P. 491–495.

Garfield, Eugene. Most-Cited Authors in the Arts and Humanities, 1977–1978 // Current Contents. August 6, 1979. No. 32. P. 5–10. Reprinted in: *Garfield, Eugene.* Essays of an Information Scientist. 15 vols. Philadelphia: ISI Press, 1977–1994. Vol. 4. P. 238–243.

Garfield, Eugene. The “Obliteration Phenomenon” in Science — and the Advantage of Being Obliterated! // Current Contents. December 22, 1975. No. 51/52. P. 5–7. Reprinted in: *Garfield, Eugene.* Essays of an Information Scientist. 15 vols. Philadelphia: ISI Press, 1977–1994. Vol. 2. P. 396–398.

Garfield, Eugene. The 100 Articles Most Cited by Social Scientists, 1969–1977 // Current Contents. August 7, 1978c. No. 32. P. 5–14.

Reprinted in: *Garfield, Eugene. Essays of an Information Scientist.* 15 vols. Philadelphia: ISI Press, 1977–1994. Vol. 3. P. 563–572.

Garfield, Eugene. The 100 Books Most Cited by Social Scientists, 1969–1977 // Current Contents. September 11. 1978b. No. 37. P. 5–16. Reprinted in: *Garfield, Eugene. Essays of an Information Scientist.* 15 vols. Philadelphia: ISI Press, 1977–1994. Vol. 3. P. 621–632.

Garfield, Eugene. The 100 Most-Cited SSCI Authors, 1969–1977. 1. How the Names Were Selected // Current Contents. September 18. 1978a. No. 38. P. 5–11. Reprinted in: *Garfield, Eugene. Essays of an Information Scientist.* 15 vols. Philadelphia: ISI Press, 1977–1994. Vol. 3. P. 633–639.

Garfield, Eugene. The 250 Most-Cited Authors in the Arts & Humanities Citation Index, 1976–1983 // Current Contents. December 1. 1986. No. 48. P. 3–10. Reprinted in: *Garfield, Eugene. Essays of an Information Scientist.* 15 vols. Philadelphia: ISI Press, 1977–1994. Vol. 9. P. 381–388.

Garfield, Eugene. The New 1956–1965 Social Sciences Citation Index. Part 1. Analysis of 1988 Research Fronts and the Citation Classics That Made Them Possible // Current Contents. October 9, 1989. No. 41. P. 2–8. Reprinted in: *Garfield, Eugene. Essays of an Information Scientist.* 15 vols. Philadelphia: ISI Press, 1977–1994. Vol. 12. P. 281–289.

Garfield, Eugene. Who Will Win the Nobel Prize in Economics? Here's a Forecast Based on Citation Indicators // Current Contents. March 12, 1990. No. 11. P. 3–7. Reprinted in: *Garfield Eugene. Essays of an Information Scientist.* 15 vols. Philadelphia: ISI Press, 1977–1994. Vol. 13. P. 83–87.

Gay, Peter. Style in History. New York: Basic Books, 1974.

Gieryn, Thomas F. Problem Retention and Problem Choice in Science // The Sociology of Science: Problems, Approaches, and Research / ed. by J. Gaston. San Francisco, CA: Jossey Bass, 1978. P. 96–115.

Gift, Richard E.; Krislov, Joseph. Are There Classics in Economics? // The Journal of Economic Education. Winter 1991. Vol. 22. No. 1. P. 27–32.

Gooch, George P. History and Historians in the Nineteenth Century. London, etc.: Longmans, Green and Co., 1928 [1913].

Gorenflo, Daniel W.; McConnell, James V. The Most Frequently Cited Journal Articles and Authors in Introductory Psychology Textbooks // *Teaching of Psychology*. 1991. Vol. 18. No. 1. P. 8–12.

Griffith, Belver C. et al. The Structure of Scientific Literatures II: Toward a Macro- and Microstructure for Science // *Science Studies*. October 1974. Vol. 4. No. 4. P. 339–365.

Griggs, Richard A.; Jackson, Sherri L. Classic Articles as Primary Source Reading in Introductory Psychology // *Teaching of Psychology*. 2007. Vol. 34. No. 3. P. 181–186.

Griggs, Richard A.; Proctor, Derrick L. A Citation Analysis of Who's Who in Introductory Textbooks // *Teaching of Psychology*. 2002. Vol. 29. No. 3. P. 203–206.

Griggs, Richard A.; Proctor, Derrick L.; Cook, Sheila M. The Most Frequently Cited Books in Introductory Texts // *Teaching of Psychology*. 2004. Vol. 31. No. 2. P. 113–116.

Gross P. L. K.; Gross E. M. College Libraries and Chemical Education // *Science*. October 28, 1927. New series. Vol. 66. No. 1713. P. 385–389.

Habermas, Jürgen. Erkenntnis und Interesse. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1968.

Habermas, Jürgen. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Neuwied: Hermann Luchterhand Verlag, 1962.

Haggbloom, Steven J. et al. The 100 Most Eminent Psychologists of the 20th Century // *Review of General Psychology*. 2002. Vol. 6. No. 2. P. 139–152.

Hagström, Warren O. The Scientific Community. New York: Basic Books, 1965.

Hamilton, Richard F. American Sociology Rewrites Its History // *Sociological Theory*. September 2003. Vol. 21. No. 3. P. 281–297.

Hands, D. Wade. Priority Fights in Economic Science: Paradox and Resolution // *Perspectives on Science*. Summer 2006. Vol. 14. No. 2. P. 215–231.

Hargens, Lowell L. Using the Literature: Reference Networks, Reference Contexts, and the Social Structure of Scholarship // *American Sociological Review*. December 2000. Vol. 65. No. 6. P. 148–163.

Harley, Kirsten. Theory Use in Introductory Sociology Textbooks // Current Sociology. March 2008. Vol. 56. No. 2. P. 289–306.

Hart, Hornell et al. The History of Social Thought: A Consensus of American Opinion // Social Forces. December 1927. Vol. 6. No. 2. P. 190–196

Hartog, François. The Double Fate of the Classics // Critical Inquiry. Summer 2009. Vol. 35. No. 4. P. 964–979.

Heyduk, Ronald G.; Fenigstein Allan. Influential Works and Authors in Psychology: A Survey of Eminent Psychologists // The American Psychologist. May 1984. Vol. 39. No. 5. P. 556–559.

Hicks, Diana. The Difficulty of Achieving Full Coverage of International Social Science Literature and the Bibliometric Consequences // Scientometrics. February 1999. Vol. 44. No. 2. P. 193–215.

Hicks, Diana. The Four Literatures of Social Sciences // Journal of Management and Social Sciences. Spring 2005. Vol. 1. No. 1. P. 1–20.

Higbee, Kenneth L. Psychological Classics: Publications that Have Made Lasting and Significant Contributions // American Psychologist. February 1975. Vol. 30 No. 2. P. 182–184.

Hoaas, David J.; Madigan, Lauren J. A Citation Analysis of Economists in Principles of Economics Textbooks // The Social Science Journal. 1999. Vol. 36. No. 3. P. 525–532.

Hobsbawm, Eric J. The Age of Extremes. L.: Michael Joseph & Pelham Books, 1994.

Hoefler, M. Lyn; Warnick, Erin; Knapp, Terry J. Contributions to the History of Psychology: CXVII. Who's Who in American Psychology: A Citation Study of Introductory Psychology Textbooks // Psychological Reports. August 2003. Vol. 93. No. 1. P. 186–190.

Hollander, Samuel. Classical Economics. Oxford: Blackwell, 1987.

How, Alan. That's Classic! A Gadamerian Defence of the Classic Text in Sociology // The Sociological Review. November 1998. Vol. 46. No. 4. P. 828–848.

Hughes, H. Stuart. History as Art and as Science: Twin Vistas on the Past. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1964.

Jacobs, Jerry A. ASR's Greatest Hits // American Sociological Review. February 2005a. Vol. 70. No. 1. P. 1–3.

Jacobs, Jerry A. Further Reflections on ASR's Greatest Hits // Online Appendix Supplement to ASR. February 2005b. URL: <http://www.asanet.org/journals/asr/2005/043sup1.pdf>. Reprinted in: *Jacobs, Jerry A.* Further Reflections on ASR's Greatest Hits // The American Sociologist. March 2007. Vol. 38. No. 1. P. 99–131.

Jones, Clyve; Chapman, Michael; Woods, Pamela C. The Characteristics of the Literature Used by Historians // Journal of Librarianship and Information Science. 1972. Vol. 4. No.3. P. 137–156.

Jones, Robert A. On Understanding a Sociological Classic // The American Journal of Sociology. September 1977. Vol. 83. No. 2. P. 279–319.

Kaess, Walter A.; Bousfield, Weston A. The Use of Citations of Authorities in Textbooks of Introductory Psychology // American Psychologist. April 1954. Vol. 9. No. 4. P. 144–148.

Kaplan, Norman. The Norms of Citation Behavior: Prolegomena to the Footnote // American Documentation. July 1965. Vol. 16. No. 3. P. 179–184.

Kauzlarich, David (comp.). Sociological Classics: A Prentice Hall Pocket Reader. Englewood Cliffs (NJ): Prentice Hall, 2005.

Keeley, Benjamin J. Use of Reading Lists for Graduate Students in Sociology // Sociology and Social Research. 1964. Vol. 48. No. 4. P. 448–453.

Kellner, Hans. Language and Historical Representation: Getting the Story Crooked. Madison, 1989.

Kennedy, George A. The Origin of the Concept of a Canon and Its Application to the Greek and Latin Classics // Canon vs. Culture: Reflections on the Current Debate / ed. by J. Gorak. London; New York: Garland, 2001. P. 105–115.

Kerckhove, Derrick de. What Makes the Classics Classic in Science? // Bulletin of the American Society for Information Science. February–March 1992. No. 18. P. 13–14.

Kerr, Ian A. The Value of the History of Economic Thought // Journal of Economic and Social Policy. Winter 2002. Vol. 6. No. 2. P. 88–99.

Khalil, Elias L. Has Economics Progressed? Rectilinear, Historicist, Essentialist, Universalist, and Evolutionary Historiographies // History of Political Economy. 1995. Vol. 27. No. 1. P. 43–88.

Kim, E. Han; Morse, Adair; Zingales, Luigi. What Has Mattered to Economics Since 1970 // Journal of Economic Perspectives. Fall 2006. Vol. 20. No. 4. P. 189–202.

Kimmel, Michael (comp.). Social and Political Theory: Classical Readings. Oxford: Oxford Univ. Press, 1998. 2nd ed.: Classical Sociological Theory. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.

Knapp, Terry J. Who's Who in American Introductory Psychology Textbooks: A Citation Study // Teaching of Psychology. February 1985. Vol. 12. No. 1. P. 15–17.

Knievel, Jennifer E.; Kelsey, Charlene. Citation Analysis for Collection Development: A Comparative Study of Eight Humanities Fields // The Library Quarterly. April 2005. Vol. 75. No. 2. P. 142–168.

Köhnke, Klaus Ch. Der junge Simmel in Theoriebeziehungen und sozialen Bewegungen. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1996.

Korn, James H.; Davis, Roger; Davis, Stephen F. Historians' and Chairpersons' Judgements of Eminence among Psychologists // The American Psychologist. July 1991. Vol. 46. No. 7. P. 789–792.

Kurz, Heinz-Dieter; Salvadori, Neri (eds.). The Elgar Companion to Classical Economics. 2 vols. Aldershot: Edward Elgar, 1998.

Laks, André; Neschke, Ada B. (eds.). La Naissance du paradigme herméneutique: Schleiermacher, Humboldt, Boeckh, Droysen. Lille: Pu du septentrion, 1995.

Langer, William L. The Next Assignment // American Historical Review. January 1958. Vol. 63. No. 1. P. 283–304.

LaPiere, Richard T. Attitudes vs. Actions // Social Forces. December 1934. Vol. 13. No. 2. P. 230–237.

Larivière, Vincent et al. The Fall of Uncitedness // Book of Abstracts of the 10th International Conference on Science and Technology Indicators. Vienna. September 2008. P. 279–282. URL: http://www.ost.uqam.ca/Portals/0/docs/articles/2008/Uncitedness_Vienna.pdf.

Latour, Bruno. Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society. Cambridge: Harvard University Press, 1987.

Le Goff, Jacques. Le mentalités: une histoire ambiguë // Faire de l'histoire / ed. J. Le Goff, P. Nora. 3 vols. P.: Éditions Gallimard, 1974. Vol. 3. P. 76–94.

Leavy, Martin D. Obliteration in the Natural and Social Sciences: Citation Data in Search of a Theory // International Forum on Information and Documentation. 1983. Vol. 8. No. 4. P. 27–31.

Leijonhufvud, Axel. Hicks, Keynes, and Marshall // The Legacy of Hicks: His Contribution to Economic Analysis / ed. by H. Hagemann, O. F. Hamouda. London: Routledge, 1994. P.147–162.

Leijonhufvud, Axel. Mr. Keynes and the Moderns // European Journal of the History of Economic Thought. 1998. Vol. 5. No. 1. P. 169–188. Reprinted in: The Impact of Keynes on Economics in the 20th Century / ed. by L. L. Pasinetti, B. Schefold. Cheltenham: Edward Elgar. 1999. P. 16–35.

Leijonhufvud, Axel. The Uses of the Past. Università degli Studi di Trento, Dipartimento di Economia. Discussion Paper No. 3. 2006.

Leijonhufvud, Axel. Time in Theory and History or Why I am Not a Historian // Agricultural History. Winter 1986. Vol. 60. No. 1. P. 84–88.

Lepenies, Wolf. Between Literature and Science: The Rise of Sociology. New York: Cambridge University Press, 1988 [Germ. ed. *Lepenies, Wolf.* Die drei Kulturen. Soziologie zwischen Literatur und Wissenschaft. München: Hanser, 1985].

Levi, Giovanni. L'eredita immateriale. Carriera di un esorcista nel Piemonte del Seicento. Torino: Einaudi, 1985.

Levine, Donald N. Simmel and Parsons Reconsidered // The American Journal of Sociology. March 1991. Vol. 96. No. 5. P. 1097–1116.

Levine, Donald N.; Carter, Ellwood B.; Miller Gorman, Eleanor. Simmel's Influence on American Sociology. I & II // The American Journal of Sociology. January 1976. Vol. 81. No. 4. P. 813–845; March 1976. Vol. 81. No. 5. P. 1112–1132.

Lewis, W. Arthur. Economic Development with Unlimited Supplies of Labour // Manchester School of Economics and Social Science. May 1954. Vol. 22. No. 2. P. 139–191.

Lewontin, Richard Ch. Molecular and Classical Biology // Science. Ser. 2. October 1964. Vol. 146. No. 3640. P. 14.

Lindholm-Romantschuk, Yeva; Warner, Julian. The Role of Monographs in Scholarly Communication: An Empirical Study of Philosophy, Sociology, and Economics // *Journal of Documentation*. December 1996. Vol. 52. No. 4. P. 389–404.

Line, Maurice B.; Sandison, Alexander. “Obsolescence” and Changes in the Use of Literature with Time // *Journal of Documentation*. September 1974. Vol. 30. No. 3. P. 283–350.

Line, Maurice B. Changes in the Use of Literature with Time: Obsolescence Revisited // *Library Trends*. Spring 1993. Vol. 41. No. 4. P. 665–683.

Line, Maurice B. Does Physics Literature Obsolete?: A Study of Variation of Citation Frequency with Time for Individual Journal Articles in Physics // *Interlending & Document Supply : The Journal of the British Library Lending Division*. 1974. Vol. 2. No. 3. P. 84–91.

Line, Maurice B. The “Half-Life” of Periodical Literature: Apparent and Real Obsolescence // *Journal of Documentation*. March 1970. Vol. 26. No. 1. P. 46–54.

Line, Maurice B. The Influence of the Type of Sources Used on the Results of Citation Analyses // *Journal of Documentation*. 1979. Vol. 35. No. 4. P. 265–284.

Line, Maurice B. The Structure of Social Science Literature as Shown by a Large-Scale Citation Analysis // *Social Science Information Studies*. January 1981. Vol. 1. No. 2. P. 67–87.

Lipetz, Ben-Ami. Improvement of the Selectivity of Citation Indexes to Science Literature Through Inclusion of Citation Relationship Indicators // *American Documentation*. April 1965. Vol. 16. No. 2. P. 81–90.

Lowe, M. Sara. Reference Analysis of the “American Historical Review” // *Collection Building*. 2003. Vol. 22. No. 1. P. 13–20.

Luck, Georg. *Scriptor Classicus* // *Comparative Literature*. Spring 1958. Vol. 10. No. 2. P. 150–158.

Lukacs, John. *Historical Consciousness, or The Remembered Past*. N. Y.; L.: Harper & Row, 1968.

Ma, Chunbo; Stern, David I. Environmental and Ecological Economics: A Citation Analysis // *Ecological Economics*. 2006. Vol. 58. No. 3. P. 491–506.

MacMullin, Ernan. Scientific Classics and Their Fate // PSA: Proceedings of the Biannual Meeting of the Philosophy of Science Association. 1994. Vol. 2. P. 266–274.

MacRae, Donald G. (comp.). Classics in Sociology: A Course of Selected Reading by Authorities. New York: Philosophical Library Inc., 1960.

MacRoberts, Michael H.; MacRoberts, Barbara R. Citation Content Analysis of a Botany Journal // Journal of the American Society for Information Science. March 1997. Vol. 48. No. 3. P. 274–275.

Marrou, Henri-Irénée. De la connaissance historique. Paris: Editions du Seuil, 1954.

Marsh, Ian et al. (comp. & ed.). Classic and Contemporary Readings in Sociology. Englewood Cliffs (NJ): Prentice Hall, 1998.

Marshall, Howard D. The Great Economists: A History of Economic Thought. New York: Pitman, 1967.

Masterman, Margaret. The Nature of a Paradigm // Criticism and the Growth of Knowledge / ed by I. Lakatos, A. Musgrave. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1970. P. 59–89.

Matsuda, Matt K. The Memory of the Modern. N. Y.; Oxford: Oxford Univ. Press, 1996.

McCain, Katherine W. Citation Patterns in the History of Technology // Library and Information Science Research. January–March 1987. Vol. 9. No. 1. P. 41–59.

McCloskey, Donald (later Dierdre) N. The Rhetoric of Economics // Journal of Economic Literature. June 1983. Vol. 21. No. 2. P. 481–517.

McGreevey, William. Leading Scholars of Latin American History. January 1998. URL: <http://www.h-net.org/~clah/newsltr/spring98/scholars.html>.

McLeskey, James; Landers Eric. Classic Articles in Special Education: An Exploratory Investigation // Remedial and Special Education. March–April 2006. Vol. 27. No. 2. P. 68–76.

McLeskey, James. Classic Articles in Special Education: Articles that Shaped the Field, 1960 to 1996 // Remedial and Special Education. March 2004. Vol. 25. No. 2. P. 79–87.

McPherson, Adair et al. A Citation Analysis of the Influence on Research of Skinner's *Verbal Behavior* // *The Behavior Analyst*. Fall 1984. Vol. 7. No. 2. P. 157–167.

Medick, Hans. Weben und Überleben in Laichingen, 1650–1900. Lokalgeschichte als Allgemeine Geschichte. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1996.

Medoff, Marshall H. The Ranking of Economists // *Journal of Economic Education*. Fall 1989. Vol. 20. No. 4. P. 405–415.

Megill, Allan. The Reception of Foucault by Historians // *Journal of the History of Ideas*. January–March 1987. Vol. 48. No. 1. P. 117–141.

Meiland, Jack W. *Skepticism and Historical Knowledge*. N. Y.: Random House, 1965.

Meinecke, Friedrich. Johann Gustav Droysen. Sein Briefwechsel und seine Geschichtsschreibung // *Historische Zeitschrift*. 1929. Bd. 141. S. 249–287.

Méndez, Aida; Gómez, Isabel. A Comparison of Citation Classics in Three Fields of Science // *Scientometrics*. May 1989. Vol. 15. No. 5–6. P. 621–631.

Mendez, Meiyolet; Chapman Karen. The Use of Scholarly Monographs in the Journal Literature of Latin American History // *Electronic Journal of Academic and Special Librarianship*. Winter 2006. Vol. 7. No. 3. URL: http://southernlibrarianship.icaap.org/content/v07n03/mendez_m01.htm.

Merton, Rober K. *On the Shoulders of Giants*. New York: Harcourt Brace, 1965.

Merton, Robert K. Discussion on Parsons' "The Position of Sociological Theory" // *American Sociological Review*. April 1948. Vol. 13. No. 2. P. 164–168.

Merton, Robert K. *Priorities in Scientific Discovery: A Chapter in the Sociology of Science* // *American Sociological Review*. December 1957. Vol. 22. No. 6. P. 635–659.

Merton, Robert K. *Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago: Chicago Univ. Press, 1973.

Merton, Robert K. The Thomas Theorem and the Matthew Effect // *Social Forces*. December 1995. Vol. 74. No. 2. P. 379–424.

Michelet, Jules. Histoire de la révolution française. 2 vol. P.: n. s., 1889 [1847–1853].

Mitchell, Broadus. Great Economists in Their Times. Totowa (NJ): Littlefield, Adams & Co, 1966.

Moggridge, Donald E. Maynard Keynes: An Economist's Biography. London and New York: Routledge, 1992.

Momigliano, Arnaldo. J. G. Droysen between Greeks and Jews // History and Theory. May 1970. Vol. 9. No. 2. P. 139–153.

Moravcsik, Michael J.; Murugesan, Poovanalingam. Some Results on the Function and Quality of Citations // Social Studies of Science. February 1975. Vol. 5. No. 1. P. 86–92.

Mornet, Daniel. Les origines intellectuelles de la Révolution française 1715–1787. Paris: Colin, 1967 [1933].

Mouzelis, Nicos. In Defence of the Sociological Canon: A Reply to David Parker // The Sociological Review. May 1997. Vol. 45. No. 2. P. 244–253.

Mueller, John D. Dismal Science // Claremont Review of Books. Spring 2006. Vol. 6. No. 2. URL: http://www.claremont.org/publications/crb/id.1008/article_detail.asp.

Mulkay, Michael J.; Edge, David O. Cognitive, Technical and Social Factors in the Growth of Radio Astronomy // Social Science Information. December 1973. Vol. 12. No. 6. P. 25–61.

Mulkay, Michael J. Three Models of Scientific Change // The Sociological Review. August 1975. Vol. 23. No. 3. P. 509–526.

Myers, C. Roger. Journal Citations and Scientific Eminence in Contemporary Psychology // American Psychologist. November 1970. Vol. 25. No. 11. P. 1041–1048.

Najman, Jake M.; Hewitt, Belinda. The Validity of Publication and Citation Counts for Sociology and Other Selected Disciplines // Journal of Sociology (Australia). 2003. Vol. 39. No. 1. P. 62–80.

Nakamoto, Hideshiro. Synchronous and Diachronous Citation Distributions // Informetrics 87/88 (Select Proceedings of the First International Conference on Bibliometrics and Theoretical Aspects of Information Retrieval. Diepenbeek, Belgium, 25–28 August 1987) /

ed. by L. Egghe, R. Rousseau. Amsterdam: Elsevier Science Publishers, 1988. P. 157–163.

Nederhof, Anton J. Bibliometric Monitoring of Research Performance in the Social Sciences and the Humanities: A Review // *Scientometrics*. January 2006. Vol. 66. No. 1. P. 81–100.

Nederhof, Anton J. et al. Assessing the Usefulness of Bibliometric Indicators for the Humanities and the Social and Behavioural Sciences: A Comparative Study // *Scientometrics*. May 1989. Vol. 15. No. 5–6. P. 423–435.

Neuhaus, Christoph; Daniel Hans-Dieter. Data Sources for Performing Citation Analysis: An Overview // *Journal of Documentation*. 2008. Vol. 64. No. 2. P. 193–210.

Niehans, Jürg. A History of Economic Theory: Classic Contributions, 1720–1980. Baltimore and London: Johns Hopkins Univ. Press, 1990.

Nora, Pierre (ed.). Les lieux de mémoire. 7 t. Paris: Gallimard, 1984–1993.

Norcross, John C.; Tomcho, Thomas J. Great Books in Psychology: Three Studies in Search of a Consensus // *Teaching of Psychology*. April 1994. Vol. 21. No. 2. P. 86–90.

Norris, Michael; Oppenheim, Charles. Bibliometric Databases — Scoping Project. Loughborough University (UK), 2006. URL: http://www.esrc.ac.uk/ESRCInfoCentre/Images/Bibliometric_Databases_Scoping_Project_tcm6-18363.pdf.

Nowell-Smith, Patrick H. What Actually Happened. Lawrence (Kans.): Univ. of Kansas Press, 1971.

Oakeshott, Michael J. On History and Other Essays. Totowa (NJ): Barnes & Noble, 1999 [1983].

Odum, Howard W. American Sociology: The Story of Sociology in the United States through 1950. New York: Longmans, Green & Co., 1951.

Oldenburg, Christopher M. Use of Primary Source Readings in Psychology Courses at Liberal Arts Colleges // *Teaching of Psychology*. 2005. Vol. 32. No. 1. P. 25–29.

Oppenheim, Charles; Renn, Susan P. Highly Cited Old Papers and the Reasons Why They Continue to be Cited // *Journal of the American Society for Information Science*. September 1978. Vol. 29. No. 5. P. 225–231.

Oromaner, Mark J. Comparison of Influentials in Contemporary American and British Sociology: A Study in the Internationalization of Sociology // *The British Journal of Sociology*. September 1970. Vol. 21. No. 3. P. 324–332.

Oromaner, Mark J. Influentials in Sociological Textbooks and Journals, 1955 and 1970 // *The American Sociologist*. August 1980. Vol. 15. No. 3. P. 169–174.

Oromaner, Mark J. The Most Cited Sociologists: An Analysis of Introductory Text Citations // *The American Sociologist*. May 1968. Vol. 3. No. 2. P. 124–126.

Oromaner, Mark J. Career Contingencies and the Fate of Sociological Research // *Social Science Information*. 1973. Vol. 12. No. 2. P. 97–111.

Oromaner, Mark J. The Career of Sociological Literature: A Diachronous Study // *Social Studies of Science*. February 1977. Vol. 7. No. 1. P. 126–132.

Orr, Linda. *Headless History: Nineteenth Century French Historiography of the Revolution*. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1990.

Ott, J. Steven (comp.). *Classical Readings in Organizational Behavior*. 2nd ed. Fort Worth (TX): Harcourt Brace Jovanovich, 1995.

Parker, David. Why Bother with Durkheim? Teaching Sociology in the 1990s // *The Sociological Review*. February 1997. Vol. 45. No. 1. P. 122–146.

Parsons, Talcott. Revisiting the Classics Throughout a Long Career // *The Future of the Sociological Classics* / ed. by B. Rhea. London: Allen and Unwin, 1981. P. 183–194.

Peel, John D. Y. *Herbert Spencer: The Evolution of a Sociologist*. New York: Basic Books, 1971.

Pendlebury, David A. Science, Citation, and Funding // *Science*. March 22, 1991. Vol. 251. No. 5000. P. 1410–1411.

Peritz, Bluma C. Are Methodological Papers More Cited than Theoretical or Empirical One? The Case of Sociology // *Scientometrics*. July 1983. Vol. 5. No. 4. P. 211–218.

Perlman, David. Who's Who in Psychology: Endler et al.'s SSCI Scores versus a Textbook Definition // *The American Psychologist*. 1980. Vol. 35. No. 1. P. 104–106.

Perrow, Charles. A Framework for the Comparative Analysis of Organizations // *American Sociological Review*. April 1967. Vol. 32. No. 2. P. 194–208.

Platt, Jennifer. British Sociological Textbooks from 1949 // *Current Sociology*. March 2008. Vol. 56. No. 2. P. 165–182.

Platt, Jennifer. The United States Reception of Durkheim's *The Rules of Sociological Method* // *Sociological Perspectives*. Spring 1995. Vol. 38. No. 1. P. 77–105.

Porter, James I. What Is «Classical» about Classical Antiquity? // *Classical Pasts: The Classical Traditions of Greece and Rome* / ed. by J. I. Porter. Princeton: Princeton Univ. Press, 2005. P. 1–67.

Pressman, Steven. Fifty Major Economists: A Reference Guide (Key Concepts). New York: Routledge, 1999.

Price [de Solla Price], Derek J. Citation Measures of Hard Science, Soft Science, Technology, and Nonscience // *Communication among Scientists and Engineers* / ed. by C. E. Nelson, D. R. Pollock. Lexington, MA: D.C. Heath and Company, 1970. P. 3–22.

Price [de Solla Price], Derek J. Little Science, Big Science. New York: Columbia University Press, 1963.

Price [de Solla Price], Derek J. Networks of Scientific Papers: The Pattern of Bibliographic References Indicates the Nature of the Scientific Research Front // *Science*. July 30, 1965. New series. Vol. 149. No. 3683. P. 510–515.

Price, Derek J. Quantitative Measures of the Development of Science // *Archives Internationales d'Histoire des Sciences*. January 1951. Vol. 4. No. 14. P. 85–93.

Quandt, Richard E. Some Quantitative Aspects of the Economics Journal Literature // *The Journal of Political Economy*. August 1976. Vol. 84. No. 4. Part 1. P. 741–756.

Rand, Benjamin (comp.). The Classical Psychologists: Selections Illustrating Psychology from Anaxagoras to Wundt. Boston: Houghton Mifflin Company, 1912.

Ratnatunga, Janek; Romano, Claudio. A "Citation Classics" Analysis of Articles in Contemporary Small Enterprise Research // Journal of Business Venturing. May 1997. Vol. 12. No. 3. P. 197–212.

Ravlić, Slaven. Eponimizacija u društvenim znanostima: Merton i sociologija eponimizacije (Eponymy in Social Sciences: Merton and Sociology of Eponymy) // Društvena istraživanja. Prosinac 2006. Vol. 15. No. 6 (86). S. 1151–1176.

Richards, Albert I. More on the Most Important (?) Sociologists // American Sociological Review. December 1962. Vol. 27. No. 6. P. 905.

Rigney, Ann. The Rhetoric of Historical Representation: Three Narrative Histories of the French Revolution. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990.

Ritzer, George. Classical Sociological Theory. New York: McGraw-Hill, 1991.

Ritzer, George. Sociology: A Multiple Paradigm Science. Boston: Allyn and Bacon, 1975.

Ritzer, George. Toward an Integrated Sociological Paradigm: The Search for an Exemplar and an Image of the Subject Matter. Boston: Allyn and Bacon, 1981.

Roeckelein, Jon E. Contributions to the History of Psychology: CIV. Eminence in Psychology as Measured by Name Counts and Eponyms // Psychological Reports. February 1996. Vol. 78. No. 1. P. 243–253.

Roeckelein, Jon E. Eponymy in Psychology // American Psychologist. July 1972. Vol 27. No. 7. P. 657–659.

Roeckelein, Jon E. Hierarchy of the Sciences and Terminological Sharing of Laws Among the Sciences // Psychological Reports. 1997. Vol. 81. No. 3. P. 739–747.

Roeckelein, Jon E. Naming in Psychology: Analyses of Citation Counts and Eponyms // Psychological Reports. 1995. Vol. 77. No. 1. P. 163–174.

Roeckelein, Jon E. Psychology Among the Sciences: Comparisons of Numbers of Theories and Laws Cited in Textbooks // Psychological Reports. February 1997. Vol. 80. No. 1. P. 131–139.

Rothenberg, Dianne. Changing Values in the Published Literature With Time // *Library Trends*. Spring 1993. Vol. 41. No. 4. P. 684–699.

Rüsen, Jörn. Begriffene Geschichte. Genesis und Begründung der Geschichtstheorie Johann Gustav Droysens. Paderborn: Schöningh, 1969.

Rüsen, Jörn. Politisches Denken und Geschichtswissenschaft bei J. G. Droysen // *Politische Ideologien und nationalstaatliche Ordnung. Studien zur Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. Festschrift für Theodor Schieder / Hrsg. v. K. Kluxen, W. Mommsen.* München: R. Oldenbourg, 1968. S. 171–187.

Rushton, J. Philippe. A Scientometric Appreciation of H. J. Eysenck's Contributions to Psychology // *Personality and Individual Differences*. June 2001. Vol. 31. No. 1. P. 17–39.

Samuelson, Paul A. Out of the Closet: A Program for the Whig History of Economic Science // *The History of Economics Society Bulletin*. Fall 1987. Vol. 9. No. 1. P. 51–60.

Samuelson, Paul A. The Canonical Classical Model of Political Economy // *Journal of Economic Literature*. December 1978. Vol. 16. No. 4. P. 1415–1434.

Šauer, Petr; Livingston, Marie (comp.). Environmental Economics and Policy: Selected Classical Readings. Prague–Minneapolis: ETP, 1996.

Schumpeter, Joseph A. Ten Great Economists: From Marx to Keynes. London: George Allen and Unwin, 1952.

Schwartz, Charles A. The Rise and Fall of Uncitedness // *College & Research Libraries*. January 1997. Vol. 58. No. 1. P. 19–29.

Schwartz, Eduardo S.; Trigeorgis, Lenos (comp. & ed.). Real Options and Investment Under Uncertainty: Classical Readings and Recent Contributions. Cambridge (MA): MIT Press, 2004.

Segady, Thomas W. Teaching the Classics // *Teaching Sociology*. April 1990. Vol. 18. No. 2. P. 214–217.

Segura, Julio; Braun, Carlos R. (eds.). An Eponymous Dictionary of Economics: A Guide to Laws and Theorems Named after Economists. Cheltenham, U.K.: Edward Elgar, 2004.

Seidman, Steven. Beyond Presentism and Historicism: Understanding the History of Social Science // *Sociological Inquiry*. Winter 1983. Vol. 53. No. 1. P. 79–94.

Seidman, Steven. Classics and Contemporaries: The History and Systematics of Sociology Revisited // *History of Sociology*. Fall 1985b. Vol. 6. No. 1. P. 121–135.

Seidman, Steven. The Historicist Controversy: A Critical Review with a Defence of a Revised Presentism // *Sociological Theory*. Spring 1985a. Vol. 3. No. 1. P. 13–16.

Sen, Amartya K. Labour Allocation in a Cooperative Enterprise // *Review of Economic Studies*. October 1966. Vol. 33. No. 4. P. 361–371.

Shadish, William R. et al. Author Judgments About Works They Cite: Three Studies from Psychology Journals // *Social Studies of Science*. May 1995. Vol. 25. No. 2. P. 477–498.

Shafritz, Jay M.; Ott, J. Steven (comp.). Classics of Organization Theory. 2nd ed. Chicago, Ill. : Dorsey Press, 1987.

Sherman, Lawrence W. Uses of the Masters: Weber, Marx, and Durkheim // *The American Sociologist*. November 1974. Vol. 9. No. 4. P. 176–181.

Shils, Edward. Tradition. Chicago: The University of Chicago Press, 1981.

Shima, Fred. New Classics and New Classicists in Psychology // *Teaching of Psychology*. February 1977. Vol. 4. No. 1. P. 46–48.

Shiner, Larry E. The Secret Mirror: Literary Form and History in Toqueville's "Recollections". Ithaca: Cornell Univ. Press, 1988.

Shipley, Thorne (comp.). Classics in Psychology. New York: Philosophical Library, 1961.

Simkin, Michail V., Roychowdhury Vwani P. Read Before You Cite! // *Complex Systems*. 2003. Vol. 14. No. 3. P. 269–274.

Simonton, Dean K. Great Psychologists and Their Times: Scientific Insights into Psychology's History. Washington, DC: American Psychological Association, 2002.

Sjöström, Jesper. Beyond Classical Chemistry: Subfields and Metafields of the Molecular Sciences // *Chemistry International*. September–October 2006. P. 9–15. URL: <http://www.iupac.org/publications/ci/2006/2805/2805-pp9-13.pdf>.

Skinner, Quentin. Meaning and Understanding in the History of Ideas // *History and Theory*. 1969. Vol. 8. No. 1. P. 3–53.

Small, Henry G.; Crane, Diana. Specialties and Disciplines in Science and Social Science: An Examination of their Structure Using Citation Indexes // *Scientometrics*. August 1979. Vol. 1. No. 5–6. P. 445–461.

Small, Henry G.; Griffith, Belver C. The Structure of Scientific Literatures. I. Identifying and Graphing Specialties // *Science Studies*. January 1974. Vol. 4. No. 1. P. 17–40.

Small, Henry. On the Shoulders of Robert Merton: Towards a Normative Theory of Citation // *Scientometrics*. May 2004. Vol. 60. No. 1. P. 71–79.

Smelser, Neil J. (comp. & ed.). Contemporary Classics in the Social and Behavioral Sciences. Philadelphia: ISI Press, 1987.

Smith, Linda C. Citation Analysis // *Library Trends*. Summer 1981. Vol. 30. No. 1. P. 83–106.

Solow, Robert M. A Contribution to the Theory of Economic Growth // *Quarterly Journal of Economics*. February 1956. Vol. 70. No. 1. P. 65–94.

Solow, Robert M. Technical Change and Aggregate Production Function // *Review of Economics and Statistics*. August 1957. Vol. 39. No. 3. P. 312–320.

Solso, Robert L. Recommended Readings in Psychology During the Past 17 Years // *American Psychologist*. December 1971. Vol. 26. No. 12. P. 1083–1084.

Solso, Robert L. Twenty-five Years of Recommended Readings in Psychology // *American Psychologist*. August 1979. Vol. 34. No. 8. P. 703–705.

Solso, Robert L. Recommended Readings in Psychology Over the Past 33 Years // *American Psychologist*. December 1987. Vol. 42. No. 12. P. 1130–1132.

Stearns, Peter N. European Society in Upheaval. Social History Since 1800. New York: Macmillan; 1967.

Stigler, George J.; Friedland, Claire L. 1985 Calendar of Great Economists. Chicago: University of Chicago Press, 1985.

Stigler, George J.; Friedland, Claire. The Pattern of Citation Practices in Economics // *History of Political Economy*. Spring 1979. Vol. 11. No. 1. P. 1–20.

- Stigler, George J.* Does Economics Have a Useful Past? // History of Political Economy. Fall 1969. Vol. 1. No. 2. P. 217–230.
- Stigler, Stephen M.* Stigler's Law of Eponymy // Science and Social Structure: A Festschrift for Robert K. Merton. Transactions N. Y. Acad. Sci. Ser. 2. Vol. 39. 1980. P. 147–157.
- Stinchcombe, Arthur L.* Should Sociologists Forget Their Mothers and Fathers? // The American Sociologist. February 1982. Vol. 17. No. 1. P. 2–11.
- Stinchcombe, Arthur.* Bureaucratic and Craft Administration of Production: A Comparative Study // Administrative Science Quarterly. September 1959. Vol. 4. No. 2. P. 168–187.
- Stone, Lawrence.* The Past and the Present Revisited. London: Routledge, 1987.
- Storer, Norman W.* The Hard Sciences and the Soft: Some Sociological Observations // Bulletin of the Medical Library Association. January 1967. Vol. 55. No. 1. P. 75–84.
- Sundberg, Norman D.* Basic Readings in Psychology // American Psychologist. June 1960. Vol. 15. No. 6. P. 343–345.
- Swatos, William H.; Swatos Priscilla L.* Name Citations in Introductory Sociology Texts: A Note on Further Research // The American Sociologist. November 1974. Vol. 9. No. 4. P. 225–228.
- Thierry, Augustin.* Lettres sur l'histoire de France [1820] // Thierry A. Dix ans d'études historiques. 5éd. P.: n. s., 1836 [1834].
- Thierry, Augustin.* Preface // Thierry A. Dix ans d'études historiques. 5éd. P.: n. s., 1836 [1834].
- Thomas, Jem.* Reviews: Karl Mannheim. Ideology and Utopia. London: Routledge, 1991; Talcott Parsons. The Social System. London: Routledge, 1991; From Max Weber / ed. by H. H. Gerth, C. W. Mills. London: Routledge, 1991 // History of the Human Sciences. February 1992. Vol. 5. No. 1. P. 114–118.
- Thomas, William I.; Thomas Dorothy S.* The Child in America: Behavior Problems and Programs. New York: Knopf, 1928.
- Thompson, Edward P.* Plebeian Culture and Moral Economy. London: Methuen, 1980.

Thompson, Jennifer W. The Death of the Scholarly Monograph in the Humanities? Citation Patterns in Literary Scholarship // *Libri*. September 2002. Vol. 52. No. 3. P. 121–136.

Tilly, Charles. Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons. New York: Russell Sage Foundations, 1984.

Tilly, Charles; Tilly, Louise; Tilly, Richard. The Rebellious Century, 1830–1930. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press, 1975.

Trahair, Richard C. S. From Aristotelian to Reaganomics: A Dictionary of Eponyms with Biographies in the Social Sciences. Westport (CT): Greenwood Press, 1994.

Trevelyan, George M. Clio, A Muse [1913] // *The Varieties of History: From Voltaire to the Present* / comp. F. Stern. N. Y.: Vintage Books, 1972. P. 227–245.

Trevor-Roper, Hugh R. History and Imagination // *History and Imagination: Essays in Honour of H. R. Trevor-Roper* / ed. by H. Lloyd-Jones, V. Pearl, B. Worden. L.: Duckworth, 1981. P. 356–369.

Turner, Bryan S. Classical Sociology. London: Sage, 1999.

Ulrich, Eugene. The Notion and Definition of Canon // *The Canon Debate: On the Origins and Formation of the Bible* / ed. by L. M. McDonald, J. A. Sanders. Peabody, MA: Hendrickson, 2002. P. 21–35.

Van Dalen, Hendrik P. The Golden Age of Nobel Economists // *The American Economist*. Fall 1999. Vol. 43. No. 2. P. 17–35.

Venkateswarlu, Tadiboyina. Economic Development: Survey of Course Outlines in North American Universities // *The American Economist*. Spring 2002. Vol. 46. No. 1. P. 71–77.

Venkateswarlu, Tadiboyina. History of Economic Thought: A Survey of Course Outlines in Universities in Canada and the United States of America // *The American Economist*. Fall 1989. Vol. 33. No. 2. P. 71–76.

Vinkler, Peter. A Quasi-Quantitative Citation Model // *Scientometrics*. July 1987. Vol. 12. No. 1–2. P. 47–72.

Walsh, William H. Philosophy of History: An Introduction. N. Y.: Harper & Row, 1960 [1951].

Walstrom, Kent A.; Leonard, Lori N. K. Citation Classics from the Information Systems Literature // *Information & Management*. December 2000. Vol. 38. No. 2. P. 59–72.

Walzer, Michael. Puritanism as a Revolutionary Ideology // History and Theory. 1963. Vol. 3. No. 1. P. 59–90.

Wang, Peiling; Bownas, Jennifer. Research Classics and Citation Analysis // Proceedings of the American Society for Information Science and Technology. 2005. Vol. 42. No. 1. P. [1–11].

Wang, Peiling; Soergel, Dagobert. A Cognitive Model of Document Use During a Research Project. Study I. Document Selection. // Journal of the American Society for Information Science. 1998. Vol. 49. No. 2. P. 115–133.

Wang, Peiling; White, Marilyn D. A Cognitive Model of Document Use During a Research Project. Study II. Decisions at the Reading and Citing Stages // Journal of the American Society for Information Science. 1999. Vol. 50. No. 2. P. 98–114.

Watson, Foster. Encyclopaedia of World Great Psychologists. New Delhi: Anmol Publications 2005.

Watson, Robert I. (ed.). Eminent Contributors to Psychology. 2 vols. New York: Springer, 1974–1976.

Watson, Robert I. The Great Psychologists: From Aristotle to Freud. Philadelphia: J. B. Lippincott, 1963. 5th ed (with Rand B. Evans): The Great Psychologists: A History of Psychological Thought. Prentice Hall, 1991.

Webb, Wilse B. History from our Textbooks: Boring, Langfeld, and Weld's Introductory Textbooks (1935–1948+) // Teaching of Psychology. 1991. Vol. 18. No. 1. P. 33–35.

Wedgwood, C. Veronica. Truth and Opinion. Historical Essays. L.: Collins, 1960.

Weintraub, Karl J. The Humanistic Scholar and the Library // Library Quarterly. January 1980. Vol. 50. No. 1. P. 22–39.

Weisskopf, Walter A. The Psychology of Economics. Chicago: University of Chicago Press, 1955.

Weiten, Wayne; Wight, Randall D. Portraits of a Discipline: An Examination of Introductory Psychology Textbooks in America // Teaching Psychology in America: A History / ed. by A. E. Puente, J. R. Matthews, Ch. L. Brewer. Washington, DC: American Psychological Association, 1992. P. 453–504.

White, Howard D. Reward, Persuasion, and the Sokal Hoax: A Study in Citation Identities // *Scientometrics*. 2004. Vol. 60. No. 1. P. 93–120.

White, Marilyn D.; Wang, Peiling. A Qualitative Study of Citing Behavior: Contributions, Criteria, and Metalevel Documentation Concerns // *Library Quarterly*. 1997. Vol. 67. No. 2. P. 122–154.

Whitehead, Alfred N. The Organization of Thought, Educational and Scientific. London: Williams and Norgate, 1917.

Whitley, Richard. Cognitive and Social Institutionalization of Scientific Specialties and Research Areas // *Social Processes of Scientific Development* / ed. by R. Whitley. London: Routledge and Kegan Paul, 1974. P. 69–95.

Whitley, Richard. The Intellectual and Social Organization of the Sciences. Clarendon, 1984.

Wight, Jonathan B. The Rise of Adam Smith: Articles and Citations, 1970–1997 // *History of Political Economy*. Spring 2002. Vol. 34. No. 1. P. 55–82.

Wilson, George B. L. A Dictionary of Ballet. Harmondsworth (Eng.): Penguin Books, 1957.

Wittram, Reinhard. Das Interesse an der Geschichte // *Die Welt als Geschichte*. 1952. Bd. XII. H. 1. S. 1–16.

Wozniak, Robert H. Classics in Psychology, 1855–1914: Historical Essays. Bristol: Thoemmes Press, 1999.

Wozniak, Robert H. Lost Classics and Forgotten Contributors: James Mark Baldwin as a Case Study in the Disappearance and Rediscovery of Ideas // *The Life Cycle of Psychological Ideas: Understanding Prominence and the Dynamics of Intellectual Change* / ed. by T. C. Dalton, R. B. Evans. New York: Kluwer Academic, 2004. P. 33–58.

Zusne, Leonard. Contributions to the History of Psychology: XLIV. Coverage of Contributors in Histories of Psychology // *Psychological Reports*. October 1987b. Vol. 61. P. 343–350.

Zusne, Leonard. Eponyms in Psychology: A Dictionary and Biographical Source Book. Westport (CT): Greenwood Press, 1987a.

Научное издание

Серия «Социальная теория»

ИРИНА САВЕЛЬЕВА, АНДРЕЙ ПОЛЕТАЕВ
КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Главный редактор

ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией

ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Художник

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Компьютерная верстка и графика:

НАТАЛЬЯ ПУЗАНОВА

Корректор

ЕЛЕНА ЛАКИРЕВА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

125319, Москва, Кочновский проезд, д. 3

Тел./факс: (495) 772-95-71

Подписано в печать 15.09.2010. Формат 60×90/16

Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 21,0. Уч.-изд. л. 16,5

Печать офсетная. Доп. тираж 600 экз.

Изд. № 1077. Заказ № 1519

Отпечатано в ГУП ППП

«Типография „Наука“»

121099, Москва,

Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-7598-0724-7

9 785759 807247

Ирина Савельева,
Андрей Полетаев

Классическое наследие

Р

В Ы С Ш А Я
Ш К О Л А
Э К О Н О М И К И